

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СТАНОВЛЕНИЕ ВЕРСАЛЬСКО- ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Материалы международной
научно-практической конференции
к 100-летию Великой войны 1914–1918 гг.*

Витебск,
18–20 октября 2018 г.

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2018*

УДК 94(100)“1914/1918”:327.5(062)

ББК 63.3(0)532-6я431

П26

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 08.10.2018 г.

Редакционная коллегия:

В.А. Космач (гл. ред.),

И.В. Николаева (зам. гл. ред.), **А.Н. Дулов**, **А.П. Косов**,

Н.В. Величко, **А.А. Синдеев**, **Т.Г. Хришкевич**

Р е ц е н з е н т ы :

профессор кафедры истории Беларуси и славянских народов

УО «БГПУ имени Максима Танка»,

доктор исторических наук *А.М. Лютый* (г. Минск);

ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,

кандидат исторических наук *Г.Н. Сапожникова* (г. Москва);

проректор по воспитательной работе УО «ВГТУ»,

кандидат исторических наук *В.М. Хаданёнок* (г. Витебск)

П26 Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений : материалы международной научно-практической конференции к 100-летию Великой войны 1914–1918 гг., Витебск, 18–20 октября 2018 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 202 с.

ISBN 978-985-517-675-7.

В данном научном издании содержатся материалы докладов, посвященные событиям Первой мировой войны, судьбам ее участников, становлению и кризису Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Может быть полезно исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется историей Первой мировой войны и международными отношениями межвоенного периода.

УДК 94(100)“1914/1918”:327.5(062)

ББК 63.3(0)532-6я431

ISBN 978-985-517-675-7

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	5
<i>Синдеев А.А.</i> На пути к войне: 1908 год в российско-германских отношениях	5
<i>Погорская И.И.</i> Отношения Франция – США накануне и во время Первой мировой войны: уроки прошлого, сформировавшие будущее	8
<i>Семёнова Л.Н.</i> Заказчики и бенефициары Первой мировой войны	11
<i>Пик С.М.</i> Влияние «личностного фактора» на принятие внешнеполитических решений накануне Первой мировой войны (на примере Австро-Венгрии и Германии)	15
<i>Циватый В.Г.</i> Великая война (1914–1918 гг.): внешнеполитические трансформации, коалиции и институты российской и европейской дипломатии 1916 года	18
<i>Боголейша С.В.</i> Проекты создания белорусско-литовского государства во время Первой мировой войны	21
<i>Тогулева А.Д.</i> Погляды дзесячаў беларускага нацыянальнага руху на праблему дзяржаўнасці Беларусі ў студзені – красавіку 1918 г.	24
РАЗДЕЛ 2. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТЕ	29
<i>Смольянинов М.М.</i> Северо-Западный (Западный) фронт русской армии в Первой мировой войне	29
<i>Оськин М.В.</i> Русская артиллерия в Первой мировой войне	34
<i>Петренко А.В.</i> Ключевые проблемы управления Западным фронтом российской армии в 1915–1918 гг.	37
<i>Никонова С.И.</i> Революционные настроения в действующей армии в 1917 году: по материалам 6-й Финляндской стрелковой дивизии	40
<i>Болтаевский А.А.</i> Участие Болгарии в Первой мировой войне	41
<i>Пивовар Н.В.</i> История мировой войны через биографии ее участников: Г.И. Орлов – кавалер ордена Святого Георгия	45
<i>Терентьев В.О.</i> Командир 199-го пехотного Кронштадтского полка полковник генерального штаба Радус-Зенкович Лев Аполлонович	47
<i>Николаева И.В.</i> Женщины на войне: гендерные стереотипы и социальные практики	51
<i>Тимофеев Р.В.</i> Место транспорта в оборонительном потенциале страны	55
<i>Губанова Г.И., Донской Д.Б.</i> Становление российской военной журналистики в период Первой мировой войны	56
РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ТЫЛУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	60
<i>Захаров А.А.</i> Научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки предметов снаряжения и вооружения Московского областного военно-промышленного комитета в годы Первой мировой войны	60
<i>Щавлинский Н.Б.</i> Первая мировая война и национальный вопрос в деятельности белорусских организаций в Киеве и Одессе (1917–1918 гг.)	63
<i>Мельникова А.С.</i> О некоторых аспектах организации ветеринарно-санитарного обслуживания населения в период Первой мировой войны (на примере Витебской губернии)	67
<i>Попов А.В.</i> Общественные исполнительные комитеты на территории Беларуси в марте – октябре 1917 года	71
<i>Бараноўскі А.В.</i> Стыхійны выступ чырвонаармейцаў сенненскага і стайкаўскага палкоў у жніўні 1918 г. на Сенненшчыне	74

Котович Т.В. Ноябрь 1918 года: Празднование годовщины Октябрьской революции в условиях мобилизации	76
Петухова О.А. Эвакуация учреждений из западных губерний Российской империи во время Первой мировой войны: к вопросу о судьбе Молодечненской Учительской Семинарии и её директора А.В. Ярушевича	80
Табунов В.В. Позиция христианских конфессий белорусских земель по отношению к революционным событиям 1917 г.	84
Козляков В.Е. Первая мировая война и позиции политических партий России. Беларуси и Украины	86
РАЗДЕЛ 4. ИТОГИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКАЯ СИСТЕМА	94
Космач В.А. Первая мировая война: итоги, уроки и геополитические последствия	94
Космач В.А. Германская революция 1918/1919 годов: причины и предпосылки	99
Стрелец М.В. Другая Рэч Паспалітая: некоторые аспекты сучаснага асэнсавання яе гісторыі	105
Шевченко К.В. Итоги Первой мировой войны и образование независимой Чехословакии в 1918 году	112
Казак О.Г. Деятельность Ф. Йеглички в 1920 г. в контексте чехословацкого вектора внешней политики Венгрии	115
Родин Д.В. Густав Штресеман и проблема аншлюса в 1920-е гг.	118
Залепеев В.Н. Крах версальской системы мира	121
Голубев В.А. Социокультурные предпосылки гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.)	125
Соловьянов А.П. Первая мировая война для Советской Беларуси: социально-экономические последствия	126
Тимофеев Р.В., Правко А.И. Влияние итогов Первой мировой войны на экономическую политику в БССР	129
Соболев М.П., Ерёмченко Р.С. Первая мировая война: взгляд из XXI века (к 100-летию со дня окончания войны)	135
Космач В.А. Революционер из витебских Янович и «красный император Кантона»: страницы жизни и политической биографии М.М. Бородин (Грузенберга)	146
РАЗДЕЛ 5. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ИСТОЧНИКИ. ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ	158
Косов А.П. История международных отношений и внешней политики межвоенного периода: обзор современной белорусской историографии	158
Ковяко И.И. «Комплекс Рапалло» в англо-американской историографии германского вопроса 1945–1990 гг.	163
Чикалова И.Р. Первая мировая война: начало формирования русскоязычного корпуса документальных и историографических источников (1914–1917 гг.)	166
Яковлева Г.Н. Первая мировая война в воспоминаниях современниц	170
Талерко В.А. Первая мировая война глазами балтийских немцев	175
Филюмонов А.В. Кампания «10-летие Первой мировой войны» в Псковской губернии (1924 г.) .	179
Кузнецова Т.И. Мировая война в юбилейных изданиях Латвии (20–30-е годы XX века)	184
Хришкевич Т.Г. Мемориалы Германии, посвященные Первой мировой войне	187
Ермалёнак В.А. Артэфакты Першай сусветнай вайны ў гістарычным музеі СШ № 3 г. Мёры	190
Русецкий А.В. Человек во «чреве» войны (в контексте военных произведений М. Горького, А. Барбюса, Э.М. Ремарка, С. Сергеева-Ценского)	195
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	199

РАЗДЕЛ 1

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЯ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

НА ПУТИ К ВОЙНЕ: 1908 ГОД В РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

А.А. Синдеев

В 1907 г. состоялась Гаагская конференция, последствия которой руководитель швейцарской делегации оценивал довольно пессимистически: «В целом, влияние так называемой Второй конференции мира на обоюдные отношения представителей крупных держав едва ли было благоприятным: эти отношения вначале конференции были, вне сомнения, лучше, чем по ее завершению...» [18, S. 445]. Заключение англо-русского союза, нейтральная посредническая роль России, инициатора конференции, а также возможное укрепление ее авторитета и появление дополнительных внешнеполитических опций для маневра без влияния Германии усиливали страх официального Берлина оказаться во враждебном окружении и потерять Россию как участника любого «консервативного проекта».

В тех условиях, по мнению многих германских политиков, альтернативы Австро-Венгрии в качестве основного союзника не было. Данная односторонняя установка сужала пространство для маневра, предусматривала безусловную поддержку Вены и ее радикальных шагов и как следствие – могла превратить Германию в заложника австрийских интересов. Реализация установки на российском направлении потребовала бы постоянного давления на Санкт-Петербург, отслеживания антигерманских настроений. Россию не считали в Берлине равноправным и равноценным партнером, о чем свидетельствовали расшифрованные немецкие телеграммы, периодически поступающие Николаю II и министру иностранных дел А.П. Извольскому. В этой связи не стоит удивляться, что взаимное недоверие продолжало усиливаться. К тому же, германские дипломаты в течение 1908 г. все чаще стали размышлять о войне как допустимом средстве разрешения проблем.

«У нас есть доказательства того, – телеграфировал князь Б. Бюлов германскому послу в Петербурге графу Ф. Пурталесу, – что... нападки, направленные русской прессой при помощи английской и французской против нас по поводу нашей будто бы коварной восточной политики, не остались без влияния на весьма высокопоставленных лиц в Петербурге, и что бывший до сих пор дружественный нам образ мыслей этих лиц может сделаться недружественным. Нас упрекают не только в злостном учинении санджанского железнодорожного предприятия, но и во влечении Турции в войну [1, с. 572–585], в интригах в персидском пограничном споре и вообще в придирачливой недружелюбной к славянам политике» [3]. После беседы с А.П. Извольским Ф. Пурталес подтвердил правомерность скептического настроения рейхсканцлера: «такой газетный поход... не может быть веден без хотя бы молчаливого согласия правительства...» [10].

В свою очередь министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталь в марте 1908 г. настойчиво убеждал Б. Бюлова в Вене, что «Россия в нынешнем своем положении... не заинтересована в катастрофе на Востоке и тем самым по всему вероятно в общем погроме». Осторожное предложение Б. Бюлова о привлечении Франции к «консервативной восточной политике», а, следовательно, и рассмотрение ситуативного расширения германо-австрийского альянса, натолкнулись на решительное сопротивление А. Эренталя [16; 7].

Не случайно успех давления на Россию стал оцениваться в Берлине как возможность избежать войну в Европе. 19 июня 1908 г. Б. Бюлов информировал Ф. Пурталеса: «Мы с удовольствием узнали из Вашего донесения, что г-ну Извольскому очевидно удалось смягчить и тем самым до некоторой степени обезвредить обширнейшую английскую программу...». В противном случае, утверждал Б. Бюлов, могли бы наступить последствия, «которые без воздействия, то есть без общей опасности войны, не могли бы быть проведены» [4].

После аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины германские дипломаты понимали, что «интересы России требуют конференции, затрагивающей по возможности все вопросы Востока». Однако с целью получения желаемых уступок давление на Россию, сопровождаемое критикой ее политики, было продолжено. 19 октября А.П. Извольский следующим образом информировал царя о состоявшемся приеме Ф. Пурталеса: «Вместо благодарности Германия, – говорил посол, – встретила со стороны России явно недоброжелательное отношение к ней в печати и общественное мнение; вслед за этим российское правительство не только вошло с Англией в определенные политические соглашения, но, явно примкнув к двойственному соглашению Франции и Англии, все более и более становится на сторону группы держав, враждебных Германии... Подобная перегруппировка держав категорически вынуждает Германию более, чем когда-либо тесно сблизиться с Австро-Венгрией и принять за основание своей политики полнейшую солидарность во всех вопросах с Габсбургскою монархией» [8].

28 ноября А.П. Извольский в течение двух часов пытался убедить германского посла в хорошем отношении России. Ф. Пурталес оставался непреклонным: по его мнению, «вокруг Германии [сформировалось] как бы кольцо враждебных элементов». Союз между Россией и Англией может «иметь самые опасные последствия для сохранения мира», потому что «[г]лавная опасность для сохранения мира проистекает... исключительно из интриг Англии, которая... желает лишь одно – спутать карты, вызвать европейскую войну и воспользоваться... ослаблением тех держав, которые будут в этой войне участвовать» [9]. На следующий день Б. Бюлов телеграфировал Ф. Пурталесу: «сомнительно желает ли г-н Извольский, именно во внимание к внутреннему положению России, в настоящий момент войну. В особенности спрашивается, достаточно ли сильна монархия теперь для отсылки русской гвардии на границу» [5], что должно было интерпретироваться в качестве рекомендации продолжать нажим и заставить Россию идти на компромисс с Австро-Венгрией.

Вероятно именно поэтому 4 декабря 1908 г. Ф. Пурталес предупреждал статс-секретаря германского МИД В.-Э. Шёна: «Как я слышу, здесь распространено мнение, что военных осложнений, в которые Россия могла быть впутана, не следует опасаться, потому что Австрия и Германия не дойдут до крайностей в виду коалиции состоящей из России, Англии, Франции, Турции и балканских государств. Это мнение поддерживается, повидимому, моим английским коллегой, который совершенно держит в своих руках г-на Извольского, побуждает его держаться политики угроз и более вообще – нежели когда-нибудь натравливает и подстрекает здесь, как мне докладывают точные данные» [11].

Через несколько дней после этой шифртелеграммы опасения в Берлине вызвала статья в "Berliner Lokalanzeiger", по прочтению которой В.-Э. Шён потребовал уточнения из Петербурга: «Сегодняшний утренний выпуск "Lokalanzeiger" печатает бывшую якобы вчера беседу г-на Извольского с русским политиком, в конце которой министр будто бы сказал: формальный союз Англии с Россией и Францией предстоит; это необходимо ввиду того, что Германия теперь еще интенсивнее поддерживает австрийскую балканскую политику. Была ли такая беседа?» [17].

Интересно, что об опасениях Германии довольно быстро был поставлен в известность австрийский посол в Санкт-Петербурге Л. Берхтольд, который 9 декабря телеграфировал в Вену: «Корреспондент "Berliner Lokalanzeiger" заверил Пурталеса, что слова эти были

сообщены по желанию г-на Извольского, означенным русским политиком... Совместно с другими признаками эта мера указывает на "bluff"» [2].

Самого же Ф. Пурталеса волновало, «чтобы он (Извольский. – А.С.) показал, согласна ли Россия рисковать своим существованием ради капризов министра. В этом случае я считал бы лучшим способом для сохранения мира нашу хладнокровную решимость немедленно нанести смертельный удар слабейшему пункту подобного еще только образуемого тройственного союза, еще до образования его» [12], то есть Российской империи.

10 декабря германский посол встретился с А.П. Извольским по поводу ситуации, сложившейся из-за публикации в «Berliner Lokalanzeiger». «На его (Извольского. – А.С.) вопрос "что я теперь должен делать", я, – передает шифртелеграмма содержание состоявшейся беседы, – категорично ответил: "если Вы не желаете войны, то Вы должны прийти к соглашению с Австрией". Ответом было: "с Эренталем это невозможно"» [13].

Угрозы войны, таким образом, перестали быть табу. Для России это означало, что рано или поздно, несмотря на компромиссы и уступки, война станет неизбежной. Не случайно посол в Берлине Н.Д. Остен-Сакен переслал в МИД доклад российского военного агента, который констатировал, что, хотя в кассабланском инциденте, мобилизация германской армии не имела места быть, но «разослано было предупреждение быть начеку». При этом «с военной точки зрения, – писал российский военный агент, – надо признать весьма значительным симптомом то, что Германия допустила серьезно мысль о возможности войны по столь пустому предмету. Это есть доказательство того, что причина возможности (здесь и далее подчеркнуто в документе. – А.С.) войны заключена не в касабланском инциденте, а лежит глубже и с устранением этого инцидента не устранена. Первая и главная побудительная причина – это готовность Германии к войне с военно-технической точки зрения при больших шансах превосходства над соседями и в особенности над Россией, ослабленной войной. Немцы хорошо понимают, что чем дольше, тем силы России будут больше... Опыты 1866 и 1870 годов учат нас, что у немцев политика равняется военной готовности... Если Германии тем или иным способом удастся согласиться с Англией, войну можно ожидать весной 1909 года... Нам не надо однако забывать, что ослабление Германии чужими руками для Англии выгодно» [6].

1908 г. имел важное значение в российско-германских отношениях, поскольку война (и не только из-за боснийского кризиса) стала для немецкой стороны приемлемым средством не допустить появления дееспособного российско-англо-французского союза. Обсуждение альтернатив и поиск компромиссов, по большому счету, в то время не принимались серьезно в расчет. В адрес России в разных ситуациях звучали упреки и ставились условия. Недоверие в двусторонних отношениях возрастало [Ср.: 14; 15, с. 435–470]. В этой связи очевидно, что потенциальный военный конфликт не мог быть неожиданным, если «лучшим способом для сохранения мира» считать «хладнокровную решимость немедленно нанести смертельный удар слабейшему пункту». Неожиданными могли стать только его масштаб и повод.

1. Бальфур Д.-П. Османская империя: шесть столетий от возвышения до упадка, XIV–XX вв. – М.: Центрполиграф, 2017. – 639 с.
2. Берхтольд – Эренталю (шифртелеграмма), 9 декабря 1908 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. Д. 53. Л. 40.
3. Бюлов – Пурталесу (шифртелеграмма), 17 февраля 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 46. Л. 133.
4. Бюлов – Пурталесу (шифртелеграмма), 19 июня 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 49. Л. 84.
5. Бюлов – Пурталесу (шифртелеграмма), 29 ноября 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 50. Л. 94.
6. Военный агент в Берлине – Остен-Сакену, 27 ноября 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 14. Л. 67–68.
7. Гостенков А.В. Боснийский кризис // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 2. С. 91–104.
8. Извольский – Николаю II, 19 октября 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 43. Л. 204–205.
9. Извольский – Николаю II, 29 ноября 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 43. Л. 234–235.
10. Пурталес – Бюлову (шифртелеграмма), 18 февраля 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 46. Л. 141.

11. Пурталес – Шёну (шифртелеграмма), 4 декабря 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 53. Л. 18.
12. Пурталес – Шёну (шифртелеграмма), 9 декабря 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 53. Л. 44.
13. Пурталес – Шёну (шифртелеграмма), 11 декабря 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 53. Л. 54–55.
14. Туполев Б.М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 2002. – № 4. – С. 27–46; № 5. – С. 19–62.
15. Хобсбаум Э. Век Империи, 1875–1914. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – 512 с.
16. Шён – Пурталесу (шифртелеграмма), 2 апреля 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 47. Л. 22–23.
17. Шён – Пурталесу (шифртелеграмма), 7 декабря 1908 г. // АВПРИ. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 53. Л. 32.
18. *Diplomatische Dokumente der Schweiz* / bearb. von Prof. H. Lüthy, Prof. G. Kreis. Bd. 5 (1904–1914). – Bern, 1983. – 1044 S.

ОТНОШЕНИЯ ФРАНЦИЯ – США НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: УРОКИ ПРОШЛОГО, СФОРМИРОВАВШИЕ БУДУЩЕЕ

И.И. Погорская

Фактор общности фундаментов политико-системного формирования всегда оставался основой достижения конвергенции интересов и глобальных стратегических ориентаций Европы и США в мировом измерении. Среди множества народов планеты и ряда политических культур, носителями которых они являются, американцы имели ближайшее к европейскому видение политического сообщества с нормативными принципами добровольного присоединения и социального контракта. Однако, в отличие от американского социума, европейское социальное пространство слишком отмечено влиянием исторической памяти национально-государственного противостояния, поэтому его развитие является чрезвычайно тяжелым воспроизведением контракта с формированием европейской политической сущности, отличной и отдельной американской. Поэтому сбалансированность между сохранением присутствия США на европейской арене и увеличением автономного потенциала Европы остается традиционно важным вопросом евро-американских отношений, сложность которого в полной мере олицетворяет диалог между Французской Республикой и США в различные периоды мировой истории.

Отношения между США и Францией всегда были сложными и противоречивыми. Постоянные разногласия по многим вопросам, которые влияют на развитие отношений между двумя странами, не раз казались международному сообществу скорее столкновением соперников, чем сотрудничеством союзников. Иногда обе страны отстаивали свои интересы настолько жестко и амбициозно, что вызвало удивление, как они потом находили точки соприкосновения и эффективно решали общие стратегические задачи. Но именно в этом и заключается суть этого неоднозначного партнерства: каждая из сторон считала свое видение правильным и лучшим, чем видение другой стороны, и была готова бороться за его признание. Но даже в самые тяжелые периоды американо-французских взаимодействий на мировой арене, понимание общности демократических ценностей и глобальных интересов заставляло обе стороны идти на сближение и сглаживать конфликтные ситуации. Итак, общность фундаментов политико-системного формирования всегда оставалась основой достижения конвергенции интересов и глобальных стратегических ориентаций Франции и США. Но как определить сущность француско-американских отношений? Как объяснить, что, несмотря на схожие идеологические и политические основы государства, различия были и остаются одной из главных черт американо-французских отношений. Ответ на эти вопросы в значительной степени дает история двусторонних союзнических отношений между двумя государствами.

Следует отметить, что единственной крупной западной страной, которая не вступила в войну с США в эпоху их становления как независимого государства, была именно Франция. В 1781 году с помощью французской стороны Америка тринадцати колоний побеждает в собственном восстании против короля Англии. Не случайно, что договор об

окончании войны за независимость был подписан в 1783 году в Версале, тогда как активный участник этих событий Жильбер Лафайет назван «героем двух миров», стал символом этого нового альянса, а Бенджамин Франклин и Томас Джефферсон были приняты в Париже с большим уважением и надеждой плодотворного партнерства. На этот сложный период истории развития американо-французского партнерства часто ссылаются те историки, которые являются сторонниками скептической позиции по оценке альянса Франции и Америки. В частности, американские исследователи Миллер и Молески отмечают: «отношение французов к США с давних времен можно характеризовать как смесь подозрения в сфере культуры с политическим антагонизмом, что порой похоже на неприкрытую ненависть ...» Авторы обращают внимание на времена французской и индейской войн, когда французы, используя на своей стороне союзнические индейские племена, терроризировали американских поселенцев. Также обращается внимание на то, что в 1776 году французы пришли на помощь американцам, которые восстали против короля Георга III и правда состоит в том, что ими руководила жажда мести и геополитические мотивы: стремление ослабить своего давнего противника - Британскую империю, тогда как настоящие сторонники американской революции, как маркиз Лафайет у себя на Родине не вызывали ничего, кроме презрения и насмешки [5]. В конце 1870-х годов отношения становятся теплее, достаточно много французов весьма внимательно наблюдали за рождением нового экономического центра по другую сторону Атлантики. Статуя Свободы, французского скульптора Фредерика-Огюста Бертольди, которая была создана по идее членов демократического кружка академика Эдуарда де Лабулайе, открылась в 1886 году и должна была символизировать факт примирения между двумя берегами. Явные изоляционистские настроения американцев того времени также не помешали плодотворно развивать и оборонные устои двустороннего сотрудничества.

История военных отношений между Францией и Соединенными Штатами началась в середине восемнадцатого века, когда американцы и французы участвовали в Семилетней войне в Канаде. Однако уже двадцать лет спустя все изменилось и бывшие противники создали альянс против общего врага – Британской империи. Американцы сделали решающий шаг – заявили о своей независимости 4 июля 1776 - они больше не хотят быть субъектами Британской империи и выступают против Георга III. Французы перестают быть наследственными врагами и становятся союзниками. Франция направила специальные экспедиционные силы для поддержки американцев в их войне за независимость. После этого планы американских штабов на участие в европейских делах оказались довольно амбициозными, но когда началась Первая мировая война, неподготовленность американцев оказалось такой, что они разумно выбрали нейтралитет. Дело в том, что в конце девятнадцатого века военно-морской флот США гораздо более эффективен, чем армия. Отсутствие американских действий в войнах с Наполеоном сопровождалось, однако, внимательным слежением за событиями в Европе и, в частности, изменений в военной стратегии. Стратегические принципы, содержащиеся в учении выдающегося французского стратега Г.Жомини, выкладываются в программе Военной академии в Вест-Пойнте и практически применяют во время гражданской войны, генералы Юга и Севера с обеих сторон [6].

В период накануне и начала большой войны в Европе американцы не только активизируют свои дипломатические усилия, особенно ставшие заметными с избранием на пост президента США В. Вильсона, но также усиленно адаптируют свой подход к новым технологиям. Железная дорога, телеграф, сложные вооружения преобразуют условия их участия в боевых действиях. В результате американские военные силы изменились по своей природе. Когда разразится война, в Вашингтоне сначала предпочтут нейтралитет, не считая, что национальные интересы США оправдывают их участие в типично европейском конфликте. В то же время когда Франция мобилизует 1 человека из 53, Соединенные Штаты не применяют призыв, и ожидают, однако их профессиональная

армия насчитывает менее 200 000 человек, мало опытных и еще плохо обученных. Одновременно война позволяет Соединенным Штатам экспортировать промышленные товары и оружие. Экспорт США в Великобританию и Францию резко вырос. Доллар усилился против фунта стерлингов и франка. Нью-Йоркская фондовая биржа вытеснила Лондонскую фондовую биржу. Экономика США, которая находилась на пороге рецессии в 1913 году, быстро вернулась к росту и процветанию. Американские продукты заменили европейскую продукцию на азиатских рынках.

С 1914 по 1916 год американская дипломатия пыталась реализовать посредничество между воюющими странами, в январе 1917 года В. Вильсон все еще предлагал «мир без победы», хотя еще в 1915 году немецкие подводные лодки торпедировали лайнер «Лузитания» и Соединенные Штаты разорвали дипломатические отношения с Германией. Со своей стороны французское правительство всерьез опасалось, что В. Вильсон будет использовать финансовое давление, чтобы заставить Париж принять американский мирный план. Однако после того 19 марта 1917 года немецкие подводные лодки затопили «Вилигенцию», 2 апреля 1917 года президент США передал декларацию войны Сенату. Комиссия по расследованию 1936 года оценит, что согласие на войну Соединенных Штатов было мотивировано экономическими причинами, связанным с задолженностью союзников. В последующие месяцы американские солдаты высаживаются во Францию и направляются в зону боевых действий. Более 300 американских ветеранов были награждены орденом почетного Легиона [7].

С военной стороны союзники ожидали от Америки технической поддержки, арифметического подкрепления в лучшем случае. Самое главное пожелание состояло в том, чтобы американские солдаты были объединены с французскими войсками, которые будут их обучать, учить использованию современного оружия и приказать им внести решающий вклад. Тем не менее, Джон Дж. Першинг, который командовал американскими экспедиционными силами, не согласен с тем, что американцы служат под любым другим флагом, кроме Звездного Знамени. Он хотел воспользоваться возможностью, созданной благодаря участию в «европейской войне» и создать настоящую американскую армию, политический инструмент, который позволит его стране занять решающее место, дать основания для того, чтоб отныне Соединенные Штаты также принимали участие в формировании будущего Европы [7].

Спор между французами и американцами продлится довольно долго, до самого перемирия. Более того, если бы конфликт не закончился в ноябре 1918 года, то несомненно, что 1919 год был бы годом американцев. Они уже перевезли с одного берега на другой Атлантический океан два миллиона человек и собирались отправить еще два миллиона и тогда б желание Першинга продолжить борьбу до захвата Берлина ставало возможным. После окончания войны, Штаты стали более влиятельным государством, однако с сильной рефлексией на собственные интересы с позиций изоляционизма и начался очередной период охлаждения союзнических отношений. Когда США вступили во Вторую мировую войну, условия взаимодействия уже сильно изменились, и это была противоположность 1917 года. В восприятии Белого дома Франция больше не занимает место, которое она занимала до Версальского договора. В данном контексте отношения между Америкой и Францией 1917-18 годов подчеркивают то, что им предшествовало, и то, что следовало за ними в ходе мировой истории.

Таким образом, национальные дипломатические подходы обоих государств, достигших границ «классической дипломатии», существенно обозначены синергетичность современного им эволюционного этапа международной системы. Однако франко-американская конвергенция позиций на общем уровне - «единство и борьба противоположностей» на уровне конкретного применения. Европа и Америка - ведущие составляющие западной цивилизации, однако уникальность исторической эволюции каждой из них - источник разнообразия, двойственности и амбивалентности евро-

американских отношений. Продолжая общую культурно-цивилизационную традицию различными путями, европейцы и американцы сформировали своеобразные культурные сообщества, которые нередко конкурируют за влияние на развитие мировой цивилизации. Деликатность коммуникативного взаимодействия в этом измерении прослеживается на всех направлениях франко-американского сотрудничества.

1. The Declaration of Independence. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ushistory.org/declaration/document/>
2. Declaration des droits de l'homme et du citoyen de 1789. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.assemblee-nationale.fr/histoire/dudh/1789.asp>
3. Болховитинов Н. История США.– Т.1. (1607–1877) / Болховитинов Н. – Москва: НАУКА, 1983.– С. 248–256.
4. Paterson Th. G., Clifford J. G., Maddock J. American Foreign Relations: A History, to 1920.- Th. G. Paterson, J. G. Clifford, J. Maddock.– Stamford, CT : Cengage Learning, 2009.– P. 51–52.
5. Miller J. J., Molesky M. – Our Oldest Enemy: A History of America's Disastrous Relationship with France / Miller J. J. Molesky M. – Doubleday; 1ST edition, 2004. – 304 p.
6. Paterson Th. G., Clifford J. G., Maddock J. (2009) American Foreign Relations: A History, to 1920.– Th. G. Paterson, J. G. Clifford, J. Maddock.– Stamford, CT : Cengage Learning, 2009. – 368 p.
7. Kaspi A. Introduction : Il faudrait écrire l'histoire des relations militaires entre les États-Unis et la France / A. Kaspi // Revue historique des armées. – 2007/246, [En ligne], mis en ligne le 24 juillet 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL : <http://rha.revues.org/index2293.html>.

ЗАКАЗЧИКИ И БЕНЕФИЦИАРЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Л.Н. Семёнова

Мировые войны являются порождением мировой капиталистической системы. Механизм их возникновения заложен в смене циклов капиталистического накопления и соответственно лидерства стран в международных отношениях и мировой экономике. На протяжении всей истории существования мировой капиталистической системы с XVI века Дж. Арриги выделил четыре системных цикла накопления: испано-генуэзский, голландский, британский и американский. Именно в войнах разрушались структуры старого цикла и устанавливалась гегемония нового лидера, под руководством которого институционализировались элементы и отношения нового цикла.

Так, после Тридцатилетней войны (1618–1648) сформировался голландский цикл капиталистического накопления под водительством небольшой «страны под напряжением» Республики соединенных провинций. После Великой французской революции и войн с наполеоновской Францией в начале XIX века Англия, разгромив своего главного соперника Францию, уверенно стала мировым лидером. И Тридцатилетняя война, и войны с Францией по своей сути были мировыми войнами. В них было задействовано большое число стран, военные кампании проходили на обширных территориях. Но ни в сознании современников, ни в последующей историографии они не зафиксировались как мировые. Первой мировой стала следующая война, которая, как и предыдущие войны, протекавшие в начале веков, точно повинувшись временным закономерностям примерно столетних циклов капиталистического накопления, разразилась в начале XX века. Эта война стала действительно другой, так как глубокие тектонические сдвиги произошли в недрах самой капиталистической системы, оформленной Pax Britannica.

Первые два цикла капиталистического накопления были временем зарождения мировой капиталистической системы в рамках первоначального накопления капитала и торгово-мануфактурного мирохозяйственного уклада. Финансовые кланы, банкирские дома были еще немногочисленными, и хотя они уже давно посадили на ростовщические крючки большинство европейских правителей, достаточной властью еще не обладали. Если в соответствии

с Дж. Арриги под капитализмом понимать систему контроля над производством, рыночными отношениями и политикой государств [1, с. 6] (а не производства на основе найма свободной рабочей силы и обмена в форме рыночной системы, как это у нас принято), то капиталистическая олигархия делала в этом направлении лишь первые шаги. И здесь ей нужна была вся мощь государства: властная, военная, культурная и т.д. Именно интересы владеющей капиталами олигархии стали краеугольным основанием европейских национальных капиталистических государств нового времени. При этом сама капиталистическая олигархия всегда являлась трансграничным субъектом социального действия. Оформившаяся после Тридцатилетней войны Вестфальская система международных отношений, признававшая суверенитет государств, стала адекватным политическим оформлением складывавшейся единой мировой капиталистической системы. В течение двух первых циклов капиталистического накопления шла взаимная притирка друг к другу капиталов и государств. Правители и государственные аппараты, попадавшие под капиталистический контроль, далеко не обладали полной функцией управления, становясь политическими инструментами капитала.

Британский цикл капиталистического накопления пришелся на пору зрелости капитализма. Капитал в Англии и близких к ней европейских стран ядра капиталистической системы, освоив промышленное производство, финансировал промышленную революцию, индустриализацию, второй и третий технологические уклады. Выстраивая мощную Британскую империю, в территориальных пределах которой «никогда не заходило солнце» капиталистическая олигархия, сросшаяся с английской правящей верхушкой начала движение к подчинению всего мира. В силу экстенсивной природы капитализма, которому постоянно нужны новые рынки сбыта и источники ресурсов, капиталистическая система стремится к расширению, пределами которого может стать лишь весь земной шар. К концу XIX в. земной шар и был в основном поделен между британской и партнерскими колониальными империями: французской, американской (в соответствии с доктриной Монро «Америка для американцев»), голландской, бельгийской и др. Сформировался по определению С.Ю. Глазьева колониальный мирохозяйственный уклад. Если в предыдущих циклах капиталистического накопления мировую капиталистическую систему можно уподобить сети, накинутой на мир, где-то с густыми, а где-то с совсем редкими ячейками, узлами которой выступали торгово-монополистические компании типа Ост-индских, поддерживаемых военной мощью «своих» государств, то теперь капиталистический контроль над периферией ядра капиталистической системы стал структурно оформленным в виде банков, торговых и промышленных предприятий, колониальной администрации, культурных, образовательных и т.д. учреждений. Над этим сочетанием сетевой и территориалистской структуры царила Великобритания, установившая торгово-финансовую и промышленную монополию. Могущество Великобритании позволило ей в одностороннем порядке следовать идеологии и практике свободной торговли, выкачивая из мира прибыли и ресурсы для себя и глобальной финансовой олигархии, сосредоточенной в Лондоне. По словам Дж. Арриги *Rex Britannica* характеризовался «беспрецедентной централизацией мировой власти в руках одного государства – Великобритании» [1, с. 97].

Однако в колониальном мирохозяйственном укладе, подчиненном Великобритании еще остались крупные территориально сплоченные империи, не раскрывавшиеся полностью капиталистическому контролю. Мировая капиталистическая система, набравшись сил, именно в XIX в. повела решительное наступление против зон «слабого развития капитализма», к каковым относились российская и восточноазиатская. «Опиумными войнами» Великобритания решительно приоткрыла двери в Китай и повела своих младших партнеров на борьбу за сферы влияния в нем.

С Россией у Англии была долгая история взаимоотношений, начиная со времен Ивана Грозного. Россия выступала в них как надежный и незаменимый торговый партнер,

поставлявший Англии стратегические материалы для морского флота. При этом Европа научилась втягивать Россию в свои военные разборки, при которых морской Англии удавалось заполучать ее в качестве союзной «шпаги» на сухопутных театрах военных действий. Достаточно вспомнить Семилетнюю войну (1756–1763) и борьбу с наполеоновской Францией в начале XIX в.

В первой половине XIX в. для Англии – «фабрики мира» – Россия стала «фабрикой по производству зерна», «житницей Европы», имея в торговле с ней положительный баланс, чего Англия допустить не могла. Более того Англия не могла мириться с принципиально иной, закрытой для проникновения западных капиталов, пространственной системой – Россией. Как пишет А. Фурсов: «После наполеоновских войн ключевой чертой, осью евразийского и мирового развития становится борьба между двумя типами и логиками геоисторического развития, воплощаемыми североатлантическим, англосаксонским (англо-американским) миром, капитализмом, с одной стороны, и евразийским, русским (русско-советским) миром, представленным самодержавием, а затем коммунизмом, – с другой» [4, с. 114].

Поражение в Крымской войне (1853–1856), развязанной по сути Великобританией против России, означало для России открытие ее экономики экспансии западных капиталов, упразднение промышленного протекционизма, и таким образом постепенное включение в мировую капиталистическую систему в качестве аграрной и сырьевой периферии. Прежде всего, этим воспользовался французский капитал. К началу XX в. Россия так задолжала западным странам, что они уже могли влиять на ее политические решения. Но даже при этом экономический рост России, вышедшей на пятое место в мире по промышленному производству, был настолько серьезен, что вызывал у Запада большую тревогу.

В период затяжного экономического кризиса и депрессии (1873–1896) главный экономический (выйдя на первое место в Европе по промышленному производству) и политический вызов Британии бросила Германская империя. Утратив торгово-промышленную монополию, Англия начала терять и политический вес. Мириться с этим она не хотела. Отбросить своих конкурентов «на обочину истории» она могла только военным путем. Поэтому она и приступила к подготовке такой масштабной войны, в которой планировала расчистить простор для беспрепятственной экспансии мирового капитала, ядром которого был теперь уже англо-американский капитал. Для этого нужно было уничтожить традиционные империи: Германскую, Российскую, Австро-Венгерскую, Османскую, превратив Европу «в одну большую Венецию». Главный удар должен быть нанесен против Германии и России, так как именно они могли бросить реальный вызов Pax Britannica. Как пишет С.Ю. Глазьев: «Российско-Германский союз мог составить самую мощную в то время коалицию, способную стать доминирующей силой в мировой политике и удержать мир от войны, которая не была нужна этим странам, успешно развивавшимся на новой длинной волне экономического роста» [2, с. 221].

Англия все сделала максимально грамотно для развязывания крайне необходимой ей войны. Способствовала созданию межгосударственных коалиций: Тройственного союза и Антанты, в которых были умело разведены Россия и Германия, сотворила удобный *casus belli* на Балканах. Но кто конкретно? Конечно же не монарх, и не знаменитый английский парламент, и даже высокопрофессиональной английской разведке Ми-6 и спецслужбам тоже далеко не все было подвластно. Капиталистическая олигархия и британский правящий класс в рамках британской гегемонии смогли организовать особые наднациональные криптоструктуры, которые успешно справились с поставленной задачей. Если мировая финансовая олигархия была заказчиком войны, то эти структуры стали ее подлинными устроителями.

К началу XX в. было достигнуто англо-американское финансово-экономическое и политическое единство, скрепленное еврейским капиталом. США к тому времени уже вышли на первое место в мире по промышленному производству. Этой теперь самой могущественной финансовой олигархии после долгих усилий наконец удалось учредить своеобразный центральный банк США – ФРС (Федеральную резервную систему), по сути

неподвластный американскому государству, благодаря которому она смогла установить полный контроль над деньгами, вскоре ставшими мировыми. То, что Первая мировая война разразилась буквально через год после учреждения ФРС в 1913 г. далеко не случайно. Как пишет В.Ю. Катасонов: «Война теперь была нужна банкирам для того, чтобы правительство наращивало свои военные расходы и заимствовало необходимые средства у ФРС, обогащая тем самым главных акционеров Федеральных резервных банков» [3, с. 623]. Так на арену мировой истории вышли, по словам Катасонова, «хозяева мировых денег», они же, по словам Б. Дизраэли, «хозяева истории».

Британский правящий класс, конечно же, задействовал разветвленную масонскую сеть, которую он сам же создавал и контролировал на протяжении почти двух веков. Сознательно или бессознательно, «братья» хорошо поработали на разжигание войны, на разрушение выбранных в качестве целей империй изнутри через революционные и особенно национальные движения. Однако, и этого было недостаточно. А.И. Фурсов пишет: «... остро встала задача создания принципиально новой формы организации закрытых наднациональных структур согласования и управления, подкрепленных британской мощью» [7, с. 269]. Без таких организаций капиталистическая система единая в своей финансово-экономической сфере, но политически раздробленная на разные суверенные государства, не могла функционировать. Главнейшей из таких структур, по словам К. Куигли «одним из важнейших фактов истории XX века», стала «Группа», созданная С. Родсом. А. Милнером, за которыми стояли Ротшильды. В «Группе» выделялось два круга: внутренний и внешний, и ее члены активно работали в политике, журналистике, науке, образовании. По словам Фурсова, члены «Группы» «умело скрывали ее существование, поскольку будучи видными представителями старого привилегированного класса, прекрасно понимали: реальная, т.е. тайная власть намного более важна и эффективна, чем внешняя форма партийно-политического толка; партии и политические организации уже тогда практически превратились в функциональные органы закрытых структур власти (криптоструктур)» [7, с. 272]. Именно «Группа» точно, как по нотам профессионально написанной партитуры, подвела мир к войне, о которой многие говорили и писали, что ее никто не хотел, поэтому ее вполне можно было избежать, что она случайна и т.д. Только так не считала англо-американская финансовая олигархия и ее орудие – структуры мирового согласования и управления. В таких условиях императоры, министры, парламентарии, политики уже действительно ничего не могли сделать. Например, по меткому замечанию А.И. Фурсова, «... царь (Николай II) вел себя по обыкновению вяло, словно полагаясь на волю рока. Роль «рока» исполняли «Группа» и ее агенты» [6, с. 178].

В Первой мировой войне основные цели заказчиков были достигнуты. Четыре империи были разрушены. В их границах образовалась полоса небольших государств, составивших регион Центральной и Юго-Восточной Европы, настежь открытый мировому капиталу и вписанный в Версальско-Вашингтонскую систему. С Россией пришлось сложнее всего. Ее добивали революциями, гражданской войной и прямой иностранной интервенцией. Россия нэповская, вводившая после жесткой политики военного коммунизма элементы капитализма, привлекавшая западные капиталы, раздававшая иностранцам концессии, уже вполне устраивала англо-американскую финансовую олигархию. Неслучайно в 1921 г., несмотря на все блокады, объявленные Западом России, был заключен англо-советский торговый договор.

Но в 1930-е гг. произошло непредвиденное. Команда И.В. Сталина, одолев и правую и левую оппозиции, приступила к проведению индустриализации и коллективизации на собственной экономической основе, что позволило Советскому Союзу выйти из мировой финансовой системы. Как подчеркивает А.И. Фурсов: «Команда Сталина свернула проект “мировая революция”, который в лучшем случае сохранял Россию в качестве сырьевого придатка “передового Запада”, в худшем – превращал ее просто в хворост, в расходный материал, и начала строить “социализм в одной, отдельно взятой стране” красную империю –

четвертый Рим как системный антикапитализм» [5]. Советский Союз нарушил правила игры мирового капитализма и соскочил с определенной для него мировым капитализмом периферийной орбиты. Поэтому мировая капиталистическая система пошла на развязывание новой Второй мировой войны. Несмотря ни на что, на первых порах практически в одиночку Советский Союз сломил военную машину гитлеровской Германии и всех ее союзников, возвращенную мировым капиталом. Это была самая честная и бескомпромиссная проверка мощи советской системы. После войны СССР на равных теперь уже с новым лидером капиталистической системы – США в условиях американского цикла капиталистического накопления создал биполярную Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений.

1. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги. Пер. с англ. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
2. Глазьев, С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба» / С. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2016. – 640 с.
3. Катасонов, В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» / В.Ю. Катасонов. Изд. 4-е доп. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 1120 с.
4. Фурсов, А.И. Русская власть, Россия и Евразия / А.И. Фурсов // Русский интерес. – М.: Тов-во научных изд. КМК, 2015. – С. 98–181.
5. Фурсов, А. Большая война XX века / А. Фурсов [Электронный ресурс] // Андрей Фурсов: видео, пресса, работы, форум, поиск. – Режим доступа: http://andreyfursov.ru/news/bolshaja_vojna_khkh_veka/. – Дата доступа: 30.05.2016.
6. Фурсов, А. «По-над пропастью, по самому краю». Февральский переворот в русской и мировой истории / А. Фурсов // Наш современник. – 2017. – № 2. – С. 160–182.
7. Фурсов, А.И. Великая война: тайна рождения XX века / А.И. Фурсов // DeAenigmate. О тайне. Сборник научных трудов. 2-е изд. – М.: Тов-во научных изд. КМК, 2017. – С. 245–296.

ВЛИЯНИЕ «ЛИЧНОСТНОГО ФАКТОРА» НА ПРИНЯТИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на примере Австро-Венгрии и Германии)

С.М. Пик

“Личностный фактор”, с точки зрения философии, – это совокупность духовных, этических, моральных качеств, идейных, политических, социальных и др. взглядов, которые формируют жизненную позицию личности, ее отношение к действительности, влияют на выбор целей, путей и способов их реализации в процессе развития и усовершенствования. Во взаимодействии политических лидеров, представляющих свои государства на международной арене, “личностный фактор” присутствует постоянно. Исследование влияния этого фактора на принятие внешнеполитических решений в том или ином государстве, а также на развитие международных отношений в целом, несомненно имеет научный интерес.

Летом 1914 г. правящие круги Австро-Венгрии и Германии решимость начать военные действия, уверенные в готовности своих стран к войне и надеясь, что их решимость станет сдерживающим фактором для Российской империи [10, с. 214; 5, с. 20–21]. На самом деле, и Вена, и Берлин были достаточно хорошо информированы о том, как российское руководство относится к конфликту Австро-Венгрии с Сербией, но не уделяли этому должного внимания, поскольку полномасштабное участие России в войне подрывало “победоносные” планы Австро-Венгрии и Германии. Например, начальник австрийского генштаба генерал Ф. Конрад фон Гетцендорф, в принципе, предусматривал возможную угрозу со стороны России и планировал противостоять ей с помощью оборонительной тактики и германской поддержки, а германский генералитет еще в январе 1913 г. отложил разработку альтернативных

мобилизационных планов на случай войны с Россией и занимался суто усовершенствованием “Плана Шлиффена” [3, с. 29]. Когда 1 августа 1914 г. кайзер Вильгельм II решил сконцентрировать свои войска на границе с Россией, учитывая возможный нейтралитет Англии в войне (о чем телеграфировал посол из Лондона), это оказалось невозможным [5, с. 22], а когда начальнику германского генштаба генералу Г. фон Мольтке-мл. все же пришлось перебрасывать войска в Восточную Пруссию (конец августа 1914 г.), “План Шлиффена” во Франции не сработал [1, с. 52]. То есть, Россия была серьезной помехой в реализации австро-венгерских военных планов на Балканах и германского военного плана против Франции, поэтому ее нейтралитет или пассивность для руководителей Австро-Венгрии и Германии воспринимались более желательно, чем было на самом деле.

Поведение политического и военного руководства Австро-Венгрии и Германии в период после убийства эрцгерцога Франца Фердинанда и до начала войны тоже о многом говорит. Основное отличие – в мотивации. Правящие круги в Вене решились на войну, потому что не хотели потерять статус великой державы в случае более-менее спокойной реакции в ответ на такой наглый вызов со стороны сербских националистов [10, с. 213; 3, с. 14]. В Берлине же понимали, что необходимо использовать удобный момент для реализации посредством войны амбициозных планов по перераспределению в свою пользу баланса сил и влияния на международной арене [2, с. 739, 741]. Другими словами, германское руководство, поддерживая Австро-Венгрию против Сербии, не столько помогало своему союзнику урегулировать проблемы на Балканах, сколько использовало для собственных целей: общими военными усилиями добиться ослабления России и Франции (и косвенно Англии), так как этого не удалось достичь дипломатическим путем [4, с. 79; 8, с. 17–18]. Очевидно, что Австро-Венгрия без Германии, а также Германия без Австро-Венгрии не могли рассчитывать на успех в реализации своих внешнеполитических планов.

Парадокс, но мировая война стала обратным результатом системы альянсов, созданной Тройственным союзом и Антантой с целью обеспечения безопасности в Европе. Если рассматривать конфликт между Австро-Венгрией и Сербией как повод к войне мирового масштаба, то необходимо подчеркнуть, что только его “движущей силы” было мало, чтобы задействовать механизм системы альянсов. Итак, Германия объявила войну России из-за общей мобилизации последней, несмотря на личные заверения царя Николая II об отсутствии агрессивных намерений в отношении Германии. Воспринимая русскую мобилизацию как угрозу на восточной границе, в Берлине в ответ начали свою мобилизацию, а на языке германского генералитета это означало войну. В то же время, следуя “Плану Шлиффена”, Германии пришлось искать повод для войны с Францией. В результате, она начала войну с Россией из-за ее мобилизации, а с Францией – из-за своего “Плана Шлиффена”, и отнюдь не из-за обязательств перед Австро-Венгрией за договором о Тройственном союзе 1882 г. В свою очередь, Россия, Франция и Англия оказались в войне, скорее защищаясь от германской агрессии, нежели выполняя союзные обязательства по Антанте. То есть, конфликт между Австро-Венгрией и Сербией остался как бы в тени Германии и инициированной ею же войны.

Отсюда вывод: мировая война возникла не из-за системы альянсов, локальный дисбаланс которой привел к ее разрушению, а вследствие того, что Австро-Венгрия, Германия, Россия, Франция и Англия *стремились* отстаивать свои интересы силой оружия [4, с. 79; 9, с. 7–8]. На их стремление (открытое или тайное) влияли обстоятельства, которые руководство практически каждой из этих стран считало благоприятными для себя и хотело вовремя использовать. К примеру, для Австро-Венгрии решающей была поддержка Германии, а также относительная незаинтересованность Франции и Англии в ее “балканских делах”. А Германия спешила реализовать свое функциональное военное преимущество, пока Франция и Россия не закончили программ перевооружения,

надеялась на помощь Австро-Венгрии в сдерживании русских войск на восточном фронте и рассчитывала на возможный (скорее желательный) нейтралитет Англии [2, с. 741–742].

Кроме обстоятельств, на принятии решения о начале военных действий отразился “личностный фактор”, то есть политическая воля правящих кругов, уполномоченных принимать такие решения. Так, император Франц Иосиф после Сараевского убийства воздерживался от громких заявлений по поводу адекватной реакции на действия сербских националистов, хотя в личном письме кайзеру Вильгельму II от 4 июля 1914 г., избегая слова “война”, подчеркивал, что такое преступление не может остаться безнаказанным [10, с. 194]. В разговоре с начальником генштаба Конрадом фон Гетцендорфом 5 июля император допускал возможность войны против Сербии при условии, что Германия поддержит Австро-Венгрию [6, с. 135]. Такая позиция Франца Иосифа диссонировала с настойчивыми предложениями Конрада немедленно атаковать Сербию, которые поддержал военный министр генерал А. фон Кробатин. Точку зрения военных разделяли также имперский министр финансов Л. фон Билински и премьер-министр Австрии К. фон Штурм. В свою очередь премьер-министр Венгрии граф И. Тиса предлагал добиться дипломатической изоляции Сербии, не исключая войну против нее в целом, но его переубедил имперский министр иностранных дел Л. фон Берхтольд с помощью графа Буриана – дипломатического представителя Тисы в Вене и советника по внешнеполитическим вопросам [10, с. 200]. После этого, 19 июля были окончательно согласованы условия ультиматума Сербии, утвержденного императором. А после ультиматума, по сути неприемлемого для суверенного государства, следовал разрыв дипломатических отношений и объявление войны.

Германское руководство по-своему воспринимало перспективу войны. Кайзер Вильгельм II и канцлер Т. фон Бетман-Гольвег 5–6 июля заявили о полной поддержке агрессивных намерений Австро-Венгрии в отношении Сербии, невзирая на риск вмешательства России в конфликт на Балканах. В Берлине рассчитывали на то, что царь Николай II, осуждая убийство эрцгерцога, из чувства монаршей солидарности не станет помогать Сербии [3, с. 17; 8, с. 17], и поэтому советовали Вене действовать безотлагательно. В разговоре с австрийским послом графом Л. Шегени-Марич 5 июля кайзер высказался по поводу важности не упустить “момент, такой благоприятный для нас” [10, с. 195]. Ситуация действительно казалась благоприятной для Германии: войну инициировала Австро-Венгрия, которая должна была победить Сербию, продемонстрировать мощь своей империи и способность контролировать Балканы. Если на стороне Сербии выступит Россия, Германия готова принять вызов: ее генералитет не сомневался, что вместе с австро-венгерскими войсками германские армии смогут победить не только Россию, но и Францию. И достичь этого в 1914 г. было объективно легче, чем позже [8, с. 18]. Но такие прогнозы оказались чересчур оптимистичными.

Логично возникает вопрос, насколько рациональной была политическая воля руководства Австро-Венгрии и Германии развязывать войну. В Вене и Берлине видели себя не иначе, как победителями, и не особо задумывались о цене победы. Войну как способ достижения национальных интересов рассматривали с точки зрения обязательной эффективности и возможность поражения, по сути, исключали. Иначе не было смысла воевать, а примириться с ослаблением своего международного престижа Австро-Венгрия и Германия могли и без миллионов жертв. Так как именно война оказалась для правящих кругов обеих держав лучшей альтернативой, чем продолжение дипломатической борьбы [9, с. 3, 7], можно говорить об осознанном риске и недооценке ими своих противников. Если в Вене германскую военную поддержку считали гарантией успешной войны против Сербии и России, то в Берлине еще до разгрома русских армий планировали успеть разбить французов и захватить Париж. Риск войны на два фронта Германия нивелировала с помощью скорости, мобильности и подавляющей мощи германских войск. Но такой прямолинейный сценарий в интересах Берлина был скорее

желательным, чем соответствовал действительности, что и доказал начальный период войны. Отсюда вывод: рациональность, на основе которой в Вене и Берлине принимали решение о войне, в сознании политических и военных лидеров была подменена прямолинейной логикой и упрощенной оценкой параметров политического пространства с пренебрежением нежелательных его изменений, вполне возможных в перспективе. На рациональность политических лидеров существенно влиял психологический фактор (великодержавные амбиции), а также давление со стороны военных кругов (начальников генштабов и военных министров). Если бы в Вене и Берлине не воспринимали мобилизацию в России как *casus foederis*, возможно, что предложения английской дипломатии по урегулированию австро-сербского конфликта нашли бы благодатную почву и войну на Балканах удалось бы локализовать [7, с. 31].

В итоге следует отметить, что политические лидеры в процессе принятия внешнеполитических решений руководствуются своей рациональностью, на которую непосредственно воздействуют их окружение (субъективное влияние) и политическое пространство (объективное влияние). Реакция политического лидера на влияние окружения и на возможности и ограничения пространства аккумулируется в решении. А характер реакции дает ответ на вопрос о сути “личностного фактора”.

1. Яковлев Н. Н. 1 августа 1914 / Н. Н. Яковлев. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 240 с.
2. Anievas A. 1914 in world historical perspective: The ‘uneven’ and ‘combined’ origins of World War I // European Journal of International Relations. – 2011. – N 19(4). – P. 721–746.
3. Bridge F. R. 1914: The Coming of the First World War / F. R. Bridge. – The Historical Association General Series 10; 2ed. – London: The Chameleon Press, Ltd., 1988. – 36 p.
4. Gray C. S. War, Peace and International Relations: An Introduction to Strategic History / C. S. Gray. – London; N. Y.: Routledge, 2007. – 306 p.
5. Joll J. The Origins of the First World War / J. Joll. – London: Longman Inc., 1984. – 288 p.
6. Luigi A. The Origins of the War of 1914 / A. Luigi, ed. by I. M. Massey: 3 vols. – Vol. 2. – London: Oxford University Press, 1953. – 727 p.
7. Luigi A. The Origins of the War of 1914 / A. Luigi, ed. by I. M. Massey: 3 vols. – Vol. 3. – London: Oxford University Press, 1957. – 772 p.
8. Schmitt B. E. The Origins of the First World War / B. E. Schmitt. – The Historical Association General Series 39. – London: Routledge and Kegan Paul, 1958. – 26 p.
9. The Coming of the First World War / Ed by R. J. W. Evans, H. P. Strandmann, von. – Oxford: Clarendon Press, 1991. – 189 p.
10. Williamson S. R., jr. Austria-Hungary and the Origins of the First World War / S. R. Williamson, jr. – London: Macmillan Education Ltd., 1991. – 272 p.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА (1914–1918 гг.): ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ, КОАЛИЦИИ И ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ 1916 ГОДА

В.Г. Циватый

Первая мировая война (1914–1918 гг.) – впоследствии получившая на Западе название «Великой войны» – по своим непосредственным и отложенным результатам, по глубине воздействия на политико-институциональное развитие современного общества едва ли уступает (если не превосходит) любому иному эпохальному событию в XX веке. Особенно это актуально в контексте исследования международной внешнеполитической проблематики и исследования политико-дипломатических систем и институций, накануне и в годы Великой войны (1914–1918). Отчасти это обстоятельство объясняется открытием новых пластов архивных материалов и вовлечением новых источников (частные коллекции, фонды спецслужб и т.д.), а отчасти также жизненной потребностью переосмысления опыта прошлого в свете нерешённых институциональных задач настоящего [1; 2].

Главным институтом дипломатии и основным звеном политико-дипломатической системы России было её внешнеполитическое ведомство. Анализ его деятельности по годам, в частности – 1916 года, способствует более глубокому пониманию тех институциональных и политико-дипломатических процессов, которые происходили в этот период. В 1915 году был поставлен вопрос о необходимости его дальнейшего институционального развития – создание экономического, консульского и правового департаментов, что и было осуществлено до начала следующего года. Однако, новый министр иностранных дел Б.В. Штюмер (с июля 1916 года) и сменивший его на этом посту в ноябре 1916 года Н.Н.Покровский не посчитали эту задачу приоритетной, поэтому не внесли каких-либо существенных институциональных изменений в функционирование МИДа [7; 8].

Политико-дипломатические институты – это инструмент совместного решения международных проблем, которые касаются интересов нескольких государств или групп их граждан. Международные организации появились из практики работы международных конференций – формы международного сотрудничества, которое имеет древние традиции и исторически обусловленные институциональные основы. Война 1914–1918 годов в межгосударственных отношениях имела в своей основе такой институт как *коалиция*. Этот её особый институциональный характер – коалиционный – предопределял успех её ведения, и прежде всего – этот успех зависел от согласованных действий союзников и дипломатических институтов европейских государств и России. И хотя такой характер институционального единства в условиях Первой мировой войны, в частности в 1916 году, был очевидным для руководства вооружённых сил всех государств – потенциальных противников, ни одно из них не имело сколько-нибудь значимых теоретических разработок основ коалиционной стратегии. Противоречия между союзниками, каждый из которых преследовал в войне свои цели и старался достичь их за счёт других, зачастую приводили к тому, что основные усилия (прежде всего, Антанты) сосредоточивались не там, где они могли бы привести к наилучшим результатам в борьбе с общим врагом, а там, где это было выгодно наиболее влиятельным участникам коалиции [4; 9].

Осознав пагубность разобщённых действий, руководство стран Антанты делало немало, чтобы выработать стратегию на новых институциональных основах – общесоюзническую стратегию с новыми институциональными связями. В 1914–1915 гг. единых планов ведения операций на всех театрах не составлялось и согласованности в действиях армий не было. В 1916 году, на межсоюзнических конференциях – как новой форме международной институции – такие планы удавалось принимать, но на практике они осуществлялись далеко не полностью [4; 5; 6].

Стратегические цели в большинстве операций и кампаний Первой мировой войны оставались институционально незавершёнными – поставленные цели не достигались. «Стратегия сокрушения», с которой вступили в войну обе враждующие коалиции, сменилась «стратегией измора», посредством которой Антанта в конце концов вынудила капитулировать государства Тройственного союза. Характерным явлением стал тот факт, что, наверное, впервые ведущий континентальный гигант – Россия – встал на сторону западноевропейских «держав моря» против своих традиционных союзников, сформировав таким образом новое институциональное объединение военного характера.

Традиционные институциональные связи по оси координат Россия – Германия трансформировались в противоположность. Российская империя оказалась в союзе с буржуазными странами Запада, Великобританией и Францией, которые противостояли европейским монархиям в лице Германской и Австро-Венгерской империй [3; 10].

Следуя словам известного американского дипломата Дж. Кеннана можно констатировать: «... всё, что произошло в мире в XX веке, было вызвано Первой мировой войной...» [5].

В 1915-1916 гг. решающих побед не получила ни одна из коалиций. Однако время и дипломаты – бойцы невидимого фронта – работали на страны Антанты, которые имели

более мощный промышленный потенциал и большие людские ресурсы. Они наладили большое военное производство и наращивали стратегическое преимущество. Концентрация немецких войск на Восточном фронте открывала союзникам на западе возможность для передышки и перегруппировки сил для осуществления решающего удара, а также дипломатической балансировки и поддержки [9, с. 100–110; 10, р. 560–561].

Первая мировая война – это пролог XX века. Война стала водоразделом между двумя историческими эпохами, повлияла на судьбы послевоенной Европы, а мир 1916 года уже качественно и институционально отличался от своего послевоенного политико-дипломатического и внешнеполитического аналога. Опыт институционального становления и развития политико-дипломатических систем государств не утратил своей актуальности и сегодня. Изменяющийся мир (общество, государство, личность), несомненно, влияет и на изменение политико-дипломатической системы государства и дипломатического социума.

Таким образом, событийная и фактологическая картина Великой войны в 1916 году институционализировали процессы в новую форму и методы дипломатии исследуемого периода, а именно – особенностью дипломатического инструментария становится многосторонняя дипломатия, в частности – конференционная дипломатия. На межсоюзнических конференциях – как новой форме международных институций – принимались коалиционные стратегические планы. Были заложены основы к новому теоретическому осмыслению вопросов коалиционной стратегии и тактики наступательного и оборонительного боя.

Великая война 1914–1918 годов в межгосударственных и дипломатических отношениях имела в своей основе такой институт как коалиция. Этот её особый институциональный характер – коалиционный – предопределял успех её ведения, и прежде всего – этот успех зависел от согласованных действий союзников.

И хотя такой характер институционального единства в условиях Первой мировой войны был очевидным для руководства вооружённых сил всех государств – потенциальных противников, ни одно из них не имело сколько-нибудь значимых теоретических разработок основ коалиционной стратегии.

Противоречия между союзниками, каждый из которых преследовал в войне свои цели и старался достичь их за счёт других, зачастую приводили к тому, что основные усилия (прежде всего, Антанты) сосредоточивались не там, где они могли бы привести к наилучшим результатам в борьбе с общим врагом, а там, где это было выгодно наиболее влиятельным участникам коалиции.

Стратегические цели в большинстве операций и кампаний Первой мировой войны оставались институционально незавершёнными – поставленные цели не достигались. «Стратегия сокрушения», с которой вступили в войну обе враждующие коалиции, сменилась «стратегией измора», посредством которой Антанта в конце концов вынудила капитулировать государства Тройственного союза.

Характерным явлением начала XX века стал тот факт, что, наверное, впервые ведущий континентальный гигант – Россия – встал на сторону западноевропейских «держав моря» против своих традиционных союзников, сформировав таким образом новое институциональное объединение военного характера.

Традиционные институциональные связи по оси координат Россия – Германия трансформировались в противоположность. Российская империя оказалась в союзе с буржуазными странами Запада, Великобританией и Францией, которые противостояли европейским монархиям в лице Германской и Австро-Венгерской империй.

Опыт институционального становления и развития политико-дипломатических систем государств не утратил своей актуальности и сегодня. Современная дипломатия в условиях глобального пространства, активно использует приобретённый в течение многих веков исторический опыт: как инструментарий, методы и формы дипломатии, так и принципы

внешней политики. На современном этапе главной задачей для внешнеполитических служб мира является обеспечение устойчивого экономического развития и внутривнутриполитической стабильности своих государств в дипломатических системах и политико-институциональных координатах современного мира.

Военно-политические и политико-дипломатические институциональные изменения в период Великой войны в 1916 году актуализировали процессы революционизации многих стран Европы и Азии. Мир 1916–1917 годов уже стоял на пороге нового внешнеполитического, и дипломатического противоборства двух совершенно новых институциональных систем – социализма и капитализма.

1. Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох / сборник статей; ред. К. Бруиш, Н. Катцер. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 208 с.
2. Велика війна 1914–1918 рр. і Україна. У двох книгах. Книга 1. Історичні нариси / упорядник Олександр Реєнт. – К.: ТОВ «Видавництво «КЛІО»», 2014. – 784 с.
3. Новикова И.Н. Нейтралитет или союз: внутривнутриполитическая борьба в Швеции по вопросам внешней политики в годы Первой мировой войны / И.Н. Новикова // Науковий вісник Дипломатичної академії України. – К.: ДАУ при МЗС України, 2014. – Ч. I. – Серія «Історичні науки». – С. 176–192.
4. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – 816 с.
5. Перша світова війна 1914–1918 рр. і Україна. Українські землі у центрі цивілізаційної кризи / Упорядник О.П. Реєнт. – К.: ТОВ «Видавництво «КЛІО»», 2015. – 64 с.
6. Перша світова війна у фокусі історії (дипломатичні та політичні колізії Великої війни): монографія. – Київ: Кондор-Видавництво, 2016. – 352с.
7. Собрание Указов и распоряжений правительства. Отдел первый. – 1914. – № 154. – Ст. 1737.
8. Собрание Указов и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1917. – № 1. – Ст.1.
9. Сыч А.И. О некоторых социально-психологических последствиях Первой мировой войны / А.И. Сыч // Вопросы истории. – 2001. – № 11–12. – С. 100–110.
10. Chossudovsky E.M. Genoa Revisited: Russia and Coexistence / E.M. Chossudovsky // Foreign Affairs. – 1972. – April. – P. 557–562.

ПРОЕКТЫ СОЗДАНИЯ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С.В. Боголейша

Важным событием, которое повлияло на развитие белорусского национального движения, стала Первая мировая война. На оккупированной германскими войсками территории Беларуси уже с конца 1915 г. в качестве носителя белорусской идеи действовал Белорусский Народный Комитет (БНК) – координационный орган политических, общественных и профессиональных организаций во главе с А. Луцкевичем [3, л. 19]. Именно здесь и возникли проекты возрождения белорусской государственности в форме Конфедерации ВКЛ, а потом “Соединенных Штатов от Балтийского до Черного морей”. Эти проекты рассматривались белорусскими национальными деятелями как попытка создать самостоятельное государство, выйти на международную арену и заявить о себе как о нации, которая имеет право на свое собственное развитие, собственную государственность и культуру. Реализация такого плана была направлена на урегулирование с литовцами спорных территориальных вопросов и дальнейшее развитие взаимоотношений между двумя соседними народами.

Во многом при реализации своих планов белорусы рассчитывали на помощь германских властей, которые, вступив на территорию Российской империи, стремились максимально использовать национальные движения для ослабления своего противника и усиления оккупационного режима. Однако немецкие оккупационные власти не имели намерения разрешать белорусам образовывать свои государственные органы. Они скептически относились к возможностям белорусского национального движения. Германия рассматривала Беларусь как часть единой и неделимой Российской империи. Поэтому все апелляции лидеров белорусского

национального движения к Германии, чтобы она поддержала их в решении национального вопроса, успеха не имели. По-другому немецкие политики и военные относились к литовскому национально-освободительному движению и считали необходимым его поддержать. Генерал Э. фон Людендорф писал в воспоминаниях: «Генерал-фельдмаршал (Гинденбург) и я ставили своей целью создать в области, которая находилась под контролем главнокомандования на востоке, герцогство Курляндию и Великое Княжество Литовское, которые ... теснейшим образом присоединялись бы к Германии и управлялись бы Его Величеством...» [12, с. 58].

Еще до Первой мировой войны у белорусских и литовских деятелей было несколько концепций построения государственности: концепция восстановления исторической Литвы (Литвы и Беларуси) и концепция автономии этнографических Литвы [13, с. 250]. Литовцы строго следовали концепции автономии этнографической Литвы, по которой, граница с Беларусью приблизительно совпадала с границей Виленского и Дисенского уездов. Кроме того, в состав Литвы должна была войти часть Гродненской губернии и Новогрудский уезд Минской губернии. Оппоненты литовцев – белорусы, поляки, евреи – говорили о политической автономии исторической Литвы. В их понимании историческая Литва включала в себя весь "Северо-Западный край", или Литву и Беларусь (Витебскую, Гродненскую, Могилевскую, Минскую губернии, Вильнюсский и Дисенский уезды), и должна была стать неделимой. Литовцы очень боялись при реализации концепция исторической Литвы стать национальным меньшинством в новом государстве и утратить роль самостоятельного этноса. Белорусы протестовали против так называемой этнографической Литвы, так как видели в этом желание литовцев захватить часть этнических белорусских земель Виленщины и Гродненщины и раздробить Беларусь. Немцы стремились сохранить за собой оккупированные территории и фактически поддерживали намерения создания литовского этнического государства, которое бы подчинялась Германии, хотя официально об этом не заявлялось.

В декабре 1915 был проведен ряд белорусско-литовских совещаний. В них также принимали участие некоторые еврейские и польские демократические деятели. Из белорусов в них участвовали А. и И. Луцкевичи, В. Ластовский, Д. Семашко, литовцы – Ю. Шавлис и Кайрис, евреи – И. Ром и Т. Шабат, из поляков – А. Заштавт. Была выработана основная позиция постановки вопроса о будущем белорусско-литовских земель, занятых немцами. Исходной точкой в этом деле было заявление канцлера Германии Бетмона-Гольвега, сделанное в парламенте, о том, что «освобожденные от России земли не вернутся обратно под московское ярмо» [8, с. 38]. Деятели национального движения решили использовать сложившиеся обстоятельства для того, чтобы объявить миру о восстановлении ВКЛ. По инициативе белорусов было достигнуто соглашение с польскими, литовскими и еврейскими комитетами об образовании Конфедерации ВКЛ. Соглашение было оформлено "Универсалом Конфедерации Великого княжества Литовского", выданным на четырех языках (белорусском, еврейском, польском и литовском) Временным советом Конфедерации 19 декабря 1915 г. Там были изложены основные принципы проекта. В универсале отмечалось, что конфедерация создается на основе независимости Литвы и Беларуси как совместного государства, где всем нациям будут обеспечены равные права. Конфедераты призвали все страны, политические и общественные организации и всех граждан края присоединиться к Конфедерации ВКЛ. Первое небольшое обращение написал И. Луцкевич. Как дополнение к Универсалу той же Радой в феврале 1916 г. было издано обращение-призыв "Pilesciai!" ("Граждане!"), в котором более подробно излагались основные начинания политического строя будущей конфедерации [9, с. 8].

В соответствии с этим документом конфедераты планировали сделать белорусско-литовские земли независимой государственной единицей с сеймом в Вильно. В состав нового белорусско-литовского государства должны были войти земли, занятые немецкими войсками: Виленская и Ковенская губернии, белорусская и литовская части Гродненской и Сувалковской губерний, Курляндская губерния и часть Минской. Формы государственного устройства должны быть установлены и утверждены Учредительным сеймом в Вильно, избранным общим, равным, прямым и тайным голосованием [9, с. 8]. В состав Временного

совета Конфедерации входили. Ю. Шавлис, А. и И Луцкевичи, А. Заштавт, Т. Шабад и Розенбаум [13, с. 253]. Все они были сторонниками федеративных и конфедеративного проектов восстановления государственности Литвы, Беларуси и Польши.

С самого начала, по свидетельствам современников и участников событий, инициатива создания этой межнациональной организации принадлежала представителям белорусского национального движения. В своих воспоминаниях А. Луцкевич писал, что именно белорусы создали Конфедерацию ВКЛ "на почве идеи независимости края лучшими представителями демократии всех четырех национальностей: белорусов, литовцев, евреев и поляков [10, с. 46]. Вначале благосклонно к реализации идеи Конфедерации ВКЛ относились литовские и некоторые германские политики. Проектом с практической стороны заинтересовались такие консервативные литовские деятели, как А. Смятона, Й. Станкявичус. Они согласились войти в комиссию по определению границ Конфедерации ВКЛ. Но выработать какую-нибудь согласованную позицию комиссия так и не смогла [6, с. 308]. Как утверждает современный польский исследователь Р. Лопата, Совет Конфедерации ВКЛ 21 мая 1916 г. превратился в Постоянную литовско-белорусскую комиссию, что было существенным снижением ее статуса. Обе стороны договорились придерживаться платформы Конфедерации ВКЛ, однако это соглашение выполнялось непоследовательно.

Таким образом, несмотря на разработанный проект Конфедерации ВКЛ, "возрождение исторической Литвы" не произошло. Во-первых, изначально на главную роль в Конфедерации ВКЛ претендовали литовцы. Так, на Совете литовцев и латышей, состоявшейся в Каунасе 6 января 1916 г. был создан Главный Литовский Комитет, который объявил независимость земель бывшего ВКЛ [15, с. 18]. Примечательно, что документы о его провозглашении были подготовлены в феврале 1916 г. в Каунасе, параллельно с проектом Конфедерации [13, с. 254]. Как видно, литовцы больше заботились о создании своего самостоятельного государства, опасаясь, что в совместном государстве они могут быть ассимилированы белорусским большинством. Во-вторых, в "возрождении исторической Литвы" не была заинтересована и кайзеровская Германия, которая сама была не против усилить власть на захваченной территории. В-третьих, деятелями польского движения, которых поддерживала духовенство и большинство интеллигенции, была предложена идея создания федерации Беларуси и Литвы с Польшей [2, с. 16–17]. Белорусский историк В. Игнатовский причину упадка идеи конфедерации видел в "проявлениях польского княжества, которое видело Литву и Беларусь как сложную и неделимую часть будущей Речи Посполитой Польской" [7, с. 222]. Польские историки считают, что в момент провозглашения Конфедерации ВКЛ ни белорусы, ни литовцы, ни евреи, ни поляки не были подготовлены к восприятию этой идеи. На наш взгляд, сочетание всех вышеперечисленных факторов, а также то, что идея конфедерации не нашла широкой поддержки ни среди белорусского, ни среди литовского населения, привели к тому, что эта идея не была реализована [2].

В 1915–1916 гг. группа белорусских деятелей, которые остались в Вильнюсе, приступили к разработке основ первой в истории Беларуси национальной внешнеполитической концепции. В первую очередь, ее основными авторами и пропагандистами стали братья А. и И. Луцкевичи. Будущее Беларуси они рассматривали в тесном союзе с государствами Балтии и Украины. Основные политические требования белорусского национального движения были составлены на основе реферата, разработанного БНК во главе с А. Луцкевичем, – «Соединенные Штаты от Прибалтики до Черного моря», который был представлен на III Конгрессе Наций 27–29 июня 1916 г. в Лозанне (Швейцария). Это был план широкой конфедерации, в которую после Первой мировой войны должны были войти Беларусь, Литва, Латвия и Украина. На смену идеи о независимом государстве с автономными территориями пришла идея конфедерации независимых государств, сильного их экономического и политического блока. Одной из причин, по которой А. Луцкевич выступал за объединение Беларуси с соседями, являлось стремление обеспечить Беларуси выход к морю. В возможности свободно пользоваться морскими путями сторонники этой концепции видели важнейшее условие развития национальной экономики. Эта

идея должна была стать своеобразным национальным идеалом для белорусского сознательного общества. Ее совершение могло бы в наиболее полной мере обеспечить белорусскому народу свободу всестороннего развития и "правдивую свободу" [11, с. 6]. Эта концепция, хотя и была главной, планировалось на перспективу. Ближайшей задачей ставился вопрос о создании литовско-белорусского государства на захваченных Германией землях в форме Конфедерации ВКЛ. Эта концепция была поддержана БНК, БСДРГ и Виленским комитетом БСГ. Однако в тех политических условиях ее реализация была делом сложным. Белорусские политики переоценили значение моря и недооценили стремление соседних стран – Литвы, Латвии и Украины – к созданию собственной независимости. Особенно активно в этом направлении действовали литовцы, которые считали своё национальное движение, в отличие от белорусского, более сильным и организованным. Они начали дистанцироваться от предложений создать единое белорусско-литовское государство, но окончательно взаимоотношения с белорусами не разорвали. Тактика двойной игры давала возможность литовским политикам, с одной стороны, при необходимости получать поддержку белорусов на международной арене, а с другой – предъявлять территориальные претензии на белорусские этнографические земли.

1. Апостол национального возрождения (документы и материалы об А.Луцкевиче). Подгот. В.Н. Михнюк, Н.М. Климович, А. И. Гесь // Неман. 1995. – № 1 – С. 127–166.
2. Боголейша, С. Конфедерация Великого Княжества Литовского: проекты и свершения / С. Боголейша // Беларускі гістарычны часопіс. – 2005. – № 7. – С. 12–17.
3. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИИ). – Ф.3. Оп. 1. Спр.139. Л. 7, 19.
4. БГАМЛИИ. – Ф. 3–1. Спр.131. Л. 11.
5. Беларусь в политике соседних и западных государств (1914–1991 гг.): Сборник документов и материалов: в 4. т. / Министерство иностранных дел Республики Беларусь, Белорусский государственный университет, Национальный архив Республики Беларусь. Т. 1.: 1 августа 1914–18 марта 1921.: в 2-х ч., Ч. 1.: 1 августа 1914 – 31 декабря 1919. / [Составители: А.Ф. Большой и др.]. – Мн., Юнипак, 2008 – 537 с.
6. История белорусского государственности в конце XVIII – пач. XXI в. / [А.А. Коваленя и др.]. – Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. – Кн.1. – М., 2011. – 583 с.
7. Игнатowski, В. История Беларуси в XIX–начале XX в / В. Игнатowski – Мн., 1928. – 243 с.
8. Луцкевич Антон: Материалы следственного дела НКВД БССР / Подгот. к печати, введение и комментарии В.Н. Михнюка, Н. М. Климовича и А. Н. Гесь. – М.: БелНИИДАД, 1997. – 204 с.
9. Луцкевич, А. Политические лозунги белорусского движения / А. Луцкевич // Сборник "Наша Нива". – Вильнюс, 1920. – С. 8–18.
10. Луцкевич, А.И. Польская оккупация в Беларуси / А.И. Луцкевич – Вильнюс: "Печать", 1920. – 19 с.
11. Луцкевич, А. Соединенные Штаты от Балтийского до Черного морей / А. Луцкевич // Свобода. – 1990. – № 2. – С. 5–8.
12. Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Пер. с 5-го нем. изд. под ред. А. Свечина / Э. Людендорф. – Т.2. – М., 1924.
13. Микнис, Р. Литва и Беларусь: Перипетии государственности в начале 20 в. / Р. Микнис // Белоруссика-Albarutenika. – Мн., 1997. – Кн. 6. – Ч. первая – С. 249–257.
14. Туронок, Ю. Беларусь под немецкой оккупацией / Ю. Туронок – Мн.: Беларусь, 1993. – 236 с.
15. Щавлинский, Н. Б. Белорусское национальное движение на оккупированной территории края с осени 1915 до февральской революции 1917 г. / М. Б. Щавлинский // Вестник БГУ. – 1998. – № 2. – С. 16–20.

ПОГЛЯДЫ ДЗЕЯЧАЎ БЕЛАРУСКАГА НАЦЫЯНАЛЬНАГА РУХУ НА ПРАБЛЕМУ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ БЕЛАРУСІ Ў СТУДЗЕНІ – КРАСАВІКУ 1918 г.

А.Д. Тогулева

Першая сусветная вайна пачалася 1 жніўня 1914 г. як вынік супярэчнасцей паміж буйнымі імперыялістычнымі дзяржавамі. Ужо з лета 1915 г. баявыя дзеянні вяліся на тэрыторыі Беларусі. У кастрычніку 1915 г. фронт стабілізаваўся на лініі Дзвінск – Паставы – Баранавічы – Пінск. Каля паловы тэрыторыі Беларусі апынулася пад нямецкай акупацыяй, другая частка засталася ў складзе Расійскай імперыі. Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі

большавіцкі ўрад імкнуўся заключыць перамір'е з Германіяй, а потым і сепаратны мір. Выкарыстоўваючы абвешчанае большавікамі права нацый на самавызначэнне, прадстаўнікі беларускага нацыянальна-вызваленчага руху склікалі у снежні 1917 г. у Мінску 1-ы Усебеларускі з'езд, які павінен быў вырашыць пытанне аб уладзе на Беларусі. Аднак на 1-ым Усебеларускім з'ездзе ўздымалася яшчэ адно вельмі значнае пытанне для лёсу Беларусі. Гэта пытанне аб удзеле беларускіх прадстаўнікоў у мірных перагаворах, якія непасрэдна датыкаліся тэрытарыяльных інтарэсаў Беларусі. У выступленні Я. Варонкі [1, с. 52] ад імя БСГ і ў рэзалюцыі, якую быў павінен прыняць з'езд, гаварылася аб тым, што “Выканаўчым органам Часовай Краёвай Улады дэлегуюцца свае прадстаўнікі ... для ўдзелу ў адбываючыхся перагаворах аб міры” [2, с. 57]. Згодна з гэтым Выканкам Рады 1 Усебеларускага з'езда распрацаваў Дэкларацыю для беларускай мірнай дэлегацыі, якая прадугледжвала ўваход адзінай і непадзельнай у этнаграфічных межах Беларусі як раўнапраўнай аўтаномнай часткі ў Расійскую Дэмакратычную Федэратыўную Рээспубліку; нацыянальна-персанальную аўтаномію для нацыянальных меншасцей Беларусі; уз'яднанне акупіраваных частак з беларускім насельніцтвам з аўтаномнай Беларуссю; ачышчэнне акупіраваных частак Беларусі ад войск, якія яе займаюць; вяртанне бежанцаў на радзіму за кошт міжнароднага фонда і інш. [3] На думку беларускіх дзеячоў у аснову ўсеагульнага дэмакратычнага міру павінны быць пакладзены наступныя палажэнні: мір без анексій і кантрыбуцый на аснове самавызначэння народаў; вырашэнне пытання аб лёсе акупіраваных тэрыторый ідзе шляхам свабоднага галасавання насельніцтва пасля вяртання на акупіраваныя часткі бежанцаў і вываду адтуль войск, якой бы краіне яны не належалі, знішчэнне тайнай дыпламатыі і інш. [3]

26 студзеня 1918 г. дэлегацыя Выканкама Рады 1 Усебеларускага з'езда перайшла лінію фронту і накіравалася ў Баранавічы, а потым у Брэст-Літоўск, дзе ішлі перагаворы паміж Савецкай Расіяй і Германіяй аб заключэнні сепаратнага міра. Як паведамляе прадстаўнік беларускай мірнай дэлегацыі С. Рак-Міхайлоўскі (член БСГ), яны прадугледжвалі ў Брэсце магчымасць розных варыянтаў. Па-першае, калі беларускую дэлегацыю не прызнаюць у якасці самастойнага боку ў перагаворах ні Л. Троцкі, ні Аўстра-Германія, яна павінна дамагацца магчымасці заявіць сваю дэкларацыю і пратэст. Па-другое, калі беларускую дэлегацыю не прызнае Л. Троцкі і не ўключаць у склад агульнарасійскай дэлегацыі, але прызнае процілеглы бок, ёй неабходна зрабіць заяву, што прадстаўнік рускай рэвалюцыйнай улады піхае беларусаў “у абдымкі Германцаў”, але яны не пойдучь па гэтаму шляху, не жадаючы вырашаць пытанне аб міру сепаратна і застаюцца ў Брэсце, “як вушы і вочы беларускай Рады”, зберагаючы права дарадчага голасу ў перагаворах. Патрэбнае, калі беларускую дэлегацыю прызнаюць і ўключаць у склад агульнарасійскай дэлегацыі, то яна ў такім выпадку павінна дзейнічаць згодна з Дэкларацыяй [4].

На самой жа справе адбылося так, што беларускую дэлегацыю прадстаўнікі Савецкай Расіі не прызналі, і яна была вымушана ўвайсці ў склад украінскай дэлегацыі, але ў гэты час бакі, якія вялі перагаворы, ужо рыхтаваліся падпісаць мірнае пагадненне. Такім чынам, лёс Беларусі вырашаўся без удзелу саміх беларусаў.

Тым часам пытанне аб далейшым лёсе Беларусі абмяркоўвалася і на акупіраванай немцамі тэрыторыі. 25–27 студзеня ў Вільні адбылася беларуская канферэнцыя, актыўны ўдзел у якой прыняла Віленская група БСГ на чале з А. Луцкевічам. Згодна са сваімі поглядамі на дапамогу Германіі ў вырашэнні пытання аб дзяржаўнай незалежнасці Віленскія беларускія дзеячы, як паведамляе А. Луцкевіч: “У палітычнай рэзалюцыі... паспрабавалі яшчэ раз выставіць пытанне аб дуалістычнай або траістай дзяржаве: беларуска-літоўска-латышскай, як адзіна рацыянальнай з гаспадарчага пункту гледжання і дастаткова значнай, каб уяўляць рэальную баявую моц” [5, с. 140]. Гэтая рэзалюцыя была паслана германскаму канцлеру, але нямецкі ўрад на яе не адказаў.

Канферэнцыя абрала Віленскую Беларускую Раду, якая адразу, як бачна з рэзалюцыі, прыняла востры незалежніцкі напрамак. 18 лютага, калі Савет камісараў Заходняй вобласці пакінуў Мінск, у выніку наступлення нямецкіх войск, Віленская Беларуская Рада

выдала пастанову гэткага зместу: “Палякі выказваюць захопныя тэндэнцыі на Беларусі, рускія войскі ня далі магчымасці з’арганізавацца беларускай арміі і самі кінулі Беларусь безабароннай; Беларусь мае ў гісторыі доказы магчымасці незалежнага палітычнага існавання; бальшавіцкі ўрад вёў гвалтоўную палітыку над беларускім народам, аб чым сведчыць разгон Усебеларускага кангрэсу ў Мінску. Прымаючы ўсё гэта на ўвагу, Віленская Беларуска-Радзкая Рада абвешчае сувязь паміж Расіяй і Беларуссю парванай.

Рада звяртаецца да ўсіх заходніх дзяржаў, асабліва да Нямеччыны, якая мае найбольш эканамічных інтарэсаў, супольных з Літоўска-Беларускі краем, каб яны дапамаглі ў справе адбудовы дзяржаўнай незалежнасці колішняга Літоўска-беларускага гаспадарства, нягледзячы на цяперашні раздзел яго мяжою фронту” [6].

Тым часам пасля зрыву перагавораў у лютым пачынаецца германскае наступленне на ўсход і ў Мінску кіраўніцтва беларускіх сацыялістычных партый вырашыла, што надыйшоў час рашучых дзеянняў. Выканаўчы камітэт Рады з’езда энергічна ўзяўся за палітычную і дзяржаўна-адміністрацыйную працу і 21 лютага 1918 г. выдаў першую Устаўную грамату да народаў Беларусі. У ёй канстатавалася пагроза заняцця краю немцамі і неабходнасць узяць свой лёс ва ўласныя рукі. “Беларускі народ павінен здзейсніць свае правы на поўнае самавызначэнне, нацыянальныя меншасці на нацыянальна-персанальную аўтаномію”, – зазначалася ў Грамаце. У ёй таксама было аб’яўлена, што “Выканаўчы камітэт Рады 1-га Усебеларускага з’езда, папоўнены прадстаўнікамі рэвалюцыйнай дэмакратыі нацыянальных меншасцей, ажыццяўляючы задачу, ускладзеную на яго з’ездам, аб’яўляе сябе часовай уладай Беларусі”, да склікання Усебеларускага ўстаноўчага сходу [7, с. 65].

У заключэнні паведамлялася, што часовую народную ўладу ў краі, якая ставіць задачу абароны і ўмацавання заваёў рэвалюцыі, будзе ажыццяўляць Народны Сакратарыят Беларусі [7, с. 65]. У склад Народнага Сакратарыята – першага беларускага ўрада – увайшлі Я.Я. Варонка (старшыня), П.А. Бадунова, Т.Т. Грыб, А.К. Карач, П.А. Крачэўскі – члены БСГ, І.Н. Макрэў, Е.Е. Бялевіч, І.Н. Серада, В. Рэдзька, Г.І. Бялінд, П.Б. Злобін – эсеры, М.Л. Гутман – ЯСРП, Л.І. Заяц – народны сацыяліст, К.Б. Езавітаў [8, с. 107].

Але Беларускі ўрад мог свабодна дзейнічаць у Мінску толькі няцэлы тыдзень. З 25 лютага на Беларусі афіцыйна ўсталявалася нямецкая ўлада. Аднак Народны Сакратарыят паспеў стварыць беларускую камендатуру горада і тым самым уратаваў насельніцтва ад стыхій анархій. Як лічыць Я. Юхо: “Выканаўчы камітэт Рады і Народны Сакратарыят Беларусі ... былі законнымі органамі ўлады на Беларусі” [7, с. 65].

Між тым 3 сакавіка 1918 г. Расіяй быў падпісаны Брэсцкі мірны дагавор з Германіяй і іншымі дзяржавамі, па якім значную тэрыторыю Беларусі ўрад РСФСР, а фактычна VII з’езд РКП(б), перадаваў Германіі. У гэты час ужо нельга было гаварыць аб аўтаноміі ў складзе Расіі, бо тэрыторыя Беларусі юрыдычна і фактычна разрывалася на тры часткі. Заходняя – Гродзенская губерня і частка Віленскай з горадам Вільняй – уключалася ў склад Германіі. Насельніцтва яе становілася грамадзянамі Германіі. Тэрыторыя ўжо лічылася не беларускай і не расійскай, а нямецкай і атрымлівала назву Новая ўсходняя Прусія [7, с. 65].

Цэнтральная частка – Мінская губерня, частка Віцебскай і Магілёўскай – лічылася часова акупіраванай тэрыторыяй. У артыкуле 3 Брэсцкага дагавора гаварылася: “Для означенных областей из их прежней принадлежности к России не будет вытекать никаких обязательств по отношению к России.

... Россия отказывается от всякого вмешательства во внутренние дела этих областей. Германия и Австро-Венгрия намериваются определить будущую судьбу этих областей по несении с их населением” [7, с. 65].

Толькі самыя ўсходнія раёны Беларусі заставаліся ў складзе РСФСР.

Такім чынам, дакументы сведчаць, што менавіта Савецкі ўрад, падпісваючы гэты дагавор, не лічыўся з інтарэсамі Беларусі, пакідаў яе безабароннай.

У гэты час у Мінск прыбыла дэлегацыя віленскіх беларускіх дзеячоў, прадстаўнікоў Віленскай Беларускай Рады і Віленскай арганізацыі БСГ, у складзе А. і І. Лупкевічаў, Д. Сямашкі, Я. Станкевіча і В. Туркевіча [8, с. 108]. Пасля некалькіх нарад паміж віленскай дэлегацыяй,

Народным Сакратарыятам і дзеячамі Рады рэспублікі былі выпрацаваны асноўныя тэзісы аб адносінах да Брэсцкага трактату і аб нацыянальнай дзяржаўнасці на Беларусі. Яны складаліся з наступных пунктаў: “1) падзел Беларусі па Брэсцкаму трактату не можа быць цяжкім беларусамі; 2) калі савецкі ўрад не можа ануляваць свайго подпісу, супраць падзелу павінны пратэставаць самі беларусы; 3) неабходна для гэтага абвясціць незалежнасць Беларускай Народнай Рэспублікі, т.я. толькі тады яна можа патрабаваць вяртання Заходняй Беларусі, калі выступіць у якасці суверэнай дзяржавы; 4) парываючы дзяржаўную сувязь з Савецкай Расіяй, неабходна аперціся на Германію і ісці з ёй поплеч, замацаваўшы саюз з ёй у той ці іншай форме – у залежнасці ад абставін” [5, с. 141]. Аўтарам гэтых тэзісаў быў А.Луцкевіч, але, як ён зазначае: “... дзеячы Рады і Народнага Сакратарыята ... ня толькі не супярэчылі мне, а наадварот, заяўлялі, што і яны - да майго прыезду – ужо абгаворвалі гэтыя пытанні і прыйшлі да тых жа вывадаў” [5, с. 141].

9 сакавіка 1918 г. адбылося першае пасяджэнне Выканкама 1 Усебеларускага з’езда. Да гэтага ў яго састаў было ўведзена 9 членаў ад правінцыяльных беларускіх рад, 10 – ад земства і гарадскога самакіравання і 15 – ад нацыянальных меншасцей [9]. На гэтым пасяджэнні была прынята другая Устаўная грамата да народаў Беларусі, у якой адзначалася, што Усебеларускі з’езд зацвердзіў на землях Беларусі рэспубліканскі лад. Далей у Грамаце было аб’яўлена, што

1. Беларусь у рубяжах рассялення і лічэбнай перавагі Беларускага народа абвясчаецца Народнай Рэспублікай.

2. Асноўныя законы БНР зацвердзіць Устаноўчы сойм Беларусі, скліканы на асновах агульнага і роўнага, простага, патаемнага і прапарцыянальнага выбарчага права, не зважаючы на пол, народнасць і рэлігію.

3. Да часу, пакуль збярэцца Устаноўчы сойм Беларусі, заканадаўчая ўлада ў Беларускай Народнай Рэспубліцы належыць Радзе Усебеларускага з’езда, папоўненай прадстаўнікамі нацыянальных меншасцей Беларусі” [2, с. 71].

Важнае канстытуцыйнае значэнне мела абвясчэнне ў другой Устаноўчай Грамаце дэмакратычных свабод: вольнасці слова, друку, сходаў, забастовак, недатыкальнасці асобы і памяшканняў і г.д. [2, с. 71]

Большасць дзеячоў БНР, абвясчаючы ў лютым 1918 г. Беларускаю Народную Рэспубліку, мела намер бачыць яе аўтаномнай у складзе Расійскай Федэратыўнай Дэмакратычнай Рэспублікі.

Аднак пасля падпісання Брэсцкага міру дзеячамі нацыянальнага руху было вырашана склікаць экстранае пасяджэнне Рады рэспублікі на парадак дня паставіць толькі адно пытанне: аб абвясчэнні незалежнасці Беларускай Народнай Рэспублікі. Пасяджэнне Рады пачалося ўвечары 24 сакавіка 1918 г., на ім фракцыя БСГ унесла на абмеркаванне прапанову аб абвясчэнні незалежнасці БНР. Гэтая прапанова выклікала вострыя спрэчкі, сапраўдную атаку з боку прадстаўнікоў земства, але ўсё ж была прынята. Даклад аб становішчы на Беларусі ў сучасны момант і аб прычынах, якія выклікалі абвясчэнне незалежнасці зрабіў старшыня фракцыі БСГ А. Смоліч. Даклад зноў выклікаў хвалю спрэчак. Пасля напружанай дыскусіі, якая зацягнулася далёка за поўнач, большасцю галасоў была прынята наступная рэзалюцыя: “Рада БНР абвясчае Рэспубліку незалежнай, аб чым выдае адпаведную Устаўную Грамату” [10].

Група Рады Рэспублікі, выдзеленая I Усебеларускім з’ездам, у якую ўваходзіла фракцыя БСГ, галасавала аднагалосна за незалежнасць. Гарадская група і прадстаўнікі Бунда былі супраць рэзалюцыі, але засталіся ў Радзе. Земская група ў складзе 9 чалавек выйшла з Рады [10].

25 сакавіка 1918 г. была выдадзена III Устаўная Грамата Рады Беларускай Народнай Рэспублікі, якая паставіла: “Ад гэтага часу Беларуская Народная Рэспубліка абвясчаецца незалежнай і вольнай дзяржавай” [11].

У сярэдзіне красавіка 1918 г. у Раду БНР замест пакінуўшых яе прыхільнікаў федэрацыі з Расіяй увайшлі прадстаўнікі мінскага аддзялення Беларускага Народнага Прадстаўніцтва. Немцы лічылі Раду БНР сацыялістычнай, і ў процівагу ёй у Мінску было

створана так зване Беларускае Народнае Прадстаўніцтва на чале з Р. Скірмунтам, П. Алексюком і інш. Да яго далучыліся некаторыя правыя з БСГ – А.Уласаў, А.Трусінскі, якія крытыкавалі Раду БНР за яе рэвалюцыйнае паходжанне [9]. Непасрэдна пад іх уплывам Рада БНР прыняла вядомую тэлеграму кайзеру Вільгельму, якая была адпраўлена 25 красавіка 1918 г. У тэлеграме гаварылася: “Рада БНР, як выбраная прадстаўніца Беларускага народа звяртаецца да Вашай імператарскай вялікасці са словамі глыбачэйшай падзякі за асвабоджэнне Беларусі нямецкімі войскамі з цяжкага ўціску чужога пануючага здзеку і анархіі.

Рада БНР дэкларавала незалежнасць цэльнае і недзялімае Беларусі і просіць Вашу імператарскую Вялікасць аб абароне ў яе дамаганні дзеля ўмацавання дзяржаўнай незалежнасці і непадзельнасці ў звязі з Германскай імперыяй. Толькі пад абаронай Германскай імперыі бачыць край сваю добрую долю ў будучыне” [12].

Тэлеграму падпісалі старшыня Рады І. Серада, старшыня Народнага Сакратарыяту Я. Варонка, члены Рады Р. Скірмунт, А. Аўсянік, П. Алексін, П. Крэчэўскі, Я. Лёсік.

За яе галасавалі 35 чалавек, устрымаліся 7, супраць – 4. У знак пратэсту са складу Рады выйшлі гарадская група, прадстаўнікі Бунда, Аб’яднанай Яўрэйскай Сацыялістычнай партыі [8, с. 113].

Уваход у Раду прадстаўнікоў Беларускага Народнага Прадстаўніцтва на чале з Р. Скірмунтам і адпраўка тэлеграмы кайзеру Вільгельму былі рашаючымі для лёсу Беларускай Сацыялістычнай Грамады. Калі Грамада падтрымлівала імкненні і барацьбу працоўных мас за перамогу дэмакратыі ў межах Расійскай Федэратыўнай Рэспублікі, то яна магла разлічваць на разуменне сваіх дзеянняў і атрымлівала сацыяльную апору ў народзе. Калі ж быў узят новы курс з разлікам на міласць германскага кайзера, БСГ увайшла ў хранічны крызіс, які прывёў яе спачатку да расколу, а потым да знікнення з гістарычнай арэны.

С. Рак-Міхайлоўскі пісаў наконт гэтага: “Што вы нарабілі? Я не магу паняць Сацыялістычнай Грамады. Як магла Грамада павергаць сябе ў трона Вільгельма і падаваць свае галасы ў Радзе за хаўрус Беларусі дэмакратычнай з імперыялістычнай Германіяй? Няўжо Бадунова, Грыб маглі гэта нарабіць? Я яшчэ цягну ініцыятыву Грамады ў незалежнасці Беларусі. Гэта ініцыятыва – зеніт працы Грамады, а тэлеграма – труна Грамады...” [13].

Словы С. Рак-Міхайлоўскага здзейсніліся, ужо ў маі 1918 г. першая палітычная нацыянальная партыя Беларусі – Беларуская сацыялістычная грамада перастала існаваць, на яе грунце утварыліся тры новыя палітычныя сілы.

Такім чынам, на працягу студзеня – красавіка 1918 г. адбыліся змены у поглядах прадстаўнікоў беларускага нацыянальнага руху, дзеячоў БСГ на праблему дзяржаўнасці Беларусі. Калі ў студзені – лютым існавала думка аб аўтаномнай сувязі Беларусі з Расійскай Федэратыўнай рэспублікай, то пасля падпісання Брэсцкага міру, які не ўлічваў нацыянальных інтарэсаў беларускага этнасу і фактычна дзяліў тэрыторыю Беларусі на тры часткі, прадстаўнікі беларускага нацыянальнага руху, што знаходзіліся на акупіраванай германскімі войскамі тэрыторыі, перайшлі на пазіцыі супрацоўніцтва з імперыялістычнай Германіяй, разрыву адносін з Расіяй і тым самым страцілі падтрымку з боку рэвалюцыйнай дэмакратыі і беларускага народа.

1. Усебеларускі з’езд 1917 г.: сведчанне сучасніка // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 2.
2. Усебеларускі з’езд 1917 г.: сведчанне сучасніка // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 4.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 60. Воп. 3. Спр. 81. Арк. 46.
4. НАРБ. – Ф. 60. Воп. 3. Спр. 749. Арк. 306–307.
5. Собственноручные показания А.И. Луцкевича 30 октября 1939 г. // Неман. – 1995. – № 1.
6. НАРБ. – Ф. 60. Воп. 3. Спр. 760. Арк. 20.
7. Юхо, Я. Беларускія ўрады 1918–1921 гг. і іх паўнамоцтвы / Я. Юхо // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 4.
8. Игнатенко, И. М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии / И. М. Игнатенко. – Минск, 1992.
9. Игнаценка, І. БНР – як гэта было / І. Игнаценка // Звязда. – 1991. – 23 сакавіка. – С. 2.
10. НАРБ. – Ф. 62. Воп. 1. Спр. 191. Арк. 5.
11. НАРБ. – Ф. 60. Воп. 3. Спр. 755. Арк. 25.
12. НАРБ. – Ф. 60. Воп. 3. Спр. 751. Арк. 45.
13. НАРБ. – Ф. 62. Воп. 1. Спр. 193. Арк. 150.

РАЗДЕЛ 2

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТЕ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ (ЗАПАДНЫЙ) ФРОНТ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

М.М. Смольянинов

Проведение настоящей Международной научной конференции в Беларуси, как и других, ранее состоявшихся здесь форумов, посвящённых 100-летию событий Первой мировой войны, не только символично, а и правомерно, так как белорусские земли являлись центральной частью форпоста Российской империи на Западе. По объявлении войны в первые же дни белорусские губернии были объявлены на военном положении, мобилизованными из местного населения в спешном порядке пополнялись до штатов военного времени дислоцировавшиеся тут соединения русской армии, были сформированы новые полки и дружины государственного ополчения. При этом мобилизация, как отмечало командование, прошла своевременно и успешно. Здесь размещалась Ставка Верховного главнокомандующего (с первых дней войны в Барановичах, с августа 1915 г. – в Могилёве).

Пополненные и вновь сформированные части и соединения были выдвинуты в места сосредоточения и развёртывания войск, влились в состав 1-й (командующий П.К. Реннекамф) и 2-й (командующий генерал А.В. Самсонов) армий Северо-Западного фронта (главнокомандующий генерал Я.Г. Жилинский), выступившего против германских войск в Восточной Пруссии, и в состав 5-й армии Юго-Западного фронта, направленного против австро-венгров в Галицию. Принимая участие в сражениях, войска имели успехи и терпели неудачи. Причинами неудач уже в начальный период являлись поспешность, до полного сосредоточения по настойчивой просьбе французов перехода в наступление, чтобы спасти их и англичан, оказавшихся в критическом положении в приграничном сражении, а также плохое управление войсками и отсутствие взаимодействия между соединениями и армиями. В результате только в Восточной Пруссии русские 1-я и 2-я армии потеряли убитыми, ранеными и пленными более 200 тыс. человек [2, с. 27,30]. Большие потери русские войска понесли также в сражениях в Галиции и на территории Царства Польского, где состоялись Галицийская, Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции.

Сражения 1914 г. не оправдали надежд противоборствующих сторон на достижение быстрой победы. Война приобретала затяжной характер. На франко-германском фронте уже к концу 1914 г. борьба приняла позиционный характер. На австро-германо-русском фронте хотя ещё и продолжались маневренные действия, но и они всё больше склонялись к позиционной войне. Силы противоборствующих сторон в кровопролитных сражениях уже к концу 1914 г. были значительно ослаблены. В связи с угрозой длительной войны экономика государств Антанты и Тройственного союза требовала сложной перестройки на военный лад. Войскам требовались большие пополнения военной техники, огнеприпасов, снаряжения и личного состава. В частности, некомплект русских армий достигал в это время полумиллиона человек [3, с. 273].

В целом кампания 1914г. на восточноевропейском театре войны была выиграна русской армией. Её операции нарушили стратегический план германского командования – добиться победы путём последовательного разгрома сначала Франции, а затем – России. Германия оказалась вынужденной вести войну на два фронта. Однако германское

командование, несмотря на неудачи в сражениях 1914 г., не оставляло своих надежд на быстрый разгром противников. Вступая в 1915 г. оно запланировало направление главного удара перенести с Западного на Восточный фронт. Уже с середины января началом осуществления этого плана явились кровопролитные сражения на польском участке русско-германского фронта у Боржимова и Воли Шидловской с целью отвлечь внимание командования русских войск от подготавливаемой германцами крупной операции в Восточной Пруссии, которая завершилась окружением и разгромом 20-го армейского корпуса 10-й армии русских в Августовских лесах. Однако это был лишь частичный успех германцев в основном их плане на этом этапе – окружение и разгром всей 10-й армии, затем путём мощных встречных ударов с флангов австро-германского Восточного фронта – из Восточной Пруссии и со стороны Карпат – совершить глубокий обход русских армий, сосредоточенных в так называемом «польском балконе», окружить их и разгромить. Тем самым вывести Россию из войны.

Заслугой Верховного командования русской армии в это время явилось то, что оно разгадало замысел противника и, чтобы избежать катастрофы, приняло решение о глубоком отводе войск из пределов Царства Польского в глубь своей территории. Следует сказать, что отступление проходило планомерно, но в очень сложных условиях, под давлением и ударами германских войск, имевших большое превосходство в вооружении, особенно в тяжёлой артиллерии и изобилии огнеприпасов. Архивные документы свидетельствуют о том, что отвод русских войск совершался под ежедневным активным преследованием противника, проявлявшемся в атаках, ружейно-пулемётном и артиллерийских обстрелах. Отступавшие русские войска в свою очередь вели аррьергардные бои, переходили в контратаки, наносили контрудары противнику, но при этом несли большие потери. В этих условиях за трёхмесячный срок войска прошли более, чем 400 км расстояние, оставив огромную территорию. На белорусских землях отступление завершилось Свенцянским прорывом германских войск, его ликвидацией в конце сентября 1915 г. и стабилизацией фронта от Рижского залива по линии Двинск, Поставы, Сморгонь, Барановичи, Пинск, Ровно и далее на юг до Румынской границы.

Следует заметить, что некоторые историки считают, что на участке линии фронта, проходившей по территории Беларуси, в частности в Полесье, дальнейшее продвижение германских войск было остановлено упорным сопротивлением русских. Однако, как свидетельствуют архивные документы, да и признания начальника штаба германского Восточного фронта генерала Э. фон Людендорфа, германцы оторвались от своих тылов, опасались раствориться в российских пространствах, к тому же расстояния и бездорожье в условиях наступавшей осени явились для них большим препятствием. Всё это вкупе с упорным сопротивлением и остановило их дальнейшее продвижение.

На названной линии фронт дислоцировался в течение двух с половиной лет. За этот период здесь прошёл целый ряд кровопролитных сражений. В частности, на территории Беларуси были проведены две наступательные операции русских войск в 1916 г.: в марте по настоянию французского командования Нарочская с целью оттянуть на русский фронт германские войска, громившие французов в крепости Верден; в июле по настойчивой просьбе итальянского военного руководства Барановичская операция, чтобы оттянуть австро-венгерские войска, громившие итальянскую армию под Трентино. Обе операции были проведены ранее намеченных сроков по плану российского командования, не до конца подготовленные в военно-техническом отношении, а Нарочская, кроме того, в самое неблагоприятное время – весеннюю распутицу. Несмотря на мужество и упорство войск, прорвать позиции противника не удалось, но французы и итальянцы были спасены от разгрома: под Верденом на целую неделю были прекращены атаки германцев, направивших свои резервы против русских, что поспособствовало французскому командованию сосредоточить там значительные силы и не допустить прорыва фронта; с

итальянского фронта были переброшены на русский фронт австро-венгерские дивизии и это позволило итальянцам удержать свои позиции, а также способствовало англичанам и французам в наступлении на Сомме.

Однако эта помощь союзникам дорого обошлась России и её вооружённым силам. Только в Нарочской и Барановичской операциях войска российского Западного фронта потеряли убитыми, ранеными и пленными около 200 тысяч человек. Неизмеримой потерей для русских войск явилось падение их морально-боевого духа. Солдаты, явившиеся свидетелями потери огромной территории своей страны, лишений и страданий мирных жителей, обращённых в беженство во время отступления русской армии, претерпевшие трудности и лишения в сражениях, переживавшие горечь поражений и гибель множества людей, в том числе своих сослуживцев, видели причины всех бедствий в военно-технической отсталости страны перед противником, необеспеченности частей боевыми средствами, бестолковости приказов и распоряжений Верховного командования и скрыто высказывали своё недовольство. Особенно это проявлялось в письмах своим родным и близким, что неоднократно отмечала в своих сводках военная цензура [4, с. 237]. В это же время в письмах из тыла фронтовикам с тревогой сообщалось о бедственном положении их семей в условиях возросшей дороговизны, об отсутствии предметов первой необходимости, о спекуляции торговцев и произволе властей.

Особенно бедственным было положение населения в прифронтовых белорусских губерниях, переполненных войсковыми частями и беженцами. Здесь почти повсеместно не хватало хлеба, соли, мяса. Истощались запасы, до минимума сократился подвоз из глубинных районов России. Так, например, для нормального снабжения населения Витебской губернии в октябре – ноябре 1916 г. требовалось 1188 вагонов продовольствия, фактически было завезено только 211, т.е. шестая часть необходимого [4, с. 363]. Местное же производство сельхозпродукции было в кризисном состоянии. По причине мобилизаций в войска 50% трудоспособных мужчин, а также основной тягловой силы в деревне – лошадей, сократились посевные площади, а выращенный урожай из-за нехватки рабочих рук не всегда полностью убирался. Всё это привело к острому продовольственному кризису. В Минске, Витебске, других городах, неоккупированных губерний Беларуси как и в крупнейших промышленных центрах Российской империи – Петрограде и Москве надвигался голод.

В русской армии с наступлением зимы, наряду с нехваткой вооружения, не доставало обмундирования, особенно теплой одежды, а также сапог, продовольствия и фуража. Солдаты переживали горечь поражений, огромные людские потери в сражениях, испытывали голод и тяготы лишений на фронте, достигшие к 1917 г. критической черты. Всё это они ставили в вину Верховному командованию во главе с императором и управлению страной, что способствовало тому, чтобы русская армия – бывший оплот самодержавия, стала ему мощной оппозицией и в феврале 1917 г. перешла на сторону восставшего народа.

27 февраля 1917 г. в результате восстания питерских рабочих и солдат Петроградского гарнизона было свергнуто царское самодержавие. С победой революции, установлением нового государственного строя в стране беднейшие слои населения и солдаты ожидали перемен, особенно в вопросе ведения войны. Однако пришедшее к власти Временное правительство ещё больше, чем царизм было зависимо от союзников России по Антанте и под их влиянием взяло курс на продолжение войны. В то же время под давлением партий революционной демократии, образовавших Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, и в соответствии с Приказом №1 последнего оно приступило к демократизации армии, тем самым подорвав, единоначалие командного состава в войсках.

В этих условиях попытка Временного правительства и Верховного командования выяснить боеспособность армии и её готовность продолжать войну «до победного конца»

показала, что солдаты станут оборонять страну и завоёванную свободу, но в большинстве своём они высказались против наступательных действий. Тем не менее Верховное командование и командование фронтов русской армии снова с оглядкой на «настойчивые желания» союзников, и чтобы «отвлечь войска от политических увлечений», даже не имея уверенности в успех наступления, приступили к его подготовке и развернули сражения 18 июня войсками Юго-Западного фронта, а после его провала и на Западном фронте – 6 июля в районе Крево, которое также успеха не имело из-за его неподготовленности и нежелания солдат наступать.

В итоге Верховное командование русской армии в очередной раз ценой большой крови и человеческих жертв подтвердило свою верность и приверженность союзническим обязательствам. В то же время оправдалась неуверенность командования в успех наступательной операции. Противоборствующие стороны (в районе Крево) остались на прежних позициях. Преследуемая цель «отвлечь войска от политических увлечений» боевыми действиями, если не принимать во внимание до 40 тыс. человек убитых и раненых, также не была достигнута. О чём свидетельствовало последующее развитие военно-политических событий в России и русской армии, такие как июльская демонстрация протеста рабочих и солдат Петрограда и её расстрел Временным правительством, введение смертной казни на фронте, затем попытка установления военной диктатуры в стране и армии с целью восстановления «прежнего порядка». В целом, возможно, эти меры были направлены на оздоровление обстановки в стране и восстановление воинской дисциплины и порядка в армии, но они пришлись не ко времени и ещё больше способствовали росту антиправительственных и антивоенных настроений в стране и армии, которые завершились вооружённым восстанием рабочих и солдат Петрограда и взятием власти большевиками.

Взяв власть, большевики приступили к выполнению тех обещаний, которые они пропагандировали и благодаря которым за ними пошли многочисленные массы рабочих, солдат и крестьян. Зная, что одним из главных чаяний измученного войной народа являлось скорейшее прекращение войны, большевики в первый же день своего правления, 26 октября 1917 г., с трибуны II Всероссийского съезда Советов провозгласили составленный В.И. Лениным Декрет о мире, в котором было предложено «всем воюющим народам и их правительствам немедленно начать переговоры о справедливом демократическом мире». Правительства стран Антанты не ответили на мирные предложения Советского правительства. Исполняющий должность Верховного главнокомандующего русской армии генерал Н.Н. Духонин, не признавший власть Совнаркома, отказался предложить перемирие всем воюющим сторонам.

9 ноября 1917 г. Председатель Совнаркома В.И. Ленин и народный комиссар по военным делам и Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко от имени советского правительства обратились с радиোগраммой ко всем войсковым комитетам и солдатам русской армии и матросам флота с призывом взять дело мира в свои руки. Стоявшим на линии фронта полкам было предоставлено право тотчас выбирать «уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем» [1, с. 82].

На Западном фронте уже накануне Октябрьского переворота главным требованием солдат было прекращение войны. Сама победа вооружённого восстания в Петрограде и установление власти Советов были восприняты ими как установление мира. Войсковые комитеты многих частей и соединений, выражавшие настроения солдат, важнейшей задачей победившей революции считали заключение мира. Созданный при штабе фронта ВРК 12 ноября обратился к солдатам с призывом усилить борьбу за перемирие во имя «спасения всей страны от голода и разорения, от окончательной гибели». Одновременно ВРК обратился к офицерам фронта с уведомлением о немедленном начале переговоров о заключении перемирия и выразил «твёрдую уверенность», что офицерство фронта «стоит

на высоте поставленных историей задач и ... не пойдёт против ясно и определённо выраженной воли народа» [4, с. 399].

Следует сказать, что процесс заключения перемирия с противником на Западном фронте проходил организованно. Переговоры велись специально созданными в частях и соединениях комиссиями из солдат и офицеров, которые руководствовались разработанными вышестоящими комитетами инструкциями, определявшими юридическое лицо и место для ведения переговоров, а также образ действий частей и соединений во время переговоров и в случае заключения перемирия. Общий договор о перемирии на Западном фронте был подписан комиссией ВРК 21 ноября 1917 г. на переговорах в мест. Соли. Военные действия прекращались с 12 часов 23 ноября 1917 г. до 12 часов 24 января 1918 г. или до заключения общего перемирия на всём русско-германском фронте (таковое было подписано в Брест-Литовске 2 декабря).

После победы Октябрьской революции взявшие власть большевики продолжили начатую Временным правительством демократизацию армии, которая на этом этапе заключалась в отстранении от командования не признавших Советской власти офицеров, как политически неблагонадёжных. На их место на собраниях и заседаниях войсковых комитетов избирались новые из перешедших на сторону Советской власти офицеры и наиболее политически развитые солдаты.

В конечном счёте большевики не рассчитывали на стойкость войск в случае возобновления военных действий. Провозглашение декретов о мире и о земле, заключение перемирия на фронте усилили стремления солдат уйти в тыл. В огромной мере положение усугублялось усталостью и лишениями окопной жизни, плохим продовольственным, вещевым и фуражным снабжением, приближением зимы. Поэтому наряду с полной демократизацией армии большевики приступили к её демобилизации. Уже 10 ноября 1917 г. Совнарком принял Декрет «о постепенном сокращении численности старой армии», начиная с увольнения в запас солдат с самого старшего срока призыва – 1899 г. Предпринимались меры провести демобилизацию организованно, под руководством военно-революционных комитетов. Однако на ВРК было такое давление со стороны солдат, что уже в конце ноября они настаивали на увольнении 1900, 1901, 1902, а также 1911 и 1912 годов действительной службы. В декабре в войска поступил приказ Верховного главнокомандующего об увольнении от службы солдат указанных сроков с интервалом в 10 дней. К концу декабря 1917 г. эйфория демобилизации охватила все части и соединения армий Западного фронта. Уставшие, полураздетые, очутившиеся перед призраком неминуемого голода солдаты устремили свой взор в тыл, угрожая повальным бегством с фронта. Имели место случаи, когда под давлением солдат войсковые комитеты самочинно принимали решения о демобилизации и даже расформировании частей, подразделений и команд.

К февралю 1918 г. в результате форсированной демобилизации солдат, частичного отвода полков и подразделений в тыл с целью разгрузки фронта и их последующего расформирования, а также имевшего место дезертирства Западный фронт был окончательно обескровлен. На линии фронта в 450 вёрст, по словам начальника штаба Верховного главнокомандующего М.Д. Бонч-Бруевича, «по сильно преувеличенным данным насчитывалось не более 150 тыс. штыков». Общее положение фронта характеризовалось совершенно небоеспособным, на значительных расстояниях обнажённым, по причине ухода в тыл «целых полков и артиллерии» [4, с. 438].

Демобилизуя старую армию, Совнарком и верховные военные органы разработали организационные принципы и приступили к формированию новой, социалистической армии на добровольных началах из наиболее сознательной части рабочих, крестьян и солдат старой армии. На местах эта работа была возложена на Советы частей и соединений фронта, а также на военные отделы местных Советов и проводилась в очень

сложных условиях. В частности, фронтовые части и соединения были сильно обескровлены демобилизацией, расформированием и дезертирством. Поэтому число вступавших в формирования новой армии было незначительным. Как для демобилизации старой армии, так и для создания новой требовалось время и необходимые благоприятные экономические и военно-политические условия. Ни для одного из этих процессов таких условий не было. В условиях войны, экономической разрухи большевики, почти распустив старую армию, не успели создать новой. Страна оказалась почти без защиты перед угрозой нового германского вторжения.

1. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. Т. 35.
2. Нелипович, С.Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1914 / С.Г. Нелипович. – М.: Квадрига, 2017. – 282 с.
3. Первая мировая война 1914–1918 годов. В 6 т. Т. 1. Происхождение и основные события войны. – М.: Кучково поле, 2014. – 864 с.
4. Смольянинов, М.М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / М.М. Смольянинов. – 2-е изд., доп. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 493 с.

РУССКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

М.В. Оськин

Первая мировая война стала триумфом артиллерийской мощи. Именно артиллерия определяла ход и исход операций, придавая им надлежащий размах во времени и пространстве и явившись главным техническим средством ведения боя в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. 3/4 всех потерь пришлось на долю артиллерийского огня [4, с. 546]. Артиллерия сухопутных государств перед войной имела следующие цифры в дивизионном и корпусном звене [1, с. 29]:

страна	Дивизионная артиллерия			Корпусная артиллерия				
	легкие орудия		всего	легкие орудия		тяжелые орудия		всего
	пушки	гаубицы		пушки	гаубицы	пушки	гаубицы	
Германия	54	18	72	-	-	-	16	16
Франция	36	-	36	48	-	-	-	48
Россия	48	-	48	-	12	-	-	12
Австрия	54	-	54	-	12	-	-	12

Таким образом, русская пехотная дивизия, так же, как и армейский корпус (далее – АК), существенно уступала германским дивизии и корпусу в артиллерийском отношении. Сознавая отставание, русское Военное министерство предприняло ряд шагов по исправлению ситуации, однако нехватка времени не позволила воплотить теоретические расчеты в реальность.

Русская артиллерия к началу войны включала в себя следующие системы: легкая полевая артиллерия – 76-мм легкие и конные пушки образца 1902г. – 6 670 единиц, 76-мм горная пушка образца 1909г. – 440, 122-мм гаубица образцов 1909 и 1910гг. – 530. Тяжелая полевая артиллерия: 107-мм скорострельная пушка образца 1910г. – 84, 152-мм полевая гаубица образца 1910г. – 173. Осадная артиллерия: 152-мм пушка образца 1910г. – 6, 152-мм крепостная гаубица образца 1909г. – около 100, 280-мм мортира – 2 опытных экземпляра [7, с. 145]. Нехватка тяжелой артиллерии в годы войны вынудит активно использовать устаревшие пушки XIX века – 42-линейная, 6-дюймовая в 120 пудов и 6-дюймовая в 190 пудов орудия образца 1877г.

Встречные сражения начала Первой мировой войны позволили сделать два вывода. Во-первых, громадную роль играло преимущество в числе орудий. Так, при примерно равном количестве в пехоте, в боях в Галиции августа 1914г. австро-венгерские войска имели 2 100 орудий, а русские – 2 850. Сами австрийцы считают, что это превосходство «фактически было решающим» [5, с. 518] в ходе Галицийской битвы, закончившейся победой армий русского Юго-Западного фронта. Во-вторых, гаубичная и тяжелая артиллерия имела основное значение при обороне и выдающееся в наступлении. Так, превосходство германской 8-й армии в артиллерийском огне в бою при Гумбиннене (542 орудия против 402, в том числе 32 тяжелых пушки против 4), невзирая на проигрыш немцами сражения, позволило им понести меньшие потери (15 тыс. против 17 тыс. у русских).

Неравенство противоборства, прежде всего, зиждилось на количестве артиллерии сторон. Русский АК имел в своем составе 96 легких полевых 76-мм орудий и всего 8 легких полевых 122-мм гаубиц. Тяжелые орудия (152-мм гаубицы), вследствие своей малочисленности, придавались только армиям в качестве отдельной единицы – мортирного дивизиона. В то же время в состав германского АК входило 108 легких полевых 77-мм пушек, а также 36 легких (105-мм) и 16 тяжелых (150-мм) гаубиц. Русская армия, имевшая мортирный дивизион, включала в себя 4–6 корпусов. Следовательно, в массе огня тяжелых гаубиц один германский АК равнялся целой русской армии. В начале войны только в первой линии немцы имели 1 350 легких полевых гаубиц, 660 тяжелых полевых гаубиц, 1 400 тяжелых пушек и гаубиц: «47% всей артиллерии было способно дать навесной и тяжелый огонь» [6, с.59].

Кризис вооружения 1915г., вследствие катастрофической нехватки снарядов, не позволял русской артиллерии в должной степени поддерживать в бою собственную пехоту. Русские войска, имея более слабую артиллерию, которой не хватало боеприпасов, «покупали успех ценой тяжелых потерь; отсюда наша первая атака была всегда кровавой, и ей определялся день наибольшего напряжения и наибольших потерь» [3, ф. 5956, оп. 1, д. 17, л. 1]. Подача выстрелов фронту составила: запасы мирного времени – 6,55 млн. легкой полевой артиллерии, 640 тыс. тяжелой артиллерии; начало войны – 1,5 млн. легких и 250 тыс. тяжелых в месяц; с декабря 1914г. – 400 тыс. легких и 60 тыс. тяжелых; с осени 1915г. – 1,6 млн. легких и 180 тыс. тяжелых [3, ф. 1779, оп. 1, д. 341, л. 1об.–2]. В 1916г. фронт получал 4 млн. снарядов в месяц. По данным всеподданнейшего доклада по Военному министерству, в 1915г. в армию было выслано около 12,5 млн. артиллерийских снарядов [8, ф. 2003, оп. 1, д. 1745, л. 4]. Однако, $\frac{3}{4}$ их пришлось на осень, когда противник остановил натиск – месячная подача снарядов в 1915г. нагнала подачу начала войны только осенью, в то время как за всю кампанию 1915г. фронт получил лишь $\frac{1}{4}$ часть этого количества.

Средством ставки на качество могло стать улучшение управления действиями артиллерии в бою. «Наставление по некоторым вопросам артиллерийской тактики», разработанное весной 1915г., признавало, что «важнейшими свойствами современной артиллерии являются ее скорострельность, огромная дальность и сила поражения ее снарядов». Документ призывал делать выводы из практики военных действий, каковая «постоянно указывает на то, что в технике стрельбы мы далеко опередили своих противников, но в вопросе управления действиями нескольких артиллерийских единиц мы далее дивизиона не идем». Между тем, как утверждало «Наставление», управлением массового огня можно успешно парализовать превосходство противника в количестве артиллерии и снарядов [3, ф. 6051, оп. 1, д. 16, л. 29–30].

В это же время, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта М.В. Алексеев указывал, что «тяжелая артиллерия не должна быть прикована к позиции, а должна маневрировать в бою... действия всей тяжелой артиллерии или большей ее части должны

быть объединяемы в руках одного из высших артиллерийских начальников по выбору командующего армией, который получит таким путем могучее средство удара на избранном направлении при наступлении и на любом участке позиции при обороне» [3, ф. 826, оп. 1, д. 326, л. 3].

Помимо того, высшими штабами, вынужденными распределять и экономить запасы боеприпасов категорически запрещался «ураганный огонь», проводилось требование авиационной разведки и бережливости в снарядах, для чего каждая батарея должна была иметь «определенную цель и свои наблюдательные пункты». Во имя экономии боеприпасов предписывалось проделывать проходы в проволочных заграждениях специальными командами из охотников и саперов особо подготовленными подрывными зарядами [8, ф. 2003, оп. 1, д. 112, л. 2, 13–14об.].

К весне 1916г. кризис вооружения в Российской империи в основном был преодолен. В преддверии летнего наступления в качестве руководящего в проведении прорыва документа Ставкой были разработаны «Общие указания по борьбе за укрепленные полосы». Исходя из опыта 1915г., документ запрещал «ураганный огонь», стрельбу по часам и без определения четких целей поражения, запрещал поддержку ночных атак пехоты, называя это «преступной тратой снарядов», предлагал «для экономии артиллерийских снарядов, где возможно, разрушение препятствий вести средствами пехоты и инженеров». Запрещался также перерыв в ведении огня, который позволил бы противнику восстанавливать разрушения долговременной и полевой фортификации. Сознавая отставание от врага в тяжелой артиллерии, «Указания» требовали вести контрбатареиную борьбу преимущественно легкими пушками, а также 42-линейными, 120-мм батареями и морскими орудиями системы Канэ. Документ настаивал на том, чтобы результаты, достигнутые артиллерийской подготовкой при разрушении неприятельских укрепленных позиций, поверялись разведкой, в том числе – авиационной [8, ф. 391, оп. 2, д. 69, л. 1–2об.].

Перед Брусиловским прорывом 1916г. русская артиллерия восстановила свою мощь: при подготовке атаки легкие батареи первой линии получили до 2 тыс. гранат и 3,5 тыс. шрапнелей на батарею. Результат не заставил себя ждать: невзирая на преимущество австрийцев в тяжелой артиллерии (1 770 полевых и 168 тяжелых орудий против 1 300 полевых и 545 тяжелых), две австро-венгерские армии (4-я и 7-я) были почти полностью уничтожены, а еще три – потерпели поражение.

В кампанию 1916г. существенно улучшилось снабжение артиллерии боеприпасами. Расход снарядов за 1914–1916 гг. составил 60,29 млн. выстрелов, в том числе только в 1916г. 33 167 570, из которых 28,615 млн. – к легким 3-дм орудиям. На 1917г. Ставкой требовалось не менее 36 млн. снарядов. С тяжелой артиллерией дела обстояли хуже: за 1916г. фронт получил 2,15 млн. снарядов к 48-лин гаубицам и 750 тыс. снарядов к 42-лин пушкам и 6-дм гаубицам. Запас всех тяжелых снарядов к 1917г. – 2,574 млн. Усилиями русской промышленности производство вооружения в январе 1917г. удалось довести до такого объема: 3-дм орудий – 600, 3-дм снарядов – 3 млн., 48-лин снарядов – 380 тыс., 42-лин снарядов – 75 тыс., 6-дм снарядов – 175 тыс. [2, с. 20]. К началу Июньского наступления 1917г. войска получили по 5,5 тыс. снарядов на орудие, что позволило добиться успешного прорыва.

Русская артиллерия к концу войны существенно изменила номенклатуру, пополнив свои ряды орудиями иностранного производства. Теперь она имела следующие системы – легкая полевая артиллерия: 76-мм пушки образца 1902г. – 6 700 единиц, 76-мм пушки образца 1900г. – 900, японские 75-мм полевые орудия образца 1898г., 76-мм горные пушки образца 1909г. – 624, 122-мм легкие гаубицы образцов 1909 и 1910гг. – 980, 115-мм английские гаубицы – 280. Тяжелая полевая артиллерия: 107-мм скорострельные пушки образца 1910г. – 197, 107-мм пушка образца 1877г. – 160, 6-дм крепостная гаубица

образца 1909/1910 года – 490, 6-дм скорострельная гаубица Виккерса – 88, 5-дм пушка Виккерса – 52, 6-дм пушка Шнейдера – 32, 120-мм французская пушка – 150, 155-мм французская пушка – 80, 12-см гаубица Круппа – 76, 8-дм гаубица Виккерса – 80, 9,2-дм гаубица Виккерса – 5, 12-дм гаубица Обуховского завода – 44, 11-дм гаубица Шнейдера – 24, 12-дм гаубица Виккерса – 8, 10-дм береговая пушка – 6, 6-дм орудие Канэ – 33 [7, с. 145].

Согласно «Краткой программе снабжения армии на период до 1 июля 1917г.», войскам требовалось (в скобках – для новых формирований): полевых пушек – 4 911 (810), горных пушек – 800 (240), 48 и 45-линейных полевых гаубиц – 777 (345), 6-дюймовых гаубиц – 562, осадных орудий – 330, минометов – 3 500 [8, ф. 369, оп. 3, д. 36, л. 2–4]. В уточненной «Программе снабжения армии главнейшими предметами артиллерийского довольствия на период до 1 января 1918г.» от 14 января 1917г., из-за границы ожидалось поступление 400 120-мм скорострельных французских орудий, 152 5-дм британских гаубиц, 100 155-мм французских орудий, 100 8-дм гаубиц и 40 11-дм гаубиц. Отечественные заводы должны были поставить 4086 полевых и 338 горных легких 3-дм орудий. То есть, тяжелые орудия для фронта в основном закупались за рубежом, а в России лишь производили снаряды к ним: 81% тяжелой артиллерии, переданной армии в 1915–1917гг., был иностранного производства. Но и те стали поступать лишь с 1916г.: на совещании по вопросам снабжения армии 29 ноября 1915г. под председательством военного министра А.А. Поливанова констатировалось, что попытки заказа за границей тяжелых батарей «не дали пока удовлетворительных результатов» [8, ф. 2000, оп. 2, д. 1748, л. 12].

В конце 1916г. в Царском Селе под руководством Н. И. Фонштейна шло формирование отдельного корпуса Тяжелой Артиллерии Особого Назначения (ТАОН), предназначенного для прорыва фронта неприятеля в кампании 1917г. Артиллерия ТАОН ко времени Июньского наступления насчитывала 176 батарей – 632 орудия. Оснащение русской армии тяжелой артиллерией позволило русским войскам в июне 1917г. легко прорвать оборону противника.

Всего за войну было сформировано 368 легких, 138 гаубичных, 35 горных полевых батарей: 541 батарея из 2 992 орудий, в том числе 2 198 трехдюймовок, 552 полевых 122-мм гаубицы, 238 горных 76-мм пушек. Новые 547 тяжелых батарей получили в свой состав 2096 орудий. Конная артиллерия за войну получила всего 42 батареи, в том числе 30 казачьих, что явно говорит о снижении роли кавалерии в современной войне. Зенитная артиллерия за время войны насчитывает 247 с четвертью батарей с 967 пушками.

1. Артиллерия в основных видах боя (корпус, дивизия, полк). – М.: Госвоениздат, 1940. – 347 с.
2. Бобарыков И. И. Мобилизация промышленности / И. И. Бобарыков // Военно-исторический вестник. – 1969. – № 33.
3. Государственный архив Российской Федерации.
4. История Первой мировой войны 1914–1918. – М.: Наука, 1975, Т. 2. – 607 с.
5. Последняя австро-венгерская война. Издание австрийского военного архива. – М., 1929. Т. 1.
6. Развитие военного искусства в XX веке. – М.: Молодая Гвардия, 1931. – 106 с.
7. Рдултовский В. И. Исторический очерк развития трубок и взрывателей / В. И. Рдултовский. – М.: Оборонгиз, 1940. – 272 с.
8. Российский государственный военно-исторический архив.

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНЫМ ФРОНТОМ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В 1915–1918 гг.

А.В. Петренко

Создание Западного фронта российской армии в августе 1915 г. оказало влияние на ход боевых действий, определило изменение стратегических планов Ставки Верховного главнокомандующего. Исследование проблем руководства фронтом позволяет определить

причины неудач стратегического планирования операций и их непосредственного осуществления. Цель статьи – выяснить основные проблемы системы управления Западным фронтом российской армии.

В историографии вопросы структуры штабного фронтового управления не получили системного исследования. Анализ военно-стратегических предпосылок формирования Западного фронта содержится в работе Н.Н. Головина «Военные усилия России в Мировой войне» [2]. Исследование С.Н. Красильникова «Организация крупных общевойсковых соединений» характеризует процессы организации управления фронтовыми соединениями, отдельными армиями и корпусами [4].

К числу источников, использованных в работе, следует отнести мемуарную литературу, созданную командующими армий и фронтами Первой мировой войны: В.И. Гурко [1], А.И. Деникина [3], и материалы фондов Российского государственного военно-исторического архива, в частности фонды штаба главнокомандующего Западным фронтом [6] и управления начальника снабжений [8].

Структура полевого управления Западным фронтом российской армии состояла из штаба и управления начальника снабжений. В свою очередь в составе штаба фронта действовали управления генерал-квартирмейстера и дежурного генерала. В ведении генерал-квартирмейстера находились задачи сбора и систематизации данных о фронтовых потерях, численности личного состава, разработки всех оперативных вопросов и распоряжений по выполнению военных операций. Управление дежурного генерала занималось сбором разведывательных данных о дислокации войск противника и контролем оперативно-тактической ситуации на отдельных участках фронта.

Ряд задач управлений штаба Западного фронта зачастую дублировали друг друга, что вело к увеличению состава полевых управлений. Эту тенденцию отмечали С.Н. Красильников в работе «Организация крупных общевойсковых соединений» [4] и А.И. Деникин в воспоминаниях «Путь русского офицера» [3, с. 188], который объяснял это отсутствием системности и запутанностью «Положения о полевом управлении армий в военное время».

Создание большого количества тыловых управлений и служб приводило к бюрократизации и усложнению аппарата управления снабжением фронтом. Эту тенденцию отмечал в своей работе Н.Н. Головин, указывая на сложившийся в войсках недопустимый численный перекося между строевыми и тыловыми частями в пользу последних [2, с. 276]. Исследуя численность личного состава фронта можно отметить постоянно растущее количество военных чиновников тыла на протяжении 1916-1917 гг. Как итог, соотношение между численностью строевых частей и тыловых достигло значения 1 к 1. Для сравнения, в армиях союзников это значение не превышало 3 к 1 [2, с. 278]. Можно сделать вывод о сложности для командования фронтом контроля над растущим бюрократическим аппаратом тыла и существенным увеличением расходов на его содержание.

Важнейшей проблемой осуществления руководства боевыми операциями стала оторванность высшего командного состава, в частности командующих дивизиями, корпусами и армиями, от непосредственной ситуации на подконтрольных участках фронта. Подобную тенденцию отмечал начальник штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев в телеграмме командующему Западным фронтом А.Е. Эверту: «... до Его Величества доходят из разных источников сведения, что старшие начальники, придавая преувеличенное значение управлению при помощи телефонов, находятся далеко позади войск, что даже в период продолжительного занятия окопов войска редко видят своих начальников выше командира полка» [4, л. 155].

Анализируя архивные материалы фонда штаба главнокомандующего Западным фронтом российской армии [6] можно отметить, что зачастую командующие корпусов и армий не имели даже приблизительного представления о сущности фронтового маневра. Во многом это было обусловлено плохой связью между штабом фронта и штабами

фронтовых единиц – указания, доводимые из Ставки, попадали к командующим корпусами и армиями с существенным опозданием. Как итог – назначенные по диспозициям части опаздывали, или не приходили вовсе.

В подобных условиях командующим отдельными корпусами и армиями зачастую приходилось опираться лишь на данные опроса пленных и карты стратегического планирования. Боязнь допустить ошибку и лишиться должности приводила к нерешительности в действиях командиров, составлению донесений с заведомым искажением боевой обстановки, ее приукрашиванием. Подобные недостатки отмечал командующий Западным фронтом А.Е. Эверт: «... Только правдивое донесение правильно очерчивают для старшего начальника обстановку и служат действительным основанием для отдачи распоряжений. Донесения же туманные, скрывающие неудачи, преувеличивающие размер и значение событий вводят старшего в заблуждение и часто являются источником ошибочных приказаний» [4, л. 139].

В условиях стратегического планирования особую важность приобретала точность данных о штате армий, потерях, мобилизационных ресурсах. Подобную статистику собирало несколько управлений штаба фронта – управление дежурного генерала и управление главного начальника снабжений. В то же время, сбором и анализом этих данных для Ставки Верховного главнокомандующего занималось Интендантство. Расхождения в числах между этими ведомствами крайне существенны. Например, оценивая общую численность солдат, офицеров и военных чиновников Западного фронта в 1916 г. Интендантство указывает цифру в 1651000 человек [2, с. 275]. В донесениях же управления дежурного генерала фронта указана общая цифра в 1436895 человек [7, л. 149]. Данные разночтения можно объяснить разными подходами к сбору данных – управление дежурного генерала суммировало данные, получаемые от штабов дивизий, корпусов и армий, а Интендантство отталкивалось от штатных значений комплектования армий, которые естественно расходились с реальностью в условиях боевых действий. Стоит отметить, что подобные числовые разбежки приводили к определенной дезориентации верховного командования, не позволяя правильно оценивать реальное положение дел в армиях фронта.

Ключевым недостатком системы управления фронтом стала слабая координация действий между штабами отдельных армий. В условиях постоянного переподчинения армий между фронтами, в частности Западным и Северным, крайне слабо было налажено взаимодействие между соседними армиями двух фронтов. В итоге, это приводило к дезорганизации при проведении крупных операций верховным командованием. Генерал М.В. Алексеев отмечал это в донесении Верховному главнокомандующему: «Взаимная поддержка частей слаба. Случаи превосходства в силах противника очень редки. Все неудачи – результат плохого руководства частями» [5, л. 159].

Анализируя недостатки системы руководства Западным фронтом российской армии можно выделить ряд ключевых проблем. К их числу относится бюрократизация штабных управлений, дублирование функций между ними; слабая координация действий армий фронта между собой; отсутствие системности в сборе статистических данных о потерях, резервах, личном составе армий; недостаточная оперативность в передаче указаний от штаба фронта в штабы армий и корпусов.

1. Гурко, В.И. Война и революция в Россия. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917 гг. / В.И. Гурко. – Москва: Центрполиграф, 2007. – 472 с.
2. Головин, Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне / Н.Н. Головин. – Москва, 2001. – 440 с.
3. Деникин, А.И. Путь русского офицера / А.И. Деникин. – Москва: Вече, 2016. – 320 с.
4. Красильников, С.Н. Организация крупных общевойсковых соединений / С.Н. Красильников. – Москва: Воениздат, 1933. – 87 с.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2144. Оп. 1. Д. 17.
6. РГВИА. – Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1.
7. РГВИА. – Ф. 2048. Оп. 2. Д. 3
8. РГВИА. – Ф. 2049. Оп. 1. Д. 6

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ В 1917 ГОДУ: ПО МАТЕРИАЛАМ 6-й ФИНЛЯНДСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

С.И. Никонова

Революционные события 1917 г. отразились на всех сторонах жизни российского общества. Особое значение имело состояние действующей армии в условиях мировой войны, российское воинство к началу Великой русской революции в большинстве своем не имело иллюзий насчет "справедливости" войны, а революционные настроения были присущи воинам и на передовой линии фронта. Настроения, моральный дух армии во многом предопределили драматические события этого переломного в судьбе России периода. Неслучайно, что борьба за воинство занимала ведущее место в программах и стратегии всех политических сил, от поддержки армии зависела судьба как той или иной политической партии, так и их лидеров.

Положение в действующей армии в 1917 г. можно назвать критическим. Огромные жертвы, отсутствие достаточного снабжения боевой техникой, вооружением, а также неполное обеспечение как офицерскими кадрами, так и нижними чинами, нехватка лошадей, повозок, фуража - все то свидетельствует о кризисе, который сопровождался активизацией деятельности солдатских комитетов, расширением масштаба большевистской пропаганды в войсках, усилением накала антивоенных и революционных настроений солдатского корпуса.

6 Финляндская стрелковая дивизия назначена к формированию 24 января 1917 г. (21, 22, 23 и 24 Финляндский стрелковый полк) и в марте 1917 г. вошла в состав XLIX-го армейского корпуса (11-я армия, Юго-Западный фронт). 16.08.1917 г. - дивизия назначена к расформированию. С 18.10.1917 г. - в составе 12-й армии (Северный фронт) [1]. В июле 1917 г. дивизия принимала участия в боях в районе Тарнополь-Волочинск.

О приближающемся коллапсе в 1917 году свидетельствовали многие факторы. К лету 1917 г. в дивизии явственно проявляются и увеличиваются количественно дисциплинарные нарушения: от участвовавших случаях дезертирства ("самовольных отлучек") до небрежно заполняемых дивизионных документов. Остро ощущался некомплект личного состава формирующихся полков дивизии. Так, 24-й Финляндский полк в январе 1917 г. из 3643 положенных по штату нижних чинов в наличии имел 3207 [2, л. 6], подобное положение и в других частях. Пополнение прибывало на линию огня практически не обученное, не владеющее оружием. Новобранцев сопровождали приказы следующего содержания: "Окончательная подготовка их (новоприбывших) должна быть закончена при дивизии Вашими заботами..." [3, л. 38]. Накануне июльских (1917 г.) наступательных боев ощущался дефицит вооружения, запасных частей к пулеметам, не хватало оружия для офицеров. В этой ситуации командование пыталось найти выход следующим образом: офицерам предлагалось получить пистолеты системы Кольта за деньги "стоимостью 42 р.50 коп (50 патронов к каждому пистолету стоят 4 р.93 коп.)" (состояние на 24.04.1917 г.). Однако уже 22.05.1917 г. продажа пистолетов "Кольта" офицерам была остановлена "за отсутствием их". [4, л.72, 105]. В такой обстановке даже верным присяге офицерам достаточно сложно было сохранять свои убеждения в необходимости войны "до победного конца", и главное, находить аргументы в разговорах с "нижними чинами", особенно после выхода исторического Приказа №1, "опрокидывающего исстари сложившиеся традиции в русской армии" [7, с. 44].

Эволюцию настроений в армии возможно проследить и по солдатским письмам, которые наполнены горькими словами о невыносимых страданиях человека в окопах, о недостатке продовольствия, отсутствии элементарных условий быта, недостаточном обеспечении патронами и винтовками. Большинство солдат признают бессмысленность

войны, ее трагическую безысходность: «люди гибли, как мухи, смерть косила направо и налево», "толку в войне никакого нет, только пролить кровь», «надоело до чертиков служить и надоело воевать; поскорее бы кончилась война». «Эта жизнь и обстановка накладывает на все какое-то оупение. Все чувства притупляются, нет ни страха, ни жалости, ко всему относишься безразлично. Все принимаешь, как будто так и быть должно. Не удивительно, что при подобной жизни люди превращаются в зверей" [6, с.72] В 1917 г. в письмах отражаются революционные настроения солдат, описания митингов, встречаются упоминания об убийстве офицеров, о появлении солдатских комитетов и их работе, оценка и попытка анализа политической ситуации в стране.

В марте 1917 года в 6-й Финляндской стрелковой дивизии были сформированы солдатские комитеты, активное большинство их состава было пробольшевистским. Дивизионные делегаты участвовали в работе армейских съездов (XI армия Юго-западного фронта и XII армия Северного фронта) солдатских депутатов. В выступлениях на съездах, публикациях революционной военной печати рефреном проходит антивоенная линия, более того, в большинстве выступлений делегатов отчетливо звучат революционные, большевистские призывы [5].

Обстановка в отдельно взятой дивизии, находящейся в 1917 году на самом переднем крае, на линии огня, соответствует положению многих частей российской армии, вступающей в последний акт событий Великой российской революции 1917 г.

В результате острой политической борьбы, развернувшейся в стране весной и летом 1917 г., русская армия была деморализована и не способна была успешно решать крупные стратегические задачи. Демобилизованные нижние чины, а также часть офицерского корпуса возвращались с театра военных действий с четким пониманием грядущих перемен в стране, которые многие из них связывали с революцией.

1. 1.Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2003. Оп. 2. Д. 678.
2. РГВИА. – Ф. 2540. Оп. 2. Д. 78.
3. РГВИА. – Ф. 2540. Оп. 2. Д. 78.
4. РГВИА. – Ф. 2540. Оп. 2. Д. 78.
5. РГВИА. – Ф. 2540. Оп. 1. Д. 3.
6. Рябая С.А. Письма из действующей армии в Вятскую губернию как источник изучения истории Первой мировой войны // Вестник архивиста. – 2012. – №3. – С.65–73.
7. "Телефонный кабель шел от нас напрямиком в немецкие окопы..." Воспоминания подпоручика Льва Пунина, встретившего революцию на фронте //Родина. – 2017. – №2. – С.42–48.

УЧАСТИЕ БОЛГАРИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

А.А. Болтаевский

Участие болгарской армии в Первой мировой войне можно разделить на два периода: маневренный (1 октября 1915 – конец 1916) и позиционный (начало 1917 – сентябрь 1918).

В августе 1915 г. за основу болгарского плана действий Генеральным Штабом был положен оперативный план «Б-Г», предусматривавший одновременные действия против Сербии и Греции. Для наступления на территорию Сербии были выделены Первая и Вторая армии, общей численностью до 257 тыс. человек. Третья армия, состоящая из 100 тыс. человек, предназначалась для охраны румынской границы. Контроль за греческой границей был возложен на 2-ю пехотную Фракийскую дивизию и 10-ю пехотную Беломорскую дивизию.

Укажем, что мобилизация в Болгарии проходила с не самым большим энтузиазмом: несколько тысяч человек не явились на призывные пункты, скрывшись в Румынии. 200

болгарских студентов, обучавшихся в России, подали прошение о приеме в русское подданство, а часть решила вступить в русскую армию [6, с. 153]. Были опасения, что болгарские солдаты откажутся воевать против русских. Впрочем, генерал Н. Жеков так отвечал сомневающимся: «Если я говорю своим болгарам, что они должны сражаться, то они будут сражаться, и неважно, против кого» [6, с. 154].

Позднее руководитель российского внешнеполитического ведомства С.Д. Сазонов признавал, что к переходу Болгарии на сторону германского блока и последующему разгрому Сербии и Болгарии привели серьезные промахи дипломатии Антанты. На заседании Государственного совета в феврале 1916 г., он, в частности, сказал: «Союзная дипломатия подвергалась строгому осуждению за то, что ей не удалось привлечь на свою сторону Болгарию. В правительственном сообщении от 24 сентября минувшего года указывалось, что не наступило еще время для обнародования всех документов, которые были бы в состоянии пролить свет на деятельность дипломатии за это время. Я готов признать, что для достижения своих целей пришлось избрать не самый краткий и не самый верный путь. Своевременным занятием портов Черного моря и Дедеагача можно было бы повлиять на психику болгарского народа и помочь ему удержать чуждого ему по духу Кобурга от братоубийственной затеи» [4, ст. 36].

Вообще, вступление Болгарии в войну на стороне Берлина рассматривалось целым рядом политических деятелей, как поражение российской дипломатии. На четвертой сессии Государственной Думы IV созыва, проходившей после потери союзниками Балканского полуострова, положение в Юго-Восточной Европе не один раз становилось предметом острых обсуждений. Союз с Болгарией обеспечивал не только военный перевес Германии на Балканах, но и коридор для связей с Турцией, окруженной почти со всех сторон вражеским кольцом. Вступление Болгарии в войну осенью 1915 года вызвало резкое изменение ситуации на Балканском полуострове не в пользу Антанты. Сербия была разбита, а остатки ее армии сначала были эвакуированы на остров Корфу, а затем в Салоники. Болгария вернула Македонию, где в свою очередь обрушила репрессии теперь уже на сербское население. Вновь присоединенные территории были разделены на 16 административных округов, к которым добавился Одринский округ, добровольно переданный Болгарии Османской империи.

К лету 1916 года болгарские вооруженные силы были разделены на три армии, общей численностью 670 тыс. человек: 1-я армия под командованием генерала К. Бояджиева и 2-я армия генерала Г. Тодорова (обе армии состояли из 4 дивизий) были размещены на Салоникском фронте, 3-я армия генерала С. Тошева (в составе 3 дивизий) размещалась на линии Бургас – Варна – Русчук и в дальнейшем участвовала в румынской кампании. Черноморская флотилия состояла из 70 офицеров и 1200 матросов, но ее самой боеспособной единицей был 700-тонный крейсер «Надежда». Что касается Дунайской флотилии, то она была затоплена болгарами еще в начале 2-й Балканской войны. Описываемый период отмечен наибольшим военным и политическим значением Болгарии в Четверном союзе. Осенью 1916 года после вступления в войну Румынии на стороне Антанты болгаро-немецкие части быстро разбили румынскую армию.

Особенно большой резонанс имело взятие считавшейся неприступной крепости Тутракан с 40-тысячным румынским гарнизоном. Одна из немецких газет так освещала это событие: «Блестящая победа при Тутракане вызвала большой энтузиазм во всей Германии. На улицах проходят народные манифестации в честь болгарской союзницы» [8, с. 143]. Болгария, однако, всегда была для Германии лишь орудием, а не партнером. Позднее главнокомандующий болгарской армией Н. Жеков писал своему немецкому коллеге фельдмаршалу П. Гинденбургу, что в Добрудже, как и в других местах, германские военные власти относятся к Болгарии не как к союзнице, а как к

побежденной стране. Более того, Северная Добруджа была передана кондоминиуму победителей, несмотря на протесты болгарской стороны, что в итоге привело к падению кабинета В. Радославова.

Отметим, что на Салоникском фронте, созданном союзниками для спасения Сербии (отметим, что слишком поздно для самой Сербии), за исключением освобождения Монастира в ноябре 1916 г., в котором приняли участие и русские солдаты, и весеннего контрнаступления 1917 г., войска Антанты не предпринимали попыток существенно изменить положение. При этом обе эти операции носили ограниченный характер. Так, П. Гинденбург писал, что «потеря Монастира не имела, на мой взгляд, никакого стратегического значения» [3, с. 171].

Затянувшаяся война вызвала резкое ухудшение жизни в Болгарии. С июля 1914 по апрель 1918 года цены на хлеб выросли в 2 раза, на масло в 7 раз, на картофель в 11 раз. В болгарской армии к 1918 году стал все более заметен недостаток продовольствия и фуража. В мае 1918 года норма выдачи хлеба фронтовым частям сократилась с 800 до 700 г, тыловым – с 600 до 500 [7]. Только за 1918 г. в Болгарии от голода и болезней скончались около 182 тыс. человек, что было выше, чем потери болгарской армии за весь военный период. В конце 1917-1918 гг. различные волнения и демонстрации проходили в таких городах, как Пловдив, Габров, Старая Загора, Плевен, Бургас, Пазарджик, Сливен и других [5, с. 15]. В нездоровых болотистых местностях Салоникского фронта свирепствовали болезни: во 2-й болгарской армии с марта по сентябрь 1918 года малярией переболело свыше 13 тыс. человек. Тогда же на Болгарию обрушилась эпидемия так называемой «испанки». Оказала влияние на социально-политическую обстановку в Болгарии также Октябрьская революция в России с ее лозунгами мира и свободы.

Все вышесказанное вызвало рост социального протеста, наблюдавшегося и в рядах действующей армии. Уже с лета 1918 года болгарские представители вели переговоры в Швейцарии с американскими делегатами о возможностях выхода из войны. Напомним, что Болгария не разрывала дипломатические отношения с США даже после их вступления в войну в апреле 1917 года. Свои интересы на Балканском полуострове стремилась отстаивать и Советская Россия: еще в январе 1918 года В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий при посредничестве болгарских революционеров установили контакты с правительством В. Радославова, заявив о поддержке единой сильной Болгарии при условии отстранения Фердинанда от престола.

К концу лета 1918 г. в войне наметился решительный перелом в пользу Антанты. «Черной пятницей» для германской армии на Западном фронте стало 8 августа. В течение первой половины года происходило усиление Салоникской группировки Антанты, в которую вошли и греческие войска. В конечном итоге, именно этот, казалось бы, удаленный театр сыграл важную роль в поражении Четверного союза.

В середине сентября 1918 года началось решающее наступление союзников в Македонии при Добро-поле, имевших серьезный перевес; на направлении главного удара соотношение сил Антанты и Четверного союза в пехоте было 2,3: 1, в артиллерии и авиации 5:1. В результате фронт был прорван. Впрочем, П. Гинденбург полагал, что «Болгария, с моей точки зрения, была вполне в состоянии сдерживать силы Антанты в Македонии, тем более, что боевые силы Болгарии, пока что направленные против России и Румынии, могли быть в обозримом будущем полностью освобождены для военных действий в Македонии» [3, с. 252].

Что касается болгарского военного флота, то он не проявил какой-либо особой активности в годы Первой мировой войны. Дело ограничивалось минированием прибрежных акваторий и контролем над внутренними водами. На Черном море под болгарским флагом и с болгарским экипажем действовала одна немецкая подводная лодка. После выхода России из войны в марте 1918 г. Черное море на короткий период

фактически стало внутренним морем держав Четверного союза. Однако Германия и Турция не высказывали особого желания допускать Болгарию в эту стратегическую зону. Болгарский исследователь В. Вълканов приводит интересный факт переговоров болгарского офицера И. Михайлова, добравшегося до Одессы на гидроплане, с большевистским руководством Украины, в том числе с Х. Раковским. Согласно договоренностям, часть русского Черноморского флота предполагалось передать болгарским властям с тем, чтобы избежать его передачи Германии и Австро-Венгрии. Однако этот план, получивший одобрение В.И. Ленина, не был реализован [2, с. 115].

В годы Первой мировой происходит и становление болгарской военной авиации, начало которой относится ко времени Балканских войн. 30 сентября 1916 г. стало днем первой победы болгарских летчиков в воздушном бою, одержанной капитаном М. Первановым над английским противником. В конце 1916 г. была сформирована гидропланная команда, которая в мае 1917 г. была подчинена болгарскому военноморскому флоту. Ее личный состав, состоявший из 6 офицеров и свыше 120 матросов, до марта 1918 г. возглавлял лейтенант И. Михайлов, а затем лейтенант С. Иванов.

В годы Первой мировой войны в Болгарии было мобилизовано 20 % населения, за 36 месяцев боевых действий погибло 101 234 солдата и офицера и 155 тыс. оказались ранеными [1, с. 8]. Несмотря на известную военную слабость Болгарии, а также ограниченность ее участия пределами балканского региона, многие военные историки указывают, что выход Софии из войны является решающим моментом Первой мировой войны [9, с. 20].

Поражение в районе Добро-Поле в середине сентября 1918 г. вызвало серьезные солдатские волнения. Вспыхнуло сразу несколько очагов восстания, а среди отступавших раздавались такие призывы, как «На Софию!», «Смерть виновникам разгрома» [5, с. 22]. Очень скоро центром восстания стал город Радомир, где был образован революционный совет, в состав которого входили член партии тесных социалистов, член Земледельческого союза и анархист. 27 сентября 1918 г. в Радомире была провозглашена республика. Вести об этом быстро распространились, как среди гражданского, так и среди мирного населения. Уже на следующий день число восставших солдат достигало, по оценкам, 30 тыс. человек, против которых правительство могло выставить не более 500 солдат [5, с. 26–27]. 28 сентября авангард восставших солдат расположился у села Владая всего в 15 км от Софии. В этот критический момент 29 сентября на помощь правящему режиму из Крыма прибыла 217-ая германская дивизия. Отряды восставших оказались разбиты, через несколько дней пал и Радомир. В эти же дни в Салониках было подписано перемирие между Болгарией и Антантой, поставившее крест на геополитических амбициях режима Фердинанда. Последний вынужден был отречься от престола в пользу своего сына Бориса.

1. Българската армия в Първата Световна война. 1915–1918 / редкол.: С. Станчев [и др.]. – София: Военно издателство, 2015. – 359 с.
2. Вълканов, В. Морска история на България. Политика, икономика, култура / В. Вълканов. – София: Альбатрос, 2000. – 190 с.
3. Гинденбург, П. Из моей жизни / П. Гинденбург. – М.: Принципиум, 2013. – 334 с.
4. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1916 год. Сессия двенадцатая. – Пг.: без изд., 1916. – 1822 ст.
5. История Болгарии: в 2-х т. Т. 2 / под ред. П.Н. Третьякова [и др.]. – М.: Академия Наук СССР, 1955. – 610 с.
6. Петров, И. Македоният фронт в края на войната през 1918 година / И. Петров // Българите във войните за национално освобождение и обединение 1876 – 1919. – Плевен: регионален исторически музей, 2008. – С. 451–458.
7. Ковалевский, М.М. Иностранное обозрение / М.М. Ковалевский // Вестник Европы. – 1915. – № 10. – С. 346–360.
8. Хинева, М. Боевете при Тутракане през 1916 г. / М. Хинева // Тутракан в историческото развитие на Добруджа. – Тутракан: Националният военноисторически музей, 1995. – С. 135–146.
9. Шталь, А.В. Малые войны 1920–1930-х годов / А.В. Шталь. – М.: АСТ, 2003. – 544 с.

ИСТОРИЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ЧЕРЕЗ БИГРАФИИ ЕЕ УЧАСТНИКОВ: Г.И. ОРЛОВ – КАВАЛЕР ОРДЕНА СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

Н.В. Пивовар

В истории Беларуси Первая мировая война занимает особое место. Она привела к уничтожению огромного количества материальных ценностей, стала источником неисчислимых бед для ее населения. Поражение Российской империи в войне усилило политический кризис, что привело к Октябрьской революции, которая повлекла за собой настолько кардинальные изменения в жизни общества, что их можно сравнивать лишь с самыми значительными событиями за всю историю существования нашего народа. Именно Первая мировая война способствовала провозглашению белорусской государственности сначала на буржуазно-демократической основе, а затем и на социалистической. Косвенно она стала причиной раскола Беларуси на Западную (в составе Польши) и Восточную (БССР).

Однако, последующие события заслонили собой Великую войну. Невиданная по масштабам и озлоблению Вторая мировая война стерла с лица земли почти все следы своей предшественницы. На Витебщине только в западных районах еще кое-где сохранились остатки фортификационных укреплений на бывшей линии русско-германского фронта. Там же сохранились и несколько немецких военных кладбищ. Кое что можно увидеть в музейных экспозициях в районных краеведческих музеях Браслава, Глубокого, Миор, Постав.

Одним из возможных способов сохранения и увековечения памяти о Первой мировой войне является восстановление биографии ее участников. Однако давность лет и отсутствие документов делают эту задачу крайне сложной. Особенно в тех регионах Беларуси, где не было военных действий. В первую очередь, это восточная часть Беларуси.

На кладбище д. Зароново Витебского района до наших дней сохранился памятник на могиле офицера, погибшего в Первую мировую войну. На нем надпись: «Подпоручик Георгий Иванович Орлов, доблестно павший 5 августа 1916 года на Австрийском фронте. Год рождения 6 января 1892 г. Горячо любимом сыну и товарищу герою от сослуживцев Витебской казенной палаты».

Подобных примеров мало в истории не только Витебского, но и других районов страны. Погибших как правило хоронили на месте гибели. Похоронить на родине было и сложно, и дорого. Кто же такой Г.И. Орлов, погибший на Австрийском фронте, но легший в родную землю?

Георгий Иванович Орлов родился 6 января 1892 г. в д. Щетинка Жеребычской волости Витебского уезда Витебской губернии [4] в крестьянской семье. Сейчас такого населенного пункта не существует, но урочище находится на берегу озера недалеко от д. Зароново. В 1909 г. он окончил Витебское 2-е городское училище. Служил мелким чиновником в Витебском казенном присутствии.

На воинскую службу, как и было принято в то время Г.И. Орлов был призван по исполнению 21 года. 21.10.1913 г. он был зачислен в ратники Государственного ополчения 1 разряда.

С началом Первой мировой войны, Г. Орлов по мобилизации был призван на действительную службу 29.09. 1914 г. Через месяц, 21.10.1914 г. он был отправлен на службу в 141-й Можайский пехотный полк. По прибытии был зачислен в 1-ю роту полка. Однако, 21.12. 1914 г. он был переведен в 121 пехотный запасной батальон, зачислен в 8-ю роту, где прошел курс батальонной учебной команды, по итогам которого 31.03.1915 г. был произведен в младшие унтер-офицеры.

С 15.04. 1915 г. по 31.07. 1915 г. Г. Орлов проходил обучение во 2-й Киевской школе прапорщиков, по окончании которой, ему было присвоено первое офицерское звание – прапорщик.

В августе 1915 г. он был направлен в распоряжение начальника 23-й запасной бригады генерала Савицкого, а затем отправлен в распоряжение генерала Жнова.

С 03.09. 1915 г. он служил в 16-й Финляндском стрелковом полку на разных должностях, а с 30.09. 1915 г. стал командовать 7-й ротой.

С 27.01. 1915 по 03.04. 1915 г. Г.И. Орлов принимал непосредственное участие в военных действиях против Германии. А затем, с 04.09.1915 г. по 5.08. 1916 г. в составе 16 Финляндского полка в походах и делах против Германии и Австро-Венгрии. К сожалению, мы не располагаем какими-либо документами, позволяющими пролить свет на дальнейшую службу офицера. Знаем только, что погиб Г.И. Орлов боях на реке Стоход, во время известного Ковельского сражения, которое стало заключительной частью так называемого Брусиловского прорыва. Место, где погибла русская лейб-гвардия. Сейчас это место находится на Северной Украине, в 50 км. от современной границы с Беларусью.

«В бою 5 августа 1916 г. на р. Стоходе, у господского двора Червище, командуя, в чине прапорщика 7 ротой названного полка, под губительным фронтальным и фланговым пулеметным и ружейным огнем повел свою роту в атаку на укрепленную позицию противника, а когда нижние чины, под влиянием крайне усилившегося огня врага, приостановили наступление, – бросился вперед и, увлекши за собой роту личным примером выдающейся доблести и самоотвержения, первым ворвался в окопы противника, где и был убит, смертью своей запечатлев содеянный им подвиг» [2].

6 января 1917 г. высочайшим приказом императора Николая III. Орлов был награжден посмертно орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Посмертно же был повышен в звании до подпоручика. Можем предположить, что эта высокая награда была не единственной. К июлю 1915 г. он был награжден только памятной медалью в честь 300-летия дома Романовых. За следующий за этим до гибели год, проведенный на фронте, он скорее всего имел и другие награды. Можем предположить, что это были ордена Св. Анны – первый орден, которым награждали офицеров. Следующими в системе награждения следовали ордена Св. Станислава, Владимира и другие. Орден Св. Георгия был самым почетным, следовал за всеми и завершал иерархию награждения офицеров. За время Первой мировой войны IV степенью ордена были награждены 3643 человек.

Тело Георгия Орлова на средства офицеров полка было доставлено на родину и захоронено с воинскими почестями на кладбище родной деревни у церкви Св. Онуфрия [1]. Сейчас это кладбище д. Зароново. Чуть позже на могиле был установлен гранитный памятник.

Таков короткий, но яркий боевой путь нашего земляка. Вероятно, в окрестностях Витебска, это единственный памятник, который напоминает нам у событиях Первой мировой войны. Парадоксально, но там, где шли жестокие бои и погибли тысячи солдат русской армии, такие могилы не сохранились или просто безымянные.

В соответствии с Указом Президента № 109 от 24.03.2016 «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн», данное захоронение должно быть взято на учет.

Думаем, что такая мера будет содействовать сохранению памяти о войне и ее ужасных последствиях, служить напоминанием и предостережением потомкам.

В заключение приведем послужной список Георгия Ивановича Орлова.

Послужной список
командующего 7-й ротой 16 Финляндского полка
прапорщика Георгия Ивановича Орлова [3].

20 июля 1915 г. Киев.

Родился 6 января 1892 г., из крестьян Витебской губернии и уезда, православный.

Воспитывался: аттестат Витебского 2-го городского училища от 6 июня 1909 г.

Об окончании курса во 2-й Киевской школе прапорщиков

Для отбытия воинской повинности призван Витебским по в.д. присутствием и зачислен в ратники Гос ополчения 1 разряда – 21.10.1913 г.

По мобилизации призван на действительную службу – 29.09.1914 г.

Отправлен на службу в 141 Можайский пехотный полк – 21.10.1914 г.
 Прибыли зачислен в 1-ю роту полка – 24.10.1914 г.
 Переведен в 121 пехотный запасной батальон, зачислен в 8-ю роту (приказ № 139) – 21.12. 1914 г.
 Окончил курс батальонной учебной команды (приказ № 85) – 23.03. 1915 г.
 Произведен в младшие унтер-офицеры (приказ № 90) – 31.03.1915 г.
 Командирован в распоряжение Виленского этапного коменданта для отправки в школу прапорщиков и исключен из батальонных списков (приказ № 93). – 03.04. 1915 г.
 Отправлен в распоряжение начальника штаба Киевского в.о. – 13.04. 1915 г.
 Прибыл в Киев и зачислен в 1-ю роту 2-й Киевской школы прапорщиков для прохождения курса (приказ № 85) – 15.04. 1915 г.
 Окончил школу прапорщиков и приказом по Киевскому округу № 1089 произведен в прапорщики – 31.07. 1915 г.
 Назначен в Вильно в распоряжение начальника 23-й запасной бригады генерала Савицкого, куда и убыл – 14.07. 1915 г.
 Прибыл в 631 дружину – 08.08.1915 г.
 Дружина переформирована в 267-й маршевый запасной батальон, отправлен в распоряжение ген. Жнова – 21.08.1915 г.
 Прибыл и зачислен в 16-й Финляндский стрелковый полк на пополнение офицерского состава (приказ № 165) – 03.09. 1915 г.
 Младший офицер сборной роты при полку – 04.09.1915 г.
 Командующий 7-й ротой (приказ № 182) – 30.09. 1915 г.
 Был в походе против Германии – 27.01. 1915 – 03.04. 1915 г.
 В походах и делах против Германии и Австро-Венгрии в составе полка с 04.09.1915 г.
 Ранен осколками ружейной пули в лоб – 12.01. 1915 г. у д. Трибуховце
 Холост, не подвижности не имеет
 Наказаниям не подвергался.
 Имеет светло-бронзовую медаль в память 300-летия дома Романовых
 Жалование – 600 р
 Добавочных 120 р.
 Столовых – 360 р.

1. Письмо-воспоминание Осипова Юрия Владимировича, внучатый племянник Г.И. Орлова // Сохраняется в текущем архиве УО «Витебское кадетское училище».
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Архивохранилище справочных и печатных изданий.– Инв. № 14847. Л. 129 об., 130.
3. РГВИА. – Ф. 407. Оп. 1. Д. 67525. Л. 1–4.
4. Сапунов, А.П. Список населенных мест Витебской губернии. – Витебск, 1906. – С. 19.

КОМАНДИР 199-го ПЕХОТНОГО КРОНШТАДТСКОГО ПОЛКА ПОЛКОВНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА РАДУС-ЗЕНКОВИЧ ЛЕВ АПОЛЛОНОВИЧ

В.О. Терентьев

199-й пехотный Кронштадтский полк один из многих, сражавшихся в годы Первой мировой войны на земле Беларуси. Полк был сформирован еще в 1910 г. в крепости Кронштадт, которая до начала войны была местом его постоянной дислокации. Основной задачей полка было пехотное усиление фортов и укреплений Кронштадта в случае военных действий. Как и другие пехотные полки Петроградского военного округа 199-й стал ступенькой карьерного роста для ряда замечательных военачальников. Командирами части были блестящие гвардейские и армейские офицеры, выпускники Академии Генерального штаба [1, с. 207–217]. Среди них особое место занимает Лев Аполлонович

Радус-Зенкович, который и в Русской императорской и в Красной и в Литовской армиях нашел свое призвание, показав себя крупным военным профессионалом.

Лев (Леонас) родился 21 февраля 1874 года в городе Юрбаркас в православной семье мелких литовских дворян Ковенской губернии. Закончил Полоцкий кадетский корпус, после чего 1 сентября 1892 г. поступил в Павловское военное училище. Из училища был выпущен в 29-ю артиллерийскую бригаду (Рига) подпоручиком, по 1-му разряду, 8 августа 1894 г. [2]. Через три года произведен в поручики и поступил в Николаевскую Академию Генерального штаба, которую окончил в 1900 г. по 1-му разряду с производством в штабс-капитаны.

8 февраля 1901 г. Радус-Зенкович назначен начальником строевого отдела штаба Усть-Двинской крепости, и 14 апреля 1902 г. производится в капитаны [3; 4]. Вскоре он перешел в штаб Виленского округа обер-офицером для поручений [5]. Здесь был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. [6]. Ценовое командование ротой капитан Радус-Зенкович провел в 170-м пехотном Молодечненском полку (Вильно) с 1 ноября 1903 г. по 7 октября 1904 г. В связи с формированием штаба для 2-й Маньчжурской армии 19 октября 1904 г. Лев Аполлонович был назначен исполняющим должность штаб-офицера для делопроизводства и поручений при армейском управлении начальника военных сообщений [7]. В ходе боевых действий проявил себя как исполнительный и инициативный офицер. 17 апреля 1905 г. он стал подполковником Генерального штаба с утверждением в той же должности [8]. С 1905 г. по 1912 г., служил в Виленском округе штаб-офицером для поручений при штабе 3-го армейского корпуса (Вильно) [9]. Был награжден орденами Св. Анны 3-й и 2-й ст. и Св. Станислава 2-й ст. с мечами [10; 11]. Ценовое командование батальоном Радус-Зенкович отбывал в том же 170-м полку с 10 мая по 10 сентября 1907 г. В следующем году за успехи по службе Лев Аполлонович стал кавалером ордена Св. Владимира 4-й ст., а в 1909 г. произведен в полковники [12]. 25 сентября 1912 г. полковник Генерального штаба Радус-Зенкович был назначен начальником штаба 27-й пехотной дивизии (Вильно) [13, с. 646]. Перед самой войной он был награжден орденом Св. Владимира 3-й ст. [14, с. 401].

С началом Первой мировой войны 27-я дивизия участвовала в Восточно-Прусской и Мазурской операциях 1914 г. Об этом Лев-Аполлонович впоследствии написан ряд военно-исторических трудов до сих пор сохранивших свою востребованность [15]. После поражения русской армии в Мазурском сражении, распоряжением командира 3-го армейского корпуса начальник 27-й дивизии был отрешен от командования. Начальник штаба дивизии 10 декабря 1914 г. был переведен на командование 199-м Кронштадтским полком [17]. Тем не менее, в марте 1915 г. за отличие в Мазурской операции полковнику Радус-Зенковичу были пожалованы Георгиевское оружие и мечи к ордену Св. Владимира 3-й ст. [16].

К этому времени полк провел ряд активных боев в ходе маневренной войны, потерял своего командира полковника А.Г.Христиани и находился в плачевном состоянии на реке Бзура [1 сс.207-217]. В декабре 1914 г. – июле 1915 г. 199-й Кронштадтский полк под командованием Радус-Зенковича здесь неоднократно отражал атаки превосходящих сил противника, регулярно контратакуя его [18 л. 60б.; 19 с. 82]. В середине июля 1915 г. по директиве фронта полк без боя оставил Варшаву [20, с. 101–103].

В августе 1915 г. кронштадцы под командованием Радус-Зенковича отходили на восток в ходе «Великого отступления». Днем полк вел бои с авангардными войсками кайзера, а ночью совершал марш-маневры на 15–20 верст. На реке Орлянке и под Бельском в боях с 1-й гвардейской резервной дивизией немцев полк понес большие потери. Количество офицеров и солдат едва достигало трети от довоенного состава [18, л. 9]. 14–15 августа 1915 г. кронштадтцы отошли на реку Свислочь близ Мостовлян, где вступили на территорию нынешней Беларуси [22, л. 5–7]. Здесь в течение нескольких дней полк упорно удерживал позиции, несмотря на атаки превосходящих сил врага. 16 августа русские части отводятся на рубеж Неман – Мстибово [21, с. 105]. Под ударами врага

кронштадцы отходят на Клипачи и далее – на рубеж Шиловичи – Дьяки западнее Волковыска [23, л. 16–17]. На этом рубеже полк два дня сражался с противником.

Затем были трехдневные бои у станции Подрось и на правом берегу реки Зельвянка [22, лл.5-7]. Несколько дней за Пяски и переправы через Зельвянку шли упорные бои. Две немецкие пехотные дивизии пытались сбить 199-й полк с позиций у Пяски и господского двора Пацевичи. 27 августа 1915 г. германские гвардейцы форсировали Зельвянку у д.Туры. 199-й полк контратаковал противника и в ходе ожесточенного штыкового боя выбил немецкую гвардию из деревни. Пытаясь вновь прорвать русскую оборону, немцы на протяжении двух дней обстреливали позиции полка газовыми снарядами. 28 августа 1915 г. кронштадтцы отбили ряд атак противника, а затем при поддержке артиллерии отбросили немцев на западный берег реки и очистили участок обороны на восточном берегу Зельвянки [24, с. 114]. Все следующие дни немцы при мощной артиллерийской поддержке попытались вернуть утраченные позиции. Однако атаки врага на участке полка были отбиты. Из-за угрозы возможного окружения в ночь на 31 августа полк отступил в район Мосты. А с 1 сентября 1915 г. русская армия начала отход на рубеж реки Щары. До 2 сентября кронштадцы прикрывали отход армии от натиска германской кавалерии. К исходу дня полк был снят с передовой и направлен в район Новогрудка [25, с. 120]. 6 сентября полк получил пополнение и на следующий день занял оборону южнее города [18, л. 9об.]. Но даже после пополнения в полку насчитывалось менее 700 штыков.

С 8 по 13 сентября шло ожесточенное сражение за Новогрудок и переправы на Сервечи. 199-й полк под командованием Радус-Зенковича принимал в нем самое деятельное участие. Например, в ночь с 11 на 12 сентября кронштадцы атаковали занятую немцами деревню Стрельники для оказания помощи окруженному Новогрудскому гарнизону и в кровавом штыковом бою выбили противника. Обеспечив выход Новогрудского гарнизона, Кронштадтский полк отошел на восточный берег реки Сервечь. Здесь до 19 января 1916 г. полк вел позиционную войну по восточному берегу реки Сервечь. В течение этого периода в полк прибыло новое пополнение, позволившее восстановить силы полка до 75% от штатного [18, л.10].

Полковник Генерального штаба Л.А.Радус-Зенкович, успешно командовал полком при длительных маршах «Великого отступления» и в ходе позиционной войны. Кронштадцы под его командованием провели успешные арьергардные бои. Тем не менее, при линейном развертывании дивизии и действиях полка в составе соединений, Лев Аполлонович был либерален, недостаточно настойчив и требователен в выполнении переданных распоряжений и команд. За время командования полком он получил мечи и бант к ордену Св. Владимира 4-й ст., к ордену Св. Анны 3-й ст. и Высочайшее благоволение [27; 28; 29].

16 февраля 1916 г. Л.А.Радус-Зенкович был назначен начальником штаба 10-й Сибирской стрелковой дивизии на Румынский фронт [30]. А 199-й пехотный Кронштадтский полк возглавил другой яркий офицер – полковник Генерального штаба, гений контрразведки П.Ф.Рябиков [1, с. 207–217]. 1916 год полк провел в позиционной войне Западного, затем в резерве Северного фронта. Позже бил врага в ходе Брусиловского прорыва и Корниловского наступления 1917 г.

Радус-Зенкович в 10-й дивизии стал генерал-майором со старшинством от 5 октября 1915 г. [31]. 6 января 1917 г. был назначен генерал-квартирмейстером штаба 6-й армии Румынского фронта, а с 9 мая уже исполнял должность начальника штаба этой армии [32]. В 1917 г. был награжден орденом Св. Анны 1-ст. с мечами и бантом [33]. Вместе с командующим 6-й армией Лев Аполлонович поддержал Временное правительство, подписав резолюцию, объявлявшую Корнилова изменником. С 10 сентября 1917 г. недолго командовал 22-й пехотной дивизией, а после захвата штаба армии войсками Центральной рады при поддержке румынского командования генерал-майор Л.А.Радус-Зенкович уходит в отставку и уезжает в Москву [34].

В июле 1918 г. он добровольно вступил в РККА и недолго состоял помощником военрука Московского района Западного участка отрядов завесы генерал-лейтенанта

В.Н.Егорьева. В 1919–1920 годах, будучи включенным в списки Генштаба РККА, работал в составе Военно-Исторической комиссии, был помощником редактора военного отдела издательства ЦИК, членом военно-технической редакции литературного издания отдела Политуправления РВСР. За время работы в комиссии издал несколько военно-исторических трудов, напечатанных в Военно-историческом сборнике. 15 октября 1920 г. уволился со службы в РККА в связи с переходом в представительство Литвы в Москве.

В декабре 1920 г. по приглашению министра охраны края Литвы выехал с семьей из Советской России в Литву и 14 февраля 1921 г. поступил на службу в Литовскую армию. Здесь он был назначен генералом для особых поручений при министре охраны края с присвоением звания генерала пехоты. 30 мая 1921 г. возглавил отдел Военных наук. От литовского правительства генерал пехоты Радус-Зенкович был командирован в Москву на конференцию по разоружению в ноябре-декабре 1921 г. С 1922 по 1928 год Лев Аполлонович, будучи начальником Высших Офицерских курсов армии Литвы подготовил проект статута курсов и их программы. Под его руководством курсы окончило большинство высших офицеров Литовской Армии. Он лично преподавал тактику и военную историю. Под редакцией Радус-Зенковича вышли уставы Литовской Армии, им были написаны десятки научных работ по военной истории, тактике и оперативному искусству. От литовского правительства неоднократно командировался по военным и политическим вопросам в Чехословакию, Францию, Швейцарию, Германию. В июле 1923 г. участвовал в создании Военно-Научного Общества и был избран в его центральное управление. С 3 ноября 1923 г. по 29 февраля 1924 г. Лев Аполлонович возглавлял Генеральный штаб Литовской республики. Он был награжден Крестом Витаса 3-й ст. 2-го класса. С 1 марта 1924 г. являлся постоянным членом Госсвета Обороны, а с января 1926 г. одновременно офицером по особым поручениям при министре охраны края на правах командующего корпусом.

9 февраля 1928 г. генерал Л.А.Радус-Зенкович был уволен в запас офицеров Генштаба по собственному желанию. За работу по укреплению обороноспособности страны он был награжден орденом Гедиминаса 1-ой ст. и благодарностью президента Литовской республики. Выйдя в отставку, Лев Аполлонович купил имение Чючяляй в Клайпедском крае, где и проживал после аннексии края Германией в 1939 г. После освобождения Литвы Советской армией в 1944 г. попытался эмигрировать, но вернулся в Каунас и до кончины скрывался. Умер 12 апреля 1946 г. Похоронен на кладбище в Панемуне (Клайпедский край) [34].

Лев Аполлонович Радус-Зенкович, под руководством которого 199-й пехотный Кронштадтский полк сражался на территории Беларуси, был ярким военным профессионалом, обладал могучей организационной энергией, незаурядным исследовательским талантом при достаточно лояльном политическом мышлении. Его в первую очередь интересовало военное дело, которое было всей его страстью. В настоящее время его память чтится в Литве, но, к сожалению, его военная деятельность в Русской императорской армии незаслуженно забыта. Боевая работа кронштадцев под его руководством – лишь небольшая часть Великой истории Великой войны.

1. Терентьев, В.О. Командиры 199-го пехотного Кронштадтского полка – выпускники Николаевской академии Генерального штаба. // Николаевская академия Генерального штаба (1832–1918). Сб. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
2. Высочайший приказ 8 августа 1894 г. // Сборник Высочайших приказов, СПб.: 1894. (ВП 8.8.1894)
3. ВП 8.2.1901
4. ВП 14.4.1902
5. ВП 7.6.1902
6. ВП 6.12.1903
7. ВП 19.10.1904
8. ВП 17.4.1905
9. ВП 22.11.1905
10. ВП 30.4.1906
11. ВП 7.1.1907
12. ВП 8.2.1909

13. Список полковникамъ по старшинству. Составленъ по 1-е марта 1913 г. – СПб.: Военная Типография, 1913.
14. Список Генерального штаба. Исправленъ по 1-е июня 1914 г. – Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1914.
15. Радус-Зенкович, Л.А. Очерк встречного боя. По опыту Гумбиненской операции 1914 г. Критико-историческое исследование. – М., 1920.
16. «Разведчик» №1234 от 1914 г., №1275, №1279, №1294 от 1915 г.; ВП 18.3.1915
17. ВП 10.12.1914
18. ГАРФ. – Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 9.
19. Летопись войны 1914–1917. №44. 1915.
20. Летопись войны 1914–1917. №52. 1915.
21. Стратегический очерк войны 1914–1918. В 7-ми ч. Ч.4. – М.: Высший военный редакционный состав, 1922.
22. ГАРФ. – Ф.Р-5793. Оп. 1. Д. 2.
23. ЦАМО РФ. – Ф.500. Оп. 12519. Д. 152.
24. Летопись войны 1914–1917. №60. 1915.
25. Елисеев Н.Ф. Свенянский прорыв (1915): военные действия на восточном фронте мировой войны в сентябре-октябре 1915 г. – М.: Государственное военное издательство, 1936.
26. Летопись войны 1914–1917. №64. 1915.
27. ВП 3.6.1915
28. ВП 3.11.1915
29. ВП 21.1.1916
30. ВП 16.2.1916
31. ВП 10.4.1916
32. ВП 6.1.1917
33. Приказ по армии и флоту 20 марта 1917 г. // Сборник приказов по армии и флоту. СПб.: 1917. Lietuvos kariomenės karininkai 1918 – 1953. VI tomas. Vilnius, 2005.

ЖЕНЩИНЫ НА ВОЙНЕ: ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

И.В. Николаева

Тотальные войны XX столетия, ознаменовавшиеся невиданной вовлеченностью в вооруженный конфликт гражданского населения, в том числе женщин, изменили традиционное представление о войне как прерогативе мужчин. Условия двух мировых войн и их тыловые реалии разрушили культурно устоявшийся взгляд на женщин как пассивных жертв, нуждающихся в защите, сделав их активными действующими лицами. Для самих женщин это была возможность реализовать себя в новом качестве, за пределами прежних стереотипов женщины-матери и домохозяйки и «открыть» обществу новые неизвестные прежде свои стороны. Анализ предпосылок, источников и реализации эмансипации женщин через призму военного фактора является одним из актуальных направлений в современной историографии женской проблематики, идущих по пути гендерных разработок. Различные исследования анализируют, как война изменила положение женщин в обществе и имела ли она «освободительный эффект», как трансформировались гендерные стереотипы и гендерные роли, как общественные институты ограничивали в условиях войны возможности изменения гендерных отношений, которые сложились в довоенном обществе [1].

Изучение положения женщин в специфическом контексте войны с позиции гендерных представлений свидетельствует, что динамичные изменения, произошедшие в восприятии женщин под влиянием военного фактора, были связаны не только с возрастанием их роли в экономике («феминизация» и активное вовлечению женщин в прежде запретные для них отрасли и профессии) и общественной сфере (создание и деятельность женских общественных организаций), но и утверждением женщин в армейском строю. Принимая на себя мужскую роль защитника, женщины бросали прямой вызов традиционным гендерным концепциям патриотизма и гражданства. Однако, далеко не все принимали такие «неженские» роли и разделяли энтузиазм в отношении женского патриотизма.

Уже в первые месяцы войны россиянки активно заявляли о своем желании встать в ряды армии и участвовать в защите Отечества. Однако у царского правительства не было последовательной политики в отношении женщин, стремившихся на театр военных действий. Женщина-солдат представлялась аномалией, поэтому заявления россиянок с просьбой отправить их воевать отклонялись [2, с. 42]. В своём желании попасть на фронт девушки проявляли завидную настойчивость и изобретательность, проникая, как в прежние времена, на передовые позиции под видом мужчин. Женщины, награжденные Георгиевскими крестами, получили такую возможность лишь потому, что выдавали себя за мужчин и награждались как мужчины [3, с. 107–108]. Основная же масса женщин с началом войны осуществляла традиционную благородную миссию – медицинскую помощь.

Неудачи, сопровождавшие русскую армию на фронтах Первой мировой войны, вызвали к жизни новые женские инициативы и расширили практику использования женщин в армии. Кроме привлечения сестер милосердия, врачей различных специальностей были предприняты попытки формирования специальных воинских подразделений из женщин-добровольцев: караульных рот, команд связи, по охране железных дорог и с чисто боевым назначением. Созданный в 1917 г. из числа добровольцев «Женский батальон смерти» под командованием М.Л. Бочкаревой впервые принял участие с оружием в руках непосредственно на передовой [2, с.47–48]. Появление специальных женских воинских частей было, с одной стороны, проявлением инициативы самих россиянок, стремившихся не допустить развала фронта и предотвратить массовое дезертирство солдат, а с другой стороны, по вполне понятным прагматическим политическим причинам, получило поддержку Временного правительства и командования русской армии. Призвав добровольцев женского пола на фронт, правительство и военное командование рассчитывало их примером вернуть воинов в окопы, ослабить революционные настроения в армии [4, с. 39–40]. Однако на пути интеграции женщин в армию главным препятствием стали устойчивые гендерные стереотипы и предубеждения относительно военной службы женщин. Появление подобных женских формирований фронтовиками-мужчинами было встречено с определенной долей скептицизма и даже неприязни. Показателен в этом отношении факт, когда в одном из боев близ Сморгони женский батальон, двинувшийся в атаку, не был поддержан соседними частями и фактически брошен на произвол судьбы [3, с. 111]. Оказавшись на службе в армии, женщины вторглись на традиционно «мужскую» территорию, начали выполнять их функции. Со стороны мужского большинства это не могло не вызвать негативные эмоции и попытки занять утраченные позиции в военной сфере зачастую путем дискриминации женщин.

Принадлежность женщин к своему полу перестала быть препятствием для внедрения добровольцев из их числа в армейскую среду с официальным провозглашением большевиками в первые годы советской власти равенства полов. Политика советского правительства, направленная не столько на женскую эмансипацию, сколько на привлечение женщин к решению задач социалистического строительства, в условиях укрепления обороноспособности государства определила необходимость прохождения воинской службы женщинами. А. Коллонтай считала воинский труд женщины средством обеспечения ее фактического социального равенства: «С призывом женщин в войска окончательно закрепляется представление о ней как о равноправном и равноценном члене государства» [5].

В рамках так называемой «военизации» женщин широкий размах получило обучение их военному делу. При заводах, фабриках была организована целая сеть военных учебных пунктов, где женщины и девушки овладевали военными знаниями. Впервые для женщин были открыты двери военных академий. Приведение в жизнь идеи равноправия полов нашло свое отражение и в принятом 1 сентября 1939 г. законе «О всеобщей воинской обязанности», согласно которому женщины, имеющие медицинскую, ветеринарную и специально-техническую подготовку получали право быть призванными в армию и на флот для несения вспомогательной и военной службы [6, с. 126].

Эмоционально и интеллектуально сформированные в межвоенное двадцатилетие эмансипации, тысячи женщин с началом Великой Отечественной войны ушли

добровольцами на фронт, утверждая за собой равные с мужчинами права на защиту Отечества. Великая Отечественная война ознаменовалась не только огромным увеличением количества женщин на театре военных действий («феминизацией» армии), но и участием их в различных сферах боевой деятельности во всех видах вооруженных сил и родах войск. Общая численность женщин, вовлеченных в боевые действия на стороне СССР, составляла 800 000 человек, были созданы специальные женские воинские формирования – три специальных женских авиационных полка, женский запасной стрелковый полк, женская добровольческая бригада, Центральная школа снайперской подготовки [6, с. 137, 187].

Колоссальные потери советских войск на начальном этапе войны привели к тому, что наряду с добровольным вступлением женщин в ряды Красной Армии, в СССР была проведена массовая мобилизация женщин на службу в действующую армию и в тыловые соединения. Помимо обязательного призыва женщин-врачей, студенток медицинских вузов, в 1942 г. и последующие годы Народным комиссаром обороны было издано ряд приказов о мобилизации женщин и девушек для несения военной службы в войсках противовоздушной обороны, связи, внутренней охраны, на военно-автомобильных дорогах и т.д., с целью высвобождения для фронта мужчин, годных к строевой службе [см.: 3, с. 227–237]. В рамках обязательной мобилизации, советское правительство не останавливалось и перед применением жестких мер через ВЧК и военные трибуналы к уклонившимся от призыва [3, с. 141]. В тоже время государство проявляло заботу в отношении женщин-военнослужащих, наделяя их дополнительными правами и льготами. Так, согласно приказам наркома обороны 1942–1943 гг., им отпускалось дополнительно мыло, некурящим – вместо табачного довольствия – шоколад и конфеты [см.: 3, с. 146].

И все же, несмотря на открывшиеся значительные возможности для женщин внести посильный вклад в защиту Отечества, одной из сторон сложного феномена массового участия советских женщин в Великой Отечественной войне стало неоднозначное отношение военного мужского большинства и общественного мнения в целом к присутствию женщин в боевой обстановке и в армии вообще [7, с. 165]. Гендерные стереотипы, связанные с социальной активностью женщин, определили устойчивое неприятие женщин в традиционно «мужской» сфере. Появление в рядах армии представительниц женского пола не только возмущало и тревожило мужчин на фронте, но и в тылу бытовали своеобразные представления о роли женщин на войне, породившие насмешливо-презрительные термины ППЖ (походно-полевая жена) или «рама».

Признание высоких патриотических настроений среди женщин в сложных условиях оккупации определило широкую политическую поддержку включения женщин в партизанское движение. История не знала столь массового участия женщин в партизанском движении, как в годы Великой Отечественной войны: около 10 процентов от участвовавших в партизанской борьбе были женщины и девушки, в отдельных отрядах они составляли четвертую часть партизан [6, с. 204].

Однако, несмотря на то, что именно партизанки в советской пропаганде стали символом патриотизма и высшей преданности своей Родине, характер участия женщин в партизанской войне оказался под влиянием устойчивых гендерных стереотипов. Декларируемое советским государством равноправие полов в военной сфере не отвечало реальному положению в партизанских отрядах, где их появление со стороны мужского личного состава было встречено с недоверием и настороженностью. Если женщины-медики, связистки, а также занятые на хозяйственных должностях (кухонные работницы, пекари, прачки, швеи) еще укладывались в традиционные представления о социальных ролях женщин, в остальных же занятиях, связанных главным образом с присутствием в боевой обстановке, женщинам приходилось преодолевать сложившиеся предубеждения: «не женское это дело». Показательно в этом плане выступление на бригадном женском собрании в 1943 г. одной из девушек-партизанок: «На нас смотрят в бригаде «сквозь пальцы». Многие девушки со слезами на глазах просят на боевые операции, но их командиры не берут. Часто приходится слышать от бойцов: «Куда ее на боевую операцию –

баба она» [8, л. 105]. Факты, когда женщины и девушки часто не допускались к участию в боевых операциях по причине субъективного отношения к ним командного состава, содержат и отчеты о деятельности партизанских формирований, хранящиеся сегодня в Национальном архиве Республики Беларусь: «Женщин в партизанских отрядах большое количество, однако в боевых подразделениях их мало. В большинстве случаев женщины-партизанки используются на хозяйственных работах...» [8, л. 203].

Как свидетельствуют архивные документы, подобные прецеденты, связанные с «недооценкой роли женщин в партизанской борьбе» неоднократно становилось предметом специального обсуждения высших, а также местных партийных и комсомольских органов. Характерным является подготовленное по итогам такого обсуждения письмо одного из секретарей райкома КП(б)Б к командирам, комиссарам бригад и секретарям партийных бюро партизанских отрядов района, где перед партизанским руководством ставились задачи: пересмотреть работу, которую выполняют женщины, и заменить их на кухонной работе менее способными в боевом отношении мужчинами; организовать систематическую боевую и политическую учебу женщин-партизанок, создавая из их числа отдельные боевые подразделения [9, л. 52].

И хотя в годы Великой Отечественной войны в партизанских отрядах значительная часть женщин была задействована в строевой службе, получила распространение даже практика создания особых женских отделений и взводов, отношение к ним оставалось далеко не однозначным. Многие мужчины, испытывая чувство вины перед женщинами за то, что они оказались на войне, проявляли к ним снисходительную опеку: «Будь осторожна, сестренка, ведь не вам таким слабым и маленьким воевать. Воевать нужно нам – сильным мужчинам, а вам только венки плести из цветов» [10, л. 13].

Таким образом, женское участие в войне стало не только реализацией их высоких патриотических настроений, но и формой гражданской самореализации и эмансипации под влиянием военного фактора. В свою очередь, политика правительства, направленная не столько на женскую эмансипацию, сколько на привлечение женщин к решению задач обороноспособности государства, определила официальное признание за ними равного с мужчинами права на защиту Отечества. Несмотря на открывшиеся в чрезвычайных условиях значительные возможности для женщин в продвижении «вперед» в военно-профессиональной деятельности и окончательное утверждение их в армейском строю, характер участия женщин не только в Первой мировой, но и Великой Отечественной войне оказался под влиянием устойчивых гендерных стереотипов в отношении военной службы женщин, а фронт остался преимущественно «мужской» сферой.

1. Behind The Lines. Gender in the Two World Wars / Edit. M. Hifonnet, J. Jenson, S. Michel and others. – New Haven and London, 1987; Elshtain, J.B. Women and War / J.B. Elshtain. – New York, 1987; Щербинин, П.П. Военный фактор в повседневной жизни Русской женщины в XVIII – начале XX в. / П.П. Щербинин. – Тамбов: Изд-во Юлис, 2004. – 508 с.
2. Щербинин, П.П. Женщины в русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. / П.П. Щербинин // Вестник ТГУ. – 2004. – №3 (35). – С. 42–49.
Иванова, Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах / Ю.Н. Иванова. – М.: РОССПЭН, 2002. – 272 с.
Абашева, Ж.В. Участие женщин в воинских формированиях российской армии в период Первой мировой войны / Ж.В. Абашева // Метаморфозы истории. – 2014. – С. 24–42
Рыков С. Слабый пол в сильной армии // Независимая газета. – 2000. – 30 марта.
Мурманцева, В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне: 1941–1945 / В.С. Мурманцева, – М.: Мысль, 1979. – 293 с.
Сенявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сенявская. – М.: РОССПЭН, 1999. – 383 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 63п. Оп. 16. Д. 1.
Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 108.
4. Государственный архив Витебской области. – Ф. 9742. Оп. 2. Д. 109.

МЕСТО ТРАНСПОРТА В ОБОРОНИТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СТРАНЫ

Р.В. Тимофеев

Ход многочисленных, потрясавших человечество войн, в том числе и Первой Мировой обратил внимание политиков и правительств на необходимость постоянного наращивания оборонительного потенциала вверенных им стран. Такие настроения были широко распространены и в межвоенный период, когда задачи подобного плана решались практически. Итоги Первой Мировой войны подтолкнули развитые государства мира к укреплению своих коммуникаций, главным образом железнодорожных.

Именно железнодорожный транспорт обладал максимальным мобилизационным потенциалом, так как позволял максимально быстро и в больших количествах продвигать живую силу и необходимую боевую технику к фронту, добиваться регулярного снабжения его боеприпасами и продовольствием. В случае боевых операций противника развитый транспорт позволял оперативно перебрасывать резервы. В случае подготовки собственного наступления по железным и автомобильным дорогам, речным путям была возможность нарастить в необходимых местах боевой потенциал и добиться победы [1, с. 3]. И наоборот, что часто подтверждалось историей, недостаточная развитость транспорта, некачественное содержание коммуникаций приводило к поражениям и даже к катастрофам на фронтах.

Наращивание оборонительного потенциала любой развитой страны было неотделимо от разработки и реализации на практике продуманной транспортной политики, выделения под нее в достаточном количестве сил и средств, требовавшего интенсивного развития промышленности и сельского хозяйства. Чтобы работа транспорта была бесперебойной, необходимо было снабжать его качественным подвижным составом, что в свою очередь подталкивало развитие научной и технической мысли [2, с. 7]. Поезда и автомобили, корабли и самолеты гарантировано двигались только если были снабжены в достаточном количестве топливом. А данное обстоятельство делало неизбежным совершенствование работы специализированных отраслей промышленности – добывающих и перерабатывающих.

Еще одним важным обстоятельством при укреплении транспорта было его непосредственное использование на самой линии фронта в бою, что чаще всего касалось автомобилей и переоборудованных в бронепоезда вагонов, которые после окончания боевых действий можно было использовать в гражданских отраслях хозяйства. Транспорт не существует сам по себе, им управляют люди [3, с. 19]. В этой связи успешное развитие транспорта было неотделимо без качественной подготовки кадров, что вызывало к более активной жизни все ступени и направления образования.

Рассматривая укрепление оборонительного потенциала страны в отношении транспорта необходимо отметить, что решалась проблема максимально эффективного использования имевшихся финансовых средств и материальных ресурсов [4, с. 34]. В целях выхода из этой ситуации вводились вторые пути на железнодорожных магистралях, делали более качественным дорожное покрытие автомобильных дорог, углублялись русла судоходных рек, строились твердые взлетные полосы аэродромов. Создававшая в результате подобных действий становилась важной основой при достижении победы в боевых действиях.

Транспорт, связывая в единое целое экономические районы страны, способствовал повышению уровня ее экономики и возможностей противостоять вероятному противнику, даже и очень сильному. Качественное транспортное сообщение способствовало при его наличии миграционной подвижности населения страны, чем помогало и росту его общеобразовательного уровня неопределимому при управлении современными для своего времени системами вооружения [5, с. 45]. Затраты на развитие транспортной сферы при правильном расчете окупались увеличением при необходимости объемов военных перевозок, снижением транспортных потерь, повышением качества транспортного обслуживания обороны, быстрой эвакуацией при необходимости промышленности и населения.

Среди всех видов транспорта железнодорожный занимал как в межвоенный период, так и в годы Первой и Второй Мировых войн ведущее место не только по объемам перевозок, но и по надежности и универсальности доставки необходимых ресурсов. Железнодорожный транспорт показывал пример всем остальным в области интенсивности использования технических средств, что и обусловило к нему повышенное внимание при наращивании оборонительного потенциала ведущих стран мира.

1. Маркова, А.Н. Транспорт СССР и основные этапы его развития / А.Н. Маркова. – М.: Наука, 1977. – 232 с.
2. Транспорт Страны Советов: Итоги за 70 лет и перспективы развития / И.В. Белов [и др.]; под ред. И.В. Белова – М.: Транспорт, 1987. – 311 с.
3. Транспорт СССР. Итоги за 50 лет и перспективы развития / под ред. А.Л. Голованова. – М.: Транспорт, 1967. – 324 с.
4. Абрамов, А.И. Место транспорта в системе общественного производства / А.И. Абрамов. – М.: Высшая школа, 1982. – 80 с.
5. Абрамович, А.Д. Краткий очерк развития автомобильной промышленности и автотранспорта в СССР / А.Д. Абрамович. – М.: Автотрансиздат, 1958. – 82 с.

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Г.И. Губанова, Д.Б. Донской

Весьма важную роль в Первой мировой войне сыграли правила взаимодействия СМИ и армии, которые негласно были разработаны и установлены во время этого конфликта. Во многом поэтому вплоть до 1917 года панических настроений внутри России не наблюдалось.

Период Первой мировой войны (1914–1917) стал весьма важной вехой в развитии журналистики. С одной стороны это сам театр военных действий, с другой можно отмечать то, что происходило непосредственно во внутренней политике, экономической и культурной жизни страны. Однако, стоит остановиться на самом театре военных действий, который представляется весьма интересным с точки зрения влияния на журналистику.

Как известно, Первая мировая война была одним из наиболее кровопролитных конфликтов в истории человечества. Для данной войны было мобилизовано более 70-ти миллионов человек. Более десяти миллионов военных погибло, более 18-ти получили ранения, и более 8,5 попали в плен. Потери среди гражданского населения равны почти 11,5 миллионам человек. Если говорить конкретно о Российской империи, то здесь было мобилизовано за время войны 15378000 человек, из них погибло 1670000, ранено было – 3749000, попало в плен – 3342900. Если говорить о самих военных действиях, то война довольно быстро приняла затяжной, позиционный характер, превратившись в окопную войну с редкими операциями в открытом поле [1].

На фронтах Первой мировой войны были впервые широко использованы новые виды вооружений, в частности, танки, подводные лодки и авиация. Кроме того, здесь впервые были применены и отдельные виды оружия массового поражения.

Весьма интересным фактором выступает и широкое применение, так называемого, информационного оружия. Речь, прежде всего о пропаганде, которая массированно появляется в СМИ. Прежде всего, здесь стоит говорить о странах Антанты с их разветвленными системами прессы. Причем, речь идет не только о самих государствах-метрополиях, но и о многочисленных колониях. В ведущих странах Антанты создавались структуры, которые занимались пропагандой под патронажем государства. На этом фронте Германия и ее союзники проиграли тотально. Более того, определенное влияние имели и действия пропагандистов Антанты на противников. В условиях отсутствия электронных СМИ, речь идет, прежде всего, о распространении агитационных материалов на территориях занятых противником.

Впрочем, если говорить про Россию, то здесь нас интересует не работа пропагандистской машины. По сравнению с другими странами Антанты она работала несколько слабее. Говоря о России, нужно заметить, что война переменяла представления о самой работе журналиста, жанрах журналистики и порядке их применения. И, наконец, стоит говорить, что именно Первая мировая война утвердила порядок работы военных журналистов и их отношение с институциями действующей армии.

Стоит начать с того, что такого порядка попросту не имелось. Все это можно утверждать, ссылаясь на примеры, которые были хотя бы в предыдущем крупном военном конфликте – Русско-Японской войне (1904–1905). Здесь можно увидеть, что ошибки совершались как со стороны армии, читай со стороны режима, так и со стороны журналистского корпуса, который эту войну освещал. В качестве примера промахов власти, можно привести информационные сообщения о том, как те или иные офицеры отбывали на фронт. Военная цензура, конечно же, должна была контролировать подобного рода информацию, дабы не допустить утечки важных сведений в руки врагов. При самой примитивной аналитике можно предположить, что перемещение офицеров – это перемещение частей в действующий театр военных действий. Кроме того, газетам допускалось публиковать сведения о передвижении войск. Например, крупный скандал возник после публикации изданием "Русское слово" фотографии "Части 20-го армейского корпуса на позиции при Ляохе".

Таким образом, можно говорить о несостоятельности военной цензуры, которая допускала подобные промахи. Это можно было связать с тем, что Российская империя оказалась перед лицом войны нового типа – войны, которую ведут государства, где случились промышленные и научные революции. В связи с этим, можно утверждать, что некоторая растерянность в период Русско-Японской войны была связана, прежде всего, с тем, что сама по себе Россия не чувствовала себя страной вовлеченной в единое информационное пространство, которое в тот период находилось в прото-режиме.

Первая мировая война показала, что Россия извлекла уроки из поражений предыдущих кампаний, и, прежде всего, из поражений в информационной войне. Россия ждала данную войну, подготовившись к ней по всем фронтам, в том числе и по информационному направлению. В частности, уже третьего августа 1914 года в большинстве СМИ было опубликовано правительственное сообщение от Военного министерства:

"Сим объявляется населению Империи о необходимости общих усилий к сохранению в полной тайне всего, что касается выполняемые ныне военных мероприятий. Неосторожность в разговорах, письмах и телеграммах может способствовать распространению за пределами России сведений о расположении и передвижениях, составе и численности наших вооруженных сил, чем будет нанесен нашей родине трудно поправимый вред и что может потребовать от нашей армии лишних жертв. Залогом доверия к мощи армии должна служить спокойная сдержанность общества ко всякого рода непроверенным слухам, которые часто могут быть недостоверными и даже злонамеренными.

Осведомление населения, в пределах возможности, в переживаемых и предстоящих военных событиях исторической важности возложено на главное управление генерального штаба.

Общество должно мириться с краткостью и вероятно скудностью тех сведений, который будут сообщаться, находя удовлетворение в том; что приносимая таким отношением жертва вызывается военной необходимостью; перед которой должны преклониться все в годину посылаемого родине испытания" [2].

Такое сообщение российская власть в лице Военного ведомства выпускает впервые. При том условии, что страна вовлечена в информационную палитру, руководство признает, что фактически каждый член общества может стать неожиданным корреспондентом того или иного издания, что может привести к непоправимым последствиям. Таким образом, министерство приглашает население страны к сотрудничеству, беря на себя обязанности обеспечивать информацией население во избежание паники и других возможных эксцессов. Кроме того, ведомство подчеркивает,

что будет монополистом в информационной сфере. Здесь проглядывается приглашение журналистов к сотрудничеству, по части распространения информации. Однако, правила такого сотрудничества устанавливать будет само министерство.

Если отслеживать сообщения, приходившие от генерального штаба, то поначалу они не баловали своей регулярностью. В частности, первое большое сообщение, газеты перепечатали уже 10-го августа. Штаб избрал в качестве передатчика информации телеграфные сообщения. В газетах данные сообщения подкреплялись сведениями, полученными от очевидцев, если таких ньюсмейкеров находили корреспонденты изданий. Сами издания посвящали войне наибольшее количество полос. Если сообщения непосредственно из театра военных действий доставлялись генеральным штабом, то издания вовсю использовали ресурс информационных агентств, рассказывая о том, что происходит на Западном фронте, где против немцев воевали союзники России по Антанте.

Надо отдать должное российским изданиям, которые старались брать информацию о войне из всех возможных источников. Особенно это касалось того массива дней, когда сообщений из генерального штаба не было. В частности, некоторые газеты обзавелись собственными корреспондентами, которые передавали информацию в свои издания куда чаще, чем генштаб, особенно в начальных этапах войны.

Отметим и тот факт, что газеты активно знакомили потребителей информации с местом проведения военных операций. Нередко в изданиях печатались картографические материалы, а также фотографии (преимущественно довоенные) тех мест, где проходили сражения.

Возвращаясь к официальному распространителю информации о театре боевых действий, надо сказать, что генеральный штаб наладил поток своих информационных сообщений в течение первых десяти дней войны. Однако, здесь было несколько но, одно из которых – отсутствие оперативности. Например, в телеграфе за 17-е августа можно увидеть, что сообщения о наступлении немцев и австрийцев за 31-е июля. В этом же сообщении говорится о том, что русские части отбили данные наступления в первых числах августа. Интересно, что некоторые газеты перепечатывали такие сообщения, не сообщая своим читателям числа событий, о которых говорилось в сообщениях штаба [3].

С одной стороны, можно говорить, что сами по себе сообщения не слишком быстро компилировались в единую ленту, из-за чего запаздывали. С другой стороны, надо отметить, что здесь прекрасно работала редакция и цензура, задача которой донести до читателя информацию, которая не могла бы привести к паническим настроениям. И, наконец, в таких сообщениях ни словом не должны быть описаны предстоящие операции российских войск.

В этой связи, весьма интересно описание одной из главных операций российских войск – "Брусиловского прорыва". Стоит вспомнить, что сама операция началась артиллерийской подготовкой 22-го мая, а 24-го мая русские войска начали свое наступление, проломив несколько оборонительных линий неприятеля. Штаб верховного главнокомандующего впервые сообщил о данной операции спустя двое суток после начала наступления – 26-го мая. Более того, в первой заметке о прорыве было особо отмечено, что "Осторожность не позволяет теперь же огласить названия доблестных полков, ведущих бой, иногда с потерей всего офицерского состава, а равно имена мужественных генералов и офицеров, уже павших или раненых, а также названия местных предметов и пунктов, в районе которых идут бои" [4].

Здесь можно заметить насколько осторожно подходило российское военное ведомство к освещению текущих операций. Хлебнув по полной во время предыдущих конфликтов в официальных сообщениях из театра военных действий, можно заметить уклон в постоянное нагнетание патриотических настроений, которые строятся на основе довольно агрессивных мета-слов. В частности, можно выделить такие конструкции, как "враг/неприятель отбит", практически всегда существуют "взятые в плен". Противники обычно "переходят в наступление/наступают", однако, практически всегда они "отбиты огнем". Безусловно такая риторика официальных сообщений (то есть, сообщений перепечатанных многотиражными газетами) не может не оставить чувство восхищения и гордости за свои войска.

Конечно, мы можем говорить и о других формах взаимодействия армии и журналистского корпуса, который занимался освещением военных действий. В частности, к 1916 году можно выделить создание некоего пула журналистов, которые от разных изданий работали в тесной связке с командованием армией и командирами крупных соединений на местах. Такой пул легко выделить анализируя фамилии авторов заметок, которые стали довольно часто появляться ближе к завершению войны. В связи с этим, стоит выделить некоторые фамилии таких журналистов. Одним из ведущих военных корреспондентов зарекомендовал себя Мечислав Лембич, работавший в ведущей газете "Русское слово" [5]. Кроме того, выделялся своими текстами Константин Соломонов из журнала "Нива" [6]. И, наконец, Николай Коржанский, который во время войны работал в "Русских ведомостях" под псевдонимом В. Качанов [7].

Новый военный министр России Николай Поливанов, который занял данную должность в июне 1915 года, продолжил политику открытости армии к журналистам. Этот год стал весьма сложным в российской истории первой мировой войны. Для того, чтобы обеспечить большее понимание армии и ее действий, Поливанов приблизил к министерству журналистов, для того, чтобы через них показывать, что его ведомство открыто для обсуждения с обществом вопросов ведения войны. Часто журналистам разрешалось задавать непростые вопросы ведущим военачальникам в рамках интервью. Это не означало тотальную открытость армии, но это благотворно влияло на читателей ведущих изданий страны, в связи с чем они продолжали чувствовать свое единство с армией.

На основании вышеизложенных материалов можно сделать некоторые выводы:

- впервые в России освещение большого (глобального) военного конфликта велось системно, что весьма благотворно влияло на внутреннюю обстановку в стране.

- Военное ведомство выступило как монополист в области распространения информации. Это облегчило жизнь, как самому министерству, так и военной цензуре. Несколько легче стало работать журналистам, поскольку они знали, где получать информацию непосредственно из театра военных действий.

- оперативность доведения сведений до потребителя информации несколько запаздывала, однако, это опоздание в большинстве случаев не превышало недельного отрезка.

- ведущие журналисты допускались к военному министру Алексею Поливанову, который зачастую оказывал им некоторую помощь в поиске информации, а также эксклюзивных сведений.

- Подытоживая вышесказанное, можно отметить некоторые правила взаимодействия журналистов с действующей армией во время войны. Например, это монополия на информацию с фронта, сосредоточенную в руках генерального штаба, организация общения журналистов и военного начальства, организация пресс-центров и пресс-конференций, делающих армию и ее действия более открытыми для широких слоев населения. Такие правила уже существовали в остальных странах Антанты, но лишь только складывались в России. Отсюда можно утверждать о некоторых шагах, которые были сделаны в направлении совершенствования взаимоотношений журналистского корпуса российских СМИ с представителями армии.

1. Первая мировая война. Энциклопедический словарь. – М.: Весь Мир, 2014. – 481 с.
2. Газетные старости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starosti.ru/article.php?id=42922>. – Дата доступа: 19.09.2018.
3. Газетные старости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starosti.ru/article.php?id=50421>. – Дата доступа: 19.09.2018.
4. Газетные старости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starosti.ru/article.php?id=50421>. – Дата доступа: 19.09.2018.
5. Медиаскоп. 2012. Вып. 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1118>. – Дата доступа: 19.09.2018.
6. Лемке, М.К. 250 дней в царской ставке 1914–1915 гг. / М.К. Лемке. – Минск, 2003. – С. 176
7. Качанов, В. Наступление генерала Брусилова / В. Качанов // Русские ведомости. – 1916. – 30 мая. – № 123.

РАЗДЕЛ 3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ТЫЛУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИЕ РАЗРАБОТКИ ПРЕДМЕТОВ СНАРЯЖЕНИЯ И ВООРУЖЕНИЯ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМИТЕТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А.А. Захаров

В мае 1915 года представители российской буржуазии приступили к созданию сети общественных организаций – военно-промышленных комитетов, которые должны были оказывать реальную помощь русской армии в поставке на фронт предметов снаряжения и вооружения [4, 1915, № 1, с. 15]. Одним из аспектов деятельности самого крупного Московского военно-промышленного комитета стала научно-исследовательская и опытно-конструкторская деятельность (НИОКР) его отделов – химического и отдела изобретений.

Уже 15 июня 1915 г. в Московском ВПК был образован химический отдел, который возглавил известный русский химик профессор А.Е. Чичибабин [12, д. 379, л. 34]. Перед отделом стояли задачи связанные с производством пороха, пироксилина и их компонентов, организация выпуска медицинских препаратов и материалов химической промышленности, ранее ввозимых из-за рубежа, производство мыла, создание производств по выпуску отравляющих веществ....

С осени 1915 г. в лаборатории Московского императорского технического училища глава отдела А.Е. Чичибабин начал опыты по изготовлению жидкого хлора на заводе «Салонин». От лабораторных исследований химики комитета перешли к производству ОВ в промышленных масштабах. Мощность специально оборудованной установки достигала 1 пуда в сутки. К осени 1916 г. производительность установки возросла, и комитет смог выкупить ее в свою собственность. Так возникло собственное предприятие химического отдела МВПК – «завод белой жидкости» – Кусковская гемисалоловая установка [12, д. 114, л. 20–21; 4, 1915, № 1, с. 18.].

Другое собственное дело химического отдела связано с деятельностью его особой комиссии по производству осветительных ракет. В конце лета 1916 г. первые зажигательные и осветительные снаряды, изготовленные под руководством химического отдела, прошли испытания в 5-й армии, и комитет обратился к ее командованию с просьбой дать отзыв об этих изделиях, чтобы просить у Главного военно-технического управления заказ на их изготовление. Выпуск осветительных ракет был налажен на нескольких химических заводах, и отдел получил заказ на 1 млн. 100 тыс. штук. Часть работы делалась на пиротехнических предприятиях, а окончательная сборка и укупорка проводилась в собственной ракетной мастерской химического отдела в Останкино [12, д. 114, л. 20–21; 4, 1915, № 1, с. 18; 4, 1916, № 27–30, с. 203–204.].

Химический отдел занимался также разработкой и усовершенствованием новых видов вооружения. По инициативе МВПК при отделе велись опыты по разработке гранат системы Чиликина и Кравцова.

Подпоручик Кравцов, прикомандированный к Московскому Военно-Промышленному Комитету и приват-доцент Чиликин, товарищ начальника химического отдела комитета,

летом 1916 года создали ружейную мортирку и боеприпас к ней. Они назвали свое детище бомбометом, хотя на самом деле оно являлось мортиркой. Дальность полета снаряда достигала от 200 до 400 шагов. Бомбомет комплектовался осколочными, осветительными, зажигательными и фугасными гранатами калибром от 1,5 до 2,5 дюймов. Успешные испытания были проведены на фронте в 5 армии на позициях 66 Бутырского полка генерала Дохтурова в районе Танненфельдской излучины, и проходили с 29 августа по 1 сентября 1916 г. [6, с. 269-273.] Но ГАУ это изобретение не заинтересовало, и заказ на ружейные гранаты химический отдел не получил.

Судьба другого изобретения, усовершенствованного огнемёта СПС (Странден, Поварин, Столица), была более удачной. Были проведены опыты с горящими жидкостями и разработан новый вид воспламеняющего вещества, в устройстве огнемёта был применен электрический запал, а выпуск 50 экспериментальных образцов был налажен на московских заводах из дешевых газовых труб. По принципу действия устройство относилось к фугасным огнемётам – огнесмесь выталкивалась не сжатым воздухом, подаваемым из баллона, а за счет создания давления пороховых газов при воспламенении метательного заряда. Весенние испытания 1916 г. показали, что и дальность выброса пламени нового огнемёта больше, чем у существующих образцов и достигает 60-70 шагов [9]. Артиллерийское ведомство, учитывая дешевизну изделия и улучшенные технические характеристики, заказало у комитета 400 таких огнемётов. Эффективность работы химического отдела проявилась и в выполнении заказа Военно-технического управления на производство зажигательного шнура – стопина. Комитет изготовил необходимые армии 1200 тыс. аршин (853200 м) всего за два месяца [12, д. 114, л. 22, 24; 4, 1916, № 21–22, с. 186].

Благодаря научному руководству А.Е. Чичибабина и химиков МВПК, в Императорском техническом училище был открыт Московский алкалоидный завод, на котором из конфискованного опиума производили морфий и атропин, из чайной пыли – кофеин, в некоторых количествах выпускали веронал, аспирин, каломель [10, 1915, 4 июня]. Это производство в 1917 г. покрыло около 50% потребностей страны в морфии и кодеине. Консультативная и ориентировочная деятельность фармацевтической комиссии химического отдела МВПК привела к тому, что в Центральной России к концу 1916 г. производилось из отечественного сырья большинство препаратов, прежде ввозимых из-за рубежа [12, д. 114, л. 20; 5, с. 88, 89; 1, с. 26; 4, 1915, № 1, с. 18].

Организационно-хозяйственная работа химического отдела комитета была тесно связана с новейшими исследованиями химиков комитета, и новые химические технологии, до этого слабо развитые в стране, в условиях военного времени сразу внедрялись в производство, ликвидируя острый дефицит химических материалов в России.

Модель первого российского угольного противогаза Зелинского на первых порах разрабатывалась в мастерской МВПК. Председатель химического отдела профессор А.Е. Чичибабин организовал при содействии комитета лабораторию в Императорском техническом училище и занимался не только организацией производства алкалоидных препаратов, но и разработал два метода получения фосгена, которые были использованы в его производстве на двух московских заводах. Кроме того, А.Е. Чичибабин разработал новое взрывчатое вещество – тринитротоксил. Его заместитель в МВПК заслуженный ординарный профессор Императорского Московского университета И.А. Каблуков в химической лаборатории университета проводил опыты по производству новых ядовитых веществ. В лаборатории университета по просьбе МВПК проводились испытания новых химическо-фармацевтических препаратов. Профессора Е.И. Шпитальский и В.В. Челинцев работали с новыми взрывчатыми веществами и гальваническими приборами, апробировали методы противоядий от ОВ. Разработкой проблем производства красок для отечественной промышленности из российского сырья занимался профессор химии А.М. Настюков [12, д. 11, л. 46; 3, с. 173; 8, с. 138, 141]. Все эти люди тесно

сотрудничали с химическим отделом МВПК и способствовали формированию самостоятельной, независимой от импортного сырья отечественной химической промышленности.

Особо следует отметить работу на фронт отдела изобретений, занимавшегося разработкой военных приспособлений. Отдел был создан 30 сентября 1915 г. и его работой руководили основоположник российского воздухоплавания Н.Е. Жуковский и профессор И.А. Каблуков. По словам его руководителей, отдел имел прямую связь с фронтом, так как значительная часть изобретений поступала из действующей армии [11, с. 378]. Для развития творческой инициативы отдел проводил конкурсы на лучшее изобретение по определенной тематике. Так газета П.П. Рябушинского «Утро России» 1 января 1916 г. объявила конкурс на проект для приспособления мотоциклета к зимней езде, заявив о крупной премии за лучший из них. Средства на премию предоставили купец М.Н. Бардыгин (5 тыс. руб.), П.П. Рябушинский (500 руб.), Московское купеческое общество (500 руб.) [10, 1915, 4 июня]. Поощрительный фонд изобретателям формировался из частных пожертвований и к февралю 1916 г. составлял 15 тыс. руб. [10, 1916, 26 февраля]. К середине 1916 г. отдел провел несколько конкурсов изобретений, на которые поступило около 500 проектов различных приборов и изобретений. Около 10% новаторских предложений получили высокую оценку экспертной комиссии отдела. Разработка велась в основном в военном направлении, и некоторые приборы были изготовлены силами комитета. Это прибор для проверки и исправления пути, сигнализация для сбрасывания бомб с дирижаблей, аппарат для выброса горючей жидкости, прицельный прибор для бомбометания с аэропланов [4, 1916, № 23-24, с. 70].

МВПК поставил перед отделом изобретений стратегическую задачу – объединить все существующие в России организации и учреждения, занимавшиеся делом изобретений. 1–3 октября 1916 г. в Москве на средства Московского ВПК и при финансовой поддержке Особого совещания по обороне, выделившего 40 тыс. руб., прошел первый съезд изобретателей [12, д. 71, л. 114]. На нём присутствовало 284 делегата. Были подведены не только итоги деятельности отделов изобретений ЦВПК и МВПК, но и рассмотрен вопрос создания общероссийской организации изобретателей. К этому времени в отдел поступило 916 заявлений по изобретениям, из них:

56 (6%) – получили благоприятный отзыв;

29 (3%) – одобрительный;

12 (1,3%) – рекомендовано Военно-инженерному и Главному артиллерийскому управлениям

9 (0,9%) – получили субсидии и было изготовлено пять моделей приспособлений.

К апрелю 1917 г. отдел изобретений Московского ВПК рассмотрел 1631 заявление. Из них экспертная комиссия признала удовлетворительными 42 (2,5%), желательными к разработке 34 (2%) новых изделия. Было изготовлено 16 моделей. Проведены испытания 16 изобретений, для испытания на фронт отправлено 19 новых видов вооружения и военных приспособлений [5, с. 43-45]. Это и модифицированный огнемет СПС, снаряд системы Чиликина и Кравцова, стрелковый перископ, изобретенный штабс-капитаном Копытовским и многое другое [2, д.15, л. 3об., 19, 61об.]. Некоторые разработки проводились совместно с химическим и другими отделами комитета. Ряд перспективных рационализаторских предложений разрабатывались силами инженеров и техников отдела. Это угломер, дальность, установка для обстрела аэропланов, пулемет с электрическим управлением, реле для фонических телефонов, фото-панорама, моторные сани, самодвижущаяся мина, винт для водолаза [5, с. 45].

В этом перечне особое место занимает разработка моторных саней коллеги Н.Е. Жуковского Сергея Сергеевича Неждановского. В 1916 году, после очередных испытаний отдел изобретений Московского военно-промышленного комитета дал заключение:

«Единственные из выполненных моторных саней, вполне хорошо передвигающиеся по совершенно рыхлому снегу, - это санки С. С. Неждановского». Автору была присуждена первая премия, а министерство торговли выдало ему охранный свидетельств. При движении по рыхлому снегу уровень экономичности движителя Неждановского остается недостижимым для всех других типов снегоходной техники и по сей день [13].

Работу Московского комитета в деле изобретательства высоко оценило Особое совещание по обороне. 19 апреля 1917 г. МВПК из военного фонда, безвозвратно, было отпущено 52 тыс. руб. для организации при отделе изобретений конструкторского бюро и мастерской по изготовлению образцов этих изделий [7, 1978, Ч. 1-2, с. 290].

Деятельность отделов Московского ВПК стала первым опытом сотрудничества частного бизнеса и государства в сфере НИОКР. Следует отметить деятельность химического отдела в сфере «импортозамещения», положившего начало формированию собственной, российской системы фармацевтики и созданию сети производств лекарственных препаратов и материалов для химической промышленности, ранее ввозимых из-за рубежа.

Эта общественная организация смогла привлечь к работе на оборону талантливых исследователей и изобретателей, аккумулировать их научный потенциал, создать условия для творческой работы и предложить военному министерству реальные военно-технические разработки.

1. Горбачев, И.А. Хозяйство и финансы военно-промышленных комитетов / И.А. Горбачев. – М., 1919.
2. Государственный архив Орловской области. – Ф. 505 (Орловский городской военно-промышленный комитет). Оп. 1.
3. Деятельность МВПК и его отделов по 31 января 1916 г. – М., 1916.
4. Известия Московского военно-промышленного комитета.
5. Материалы третьего Всероссийского съезда ВПК в Москве 16–19 мая 1917 г. Деятельность Московского областного ВПК и его отделов по 1 апреля 1917 г. – М., 1917.
6. Прибылов, Б.В., Кравченко, Е.Н. Ручные и ружейные гранаты / Б.В. Прибылов, Е.Н. Кравченко. – М.: Арктика 4Д. – 2008. – 776 с.
7. Россия. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства 1915–1918 гг.) / Ред. коллегия: Л.Г. Бескровный (отв. ред.) и др. – М.: Институт истории СССР, 1975. – Ч. 1–2., [1915 г.]; 1977. – Ч. 1–3., [1916 г.]; 1978. – Ч. 1–2., [1917 г.]; 1982. – Указатели и материалы. – Ч. 1–2.
8. Сергеева, С.Л. Деятельность военно-промышленных комитетов по организации работы мобилизованной промышленности / С.Л. Сергеева. – Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1996.
9. Супотницкий М. В. Адское пламя. Огнеметы Первой мировой войны // Офицеры. – 2011. – № 2 (52). – С. 56 – 61.
10. Утро России.
11. Центральный военно-промышленный комитет. Труды II съезда представителей ВПК 26–29 февраля 1916 г. – Пг.: Изд. ЦВПК, 1916. – С. 378.
12. Центральный исторический архив Москвы. – Ф. 1082 – фонд Московского областного военно-промышленного комитета. Оп. 1
13. Ювенальев И. Санки Неждановского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://modelist-konstruktor.com/avtomotoservis/sanki-nezhdanovskogo>. – Дата доступа: 29.09.2018.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КИЕВЕ И ОДЕССЕ (1917–1918 гг.).

Н.Б. Щавлинский

Первая мировая война, разразившаяся в августе 1914 г., по ряду причин имела для Беларуси очень тяжелые последствия, в первую очередь, из-за того, что белорусские земли оказались театром военных сражений, Это привело не только к гибели людей,

уничтожению материальных и духовных ценностей, но и породило такую проблему как беженство.

Первые беженцы из прифронтовых районов Беларуси появились уже в ноябре 1914 г. После оккупации германскими войсками осенью 1915 г. Западной части Беларуси беженство приняло массовый характер. Основная масса беженцев направлялась вглубь России и на территорию Украины.

Согласно данным Татьянинского комитета только из Гродненской губернии количество беженцев в Харьковской губернии достигло 25 тысяч 512 человек, а в Херсонской губернии – 3 тыс. 528 человек [3, л. 2]. Всего на 1 февраля 1917 г. количество беженцев из 5 западных губерний на территории России и Украины составило 1 130 042 человека [8, с. 57].

Первоначально беженство носило стихийный характер. Никто и нигде их не встречал, нередко жили они под открытым небом. А некоторые из них – в селах и домах. Ситуация стала меняться в лучшую сторону после того, как при министре внутренних дел М. Маклакове был создан особый «отдел по устройству беженцев и оказанию помощи потерпевшим от военных бедствий».[10, с. 25] Во многих российских городах – Петербурге, Саратове, Казани, Ярославле, Самаре и др., - начали создаваться белорусские беженские общества и комитеты. Такие же комитеты были созданы в городах Украины – Киеве, Харькове, Херсоне, Елисаветграде (ныне Кировоград), Екатеринославе (ныне Днепр) и других городах.

После Февральской революции 1917 г. широкую деятельность развернули воины-белорусы в воинских частях Юго-Западного и Румынского фронтов, зона действий которых охватывала территорию Украины. Так, в период с 10-го по 20-е декабря 1917 г. в Киеве состоялся съезд воинов-белорусов Юго-Западного фронта, на котором была избрана Белорусская войсковая рада. Перед избранной Радой были поставлены задачи развития набиравшего силу белорусского движения в войсках, формирование белорусских воинских подразделений.

Наряду с военными организациями в послефевральский период активизировалась национальная работа среди белорусских беженцев, проживавших на территории Украины. С целью консолидации этих национальных сил и направления их в русло борьбы за национальную идею 10 марта 1918г. в Киеве вместо Белорусской войсковой рады была создана новая организация «Белорусская национальная организация на территории Украины» [4, л.145].

Для проведения текущей и организационной работы «Белорусская национальная организация» избрала из своей среды руководящий орган – правление, в состав которого вошли: А. Головинский, Н. Разумовский, М. Довнар–Запольский. Основной своей задачей «Белорусская национальная организация на территории Украины» считала: «объединение белорусов, повышение их национального самосознания, развитие белорусской культуры, повышение экономического благосостояния народа».[4, л.145]. В целях реализации своих планов Белорусская национальная организация обратилась 20 апреля 1918 г. ко всем белорусским организациям на территории Украины с воззванием, в котором отмечалось: «Приняв на себя тяжелый, но светлый и высокий труд проведения в жизнь целой организации, правление зовёт земляков к единению и совместной работе на пользу своего народа и считает, что в этом благом народном деле встретит поддержку и благорасположение дружественного ему народа украинского и других национальных организаций на территории Украины...» [4, л.145].

Одновременно с Белорусской национальной организацией в Киеве был создан общественно-культурный клуб «Зорька», руководителями которого были избраны А.Левченко, А. Форботко, И. Красковский. С момента своего создания белорусские организации в Киеве устраивали для белорусов – демобилизованных воинов, рабочих и беженцев – еженедельные собрания, на которых читались лекции, обсуждалось политическое положение Беларуси.

1 апреля 1918 г. «Белорусская организация на Украине» начала издавать в Киеве еженедельную газету «Белорусское слово». В связи с тем, что большая часть материалов печаталась на русском языке, газета с 30 мая 1918 г. начала выходить под названием «Белорусское эхо». Среди наиболее ее активных сотрудников можно назвать: А.Цвикевича, Я. Воронко, А. Смолича, М. Довнар-Запольского, Я. Карского, Я. Хлебцевича, Я. Дыло, А. Бурбиса и др. Основной своей задачей газета считала объединение белорусов, которые проживали в Украине, обеспечение их связи с родиной. «Белорусское эхо» также выступала за возрождение, усиление и развитие, национальное возрождение, объединение всех общественных сил белорусского народа с целью реализации национальных интересов [7, с.1]. На страницах газеты также помещались сочинения Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, В. Голубка, Т. Гартного, К. Каганца и др.

После того как 25 марта 1918 г. в Минске была объявлена Белорусская Народная Республика (БНР), 26 апреля 1918 г. в Киеве под председательством М.В. Довнар-Запольского была открыта Белорусская торговая палата. В ее состав вошли Ф. С. Бурчак (товарищ председателя), Г.Ф. Базаревич, (член палаты и юрисконсульт), члены палаты: И.В. Курилович, А.К. Головинский, А.М. Копыстынский и другие. Основным назначением деятельности торговой палаты являлось налаживание товарообмена Украины и Белоруссии, а также защита интересов белорусских торговых фирм и отдельных личностей. Кроме того, в задачи Белорусской торговой палаты в Киеве были вменены обязанности консульства, вплоть до назначения 29 мая 1918 года консулом БНР в Украине доктора П.В. Тремповича (с 16 июня 1918 г. генеральным консулом был назначен Г. Ф. Базаревич) [2, с. 88].

Затем 31 июля 1918 г. в Киеве на Подоле, на улице Набережно-Луговая, была учреждена «Белорусская техническая организация», насчитывающая в своем составе около 150 человек. 1 августа 1918 г. организацией были открыты столярная и слесарная мастерские, кузнечный цех [1, с.7]. Открытие мастерских, как и создание других белорусских учреждений, позволило многим белорусам предоставить работу, дать приют беженцам.

В сентябре 1918 г. в Киеве было создано общество «Снабжение» в целях «осуществления правильного товарообмена между Украиной и Белоруссией». В то же время 19 ноября 1918 года была создана особая торгово-экономическая комиссия в составе А.И. Цвикевича, И.И. Красковского и М.В. Довнар-Запольского, которой было поручено вести переговоры с украинским правительством о более тесном экономическом сближении. В этой связи председатель особой экономической комиссии Народного секретариата БНР А. И. Цвикевич предложил украинскому министру С. Гутнику заключить торговый договор «на началах взаимности» [2, с. 99].

Необходимо отметить, что составленный торговый договор между Радой БНР и украинским правительством установил основы равноправных отношений и подвел итог торгово-экономических контактов между Белоруссией и Украиной. В преамбуле указывалось на то, что « близкие экономические отношения, которые издавна существовали между Белоруссией и Украиной требовали, чтобы эти отношения сохраняли прежний характер и широко развивались» [2, с. 99]. По своей структуре договор состоял из преамбулы, пяти разделов и 22 статей. В соответствии с договором граждане двух стран были равноправны, а межгосударственные связи должны были выстраиваться на основе консульских контактов. Особое внимание уделялось торговым отношениям, которые должны были строиться на взаимовыгодных и равноправных основах.

Однако торгово-экономические отношения между Белоруссией и Украиной продолжались не очень долгое время. В связи с тем, что германские войска в результате произошедшей в Германии в ноябре месяце революции стали покидать территорию Беларуси, а советские ее занимать, Белорусская торговая палата прекратила в декабре 1918 года свою деятельность в Киеве.

Наряду с белорусскими организациями в Киеве большую общественно-политическую и национально-культурную работу среди белорусского населения проводили белорусские организации в период 1917-1918 гг. в Одессе. Уже на состоявшемся 1-7 декабря 1917г. съезде воинов-белорусов Румынского фронта в городе Одессе была избрана во главе с С. Некрашевичем Белорусская войсковая рада. Кроме председателя в состав Рады входили: А. Балицкий, Г. Козелл, П. Ильюченко, И. Волчек, А. Адамович и др.

С самого начала своего существования Рада Румынского фронта достаточно успешно проводила работу в воинских частях: к солдатам посылались агитаторы, интенсивно проходила работа по комплектованию белорусских рот и полков. В результате проведенной работы были объявлены белорусскими 6-й Таурогенский пограничный конный полк, 4-й армейский корпус в составе 30-й и 40-й пехотных дивизий, 26-е броневое отделение и другие воинские подразделения [3, л.164-166]. Для пополнения этих частей и сосредоточения солдат в городе Одессе приказом по Одесскому военному округу №42 от 27 января 1918г. на улице Дальницкой был учрежден Белорусский этапно-концентрационный пункт [3, л. 164-166].

Одновременно с белорусскими военными организациями широкую деятельность в Одессе развернуло созданное в декабре 1917г. общество «Белорусский гай». На первоначальном этапе своей деятельности «Белорусский гай» устраивал белорусам чтение рассказов и лекций на белорусском языке. Но уже весной 1918г. в городе на «Казарменном переулке» организацией был открыт «Белорусский клуб». В клубе имелась библиотека с книгами Я. Купалы, Я. Коласа, А. Гаруна, Ядвигина Ш. (А.Левицкий) и других белорусских писателей и поэтов. При клубе также были организованы кружки: литературный, театральный и хоровой.

6 марта 1918г. Белорусская войсковая рада и общество «Гай» провели совместное заседание, на котором было принято решение о создании объединенной организации, которая смогла бы проводить национальную работу не только среди белорусов, проживавших в Одессе, но и в Одесском округе. В результате постановления был создан Белорусский национальный комиссариат [5, л.142]. Комиссаром организации собрание избрало Е.Трофимова. В состав Комиссариата также вошли: С. Янушкевич, А. Балицкий, П. Гудень, Г. Козелл, И. Матюкевич, А. Дежневич и другие белорусские деятели. Одновременно с Комиссариатом, являвшимся исполнительным органом, была создана как законодательный орган, во главе с профессором Сапожко, Белорусская национальная рада [4, л.9].

Основной своей целью Белорусская национальная рада и Комиссариат считали достижение самоопределения Беларуси и защиту интересов белорусов, проживающих в Одесском округе. Сразу после образования Комиссариат приступил к регистрации белорусов, проживающих в городе и его окрестностях. Каждому зарегистрированному выдавалось на белорусском, русском и украинском языках удостоверение. Владельцы подобных удостоверений считались гражданами объявленной в марте 1918 г. на оккупированной территории Беларуси, БНР.

С момента своего создания Белорусская национальная рада и Комиссариат большое внимание в своей деятельности уделяли культурно-национальной работе среди беженцев и местного белорусского населения. Каждое воскресенье в помещении рады проходили собрания, на которых читались на белорусскую тематику лекции, обсуждались вопросы национальной жизни. Нередко число присутствующих на собраниях достигало до 1000 человек [6, л.43-44]. Белорусы, в особенности беженцы, мечтавшие о скорейшем возвращении на родину, ловили с жадностью каждую весточку, каждое слово из Беларуси.

С неприкрытым ликованием Белорусский национальный комиссариат, равно как и другие белорусские организации в Одессе отнеслись к тому факту, что Рада БНР на заседании в ночь с 24 на 25 марта 1918 г. объявила Беларусь независимой. В этой связи 21 апреля по инициативе Белорусского национального комиссариата было созвано общее

собрание белорусов, проживавших в городе и его окрестностях, которое постановило: «Приветствовать создание Белорусской Народной Республики и тем самым поддержать белорусское народное правительство, твердо веря, что оно при поддержке всех белорусов выполнит возложенные на него трудные и ответственные задачи и выведет белорусский народ неразделенным на путь широкого культурнотворческого и экономического строительства. Пусть живет свободная Беларусь!» [3, л. 67].

Подобные постановления и резолюции были приняты другими белорусскими организациями г. Одессы. Например, 07 апреля 1918 г. резолюцию против условий Брестского мирного договора приняло собрание «Белорусского гая». В тот же день резолюцию о негативном отношении к разделу Беларуси Брестским договором приняло заседание Белорусской национальной рады [9, л. 24].

Среди первостепенных вопросов, которые стремились решить в то время белорусские организации в Одессе, являлся вопрос открытия с начала учебного года в городе белорусских национальных школ. Например, Белорусская национальная рада и Комиссариат достигли в июне 1918г. с украинскими властями соглашения об открытии с начала учебного года в Одессе 30-ти низших национальных училищ, содержание которых должна была взять на себя Одесская городская управа [6, л. 43]. В то же время в городе планировалось открыть Белорусскую частную гимназию с преподаванием на русском языке, но с включением в процесс обучения предметов по белорусоведению. Однако эти планы белорусских организаций в условиях германской оккупации Украины, затем начавшейся гражданской войны и отсутствия денежных средств остались не реализованными.

Таким образом, белорусские организации в Киеве и Одессе в период 1917-1918 гг. достигли значительных успехов в проведении среди белорусского населения общественно-политической и национально-культурной работы. Основным направлением деятельности организаций являлось: консолидация белорусов, проживавших в Украине, обеспечение их связи с родиной.

1. Белорусская техническая организация на Украине // Белорусское эхо. – 1918. – №7. – С.7.
2. Кукса А. Н. Взаимодействие национальных движений Белоруссии и Украины в 1917 –1922 гг. / А. Н. Кукса. – Минск: РИВШ, 2010. – 194 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Фонд 325. Оп. 1. Д. 10.
4. НАРБ. – Фонд 325. Оп. 1. Д. 21.
5. НАРБ. – Фонд. 1440. Оп 3. Д. 193.
6. НАРБ. – Фонд. 1440. Оп. 3. Д. 210.
7. Перадавіца // Белорусское эхо. – 1918. – 3 чэрвеня.
8. Сташкевич Н. С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии: 1917 1925 / Н. С. Сташкевич. – Минск: Беларусь, 1985. – 304 с.
9. Центральный государственный архив высших органов власти и управления (далее – ЦГАВО). – Фонд 2592. Оп. 1. Д. 62.
10. Шчаўлінскі М. Б. Бежанцы і беларускі нацыянальны рух у гады першай сусветнай вайны / М. Б. Шчаўлінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. – №3.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОРГАНИЗАЦИИ ВЕТЕРИНАРНО-САНИТАРНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ)

А.С. Мельникова

Первая мировая война стала тяжелым испытанием для населения белорусских земель. В результате боевых действий середины лета-начала осени 1915 года территория Беларуси оказалась разделенной. После стабилизации российско-германского фронта под немецкой оккупацией осталось 50 тыс. км² территории современной Республики Беларусь (около

25% ее общей площади) [4, с. 446]. Под оккупацию попала Гродненская, большая часть Виленской, часть Минской губерний. На оккупированной территории проживало около 2,5 млн человек.

Витебская губерния наряду с Могилевской и большей частью Минской губерний служила тыловой зоной Западного фронта. Война принесла на данную территорию дезорганизацию народного хозяйства, резко ухудшила положение населения. В связи с наплывом беженцев и пребыванием воинского контингента все большее значение обретает задача обеспечения населения продовольствием. В работу по выполнению данной задачи активно включились создаваемые царским правительством органы. Так, при Министерстве торговли и промышленности в мае 1915 года был образован Главный продовольственный комитет, а с августа 1915 года – Особое совещание по продовольствию. В функции этого совещания входило руководство всем продовольственным делом вне зоны военных действий, закупка через своих уполномоченных всей продовольственной продукции, реквизиция и конфискация продуктов, их распределение, назначение твердых цен. Низовые продовольственные совещания выявляли излишки, создавали запасы продовольствия, регулировали цены. Однако меры, предпринимаемые правительственными органами, не были достаточно эффективными. До конца 1915 года запасы продовольствия в городах Витебской, Минской и Могилевской губерний составили 10–20% от необходимого количества. 1916 год принес ухудшение положения. Над городами нависла угроза голода, из-за недоедания увеличилась заболеваемость людей [4, с. 457].

После Февральской революции 1917 года продовольственная проблема стала одной из актуальных задач внутренней политики Временного правительства. На местах проводниками политики центра по данному вопросу стали продовольственные комитеты (низовое звено министерства продовольствия), важную роль в деятельности которых играли представители интеллигенции. Несмотря на значимое внимание к продовольственной проблеме в центре и на местах регулярно посылаемые в министерство отчеты содержали обеспокоенность состоянием дел в сельском хозяйстве Витебской губернии.

Представители интеллигенции придавали большое значение поднятию уровня ветеринарного дела, напрямую оказывающего влияние на качественное состояние животноводства в губернии в целом и на решение продовольственного вопроса в частности. К числу известных специалистов в области ветеринарии относились Е.Ф. Алонов, А.А. Богдановский, А.С. Лубкин [8, с. 48].

Следует упомянуть некоторые факты из биографии Е.Ф. Алонова, который внес значимый вклад в развитие ветеринарного дела на территории Беларуси, а также способствовал открытию Витебского ветеринарного института в 1924 году и стал его первым ректором [3, с. 4]. Алонов Евгений Филиппович родился в 1875 году. В 1903 году закончил Варшавский ветеринарный институт, затем работал поветовым ветеринарным врачом в Городокском повете. В 1911 году был избран земским ветеринарным врачом, в 1912 году стал заведующим Витебского губернского ветеринарного отделения. Участвовал в организации первой научной конференции ветеринарных врачей Витебской губернии. Организовал первую в Беларуси ветеринарную лабораторию в Витебске. В 1914 году Е.Ф. Алонов осуществил экспедиционное обследование животноводства Витебской губернии [9, с. 202]. В 1912–1915 годах являлся редактором журнала «Ветеринарная хроника Витебской губернии». Также был автором получившей широкий научный резонанс книги «Белорусская губерния в ветеринарно-санитарном отношении», изданной в 1912 году [2, с. 366].

После Февральской революции 1917 года Е.Ф. Алонов примкнул к общероссийской Трудовой народно-социалистической партии (народным социалистам, энесам), стал активным ее членом. Данная партия нашла поддержку со стороны ряда слоев населения Витебской губернии, преимущественно со стороны интеллигенции. К лету 1917 года

членам партии удалось создать губернскую партийную организацию, которая вела пропагандистскую работу среди городского и сельского населения губернии с целью образования разветвленной сети местных структурных подразделений партии. Трудовая народно-социалистическая партия боролась за укрепление авторитета центральной государственной власти в лице Временного правительства, так как считала, что в кризисных условиях страна без сильной власти существовать не может. Народные социалисты считали, что Временное правительство, возложившее на губернские продовольственные комитеты заботы о незасаженных полях и прочих сельскохозяйственных нуждах, должно обеспечить передачу сельскохозяйственного инвентаря в пользование предприятий общественного характера, а также продумать, откуда брать рабочие руки, закрепив это в соответствующих инструкциях. Поддерживая линию партийного центра в отношении решения продовольственного вопроса, представители партийных организаций в белорусских губерниях оправдывали необходимость применения жестких мер в центре и на местах с целью обеспечения потребностей населения. Они выступали за необходимость введения твердых цен не только на хлеб, но и на другие продовольственные товары, за вмешательство государства и местных органов самоуправления в вопросы снабжения населения продовольствием. Энесы призывали население к своевременной обработке полей и качественному, без прямых потерь, сбору и хранению урожая [7, л. 74].

В начале мая 1917 года в Витебске состоялся общегубернский съезд ветеринарных врачей и фельдшеров, на который съехалось свыше 40 специалистов. Председателем был избран губернский ветеринарный врач Е.Ф. Алонов. Съезд постановил, что, выполняя свои непосредственные обязанности, ветеринарные работники также должны выступать с разъяснениями актуальных политических и экономических вопросов с целью «поднятия сознательности населения». Съезд выразил одобрение демократической республике как форме правления, отвечающей «высоким задачам России», и признал необходимым активное участие ветеринарных врачей и фельдшеров в организации местного самоуправления «на демократических началах». Делегаты подробно обсудили продовольственный вопрос, признав, что ветеринарные врачи и фельдшеры должны принять самое деятельное участие в его решении. В резолюции было подчеркнуто, что «животноводство, расстроенное грандиозной и продолжительной войной, а равно неразумной и своекорыстной политикой приспешников старого строя, требует активной поддержки со стороны государства и самого внимательного и бережного к себе отношения со стороны ветеринарных организаций и местных органов самоуправления». При этом, по мнению участников съезда, ветеринарное дело в государстве должно быть перестроено на демократических началах, а, в частности, после выработки соответствующего проекта и одобрения его всероссийским ветеринарным съездом – подвергнуто реформированию от низовых до центральных органов управления. Витебский губернский съезд также признал необходимым упразднение должностей ветеринарных инспекторов, пунктов ветеринарных врачей и высказался за передачу их функций земским и городским самоуправлениям [1, с. 3].

После проведения съезда Е.Ф. Алонов и группа инициативных лиц стали организаторами курсов повышения квалификации для ветеринарных работников. В рамках курсов велась активная пропаганда о необходимости регулярного санитарного обследования животноводческих хозяйств, обсуждались актуальные научные разработки в сфере ветеринарии. Особенно Е.Ф. Алонова интересовала разработка системы эффективных мер по профилактике эпидемических заболеваний сельскохозяйственных животных [5, л. 13об.]. Как уже отмечалось выше, к числу известных специалистов в области ветеринарии и ближайших соратников Е.Ф. Алонова относились Лубкин Александр Сергеевич и Богдановский Александр Алексеевич. Помимо активной практической деятельности, они активно занимались научными исследованиями. Ими были созданы научные труды по анализу ветеринарно-санитарного состояния и причинах

болезней сельскохозяйственного скота на территории Беларуси. А.С. Лубкин стал известным специалистом по копытным заболеваниям, а А.А. Богдановский – в области бактериологии [5, л. 14об.].

Профилактическая, просветительская и пропагандистская деятельность ветеринарных работников, а также практические меры, предпринимаемые ими для борьбы с заболеваниями скота, находили ответный положительный отклик населения. Е.Ф. Алонов впоследствии отмечал, «...что население Витебской губернии ...всегда проявляло ревность к улучшению в губернии ветеринарного дела, выразившуюся в быстром росте, начиная с 1911 года... кредитов на ветеринарию, устройство первой и единственной в бывшем Северо-Западном крае губернской ветеринарно-бактериологической лаборатории, в организации первого в Северо-Западном крае института санитарно-эпизоотических врачей, в организации первого в крае губернского ветеринарного музея, в увеличении ветеринарного персонала, выделившее Витебскую губернию из остальных краевых губерний...» [6, л. 1]. Отметим, что ветеринарная лаборатория была создана в 1913 году, а ветеринарно-зоологический музей был открыт в Витебске в 1918 году и считался лучшим среди музеев того времени [9, с. 202].

После октябрьских событий 1917 года значительная часть энесов, входивших в состав партийных организаций на неоккупированной территории Беларуси, после некоторых колебаний перешла на сторону советской власти. Е.Ф. Алонов и многие другие специалисты в области ветеринарии продолжили активную борьбу с разрухой в сельском хозяйстве, вызванной военными и революционными потрясениями. Е.Ф. Алонов занял должность заведующего Витебским губернским ветеринарным отделом [3, с. 4]. В 1924 г. стал ректором Витебского ветеринарного института, а также руководителем Ветеринарного управления Наркомата земледелия БССР. Заслуги Е.Ф. Алонова получили признание. В 1924 г. ему были присвоены звания Профессора и Героя Труда [3, с. 5]. Следует подчеркнуть, что к процессу развития Витебского ветеринарного института Е.Ф. Алонов привлек и своих бывших соратников по партии: А.С. Лубкина, А.А. Богдановского, И.Я. Неклепаева, имевших значительный опыт работы в ветеринарной сфере [5, л. 13об.–14об.]. Витебский ветеринарный институт стал одним из наиболее значимых высших учебных заведений, которые обеспечивали высококвалифицированными кадрами БССР и СССР, а в настоящее время успешно продолжает готовить специалистов для Республики Беларусь и стран СНГ. Среди основоположников академических традиций данного учебного заведения были Е.Ф. Алонов, Я.И. Неклепаев, А.С. Лубкин, А.А. Богдановский, принявшие деятельное участие в развитии ветеринарной отрасли научных знаний и практической деятельности на территории Беларуси.

1. Ветеринарный съезд // Витебский листок. – 1017. – 4 мая. – С. 3.
2. Витебская губерния. 1917–1924 гг. : документы и материалы / сост. Н. В. Воронова [и др.] ; редколл.: В.И. Адамушко [и др.]. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2012. – 408 с.
3. Витебский ветеринарный институт имени Октябрьской революции. Министерство сельского хозяйства БССР / под ред. П.Ф. Михейкина. – Минск : Ураджай, 1974. – 64 с.
4. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2007. – 519 с.
5. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 173 Оп. 1. Д. 24. Л. 13об. – 14об.
6. ГАВО. – Ф. 173 Оп. 2. Д. 1. Л. 1.
7. ГАВО. – Ф. 10050-п. Оп. 2. Д. 1. Л. 74–74 об.
8. Мельникова, А. С. Попытка решения продовольственного вопроса представителями Трудовой народно-социалистической партии во второй половине 1917 – начале 1918 гг. (на примере Беларуси) / А.С. Мельникова // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2015 г. : материалы науч.-метод. конф., Могилев, 25 янв. – 4 февр. 2016 г. / МГУ имени А. А. Кулешова ; под общ. ред. Е. К. Сычовой. – Могилев, 2016. – С. 47–50.
9. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Віцебска : у 2-х кн. Кн. 1. / рэд. Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э. Э.Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2002. – 648 с.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В МАРТЕ – ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА

А.В. Попов

Февральская революция 1917 г. в России сопровождалась изменением структуры власти, как в центре, так и в регионах, в том числе и на территории белорусских губерний. Специфика процесса формирования и деятельности органов власти в Беларуси в условиях февральских революционных преобразований относится к числу научных проблем, требующих дополнительного изучения.

Процесс формирования новой вертикали, начавшийся в марте 1917 года, власти, по нашему мнению, являлось процессом двусторонним. Можно выделить два вектора в складывании новой системы управления. Условно назовем их «Централизованный», то есть исходящий от Временного правительства и «Децентрализованный», то есть исходящий от комитетов общественной безопасности (исполнительных комитетов) и иных общественных организаций, образованных на местах.

В результате слома старой системы управления население на местах было вынуждено реагировать на новые политические реалии. Реакцией можно считать создание различных организаций самоуправления. В хаосе мартовских дней, несмотря на его внешнюю политическую окраску, стало стихийно (по принципу «никого не забыть») воссоздаваться снизу властная иерархия на корпоративистских (под видом паритетных) началах. Это выглядело как настоящая «народная власть» [2, с. 97].

В своем развитии, по мнению Г.А. Герасименко, общественные исполнительные комитеты прошли **три этапа**: крутой подъем весной 1917 года, резкий спад к июню и медленное умирание в июле – августе 1917 года [5, с. 145].

Прежде всего, отметим цель создания общественных исполнительных комитетов. В ходе организации новой власти на местах общественные комитеты взяли на себя функцию координации действий органов самоуправления, политических партий, союзов и объединений по изменению политического строя [7, с. 50].

Отдел сношений с провинцией Временного правительства, анализируя состояние власти за март – май 1917 года указывал, что в первые дни переворота в городах спешно возникали общественные организации для охраны порядка. Быстро образовывались комитеты и местные советы рабочих и солдатских депутатов, реформировались общественные учреждения, принимая в себя широкий поток демократических элементов. Сознание своей силы влекло демократию с особенной энергией к власти [9, с. 39].

Во-первых, выделим поспешность создания общественных комитетов. Ее, пожалуй, можно объяснить внезапностью произошедших перемен. По подсчетам Г.А. Герасименко из 64 губернских комитетов, даты создания которых точно зафиксированы, 59 были созданы с 28 февраля по 6 марта 1917 года [5, с. 147].

Во-вторых, отметим, что авторы отчета видели главной задачей комитетов, прежде всего, охрану правопорядка и обеспечение безопасности граждан. Помимо охраны правопорядка на плечи общественных исполнительных комитетов легла забота об укреплении нового строя, подготовка и проведение серии выборов: в городское и сельское самоуправление, Учредительное собрание [9, с. 39].

В-третьих, выделим параллельность создания общественных комитетов и советов рабочих, солдатских, а затем и крестьянских депутатов. По мнению В.И. Старцева, эта параллельность формирования, а также коалиционный характер общественных комитетов позволяет говорить не о двоевластии, а скорее о двоецентрии [16, с. 204].

В городах новая система власти формировалась в следующем порядке: 1) губернский комитет, 2) городской комитет, 3) уездный комитет, 4) городская дума, 5) губернская

управа, 6) уездная управа, 7) совет рабочих и солдатских депутатов и 8) представители правительства – комиссары [9, с. 39].

В Минске вечером 3 марта по инициативе городского главы С.Б. Хоржонстовского под председательством главы губернской земской управы Б.Н. Самойленко было организовано собрание представителей общественных организаций губернии. В нем приняло участие около 100 человек. На этом собрании было принято решение передать власть в губернии комитету общественных представителей, который должен получить директивы от Временного правительства. Также в ходе данного собрания было решено создать комиссию для формирования общественного исполнительного комитета, которую возглавил член I Государственной думы, кадет, член группы Западных окраин Виктор Осипович Янчевский [3, с. 5; 11, с. 725].

Избранный на данном собрании гражданским комендантом города Минска Б.Н. Самойленко 4 марта был утвержден в этой должности командующим Западным фронтом генералом А.Е. Эвертом [14, с. 2].

То есть мы можем утверждать, что формирование органов самоуправления на территории прифронтовых губерний проходила с участием военного командования, которое взяла на себя часть функций гражданской власти.

В создание новой вертикали власти были вовлечены представители различных организаций и всех групп населения. В комитетах стремились получить места все слои населения, все организации и учреждения. На них давили и слева, и справа, так как комитеты оказались в центре борьбы за местную власть. [5, с. 146]

В состав Минского ОИК были включены: городской голова, два члена исполнительного комитета служащих Всероссийского земского союза, по два уполномоченных Всероссийского земского и городского союзов, начальник городской милиции, кроме того вакантными оставлены два места для формирующегося в губернии совета рабочих депутатов [3, с. 5].

С первых дней своего существования общественные комитеты были вынуждены столкнуться с конкуренцией в борьбе за власть не только со стороны формирующихся советов, но и городских дум. Так, минская городская Дума в своем заседании 4 марта 1917 года под предлогом отсутствия у общественного комитета управленческого опыта, приняла решение не передавать все управленческие функции в его руки. Было решено, что Дума возьмет на себя решение хозяйственных вопросов, а общественный комитет оставит за собой административные функции: создание милиции и контакты с военными властями [6, с. 5].

В Могилевской губернии общественный исполнительный комитет был сформирован на экстренном заседании городской Думы 4 марта 1917 года. В обращении к населению губернии Дума постановила: 1. Приветствовать от лица жителей губернии государственную Думу и Временное правительство по почину народных представителей образованное. 2. Образовать исполнительный комитет, на который возложить следующие функции: а) Полное и своевременное информирование населения о политической ситуации в стране; б) Организацию и руководство городской милицией; в) Обеспечение продовольственного снабжения города; г) Связь с правительственной властью для удовлетворения нужд города в связи с переживаемыми событиями. В состав исполнительного комитета должны войти: 3 представителя городского самоуправления, по 2 от губернского земства, купеческого и мещанского обществ, от правительственных учреждений, общественных и рабочих организаций [18, с. 5].

В Витебске городской общественный комитет был образован 4 марта 1917 года на заседании городской Думы под председательством городского головы Веглина [12, с. 2].

В своем воззвании к населению города общественный комитет призывал соблюдать порядок и продолжать работу на своих местах. Также городской комитет, понимая, что революционная эйфория может привести к беспорядкам, самосудам и насилию просил

жителей Витебска: «быть терпимее к тем, кто вчера еще служил старой власти, не вызывать в них излишней вражды или озлобления» [13, с. 2].

Чтобы обозначить себя на улицах города общественный комитет ввел для своих работников отличительные знаки – белые нарукавные повязки с надписью «ИОВГОК» для работников и такие же повязки с надписью «Г[ородская].М[илиция]. № района» для сотрудников милиции [13, с. 2].

На уровне уездов механизмы создания общественных исполнительных комитетов, в принципе, были идентичны губернским. В уездных исполкомах также были представлены все слои населения, общественные организации, партии, профсоюзы, кооперативы, вплоть до незначительных по численности организаций типа обществ трезвости. В уездных исполнительных комитетах (УИК) преобладали средние слои населения и не так была заметна поляризация социального состава [5, с. 147-148].

Общественные исполнительные комитеты на уездном уровне сформировались раньше, чем губернские. Так, 7 марта 1917 года был создан Дисненский уездный исполнительный комитет. Его председателем был избран присяжный поверенный И.Я. Клиотт [10, с. 1].

Работники правительственных учреждений и общественных организаций Гродненской губернии, будучи в эвакуации в Калуге, 13 апреля 1917 года на совместном заседании комитета служащих правительственных и общественных учреждений и исполкома беженцев Гродненской губернии сформировали общественный исполнительный комитет, который возглавил директор Гродненского реального училища Владимир Орестович Лидерс. Всего в состав исполнительного комитета вошел 31 человек [15, л. 16, л. 17, 17об.].

После апрельского кризиса Временного правительства в местных комитетах и советах начался процесс смены их состава. Он отражал смену политических настроений населения. Так, в момент возникновения, во многих случаях, комитеты губернских центров оказались под влиянием кадетов. Нередко они становились председателями комитетов и членами президиумов. По мере распространения революционной волны кадетов вытесняли из комитетов эсеры и меньшевики, а в советы, создававшиеся зачастую леворадикальными политиками, стали входить более умеренные элементы [4, с. 91-92].

Как писал В.И. Ленин: «Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику» [8, с. 156].

Если советы летом 1917 года на волне возросшей популярности леворадикальных идей набирали политический вес, то система общественных исполнительных комитетов, оказавшись по сути, зажатой с двух сторон, советами и комиссарами к лету 1917 года стала «задыхаться».

ОИК вошли в полосу постоянных перевыборов и реорганизаций. Зачастую в результате перевыборов в их состав попадали неподготовленные к административной работе лица. Например, в полоцком уезде в июне 1917 года наблюдалась частая смена различных лиц, избранных в общественные комитеты. Первоначально избранные лица бывали часто малограмотными, несознательными, с сомнительной репутацией, иногда даже с прямым уголовным прошлым, избирались самогонщики [17, л. 409].

После формирования второго коалиционного кабинета министров Временного правительства П.Н. Милюков обратился к А.Ф. Керенскому с требованием: «уничтожения самовластия явочных и самочинных кабинетов» [1, с. 214].

Отчасти это удалось сделать. К июлю – августу 1917 года общественные исполнительные комитеты оказались в состоянии практического полного распада и прекращения своей деятельности. Будучи формой участия в политической жизни умеренных сил, в условиях все более и более нарастающей поляризации общества они теряли свою социальную опору. Реальными претендентами в борьбе за власть остались советы и комиссары Временного правительства.

К октябрю 1917 года общественные исполнительные комитеты были фактически вытеснены с политического поля. Основная борьба за власть развернулась между губернскими и уездными комиссарами с одной стороны и советами с другой.

1. 18 июля 1917 г. // Буржуазия и помещики в 1917 г.: частные совещания членов Государственной думы / под ред. А.К. Дрезена. – Москва-Ленинград : Партийное издательство, 1932. – С. 192–230.
2. Булдаков, В.П. От комитетов общественной безопасности к муниципалитетам / В.П. Булдаков // Российская революция 1917 года: власть общество культура: в 2 т. Т.2. – Москва, 2017. – Раздел VII – Гл. 3.1. – С. 97–114.
3. Временный общественный комитет г. Минска // Вестник Комитета Западного фронта. – 1917. – 6 марта. – №266. – С. 5.
4. Герасименко, Г.А. Народ и власть (1917 год) / Г.А. Герасименко. – Москва : «Воскресенье», 1995. – 288 с.
5. Герасименко, Г.А. Общественные исполнительные комитеты в революции 1917 года / Г.А. Герасименко // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению / отв. ред. П.В. Волобуев. – Москва : институт Российской истории РАН, 1997. – 400 с. – С. 145–159.
6. Заседание городской Думы // Вестник Комитета Западного фронта. – 1917. – 6 марта. – №269. – С. 5.
7. Кабытова, Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года: учебное пособие / Кабытова, Н. Н. – Самара : издательство «Самарский университет», 2002. – 324 с.
8. Ленин, В.И. Своеобразное двоевластие и его классовое значение / В.И. Ленин // Задачи пролетариата в нашей революции // Полное собрание сочинений: в 55 т. – Москва, 1974. – Т. 31. – С. 200–207.
9. Март – май 1917 г. // Красный архив. – 1926. – Т. 2 (15). – С. 30–60.
10. Местная хроника // Известия Дисненского уездного временного исполнительного комитета. – 1917. – 21 марта. – №2. – С. 1.
11. Николаев, А.Б. Янчевский Виктор Осипович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энциклопедия / науч. ред.: Б.Ю. Иванов, А.А. Комзолова, И.С. Ряховская. – Москва, 2008. – С. 725.
12. Образование временного городского общественного комитета в городе Витебске // Витебский Вестник. – 1917. №55. – 9 марта. – С. 2.
13. От витебского городского общественного комитета к населению города Витебска // Витебский Вестник. – 1917. №54. – 8 марта. – С. 2.
14. Приказы Главнокомандующего армиями Западного фронта // Вестник Комитета Западного фронта. – 1917. – 5 марта. – №265. – С. 2.
15. Протокол общего собрания беженцев Гродненской губернии, проживающих в городе Калуге и Калужской губернии // ГАРФ. – Ф. 1788. Оп. 2. Д. 92. – Лл. 10, 10 а, 13, 13 об, 16, 17, 17об.
16. Старцев, В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава / В.И. Старцев. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1980. – 256 с.
17. Телеграмма Витебскому губернскому комиссару из Полоцкого уезда // НИАБ. – Ф. 3445. Оп. 1. Д. 2. Л. 409.
18. Экстренное заседание городской Думы (4 марта) // Могилевский Вестник. – 1917. №55. – 7 марта. – С. 5.

СТЫХІЙНЫ ВЫСТУП ЧЫРВОНААРМЕЙЦАЎ СЕННЕНСКАГА І СТАЙКАЎСКАГА ПАЛКОЎ У ЖНІЎНІ 1918 г. НА СЕННЕНШЧЫНЕ

А.В. Бараноўскі

Стыхійны выступ чырвонаармейцаў Сенненскага і Стайкаўскага палкоў у савецкай гістарыяграфіі называўся “Паўстаннем левых эсэраў у Сянно” або “Леваэсэраўскім мяцежом у Сянно” Падзеі тых дзён падаваліся гісторыкамі, як адно з вялікіх антыбальшавіцкіх выступленняў, падрыхтаваных левымі эсэрамі [8, с. 230]. Сучасныя беларускія даследчыкі ў асноўным прытрымліваюцца савецкай ацэнкі падзей [7, с. 86], аднак з’явіўся і іншы пункт гледжання. Так, беларускі гісторык, палітолаг і публіцыст Вадзім Гігін лічыць, што ў Сянно адбыўся стыхійны выступ чырвонаармейцаў, да якога кіраўніцтва левых эсэраў не мела адносін [3, с. 106–113].

Сітуацыя ў Сянно ў ліпені 1918 г. была даволі складанай. Дэмаркацыйная лінія, што падзяляла нямецкія і расійскія войскі, праходзіла ўсяго ў дзесяці кіламетрах ад горада. Яе ахоўваўлі Сенненскі (2-і Смаленскі) і Стайкаўскі палкі.

Сенненскі павятовы камітэт складаўся пераважна з эсэраў. Яшчэ да забойства нямецкага пасла Мірбаха мясцовыя эсэры спрабавалі сарваць Брэсцкі мір. Па ўказанні мясцовага партыйнага камітэта левых эсэраў салдаты Сенненскага палка (якім камандаваў Дзмітрый Прышчэпаў, у будучым народны камісар земляробства БССР) узялі ў палон і расстралялі пяць нямецкіх салдат. Арганізатары правакацыі разлічвалі, што дадзены інцыдэнт выкліча ўзброены канфлікт і зрыў Брэсцкага міру, аднак гэтага не адбылося.

Больш за тое, шаснаццаць чалавек, у тым ліку і мясцовыя кіраўнікі левых эсэраў, былі арыштаваны і адпраўлены ў Маскву для надання суду. Бальшавікі спрабавалі змяніць склад мясцовага Савета і выканкама, аднак Сенненскі павятовы з'езд падтрымаў левых эсэраў і выказаў ім давер пры фарміраванні выканаўчага камітэта. Дэ-юрэ ад пасады быў адхілены і Д. Прышчэпаў, аднак дэ-факта ён працягваў камандаваць Сенненскім палком [1, с. 97].

6 ліпеня 1918 г. у Маскве быў забіты пасол нямецкага кайзера граф Мірбах. Змоўшчыкі спадзяваліся, што Германская імперыя абвесціць вайну Савецкай рэспубліцы, разгроміць Чырвоную Армію і такім чынам, у Расіі з'явіцца новы ўрад. У павятовай газеце "Известия исполкома" быў апублікаваны зварот Заходняга абкама ПЛСР, Сенненскага камітэта левых эсэраў і павятовага прафсаюза рабочых і служачых з асуджэннем забойства Мірбаха і дзеянняў бальшавікоў супраць ЦК ПЛСР [3, с. 112].

Па ўказанні кіраўніцтва Віцебскай губерні і ваеннага савета 5 жніўня 1918 г. у Сянно выехалі новы камандзір і камісар Сенненскага палка. Аднак, прыступіў да выканання сваіх абавязкаў яны не змаглі. У палках быў атрыманы загад аб адпраўленні на Усходні фронт. Менавіта з-за гэтага 8 жніўня пачаўся стихійны выступ чырвонаармейцаў. Падраздзяленні Сенненскага палка пакінулі дэмаркацыйную лінію і пачалі рухацца у павятовы горад. На падаўленне выступу з Оршы ў Сянно быў адпраўлены атрад В.П. Даубе, сфарміраваны з віцебскіх частак [1, с. 99].

Паміж чыгуначнай станцыяй Багушэўская і горадам Сянно атрад Даубе быў сустрэты паўсталым палком. Пачаліся перамовы, якія не прывялі да якіх-небудзь вынікаў. Полк адмовіўся скласці зброю і вярнуцца ў казармы. Ноччу чырвонаармейцы Сенненскага палка, спалохаўшыся чутак пра прыбыццё артылерыі і ўбачыўшы на шашы вялікі бронеаўтамабіль, адыхлі да Сянно. Раніцай 9 жніўня атрад Даубе заняў горад і раззброіў частку салдат.

Бліжэй да паловы дня паўсталыя згруппавалі свае сілы і пачалі наступ на горад. Адзінай сілай, якой яны баяліся, быў бранавік, але ён упаў у канаву і бяздзейнічаў. Падраздзяленні палка акружылі, а затым занялі Сянно.

Ночу на дапамогу В.П. Даубе падышоў 1-ы Латышскі кавалерыйскі полк. На наступную раніцу яго падраздзяленні, не сустрэўшы супраціву, увайшлі ў горад, які да таго часу паўстанцы ўжо пакінулі. Сенненскі і Стайкаўскі палкі адступілі на занятую немцамі тэрыторыю, аднак на тую нязначную частку, якую ў верасні 1918 г. планавалася перадаць савецкаму боку. Немцы кінулі супраць палкоў значныя сілы. Пад іх націскам палкі зноў адступілі за дэмаркацыйную лінію, дзе і былі раззброены [3, с. 112].

На гэтым стихійны выступ скончыўся. Бальшавікі рэарганізавалі павятовы выканкам, паставіўшы яго пад поўны свой кантроль. Шэраг арганізатараў паўстання быў аддадзены пад суд рэвалюцыйнага трыбунала. Старшыня Сенненскага павятовага выканкама Ягор Закрэўскі, сакратар выканкама Сцяпан Будкевіч (левыя эсэры), а таксама дэ-факта камандзір Сенненскага палка Дзмітрый Прышчэпаў былі абвешчаны па-за законам. Меркавалася затрымаць іх і даставіць у Віцебск [4, арк. 424].

Ёсць некалькі пунктаў гледжання, адносна ролі Дзмітрыя Прышчэпава ў стихійным выступе чырвонаармейцаў. Паводле першай, Д. Прышчэпаў быў адным з актыўных арганізатараў і ўдзельнікаў выступу. Паводле другой, ён быў хутчэй сведкам, чым удзельнікам.

На наш погляд, больш праўдападобна, выглядае другі пункт гледжання. Так судзіць прымушаюць наступныя факты: па-першае, Прышчэпаў фармальна з мая 1917 г. з'яўляўся членам РСДРП(б), а таксама намеснікам старшыні фракцыі бальшавікоў у Сенненскім павятовым выканкаме і на з'ездзе Саветаў [5, арк. 1]; па-другое, ён неаднаразова слаў

тэлеграмы ў Аблвыканкамзах і Паўночна-Заходні камітэт РКП(б), у якіх скардзіўся на засілле левых эсэраў у павеце і прасіў даслаць добрых выступоўцаў для агітацыі [3, с. 112]; па-трэцяе, у Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці захоўваецца асабістая справа Д.Ф. Прышчэпава, якая часткова была апублікавана ў зборніку дакументаў “Витебская губерния: политические портреты в документах и материалах. 1917–1924 гг.” [2], у ёй змяшчаецца рукапіснае тлумачэнне Прышчэпава пра жнівеньскія падзеі 1918 года ў Сянно. Ён піша, што ніколі нез’яўляўся членам партыі эсэраў, на павятовым з’ездзе Саветаў быў супраць выступу, аднак “некоторые крестьяне заявили, что мы шкурничаем я на съезде заявил, что считаю абсурдным наступление, но чтобы на деле доказать, что шкурничества нет, я сам буду в рядах восставших” [5, арк. 3–4].

Такім чынам, Д.Ф. Прышчэпаў, не з’яўляўся арганізатарам выступу, ён толькі далучыўся да паўстанцаў пад ціскам сялян, паколькі і сам быў сынам селяніна. Інакш ЧК па Віцебскай губерні пасля разгляду справы аб падзеях у Сянно не прызнала б яго невінаватым і не вызваліла б ад арышту.

На падставе вышэй згаданага можна зрабіць выснову аб тым, што ў Сянно адбыўся стыхійны выступ чырвонаармейцаў, да якога кіраўніцтва левых эсэраў не мела месца. Паўсталыя з ліку чырвонаармейцаў не спрабавалі выкарыстоўваць лозунгі і назву партыі левых сацыялістаў-рэвалюцыянераў у сваіх мэтах. В.П. Даубе ўспамінаў: “Сенненское восстание обращает на себя внимание тем, что эсеры не выбросили здесь почти ни каких лозунгов, за исключением “Долой Брест!” [6].

Пераход палкоў на акупаваную тэрыторыю, з мэтай зрыву Брэсцкага міру здаецца непраўдападобным, бо Сенненскі і Стайкаўскі палкі спадчатку адступілі ў бок Сянно, і толькі ў выніку дзейнасці атрада В.П. Даубе і 1-га Латышкава кавалерыйскага палка паўстанцы адступілі на нязначную частку, занятую немцамі, якую ў верасні 1918 г. планавалася перадаць савецкаму боку. Нямецкае камандаванне не паддалася на правакацыю, а толькі адсунула мяцежнікаў за дэмаркацыйную лінію. Удзел радавых членаў партыі левых эсэраў у выступе даўмагчымасць большавікам разграміць левых эсэраў у Сенненскім павеце.

1. Бандарэвіч, В.В. Экскурсія да вытокаў горада Сянно: краязнаўчыя нарысы / В.В. Бандарэвіч. – Мінск: Літаратура і мастацтва, 2008. – 168 с.
2. Витебская губерния: политические портреты в документах и материалах. 1917–1924 гг. – Витебск: Витебская областная типография, 2016. – 256 с.
3. Гігін, В.Ф. Парадоксы рэвалюцыі. Што адбылося ў Оршы і Сянно ў жніўні 1918 года? / В.Ф. Гігін // Беларуская думка. – 2015. – №10. – С. 106–113.
4. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 1821. Воп. 1. Спр. 7.
5. ДАВВ. – Ф. 9. Воп. 6. Спр. 2268.
6. Даубе, В.П. Ликвидация левоэсеровских восстаний в Орше и Сенно // Голас Сенненшчыны. – 1993. – 9 октября – С. 4.
7. История Беларуси : учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования. В 2 ч. Ч. 2 / Я.И. Трещенок, А.А. Воробьев, Н.М. Пурышева, М.И. Матюшевская; под ред. Я.И. Трещенка. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. – 310 с.
8. Почанин, С.З. Историей обреченные / С.З. Почанин. – Мн.: Беларусь, 1977. – 286 с.

НОЯБРЬ 1918 ГОДА: ПРАЗДНОВАНИЕ ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИИ

Т.В. Котович

Красная годовщина – а именно так назывался праздник 7 ноября 1918 года и газета, изданная специально к этой празднику, выпущенная Губвоенкоматом – это особенная страница в истории Витебска. Во-первых, в это время Витебск был прифронтовым

городом и находился весну, лето и осень в опасном положении: немцы стояли невдалеке. Во-вторых, в губернском центре и в уездах торжественно отмечали первый революционный праздник. В-третьих, волею губкомиссара Семёна Крылова была организован съёмка документального фильма о красной годовщине. В-четвертых, оформлением праздника руководил Марка Шагал.

4 ноября 1918 года в Витебске была получена телеграмма № 112, в которой сообщалось, что «согласно телеграмме из Москвы от 2-го ноября за № 11818/2666, празднование годовщины Великой Октябрьской Революции начинается в 12 часов дня 6-го ноября и празднуется по 7-ое включительно» [1], т.е. всего полтора дня (ранее планировалось четыре и с большим размахом).

И Приказ Витебского Губернского Комиссариата по Военным Делах был подписан Крыловым и Скудре 5 ноября 1918 года № 119 по общему отделу первым параграфом [2]. В этот же день на 5 участок Западного фронта была отправлена телеграмма за подписью Сергиевского с предложением собраться к 10 часам утра на Соборной площади для принятия участия в торжестве [3]. Вообще собирались праздновать четыре дня [4], однако после телеграммы-опровержения от широко прежнего плана остались только 6 и 7-е ноября [5].

Все войска, расквартированные в Витебске, и части фронтовые приняли участие в торжестве.

5 ноября Комиссия сообщала в Губисполком о том, что ассигнований на украшение города (160 тысяч рублей) и на празднование (400 тысяч рублей) не хватает, и необходимо ещё не менее 100 тысяч рублей [6].

Губернский военный комиссар С. Крылов обратился ещё и в кинематографический комитет при Наркомате Народного Просвещения с просьбой о 500 метрах плёнки для съёмки парада красноармейских частей [7] и в Московский Окружной Комиссариат по военным делам и в Комиссариат по военным делам Петроградской коммуны с просьбой о фотоматериалах для витебских фотографов Шевелева и Маковского, Дижбака и Кисельгофа: «Материалы эти крайне необходимы для съёмки парадовъ красноармейскихъ частей въ дни торжествъ годовщины Октябрьской революціи. Промедленіе въ перевозе указанныхъ выше матеріаловъ лишитъ возможности произвести снимки торжествъ» [8].

Письмо Витебского губернского военного комиссара С.Н. Крылова в кинематографический комитет при комиссариате народного просвещения об отпуске негативной пленки Минтусу

г. Витебск

2 ноября 1918 г.

Губвоенком просит об отпуске по твердым ценам тов. Минтусу 500 метров негативной пленки, каковая действительно нужна для производства снимков парада красноармейских частей в дни годовщины Октябрьской революции в городе Витебске.

Губернский военный комиссар Крылов

ГАВт, ф. 1582, оп. 1, д. 47, л. 1127. Заверенная копия. Машинопись.

Парад принимала коллегия Витебского Губернского Комиссара по военным делам.

Утром 7 ноября рабочие и военнообучающиеся собирались на Конной площади, красноармейцы с Замковой, Гоголевской и Задуновской собирались на Соборной площади, а рабочие организации с Долгоруковской собирались на Орловской площади – к 10 часам на митинги до 11 часов.

Шествие началось в полдень. Шли рабочие, военнообучающиеся и красноармейцы. Был разработан и порядок расстановки: от комитета партии до пожарного обоза.

Оргкомиссия занималась административно-распорядительной частью и большому количеству распорядителей от организаций были выданы нарукавные повязки («главный распорядитель», «распорядитель»), красный флажок и свисток. Они должны были находиться справа от рядов своих профессиональных организаций, выстроенных в ряды с интервалами.

Озаботились и присутствием врачей и автомобилей для скорой помощи, а также наличием телефонного сообщения.

Кроме того, за пределами внимания оргкомиссии не остались спокойствие и чистота города во время празднеств: «Предложить милиции организовать охрану имущества граждан города в течение трех ночей [неразб.] все улицы города должны быть освещены. Все дороги, мосты и заборы по пути следования шествия должны быть приведены в должный вид» [9]. Вечером предполагалась лекция в театре и в пролетарском клубе.

8 ноября с 11 утра до часу планировались митинги на Конной, Соборной и Орловской площадях, а днём в три часа – детское театральное шествие и карнавал.

Кроме организации шествия Комиссия должна была создать фонд в пользу рабочих, пострадавших в борьбе за освобождение в Октябрьскую революцию. А также намечалось переименование улиц.

9 ноября С. Крылов писал в кинематографический комитет при Наркомпросе о том, что губвоенком просит проявить и отпечатать плёнку («кинематографическую картину») из негатива торжеств годовщины Октябрьской Революции в Витебске: «возможно быстрее так как красноармейские части участвовавшие в параде некоторые на днях отправляются на фронт. Губвоенкому весьма желательно показать картину уходящим частям». Привезший пленку Янсон будет ждать готовый материал «по отпечатанию которого просим выдать так же негатив который будет храниться в Губвоенкоме» [10].

Фильм о праздновании демонстрировали в «Кино Арс», куда позвали местную власть и прессу. Как писали в «Витебском листке» 19 ноября 1918 года, «несмотря на то, что картина не обнимает полностью октябрьские торжества, она все же оставляет хорошее впечатление. Для витеблян эта картина представляет особый интерес, как сотни и тысячи людей получают возможность увидеть себя и своих знакомых на экране. Кроме того, на экране зритель может, так сказать, с высоты полета увидеть грандиозное зрелище октябрьских торжеств в Витебске. Картина, несомненно, будет иметь историческую ценность для Витебска» [11].

Тогда же в Москве показали киножурнал Дзиги Вертова «Кино-Неделя № 25. Хроника 1918», одним из фрагментов которого был сюжет о праздновании годовщины в Витебске, монтажные куски из большой съёмки. Использованы кадры движущихся колонн на Соборной возле архиерейского дома и трибуна с комиссаром Крыловым на Орловской площади.

1918 год в Витебске был тревожным. Как потом вспоминал С. Крылов, казалось, что немцы не пойдут войной: «Мы были молоды, слишком революционны, а потому и не учли трезво всех объективных данных международного положения. Война продолжалась. Немецкий империализм наступал. 18 февраля пал Двинск. А потом немцы быстро и легко, заняв еще ряд уездов Витебской губернии, наступали уже на Витебск. Смертельная опасность грозила русской революции, смертельная опасность угрожала и Витебску. Окончательно разложившаяся пол лучами революции старорежимная армия – стихийно и безобразно демобилизовалась и разбегалась, буквально разбегалась <...>. Новая армия еще не создавалась. Не было времени для ее организации.

Дрогнула советская власть в Витебске. Немецкие полки двигались на Витебск.

Советы городской и губернской передали всю власть, дали диктаторские полномочия Революционному штабу, состоявшему из наиболее твердых и решительных товарищей. Город был объявлен на осадном положении. <...>Казалось, что советская власть под напором немцев извне и под напором контр-революционных сил внутри должна немедленно погибнуть в Витебске. Положение было в высшей степени серьезное. Круглые сутки работал Революционный штаб. Собраны были все вооруженные силы и брошены на фронт. В городе оставили только два испорченных броневика, помещенных около окружного суда (ныне Дворец Труда), небольшой отряд красногвардейцев и 5-й рабочих и крестьян Красной Армии полк (200 штыков) под командою рабочего т. Масенцова. Конный Латышский полк нес разведывательную службу и поддерживал связь.

<...>Несмотря на плохую связь, Революционному штабу удавалось осуществлять общее руководство над партизанским движением. Немцы, не ожидавшие никакого

сопротивления, вынуждены были остановиться около Бешенковичей. Видимо революционно-раскаленная атмосфера Витебской губернии сильно подогрела революционное настроение немецких солдат и поэтому отчасти дальнейшее наступление было невозможно. <...>Тяжелый Брестский мир был заключен. <...>

Чуть было не вспыхнуло восстание в Витебске в июле месяце. Гарнизон тогда насчитывал свыше семи тысяч едоков. Запасы продовольствия все иссякли, обмундирования не было, денег также не было. Создался ужасный кризис. Две недели части буквально голодали. Реквизиция хлеба по городу дала ничтожные результаты. Город тоже сидел без хлеба. В войсках появилось недовольство, ропот, брожение и погромное настроение. Главная масса красноармейцев сконцентрировалась в Марковщине первой и второй. Там собирался большой митинг. На митинг поехал мой помощник тов. Путна. Ему не дали кончить речь, арестовали и хотели здесь-же расстрелять, но затем решили посадить под стражу. <...>После ареста тов. Путна собрание решило идти в город к военному комиссару за хлебом, обмундированием и жалованьем. <...>По телефону передаю приказ командирам полков (т.т. Чеботаревскому и Соколовскому) ни под каким видом не выпускать красноармейцев неорганизованной толпой, а вести военным строем с оркестрами музыки, командному составу быть во главе своих частей, организованным порядком привести части к Губвоенкомату. (обратим внимание на эти предписания С. Крылова! – ред.) <...>Весть о наступлении быстро разнеслась. Паника охватила не только обывателей, но и рабочие и советские организации. Ждали погрома. До сих пор не могу простить нашему герою, отличившемуся впоследствии во время польской войны, тов. Маковскому, командовавшему тогда 4-м Варшавским полком, его настойчивых советов мне «скрыться на время». К счастью, я тогда не послушался нашего уважаемого т. Маковского и решил испытать «крепость нервов» [12].

Октябрьские и Майские празднества Советской власти, наполненные тревогами и ритмами гражданской войны, разрухи, мобилизации в большей мере, чем пафосом могучей победы революции, представляли собой революционное, социальное и военное шествие. Это – прежде всего путь, движение, не оратория, не круг как форма объединения массы, не множество цветов, а стройное действие колонн, сплочение и единообразие, мужественное и на едином дыхании и в едином теле.

Весна 1919 года в Витебске это ежедневная мобилизация в Красную Армию. Как постоянно заявляет Крылов, немедленно и пофамильно: «Праздники не могут служить причиной неявки» [13]. Мобилизация проходит по все уездам (положение Западного фронта не менее опасное, чем Восточного!) и по всем организациям РКП губернии: «Мобилизация не наказание. Армии нужны хорошие коммунисты» - телеграфирует Крылов в Невель [14]. Крылов очень жестко ставит вопросы и на обращения об освобождении отвечает резко.

Документ за подписью С. Крылова [15] констатирует отпускаемое мобилизованному:

1. Пара сапог
2. Два полотенца
3. Три пары носовых платков
4. Две пары нижнего белья
5. Полфунта сахару
6. 250 штук папирос
7. 1/16 фунта чаю
8. 1/21 фунта сала
9. 10 коробок спичек
10. Один стакан или кружка
11. Одна записная книжка
12. Одна столовая ложка

13. Один перочинный ножик¹
14. Один кусок туалетного мыла
15. ¼ фунта простого мыла

Витебские газеты этого времени постоянно публикуют соответствующие материалы, мобилизуя город, осуществляя пропаганду, усиливая общий настрой.

1. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 47. Л. 1142
2. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 6. Л. 253.
3. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 47. Л. 1157.
4. ГАВт. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 26. Л. 5.
5. ГАВт. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 29. Л. 18–19.
6. ГАВт. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 29. Л. 28.
7. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 47. Л. 1127.
8. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 47. Л. 1126, 1125.
9. ГАВт. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 29. Л. 24 об, 22.
10. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 44. Л. 293 –293 об.
11. Октябрьские торжества в Витебске на экране // Витебский листок. – 1918. – № 1041. – 19 ноября. – С. 4
12. Красная быль: Большевики в Витебске. – Витебск, 1923 г. – С. 207– 214
13. ГАВт. – Ф. 10050. Оп. 1. Д. 32. Л. 10.
14. ГАВт. – Ф. 10050. Оп. 1. Д. 32. Л. 60.
15. ГАВт. – Ф. 10050. Оп. 1. Д. 32. Л. 218.

ЭВАКУАЦИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ИЗ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ МОЛОДЕЧНЕНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ И ЕЁ ДИРЕКТОРА А.В. ЯРУШЕВИЧА*

О.А. Петухова

Молодечненская Учительская Семинария начала работу в 1864 году, когда стало очевидным, что для открытых в рамках кампании «противодействия полонизаторской деятельности костельных и панских школ» [18, с. 14] народных училищ не хватает учителей. При семинарии было основано народное училище – для организации практических занятий её воспитанников. В год начала Первой мировой войны Семинария отмечала полувековой юбилей. Возглавивший её в 1907 году Афанасий Викентьевич Ярушевич посвятил этому событию книгу - «Молодечно и его учебные заведения. [К пятидесятилетию Молодечненской учительской семинарии]» [18].

5 июля 1915 года, в условиях стремительного отступления российской армии, принято решение об эвакуации семинарии в Смоленск [3, л. 24]. Фактически она начата спустя почти два месяца – 2 сентября [3, л. 42], когда линия фронта подходит вплотную и город начинает обстреливать немецкая артиллерия, вследствие чего большая часть имущества и семинарии, и её штатных педагогов, оставлена на месте и, вскоре, разграблена [3, л. 43; 15, с. 41]. Сведения об эвакуации семинарии по каким-то причинам не попали в достаточно подробный «Справочник об эвакуированных правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и о должностных лицах» [17], составленный на основе мониторинга средств массовой информации, ответов на запросы и писем эвакуированных учреждений, заведений и лиц.

В октябре 1915 года Молодечненская учительская семинария начинает свою работу в Смоленске, в помещениях частной гимназии Воронина – во вторую, послеобеденную, смену. А.В. Ярушевич пишет, что организовывать работу на новом месте пришлось

*Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России, проект № 33.1419.2017/ПЧ «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе».

практически единолично; однако ему удалось вернуть «разбежавшихся учеников из Сибири, Украины, Туркестана и других местностей» [3, л. 19об.] и пригласить для работы в Смоленске часть ранее работавших в Молодечно преподавателей – А.Я. Троненкова, А.И. Пузовского, К.И. Тишкевича, А.А. Ержиковского [3, л. 25об., 36]. Среди вновь приглашённых учителей преобладают уроженцы западных губерний. Наладить работу стоит немалых трудов: семинария не смогла получить здание для общежития – учащихся живут на частных квартирах, канцелярия учебного заведения и уцелевшая часть библиотеки фактически находятся в квартире самого директора; многие педагоги вынуждены жить в Смоленске без семей.

Сохранившиеся документальные свидетельства о пребывании Молодечненской Учительской Семинарии в Смоленске не составляют единого архивного фонда, и отложились, в основном, в делах органов управления образованием Смоленской губернии и, в соответствующий период, Западной области. Основная их часть связана, преимущественно, с тремя вопросами: преобразование учительской семинарии в советское учебное заведение нового типа, вопросы материального снабжения и возвращение в Молодечно.

Вопрос о реэвакуации семинарии впервые поднят в момент военного затишья, в начале 1918 года, однако немецкое наступление и оккупация территорий Минской и Виленской губерний, закреплённые Брестским миром, ведут к отказу от этих планов. После окончания занятий 25 февраля 1918 года большинство учащихся возвращаются домой – за линию фронта, многие педагоги отправляются к семьям, проживавшим за пределами Смоленска.

С весны 1918 года семинария втянута в процесс реформы школы, провозглашённый Наркомпросом и проводимый его органами на местах. В канун нового учебного года директор ходатайствует о нормализации режима работы в отведённом здании и открытии классов для прохождения семинаристами педагогической практики [4, л. 39-40]; им подготовлены документы о желании педагогов продолжать преподавание «при новом строе школы» [4, л. 39-40], однако он неоднократно указывает на особый статус Семинарии как эвакуированного учебного заведения [4, л. 4-5об.]. На обязательный в сложившихся условиях анкетный вопрос о политических взглядах и директор, и его коллеги отвечают осторожно. «К политическим партиям никогда не принадлежал – за неимением для этого, по роду занятий, времени и средств. В революции 1905 г. и после находился под наблюдением полиции за демократические симпатии» [3, л. 19об.], – сообщает о себе А.В. Ярушевич. Один из старейших сотрудников Семинарии, учитель русского языка и истории, А.Я. Троненков рассуждает в подобном ключе: «...политические убеждения приобретаются не записью в партии, а правильным и продолжительным политическим воспитанием. А этого как раз до сего времени и не было в русской действительности. Да и правду сказать – давно ли русское общество поделилось на партии? Я, как член громадной семьи всероссийского учительства, стою за широкое развитие в России народного образования на началах свободы преподавания, децентрализации школьного управления, демократизации школы и полной её преисполненности» [3, л. 26-26об.].

Осенью 1918 года вновь встает вопрос о реэвакуации – по ходатайству культурно-просветительного отдела Белорусского Национального комиссариата РСФСР [3, л. 76]. Для его обсуждения в семинарии проведено заседание педагогического совета, протокол которого даёт нам понимание происходившего. Во-первых, речь идёт именно о возвращении учебного заведения за демаркационную линию, в Молодечно; указывается, что проводившимся в августе 1918 года съездом учителей Дисненского, Вилейского и Борисовского уездов получено «полное согласие со стороны немецких военных властей, изъявивших, к тому же, готовность немедленно освободить половину семинарских зданий» [3, л. 78об.]. Во-вторых, вновь, как и за 55 лет до этого, поднят вопрос о полонизации образования на оккупированных территориях – «начальные школы Молодечненского района, в том числе начальное училище при семинарии, захвачены польскими ксёндзами, проводящими в этих училищах панско-польские идеи, тем более,

что эти панско-польские идеи резко расходятся с думами и чаяниями местного крестьянства и рабочих» [3, л. 79]. Возвращение семинарии и её деятельность, по мнению педагогов, станет «большой услугой» местному крестьянству, преимущественно – бедному, и актом «выявления и защиты его социальных, политических и других интересов» [3, л. 79]. Болезненным для руководства учебного заведения является и вопрос сохранения контингента обучающихся старших классов, 4/5 которых были выходцами из западных уездов и находились в тяжелом материальном положении, не имея возможности в полном объеме рассчитывать на помощь из дома – ведь «при пересечении демаркационной линии немцы отбирают у них все продукты за исключением 1 килограмма жиров и 2 килограммов хлеба» [3, л. 78об.], а продовольственная ситуация в Смоленске очень сложная. Вопрос рассматривается на разных уровнях, подготовлен проект декрета о реэвакуации [16, л. 15-20], который современными авторами рассматривается как фактически реализованный [15], произведён расчет средств, необходимых для её организации, включая перевозку имущества, авансовые выплаты персоналу и ремонт зданий в Молодечно [3, л. 80-80об.], однако 30 октября 1918 года принято решение - «в текущем учебном году Молодечненскую Учительскую Семинарию оставить в Смоленске» [3, л. 89].

Как следует из «Справки о состоянии Молодечненской учительской семинарии на 1 января 1919 года», в 1918/1919 учебном году учащиеся - уроженцы и жители Смоленской губернии составляют большинство – 94 из 168, так как набор из Виленского учебного округа не производился. Директор указывает на недостаточность материального обеспечения, нехватку книг и оборудования, педагогических кадров - в связи с открытием новых классов-комплектов и «передвижением преподавательского персонала на более обеспеченные в продовольственном отношении места» [3, л. 172об.]. Именно тяжелое материальное положение, вкупе с начавшимся освобождением западных районов от немецкой оккупации, заставляют руководство учебного заведения поднять вопрос о реэвакуации [3, л. 173], но снова безуспешно [7, л. 7]. В феврале 1919 года коллегия Смоленского губОНО отвечает отказом на аналогичный запрос вновь созданного Наркомпроса Белорусской Республики, подтвердив своё предыдущее решение [2, л. 78-78об.].

К 1 марта 1919 года в Семинарии фиксируется заметная убыль студентов: несмотря на списочный состав в 185 человек, фактически продолжают обучение 125. Занятия проходят в неотапливаемых помещениях, при плохом освещении. Обостряется продовольственный вопрос: «учащиеся из Минской и Виленской губерний часто буквально голодают, уезжают домой и обратно не возвращаются» [9, л. 60]. Семинария всё более принимает вид нового советского образовательного учреждения, создаваемого в соответствии с Положением ВЦИК РСФСР «О единой трудовой школе» и Декларацией ВЦИК об «Основных принципах единой трудовой школы», принятыми в октябре 1918 года: это четырехлетняя школа II ступени с «надстройкой» в виде пятого, профессионального, года обучения [9, л. 60об.]. В семинарии и школе I ступени при ней работают 13 педагогов.

Тяжелое материальное положение вынуждает руководство семинарии в середине марта 1919 года ходатайствовать о досрочном выпуске части учащихся выпускного класса [6, л. 5об.]. Это событие неоднозначно действует на остальных студентов – месяц спустя вопрос о сроках ухода на весенние «пасхальные» каникулы раскалывает коллектив семинарии. 3 апреля на заседании общего совета учащихся составлено письмо с просьбой «закончить нынешний 1918-1919 учебный год 12 апреля и выдать нам всем надлежащие документы, т.е. о переводе нас в следующие классы и об окончании семинарии», под которым подписались 72 семинариста [8, л. 88]. При его обсуждении на педагогическом совете выясняется, что имеется и второе письмо – от учащихся, считающих «программы не вполне выполненными ввиду ненормальных занятий, производимых в 1918-1919 учебном году, а в особенности в последние полтора месяца» и желающих продолжить обучение после каникул [8, л. 88об.]. Подписавшихся - вдвое меньше, чем под первым письмом, но их

представителями озвучена информация о том, что с мая 1919 года в Смоленске начнут работать две льготные столовые для учащихся, и, таким образом, вопрос продовольственный отчасти будет разрешён, и учебный год можно будет завершить в нормальных условиях. Путем голосования, с перевесом всего в один голос решено продолжить занятия после каникул [8, л. 89], утверждённых губОНО в сроки с 12 по 28 апреля 1919 года [6, л. 23об.].

Тем временем продолжается интеграция Молодечненской Учительской семинарии в образовательную систему Смоленщины: с 20 января 1919 года при ней открыты временные педагогические курсы для подготовки учителей для I ступени ЕТШ к новому учебному году с числом слушателей до 50 человек. Заведующим курсами назначен представитель Коллегии губОНО Е.И. Шайтаров [11, л. 29-30об.]. После первого выпуска курсантов, накануне нового, 1919-1920 учебного года, решается судьба как семинарии, так и курсов при ней [5, л. 29]. Вопрос о возвращении в Молодечно временно снят – город, как вся Западная Белоруссия, занят польскими войсками летом 1919 года. Учебное заведение переименовано в Молодечненские Педагогические курсы, временные курсы при них решено сделать одногодичными. Осенью 1919 года директор готовит смету на содержание учебного заведения на 1920 год [10, л. 1]. Подпись под этим документом – последний по датировке (из найденных на сегодняшний момент – О.П.) автограф А.В. Ярушевича, точная дата смерти которого на сегодняшний день не установлена. Большинство источников указывают период между 1918 годом, когда в Петрограде вышла его последняя известная печатная работа, и 1924 годом, когда его вдова обратилась за помощью в Инбелкульт [1]. Однако найденные документы указывают на период не ранее октября 1919 года.

Летом 1920 года, после освобождения Западной Белоруссии от польской оккупации, снова поднят вопрос о реэвакуации учебного заведения. В начале августа в адрес Смоленского губОНО поступает письмо ревкома Вилейского уезда с просьбой разрешить возвращение Молодечненских Педагогических курсов и помочь с организацией вывоза их имущества, ибо «в педагогических курсах, подготовляющих школьных работников в освобожденном крае – большая нужда» [13, л. 163]. Просьбу решено поддержать и, судя по ряду свидетельств, реэвакуация начинается. Но в середине сентября польская армия переходит в контрнаступление, и район Молодечно снова оказывается в зоне боевых действий. Часть курсантов возвращается в Смоленск, вывоз имущества и библиотеки приостановлен, предлагается принять меры к возвращению того имущества, которое успели отправить на запад [12, л. 31-31об.]. 12 октября 1920 года польские войска занимают Молодечно. По условиям Рижского мира 1921 года Молодечно оказывается на польской территории, возвращение туда курсов становится невозможным, они трансформируются в Смоленские постоянные педагогические курсы, на материальной и кадровой базе которых в 1921 году был образован Смоленский педагогический техникум [14, л. 1].

Таким образом, 56-летняя история Молодечненской Учительской семинарии была завершена. Мировая война, революция, преобразования первых лет советской власти в сфере народного просвещения последовательно изменили её местонахождение, условия и организацию работы, содержание учебных программ. Выпуск семинаристов – уроженцев западных губерний, обновление преподавательского состава, уход многолетнего руководителя – А.В. Ярушевича, изменили её облик. Польская оккупация Западной Белоруссии сделала невозможным возвращение. Однако высокая востребованность педагогов в Советской России в условиях завершения гражданской войны и интервенции, сделала возможным преобразование этого учебного заведения с богатой историей и традициями в «кузницу кадров» для новой школы.

Астанковіч, С. П. Апанас Вінцэнтавіч Ярушэвіч ((1867 – да 1924) – дапытання аб біяграфіі і навуковай спадчыне / С.П. Астанковіч // XVII міжнародныя Кирилло-Мефодиевские чтения. В ответствии за творение. Культура и образование перед лицом экологических вызовов. Доклады научно-практической конференции 26–28 мая 2011 г. – Минск: БГАТУ, 2011.
Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 59.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.62.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.83.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.257.

ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.260.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.269.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.348.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.355.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.542.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.591.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.617.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.701.
ГАСО. – Ф.Р-19. Оп.1. Д.2528.

Ляхоускі, У.В. Школьная адукацыя у Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 гг.) / У.В. Ляхоускі. – Вільня: Беласток, 2010. – 340 с.

.Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф.4. Оп. 1. Д. 75.

Справочник об эвакуированных правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и о должностных лицах. Петроград: 1916. – 137 с.

Ярушевич, Аф. Молодечно и его учебные заведения. [К пятидесятилетию Молодечненской учительской семинарии] / Аф. Ярушевич. – Вильно: 1914. – 70 с.

ПОЗИЦИЯ ХРИСТИАНСКИХ КОНФЕССИЙ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕВОЛЮЦИОННЫМ СОБЫТИЯМ 1917 г.

В.В. Табунов

Февральская и октябрьская революции 1917 года, происходившие на фоне Первой Мировой войны, внесли существенные изменения в деятельность христианских конфессий на белорусских землях.

События февраля и октября 1917 г. поставили православную церковь в неоднозначное положение: с одной стороны, после падения самодержавия перед ней открылись возможности для самостоятельной деятельности, с другой стороны, церковь столкнулась с новой властью, стремившейся построить не только первое в мире государство, основанное на принципах социальной справедливости, но и открыто взявшей курс на ограничение деятельности религиозных институтов. Так, согласно «Декрету о земле» от 26 октября 1917 г. церковь лишалась своих земельных владений [4, с. 22]. «Декларация прав народов России» от 2 ноября 1917 г. отменяла национальные и религиозные ограничения и привилегии [8, с. 424, 425]. Декретом Совета народных комиссаров «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятом 11 декабря 1917 г., запрещалось преподавание закона божьего в государственных, общественных и частных учебных заведениях. Декрет Совета народных комиссаров от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» вводил государственную регистрацию браков [3, с. 22].

Февральскую революцию 1917 г. староверы встретили с энтузиазмом, выражая полное доверие Временному правительству. Проходивший в конце августа 1917 г. съезд старообрядцев всех толков призвал к защите родины от внешнего врага и внутренней смуты [6, с. 74–75].

События октября 1917 г. были восприняты староверами негативно. В первые годы после прихода к власти большевиков старообрядчество занимало откровенно враждебную позицию по отношению к советской власти. Но с окончанием Гражданской войны и укреплением как центрального, так и местного аппаратов власти многие старообрядческие организации встали на путь лояльности по отношению к советскому правительству [2, с. 205].

Протестанты положительно восприняли события февральской революции 1917 г., которая в значительной степени позволила им активизировать деятельность по дальнейшему укреплению позиций протестантизма в стране – изданию и распространению религиозной литературы, строительству культовых зданий, привлечению новых адептов в свои ряды и так далее. Кроме этого, представителям религиозных меньшинств, в число которых входили и течения протестантского толка, постановлениями Временного правительства от 20 марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» и от 14 июля 1917 г. «О свободе совести» был предоставлен ряд гражданских и политических прав – выбор места

жительства, занятие ремёслами, торговлей, промышленной деятельностью, участие в выборах, занятие государственных должностей [7, с. 225].

После октябрьской революции 1917 г. и прихода к власти большевиков религиозные меньшинства, в том числе и протестанты, продолжали пользоваться относительной вероисповедной свободой по сравнению с православной церковью и римско-католическим костёлом. Специфика такой ситуации заключалась в том, что советская власть усматривала в меньшинствах религиозного толка своего рода союзника в борьбе с влиянием традиционных конфессий. Такая политика советского государства привела к значительному усилению позиций религиозных течений протестантского толка, что не без тревоги констатировалось властями [7, с. 225–226].

Февральскую революцию 1917 г. римско-католический костёл принял благожелательно. На такое отношение прямое влияние оказали мероприятия Временного правительства в конфессиональной сфере – в первую очередь постановления от 20 марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» и от 14 июля 1917 г. «О свободе совести», направленные на обеспечение принципов веротерпимости и свободы вероисповеданий. К тому же при министерстве внутренних дел была создана специальная комиссия, которая должна была пересмотреть законодательство, регламентировавшее деятельность костёла в Российской империи [5, с. 176–177].

Сложившиеся условия благоприятствовали укреплению позиций римско-католической церкви на не оккупированных немецкими войсками белорусских землях. Например, в июле 1917 г. виленский епископ Э. Ропп был назначен на должность могилёвского архиепископа, а в ноябре 1917 г. за счёт парафий Могилёвской архидиоцезии была возобновлена деятельность упразднённой в 1869 г. Минской диоцезии во главе с епископом С. Лозинским [1, с. 8, 9]. Кроме данного диоцеза функционировали ещё Виленский и Могилёвский диоцезы, объединявшие 456 парафий.

Октябрьскую революцию 1917 г. костёл принял неоднозначно: с одной стороны позитивную реакцию вызвали действия советской власти по уравниванию в правах всех конфессий, но с другой стороны лишение церкви юридического статуса, национализация её имущества – земель, культовых зданий и так далее, а также вытеснение духовенства из системы образования – всё это вызвало острое недовольство со стороны костёла [5, с. 189–191].

Таким образом, с одной стороны, февраль 1917 г. благодаря отмене Временным правительством ряда нормативно-правовых актов, регламентировавших деятельность неправославных христианских конфессий, существенным образом расширил сферу их деятельности. Православная церковь, несмотря на упразднение Святейшего Синода, по-прежнему находилась под государственным патронажем. Октябрь 1917 г. был воспринят христианскими конфессиями как негативное событие, повлёкшее за собой ослабление позиций религиозных институтов в целом.

Анофранка, Н. Агляд моўнай палітыкі рыма-каталіцкага касцёла ў Беларусі ў XX ст. / Н. Анофранка, А. Гардзіенка // Terra Historica. – 2002. – № 1. – С. 3–12.

Конфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.

Кривонос, Ф. У Бога мёртвых нет. Неизвестные страницы по истории Минской епархии (1917–1939 гг.) / Ф. Кривонос. – Минск : МФЦП, 2007. – 241 с.

Круглов, А.А. Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987 гг.) / А.А. Круглов. – Минск: Беларусь, 1989. – 367 с.

Лиценбергер, О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение / О.А. Лиценбергер. – Саратов: Поволжская академия государственной службы, 2001. – 388 с.

Миловидов, В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем / В.Ф. Миловидов. – Москва : Мысль, 1969. – 112 с.

Религиоведение / под ред. В.В. Старостенко. – Могилёв : МГУ имени А.А. Кулешова, 2001. – 252 с.

Священный собор Российской православной церкви. 1917–1918 гг. Обзор деяний; под общ. ред. Г. Шульца. – Москва : Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2002. – 962 с.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПОЗИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ, БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ

В.Е. Козляков

Столетие окончания Первой мировой войны активизировало научные изыскания по поводу этого эпохального события, знаменовавшего революциями, распадом империй, социальными катаклизмами и потрясениями. Но главное заключается в том, чтобы осмыслить уроки войны, поскольку механизм запуска мировых и локальных конфликтов отнюдь не исчез, о чем свидетельствуют события, происходящие на Ближнем Востоке, в других горячих точках планеты и, к сожалению, у нашей соседки Украины. Сегодня очень важно, чтобы местные внутренние конфликты не переросли в очередную масштабную катастрофу. Возможности предотвращения новой мировой войны связаны во многом с позициями различных общественных сил, политических партий, состоянием гражданского общества, умением договариваться субъектов по спорным вопросам. Вот почему изучение позиций политических партий России, Беларуси, Украины в годы Первой мировой войны и на этапе ее завершения представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Безусловно, начавшаяся Первая мировая война потрясла все тогдашнее российское общество. Каждая политическая партия, общественное объединение должны были высказать свое отношение к войне, определить свою позицию. Правительственные круги и стоявшие за ними политические силы, прежде всего правомонархического толка (Союз русского народа, октябристы), заняли патриотическую нишу «защиты Царя и Отечества». Однако отдельные деятели консервативного и либерального лагерей отдавали себе отчет в том, что новая неудачная война (а на удачу в большой войне после печального опыта 1904 – 1905 гг. на Дальнем Востоке в конфликте с Японией рассчитывать было трудно) чревата для России новой революцией. Это понимали многие политики, как государственные высокопоставленные особы, так и деятели умеренного либерально-оппозиционного толка.

Особого внимания заслуживает позиция П. А. Столыпина. Незадолго до своей трагической гибели, летом 1911 г. он писал министру иностранных А. П. Извольскому, что России нужен мир для проведения реформ, которые с каждым годом будут укреплять страну, создавать благоприятный климат, необходимый для общенационального отпора врагу. И наоборот, преждевременная, легкомысленно затеянная война, если ее цели будут непонятны народу, «станет роковой для России и для династии» [1, с. 238].

Страх перед революцией заставлял держать в узде свои внешние политические амбиции и лидеров Партии конституционных демократов (кадетов). Они выступали за помощь России славянским народам Балканского полуострова, мечтали о проливах и вообще стояли за укрепление российской великодержавности, но категорически возражали против безрассудного втягивания страны в рискованные военные авантюры.

Тем не менее, с началом войны кадеты солидаризировались с правыми монархистами и поддерживали правительство. Лидер кадетов П. Н. Милюков прямо заявил на заседании Государственной думы 26 июля (8 августа) 1914 г.: «В этой борьбе мы все заодно, мы не ставим условия и требования правительству, мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника» [2, с. 131].

Значительная часть трудовых масс России перед лицом германской агрессии готова была отложить на время выяснение своих отношений с властью и имущими классами. Вместе с тем можно смело утверждать, что летом 1914 г. в России не было того массового шовинистического психоза, который наблюдался на Западе. Здесь не было сильной ненависти ко всему немецкому и тем более к захвату германских территорий. Тем не менее, на территории Беларуси уже в первые дни войны стали формироваться «дружины государственного ополчения» [3, с. 19–24]. Преобладавшее в массах настроение хорошо передавали две родившиеся в народной среде формулы: «Ежели немец прет, то как же не

защищаться?» и «Нам чужого не надо, но и своего мы не отдадим». Известный белорусский писатель М. Гарецкий, участник военных действий в Восточной Пруссии, в знаменитом очерке «На империалистической войне» еще более образно передал слова командира батареи: «Мы первыми не начнем, но если Германия полезет, мы разобьем ей морду в квас».

Других позиций придерживались оппозиционные партии социалистической ориентации. Большая часть меньшевиков поддержала так называемую «патриотическую» позицию. «Патриотом» выступил Г. В. Плеханов, утверждавший, что «войну ведет не правительство, а народ, борющийся за независимость России». Он считал, что сотрудничество со странами Антанты создает более благоприятные условия для «европеизации» России, а поражение в войне с Германией, напротив, замедлит ее экономическое развитие, и тем самым повредит «делу народной свободы».

Среди меньшевиков, стоявших на интернационалистских позициях, сформировались два течения – центристское и циммервальдское. Центристы, представлявшую думскую фракцию РСДРП, обвиняли в развязывании войны господствовавшие круги всех стран. Они требовали демократического мира без аннексий и контрибуций и смыкались в этом с циммервальдистами. Центристы воздерживались от призывов к началу массового антивоенного движения. Революционная борьба, считали они, станет возможной лишь после окончания войны. Поддерживая решения Циммервальдской конференции, левые меньшевики-интернационалисты осуждали тактику и аргументы оборонцев, считали необходимой борьбу за мир. Они призывали рабочих к массовым организованным революционным выступлениям [4, с. 357].

Неоднозначными были и позиции социалистов-революционеров. Две точки зрения по характеру войны нашли отражение в декларациях, обнародованных делегациями эсеров на конференции социалистов стран Антанты, состоявшейся в феврале 1915 г. в Лондоне. В. Чернов и М. Натансон придерживались той точки зрения, которую в целом можно охарактеризовать как «интернационалистскую». Декларация В. Чернова и М. Натансона отвергала «всякую идеализацию роли собственной буржуазии, собственного правительства» и провозглашала «противодействие шовинистическим течениям в собственной стране», отстаивала «лозунг мира без территориальных захватов, без расчленения и унижения побежденной страны, без контрибуций». Эта группа неонародников рассчитывала на то, что «миссия социализма во всех странах будет состоять в том, чтобы вызвать народное движение, чтобы продемонстрировать современным правительствам волю рабочей демократии или заменить их другими».

Противоположную точку зрения отстаивали И. Рубанович и А. Кубов, представившие декларацию «от имени половины делегации с.-р.». В документе отмечалось, что победа Германии и Австрии, упрочив господство их монархий, дала бы сильную опору царизму в его борьбе с русской демократией, а победа Франции и Англии «укрепит передовые европейские демократии и создаст более благоприятные условия для разрешения национальных вопросов». «Участие России, – говорилось в документе, – является необходимым условием и для победы союзников над Германией, а эта победа будет способствовать росту русской демократии» [5, л. 9–11]. По сути, эта группа социалистов-революционеров занимала социал-патриотические позиции, которые в то время были преобладающими в партии.

Более радикальную позицию занимали большевики. Они решительно осудили начавшуюся империалистическую войну. В. И. Ленин выдвинул лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую», поскольку этот лозунг «есть единственно правильный лозунг..., вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами». Кроме того, «с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства» [6, с. 21–22]. Подобная позиция вызвала дружное негодование со стороны других политических партий и обвинения в адрес В. И. Ленина, большевиков в «предательстве» и даже измене

«национальным интересам» России. Такие злопыхательства звучали и тогда, в условиях начавшейся Первой мировой войны, и не прекращаются по сей день со стороны представителей современного российского либерализма, делающих экскурс в историю.

Однако подобные обвинения в адрес большевиков абсолютно беспочвенны. Дело в том, что революционеры никогда не скрывали, что постараются использовать созданную войной кризисную ситуацию в своих собственных целях и покончить с капитализмом. Об этом не раз предупреждали, довольно точно прогнозируя революционные потрясения в Европе и во всем мире, Ф. Энгельс, К. Каутский, Л. Троцкий и другие революционные деятели. Весьма радикальным было и решение Штутгартского (1907 г.) конгресса Интернационала, подтвержденного затем конгрессами в 1910 г. в Копенгагене и в 1912 г. в Базеле. Согласно этим решениям в случае войны социалисты всех стран должны были принять все зависящие от них меры, чтобы использовать созданную ею критическую ситуацию для ускорения падения капиталистического строя революционным путем. Другое дело, что в условиях начавшейся мировой войны подавляющая часть лидеров западной социал-демократии от подобных резолюций отказались. При этом лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую» отнюдь не означало организацию саботажа, диверсий, отказ от службы в армии и т. д. Речь шла только об отказе в мерах поддержки правительству (голосование за военные кредиты и др.). В. И. Ленин подчеркивал, чтобы «социалисты всех воюющих стран выступили с пожеланиями поражения всем «своим» правительствам». «Именно такое выступление соответствовало бы затаенным мыслям всякого сознательного рабочего» [7, с. 327], - писал В. И. Ленин.

Не лишним будет заметить, что «пораженчество» в России появилось еще до возникновения большевизма. Во время Крымской войны 1853–1856 гг., а в 1904–1905 гг. «пораженческие» взгляды нередко высказывались в либеральных кругах России. Однако во весь рост эта проблема встала лишь в период начавшейся Первой мировой войны, когда В.И. Ленин призвал большевиков «содействовать» поражению царизма в столкновении с Германией. Вполне допустимо предположить, что лидер большевиков считал возможным использовать одних империалистов для борьбы с другими империалистами. Интернационализм В. И. Ленина и его ставка на мировую революцию отнюдь не исключали искреннего и глубокого патриотизма большевиков, ненавидевших царизм, но не мысливших себя без России, чего не скажешь о некоторых современных демократах. «Мы полны чувства национальной гордости, и именно потому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое (когда помещики дворяне вели на войну мужиков, чтобы душить свободу Венгрии, Польши, Персии, Китая) и свое рабское настоящее», - писал В. И. Ленин, призывая бороться против монархии, помещиков и капиталистов своего отечества, т. е. худших врагов нашей родины. Лидер большевиков полагал, что «нельзя великороссам «защищать отечество» иначе, как желая поражения во всякой войне царизму, как наименьшего зла для 9/10 населения Великороссии» [8, с. 108–109]. Такая правомерность и классовая логичность позиции В. И. Ленина была подтверждена дальнейшими событиями.

Совершенно другой смысл вкладывали в «пораженчество» России некоторые украинские деятели, кормившиеся подачками у Германии и Австро-Венгрии. С целью оказания поддержки Германии и Австро-Венгрии в войне против России некоторые украинские эмигранты 4 августа 1914 г. создали «Союз освобождения Украины» («СОУ»). Эти украинские деятели обратились 25 августа 1914 г. с листовкой на немецком языке «к общественному мнению Европы», в которой ратовали за «освобождение Украины». Россия изображалась ответственной за «мировую катастрофу, какой история еще не знала». Протаскивая версию о том, что Украина всегда была врагом России в своих «освободительных стремлениях», они искали помощи у Запада, особенно у немцев. Окончательное поражение России, по мнению указанных украинских деятелей, предоставляло вполне реальный шанс для национального самоопределения Украины в полном объеме.

Вскоре «СОУ» получил от Австро-Венгрии субсидии в размере 100 тыс. австрийских крон для проведения агентурных действий против России. Однако к концу 1914 г. отношения между австрийскими властями и «СОУ» охладели. Во-первых, «СОУ» не смог организовать обещанное сопротивление населения Галиции царской армии. Во-вторых, стали известны факты «нецелевого использования «Союзом» выделенных финансовых средств» [9]. Австрийцы, убедившись в бесполезности предпринятых попыток поднять восстание в тылу царской армии, в конце 1914 г. почти полностью прекратили финансирование этой организации. Не имея собственных средств, инициаторы создания «СОУ» решили взять «государственный заем» у союзника (т. е. Германии), который, по их мнению, «должен быть возвращен будущим украинским государством» [10, с. 70–71].

Известно, что члены «СОУ» предлагали финансирование и совместную деятельность против российского правительства другим организациям российских политэмигрантов – В. И. Ленину и грузинским социалистам. В. И. Ленин решительно отверг подобные предложения и выступил против попыток извращения в немецких газетах его позиции о войне. В письме в редакции газет «Vorwärts» и Wiener «Arbeiter-Zeitung» в ноябре 1914 г. он с возмущением писал, что «заметка создает впечатление, как будто бы я ограничился полемикой против царизма». В действительности В. И. Ленин, будучи убежденным, что «долг социалистов каждой страны вести беспощадную борьбу с шовинизмом и патриотизмом собственной (а не только неприятельской) страны, резко нападал на царизм и в связи с этим говорил о свободе Украины». «Но смысл моих рассуждений, – писал далее В. И. Ленин, – совершенно извращается. Если ни одним словом не упомянуть о том, что я говорил о крахе II Интернационала, об оппортунизме и против позиции немецкой и австрийской социал-демократии» [11]. Позже, критикуя позицию украинских националистов, В. И. Ленин отмечал ту группу украинских деятелей, сознавших близость с «Социал-Демократом» и сумевших «отгородиться от пресловутого «Союза освобождения Украины», деятельность которого ничего общего не имеет с социал-демократией» [12].

Вот почему «пораженчество» В. И. Ленина не сводится к организации саботажа, диверсий, террористических актов или с «распродажей» территории своей страны западным державам в обмен на финансовую помощь в борьбе с самодержавным режимом. Кроме того, не стоит забывать, что у «немецкого золота» было несколько реальных адресатов – украинские националисты, грузинские социалисты-федералисты. А эффективность его использования в такой стране как Россия была крайне низкой. Не исключено также, что немецкий «посредник» Парвус, никогда не отличавшийся большой щепетильностью, часть выделенных средств по «революционизированию» России присвоил себе.

Тем не менее мифы о «финансировании большевиков» германскими империалистами продолжают усиленно тиражироваться в современной России. Вот как В. Хотиненков, режиссер фильма «Демон революции», обосновывал мифический эпизод встречи Ленина с Парвусом: «Я опирался на знаменитое описание встречи этих двух выходцев из России . данное писателем А. Солженицыным в эпосе «Красное колесо». Хотя это описание носит вымышленный характер, но написано потрясающе, что дает немалую пищу для размышлений» [13]. «Потрясающая» ложь дает право некоторым современным деятелям навязывать многомиллионной армии зрителей субъективные суждения, не очень считаясь с реальными фактами.

Несколько другие позиции были характерны для белорусского национального движения. В 1915 г. братья Луцкевичи из остатков кружков Белорусской социалистической громады в Вильно создали Белорусскую социал-демократическую рабочую группу (БСДРГ). После того как канцлер Германии Бетман-Гольвег заявил о том, что «освобожденные от России земли не вернуться назад под московское иго», БСДРГ вместе с литовскими, польскими и еврейскими организациями развернули активные действия по осуществлению национально-государственного самоопределения. Для достижения указанных целей была провозглашена «Конфедерация

Великого княжества Литовского», куда вошли представители некоторых местных демократических организаций. Однако она просуществовала недолго, поскольку между поляками, литовцами и белорусами выявились серьезные расхождения. Поначалу немцы не были заинтересованы в какой-либо местной форме государственности. Однако позже, в 1917 г., они разрешили создать Литовскую Тарибу в качестве Верховного органа Литвы, под начало которого была включена и часть белорусских земель, находившаяся под немецкой оккупацией.

После того как фельдмаршал Гинденбург в начале 1916 г. в своем приказе о школах в оккупированном крае объявил о равноправии белорусского языка с другими языками края – польским, литовским и еврейским, среди белорусских деятелей загорелась вера и появились большие надежды, что немцы придут на помощь возрождению белорусской культуры, распространению белорусской идеи. Белорусские деятели, несмотря на тяжелые экономические условия и помехи со стороны польских помещиков и ксендзов, открывают белорусские школы и культурно-просветительские организации [14, с. 75–76]. Но о какой-то «белорусской государственности» немцы и слышать не хотели.

Февральская революция, свержение самодержавия оживили деятельность политических партий, находившихся ранее в оппозиции. Теперь главной правящей партией стали кадеты. Партия «народной свободы» высказалась за продолжение войны с помощью союзников, поскольку Россия входила в одну группу государств, связанных между собой интересами буржуазных стремлений. Кроме того, изыскания кадетских экономистов сводились к тому, что Россия после такой разрушительной войны сама, собственными силами быстро на ноги не поднимется, для этого необходимы будут иностранные займы. Но их можно получить только в том случае, если Россия будет выполнять свои союзнические обязательства перед другими странами Антанты [15, с. 73–74]. Нельзя не учитывать и тот факт, что кадеты имели тесные связи с теми предпринимателями, которые получали значительную прибыль от военных заказов. Не случайно именно кадеты были вдохновителями проведения в стране «займа свободы». Но они не учитывали главного – роста антивоенных настроений в России.

Понимая, что война вызывает серьезное недовольство в стране, эсеры, меньшевики, бундовцы старались удержаться на позициях «революционного оборончества». «Война уже окончена 27 февраля, - уверяли эсеры делегатов I съезда военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта. – Теперь вы только борцы за свою независимость и свободу» [16]. Эсеровская газета «Голос Полесья» призывала: «Солдаты – в окопы, рабочие – к станкам! Мы теперь боремся не за предателя самодержца, а за нашу свободную Россию» [17]. Но чтобы добиться «почетного, демократического мира», утверждали социалисты-революционеры и меньшевики, необходимо «вести активные военные операции». Это означало, что характер войны не изменился, она продолжалась в интересах сильных мира сего.

Революция способствовала развитию белорусского национального движения. Была восстановлена деятельность Белорусской социалистической громады, возникали другие белорусские партии. Теперь белорусские деятели не рисковали придерживаться прогерманской ориентации, а оглядывались на Временное правительство, были уже на стороне Антанты. Однако белорусские организации все же надеялись, что Временное правительство предоставит автономию Беларуси в рамках Российской федеративной демократической республики. Немало было заклинаний и заверений о безусловных связях Беларуси с Россией. Но Временное правительство игнорировало даже кучие просьбы белорусских деятелей. Война продолжалась, решение аграрного вопроса оттягивалось на неопределенный срок. К осени 1917 г. белорусское национальное движение раскололось на два течения: либеральное и революционно-демократическое. Если белорусские либералы по-прежнему поддерживали Временное правительство, то белорусские левые выступали за созыв Второго съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, все чаще

поддерживали большевиков и левых социалистов-революционеров. Безусловно, революционизирующее воздействие на Беларусь оказывали солдаты Западного фронта.

Более сложные процессы происходили в украинском национальном движении. «Союз освобождения Украины» влачил жалкое существование, не пользовался авторитетом и вскоре в мае 1918 г. заявил о самороспуске. Теперь, весной 1917 г., политическую жизнь в Украине определяли партии социалистического толка. Особую активность проявляла Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР). На I Учредительном съезде (4.05.1917) украинские эсеры официально оформились в единую партию, а на 2-м съезде УПСР, в июле 1917 г., были приняты программа и устав партии. В основу программы были положены основные положения программы общероссийской партии с.-р. УПСР поддерживала политику Временного правительства, а в вопросах войны занимала позиции «революционного оборончества», ориентируясь все же на страны Антанты [18, с. 640]. УПСР выступала все же за Российскую федеративную демократическую республику с предоставлением прав автономии народам России, прежде всего. Украине, а вопросы войны и мира решались бы во Всероссийской думе [19, с. 6, 9].

По инициативе УПСР и Центральной Украинской Рады в сентябре 1917 г. был проведен в Киеве так называемый «Съезд народов России», в котором приняли участие представители национальных партий социал-демократического и неонароднического толка. Съезд принял резолюцию, в которой говорилось, что «для спасения государства от грозящей ему катастрофы необходимо немедленно перестроить его на совершенно новых основаниях, исключающих возможность централизации». Выход из создавшейся ситуации съезд видел в том, что Россия должна быть «Федеративно-Демократической Республикой». Делегаты были уверены, что центральная власть может пользоваться доверием населения только при федеративном строе [20, с. 4–5]. Однако подобные призывы реальных успехов не принесли.

Что касается большевиков, то они сняли лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую», хотя и заявляли, что ее характер не изменился. «Мы пока отказываемся от этого лозунга, - говорил В. И. Ленин на VII Всероссийской (Апрельской) конференции большевиков. – Оружие сейчас в руках солдат, рабочих, а не у капиталистов. Пока правительство не начало войну, мы проповедуем мирно» [21, с. 73]. Нужно убедить массы, подчеркивал В. И. Ленин, что кончить войну демократическим миром без аннексий и контрибуций нельзя без свержения власти капитала. Только свергнув эксплуататоров, пролетариат может избавить человечество от ужасов войны. Важным тактическим средством партия считала организацию братания солдат воевавших сторон. Не везде эти братания удалось организовать. Однако антивоенные лозунги большевиков, углубление социально-экономического кризиса способствовали усилению левых тенденций в партиях с.-р. и меньшевиков.

Например, лидер левых социалистов-революционеров М. Спиридонова в августе 1917 г., критикуя социалистов-оборонцев, отмечала, что «продолжение войны в тех условиях, что были созданы волей Николая II и правящих классов, – это продолжение укрепления позиций буржуазии, как русской. так и западноевропейской» [22, с. 54]. Выход из создавшегося положения левые эсеры видели в переходе власти в руки Советов.

Требования прекращения войны охватывали разные слои российского общества. Поэтому не случайно первым декретом советской власти стал написанный В. И. Лениным Декрет о мире. Это документ обращался с призывом не только к правительствам, но и к народам воевавших государств заключить всеобщий демократический мир без аннексий и контрибуций.

Предложения большевиков заключить мир без территориальных претензий не могли вызвать поддержку правивших кругов воевавших стран запада. Это означало бы отказ от целей сторон, которые привели к началу войны, а согласие с большевистскими предложениями было бы равнозначно признанию бессмысленности тягот и жертв 1914 – 1917 гг. Кроме того, воевавшие между собой коалиции рассчитывали на успех в 1918 г.

Важное место в их планах отводилось и России. Державам Антанты было важно сохранить участие России в войне, так как российская армия оттягивала на себя германские силы. Цели истощенной войной на два фронта Германии были противоположными: еще летом 1917 г. она дважды предлагала Временному правительству заключить мир на достаточно почетных для России условиях, хотя имперские немецкие амбиции диктовали захватнические устремления. Но Временное правительство фактически отказалось, не желая ссориться с союзниками по коалиции.

Стремление большевиков усадить за стол переговоров о перемирии представителей всех воевавших держав не увенчались успехом. Государства Антанты игнорировали неоднократные предложения советского правительства, вынужденного начать сепаратные встречи с державами Четверного союза.

История подписания Брестского мира хорошо известна. Однако некоторые детали, причем, весьма существенные, отдельные историки стараются умолчать или игнорировать. Например, 7 ноября 1917 г. Центральная Украинская Рада провозгласила образование Украинской Народной Республики, оговорив, однако, намерение «не отделяться от Российской Республики», помочь ей «стать федерацией равных, свободных народов». Первоначально между Петроградом и Киевом складывались терпимые отношения, которые к началу декабря были испорчены. В Киеве претензии на власть стали предъявлять поддержанные Петроградом Советы. В свою очередь Рада чинила препятствия борьбе советского правительства против восстания Каледина на Дону. В итоге 4 декабря 1917 г. отношения были разорваны, а 11 декабря в Харькове украинские большевики созвали съезд Советов, который «принял на себя всю полноту власти на Украине». Большевики приветствовали новую власть как «подлинное правительство Народной Украинской Республики».

11 января 1918 г. Рада провозгласила Украину независимым государством, а 26 января советские войска вступили в Киев и свергли Центральную Раду. Ее власть была восстановлена через три недели, но сделали это уже германские войска. Вот почему в германском ультиматуме, который была вынуждена принять Советская Россия, были не только территориальные и материальные притязания, но и требования «тотчас заключить мир с Украинской Народной Республикой». Украина и Финляндия, говорилось в документе, «без промедления очищаются от русских войск и Красной гвардии». «Полная демобилизация русских армий, включая и вновь образованные нынешним правительством части, должны быть проведены незамедлительно», диктовал германский ультиматум [23, с. 264]. Несмотря на тяжелые условия мира, Советское правительство предприняло ряд важных мер по созданию и укреплению Красной Армии, защите населения от произвола оккупантов.

В тоже время Германия не собиралась церемониться с Украиной. Более того, 28 апреля 1918 г. германское командование разогнало Центральную Раду и заменило ее правительством гетмана П. П. Скоропадского, который упразднил Украинскую Народную Республику и объявил о создании «Украинской державы» (существовала с 29 апреля до середины ноября 1918 г.). Ноябрьская революция в Германии, усиление оппозиционных настроений в Украине привели к созданию «Украинской Директории», но и ее власть продолжалась недолго.

Не оправдались расчеты на Германию и у белорусских национальных деятелей. После провозглашения независимости Белорусской Народной Республики 25 марта 1918 г. ее лидеры обратились с меморандумом к канцлеру Германии, чтобы Брестский договор был пересмотрен [24, л. 12]. Но ни положительного ответа, ни каких-либо обещаний не получили. Не прошли и другие просьбы Рады БНР. Более того, немецкая кандидатура немецких властей 19 апреля 1918 г. прислала ответ на просьбу ее представителей, касающийся «урегулирования дел местного населения». Оккупанты жестко напомнили, что «власть в занятой немецкими властями области принадлежит немецкому командованию» [25, л. 6].

Прогерманская ориентация некоторых белорусских деятелей, о чем свидетельствовала известная телеграмма кайзеру от 25 апреля 1918 г. политический кризис, партийные

разногласия привели к расколу Белорусской социалистической громады, выходу левых ее приверженцев из Рады. Начавшаяся Ноябрьская революция в Германии способствовала аннулированию Брестского мира и вынудила деятелей БНР покинуть территорию Беларуси.

Таким образом, Первая мировая война стала серьезным испытанием для политических партий России, Беларуси и Украины. Ориентация их политических деятелей на ту или другую западную коалицию не дали ощутимых результатов. Соперничавшие блоки не считались с интересами России. Эффективную стратегию и гибкую тактику с учетом национальных интересов продемонстрировали только большевики. В условиях военного противостояния они завоевали и укрепили свою власть, выстояли в период военной интервенции и гражданской войны и приступили к строительству нового общества. Судьбы других политических партий сложились по-разному. Но совокупный партийный опыт должен служить важным уроком современным политикам.

1. Тютюкин, С. В. Первая мировая война и революционный процесс в России. (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война: Пролог XX века. Отв. Ред. В. Л. Мальков. – М.: Наука, 1999. – С. 236–249.
2. Шелохаев, В. В. Теоретические представления российских либералов о войне и революции (1914–1917 гг.) // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. – М.: Наука, 1994. – С. 127–140.
3. Смольянинов, М. М. Беларусь в Первой мировой войне. 1914 – 1918 гг. – М.: Фонд «Историческая память», 2017. – 415 с.
4. Волобуев О., Клоков В. Меньшевики // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 335–361.
5. Российский государственный архив социально-политических исследований. – Ф. 274. Оп. 1. Д. 2.
6. Ленин, В. И. Война и российская социал-демократия // Полн. собр. соч. Т. 26. – М.: Политиздат, 1973. – С. 13–23.
7. Ленин, В. И. Социализм и война. Полн. собр. соч. Т. 26. – М.: Политиздат. 1973. – С. 307–350.
8. Ленин, В. И. О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. Т. 26. – М.: Политиздат. 1973. – С. 106–110.
9. Союз освобождения Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia>. – Дата доступа: 28.09.2018.
10. Назарук, Ю. С. Союз освобождения Украины в 1914–1915 гг.: политические устремления и основные направления работы в Австро-Венгрии // Клио. Журнал для ученых. – 2005. – № 1(28). – С. 69–71.
11. Ленин, В. И. В редакции газет «Vorwärts» и Wiener «Arbeiter-Zeitung» // Полн. собр. соч. Т. 49. – М.: Политиздат, 1975. – С. 25.
12. Ленин, В. И. Примечание «От редакции» к статье «Украина и война» // Полн. СОБР. соч. Т. 26. – М.: Политиздат, 1973. – С. 130.
13. Лихачев, Д. «Детская ложь» под революционный джаз. Режиссер Владимир Хотиненков о новой работе // Литературная газета. – 2017. – № 45 (6620), 25–21 ноября – С. 15.
14. Козляков, В. Е. Национальный вопрос и неонароднические партии. (начало XX в. – конец 20-х гг. На материалах России, Беларуси, Украины). – Минск: БГТУ, 2001. – 246 с.
15. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Часть I. Политические партии России. – Гомель: Белорусское агентство научно-технической и деловой информации, 1993. – 275 с.
16. Вестник Минского губернского комиссариата. – 1917. – 12 апреля.
17. Голос Полесья. – 1917. – 20 апреля.
18. Кривенький В., Чмырь С. Украинская партия социалистов-революционеров // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 639–642.
19. Українська партія соціалістів-революціонерів. Хто такі соціалісті-революціонери і чого вони дамагаються. – Київ. 1917. – 18 с.
20. Протокол съезда представителей народов и областей созванного Украинской Центральной Радой. 9 сентября 2917 г. – Киев, 1917. – 21 с.
21. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы. – М.: Политиздат, 1958. – 434 с.
22. Спиридонова М. О задачах революции. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. – М.: РОССПЭН, 2000. – 864 с.
23. Мирные переговоры в Брест-Литовске. С 22/9 декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. Том 1. – М.: Из-во Народного Комиссариата Иностранных Дел, 1920. – 270 с.
24. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 325. Оп. 1. Д. 21.
25. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 60. Оп. 3. Д. 757.

РАЗДЕЛ 4

ИТОГИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКАЯ СИСТЕМА

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ИТОГИ, УРОКИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В.А. Космач

Современный французский историк Ж.-Ж. Беккер в одной из своих работ, посвящённых Первой мировой войне, справедливо заметил: «Великая война произошла, и долг историка попытаться проанализировать то, что случилось [1]. Британский историк Э. Хобсбаум полагал, что «XX век для Европы начался в 1914 году» [2].

В России, вступившей в войну с Германией 1 августа 1914г., начавшуюся войну сразу стали называть «германской», и таковой она долго оставалась в массовом сознании населения огромной Российской империи. С 1916г. Первую мировую войну в официальном лексиконе стали называть «Великой», а радикальные оппоненты – противники самодержавия и династии Романовых (В.И. Ульянов – Ленин и большевики, а также близкие им немногочисленные левые группы из меньшевиков и эсеров) обозначили её сразу как империалистическую и захватническую [3].

В советской историографии, и не только, долгое время господствовал тезис о том, что Первая мировая война по своему происхождению, характеру и результатам носила империалистический, захватнический характер для всех её участников, за исключением Сербии, Черногории и Бельгии, а также оккупированных территорий других стран, народы которых вели борьбу за своё освобождение. Подобных оценок придерживались академики Е.В. Тарле и В.М. Хвостов, профессора Е.А. Адамов и Ф.И. Нотович. К идентичным или сходным выводам пришли Пьер Ренувен (Франция) и Луиджи Альбертини (Италия), Роберт Уильям Ситон-Уотсон (Великобритания), Е. Хельмрайх (Германия), Васо Губрилович и Владимир Горович (Сербия), а также многие другие историки [4]. В современной российской историографии появились работы, в которых Первая мировая война по своим последствиям называется «тотальной» [5].

Ещё больше разночтений в вопросах о причинах и виновниках первой мировой войны. Он звучал остро и откровенно уже в первые дни и месяцы той Великой войны. 2 декабря 1914г. во время выступления в рейхстаге германский рейхканцлер Т. Фон Бетман-Гольвег назвал Великобританию истинной виновницей войны, а начавшуюся в Европе схватку – «английской войной» [6]. Интересно, что в 1962г. вышла книга гамбургского историка Фрица Фишера, в которой сам автор заявил, что войну начали немцы ради своей собственной гегемонии на европейском континенте. По Ф. Фишеру, Первая мировая война являлась немецким «рывком к мировому господству» [6а].

На рассвете в пять минут шестого утра 11 ноября 1918 г. на станции Ретонд в Компьенском лесу (Франция), в штабном вагоне поезда главнокомандующего всеми вооружёнными силами Антанты на Западном фронте маршала Фердинанда Фоша (1851-1929) было подписано перемирие с германской делегацией, возглавляемой лидером католической партии Центра Маттиасом Эрцбергером (1875-1921), завершившее Первую мировую войну [7].

В 11 часов утра того же дня после почти 52 месяцев сражений, боевые действия прекратились, и прогремел артиллерийский салют из 101 выстрела, что знаменовало

окончание Первой мировой войны. Она продолжалась 51 месяц и 2 недели (4 года, 3 месяца и 10 дней – с 28 июля 1914 г. по 11 ноября 1918 г., или 1568 дней). По своим масштабам она не имела аналогов в прошлом [8]. В её орбиту было втянуто 38 из существовавших в то время 59 государств с населением более 1 млрд. человек или 2/3 населения Земли. Под ружьём находились 70 млн. человек, из которых 10 млн. были убиты и 20 млн. ранены. По некоторым данным в Первой мировой войне погибло более 10 млн. солдат и офицеров и около 12 млн. мирных жителей. В государствах Антанты (их число за годы Великой войны возросло до 28) было мобилизовано около 45 млн. человек, в государствах Центральной коалиции – 25 млн. человек. В России в вооружённые силы было призвано около 16 млн. человек. Военные действия проистекали на территории в 4 млн. квадратных километров. Только прямые военные расходы государств превысили 240 млрд. долларов. На войне погибли родители 9 млн. детей. Количество пленных достигло 3 млн., а беженцев – 10 млн. человек. Стоимость причинённого материального ущерба за годы той Великой войны превысила военные расходы и достигла 350 млрд. долларов. В 1917 г. на нужды войны работало: в России – 76% рабочих, во Франции – 57%, в Великобритании – 46%, в США – 31,6%, в Германии – 58%.

По мнению одного из известных историков-экономистов современной Германии Вольфрама Фишера и ряда других более ранних исследователей (Ф. Ноутетейма и др.) потери населения Европы за годы Первой мировой войны составили 22-23 млн. человек, а общие людские потери России – 26 млн. человек, из которых 1,5-2 млн. составляли солдаты и офицеры русской армии [9]. По В. Фишеру Германия потеряла убитыми 2 млн. солдат и офицеров, Франция – 1320 тыс., Австро-Венгрия – 1100 тыс., Великобритания – 744 тыс., Италия – 700 тыс [10]. В восьмом томе «Всемирной истории» говорится, что на первом месте по количеству военных потерь стояла Россия – 2 млн. 300 тыс. русских солдат остались на полях сражений Первой мировой войны [11]. По Андрею Буровскому, за время Первой мировой войны в армию было призвано 75 млн. человек, из которых 36 млн. человек погибло [12]. По академику Ю.А. Писареву, в Первой мировой войне погибло 5 млн. русских солдат и офицеров из общего числа погибших в 10 млн. человек [13].

Как бы не разнились все эти трагические цифры и данные для человеческих судеб всех воюющих стран в Первой мировой войне, главнейший урок из прошлого той Великой войны мог быть только один – войн подобных Первой мировой войне повторять было нельзя. К большому сожалению этот урок был быстро забыт, и в 1939 г. была развязана ещё более страшная Вторая мировая война 1939-1945 гг., а А. Гитлер и фельдмаршал В. Кейтель 22 июня 1940 г. в том же Компьенском лесу, в том же вагоне маршала Ф. Фоша заставили французов подписать капитуляцию Франции [14]. Была даже найдена ручка маршала Ф. Фоша, которой подписывалось Компьенское перемирие 11 ноября 1918 г. Только в 1940 г. она уже была в руках других победителей – немцев!

Первая мировая война имела и другие более масштабные, в том числе и геополитические, последствия. В горниле Великой войны 1914-1918 гг. родились две революции, сопровождавшиеся гражданскими войнами – в России в 1917 г. и в Германии в 1918 г. Поражения и революции разрушили четыре империи – Российскую, Германскую, Австро-Венгерскую и Османскую. Появились новые государства, совершенно изменились геополитическая ситуация в Европе и мире и сама система международных отношений в целом. На смену Венской системе международных отношений пришла Версальская-Вашингтонская. Великобритания и Франция торжествовали победу. Значительно усилились США. Германия была разгромлена и унижена, вначале в Компьене в ноябре 1918 г., а затем на Парижской мирной конференции в Версале в мае-июне 1919 г. Но она осталась единым государством, хотя и потеряла значительные территории. Преувеличивали немцы и несправедливость наложенных в Версале на Германию

репараций и контрибуций (132 млрд. золотых марок в более позднем пересчёте) [15]. Всего до 1932 г. немцы выплатили 37 миллиардов марок.

Больше всего досталось России. Её, какой она была – великой Российской империей, просто не стало, поскольку Великая Россия мешала всем – и Германии, и Антанте, и США. Над ней провели ещё и «исторический эксперимент», организовав и профинансировав (и не только из Берлина!) революционизацию и сепаратизацию России, в том числе Октябрьский переворот и гражданскую войну 1917-1922 гг.[16] После Великой войны 1914-1918 гг. и Россия, и Европа, и мир в целом не вернулись к прежней стабильности, определённости и процветанию. В результате событий 1914-1918 гг. мир изменился почти до неузнаваемости: от геополитической карты мира и роли государства в экономике до социальных и гендерных отношений в отдельных странах [17].

Россия в этом плане не является исключением. А.Блок в поэме «Двенадцать», передавая дух той эпохи и живя сам ей, с пафосом писал:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови-
Господи, благослови!

Российский бунт «низов» против «сытых верхов» завершился созданием новой «советской цивилизации», изменившей радикально саму Россию и всю европейскую и мировую геополитику.

В итоге Первой мировой и Гражданской войн Российское государство потеряло часть своей территории и населения. От империи отделились Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония, отошли к соседним государствам Западная Украина, Западная Белоруссия, Бессарабия, часть Армении. На остальной территории образовались советские социалистические республики – Российская Федерация, Украина, Белоруссия, Азербайджан, Армения, Грузия, а также Дальневосточная демократическая республика и две народные республики – Хорезм и Бухара.

Общие потери населения России за период революции и Гражданской войны, по оценке демографов и историков (А.Я. Боярский, Б.Ц. Урланис, Ю.А. Поляков), составили 12-13 млн. человек, из которых почти половина умерла от эпидемий и голода. Боевые потери белых и красных, а также повстанцев насчитывали 2,5 млн. человек, от рук карателей и белогвардейских правительств и органов советской власти погибло более 1 млн. человек. Массовая эмиграция тех лет достигла около 1 млн. человек. Зарубежные авторы называют число жертв революции и Гражданской войны в пределах 8-11 млн. (Г. Гилл, Дж. Эдельман, М. Хильдермайер) [18].

Страна лежала в руинах. Большинство фабрик и заводов не работали. Города обезлюдели. В Москве осталось около 1 млн. жителей, в Петрограде – 700 тыс. Кроме них, лишь Киев, Харьков и Одесса имели население свыше 250 тыс. человек. Деревни пришли в запустение. Материальный ущерб, нанесённый войной, был огромен. Ни одна страна в мире прежде не испытывала такого опустошения. Подсчитанная в 1922г. сумма потерь составляла 39 млрд. золотых рублей, или $\frac{1}{4}$ всего национального достояния страны. Дальнейшие подсчёты на основе претензий о потерях от 7,5 млн. человек, пострадавших от войны, выявили ещё несколько миллиардов убытков. По существу, погибла $\frac{1}{3}$ национального богатства.

Промышленное производство в 1920 г. по сравнению с 1913 г. сократилось в 5-7 раз. Особенно пострадала тяжёлая промышленность, где выпуск продукции упал до 13% от уровня 1913 г. [19] Резко уменьшились посевы зерновых, поголовье скота, упала урожайность. Валовая продукция сельского хозяйства составляла $\frac{2}{3}$ от довоенного уровня. Упадок сельского хозяйства вызвал продовольственный кризис. Народ был истощён и измучен, ибо на протяжении ряда лет жил впроголодь.

Изменилась социальная структура общества. Не стало помещиков, крупной и средней буржуазии, был нанесён сильный удар по зажиточному крестьянству. Эти классы лишились принадлежавшей им собственности. Часть из них погибла в ходе Гражданской войны или эмигрировала. Лишь немногим удалось сохранить некоторые экономические позиции в мелкой и кустарной промышленности и сельском хозяйстве. В ряде районов (Кавказ, Средняя Азия, Казахстан) выжила феодально-родовая верхушка, имевшая значительный политический вес и собственность. Серьёзную опасность представлял окрепший за годы войны уголовный мир, получивший возможность легализовать награбленные богатства.

Рабочий класс страны, вынесший на своих плечах все тяготы революции и войны, был истощён и обескровлен. Численность его резко сократилась, что неизбежно ослабило социальную основу власти большевиков. Преобладающей фигурой в деревне стали обедневшие середняки. За годы войны общество стало значительно беднее, чем до революции.

Первая мировая война, и в этом её ещё одно трагическое последствие, отравила и радикально изменила сознание и духовную культуру целых стран и народов. Фашизм в Италии, большевизм в России, национал-социализм в Германии – прямое следствие и результат той Великой войны. Вместе с тем, большевизм, в отличие от фашизма в Италии и национал-социализма в Германии, спас Россию от крушения, хотя и ценой огромных человеческих жертв. Именно большевики возродили Великую Россию под названием СССР, превратив её из страны крестьянской, аграрной в индустриальную, победившую фашизм и японский милитаризм во Второй мировой войне. Немцам же не повезло. Проигрыш в войне, а затем унижение в Версале привели к гибели Веймарской республики и установлению национал-социалистической диктатуры в Германии в январе 1933 года. Чем всё это закончилось – известно, а начиналось всё в 1918-1919 гг. с «легенды об ударе ножом в спину» и с рождения малой, но агрессивной Германской рабочей партии (ДАП), в которую вступил А. Гитлер в сентябре 1919 г. [20]

Говоря об уроках и геополитических последствиях Великой войны 1914-1918гг., следует иметь в виду и то, что в отличие от Второй мировой войны, которая была войной идеологий, Первая мировая война была «большой войной за национальные интересы государств».

С окончанием наполеоновских войн Россия стала противником №1 Великобритании на европейском, и не только, континенте, и британцы начали уже тогда готовиться к устранению своего главного конкурента, собирая вокруг себя союзников в борьбе с Россией. Крымская война 1853-1856гг. стала первой общеевропейской войной против России. Но Россия устояла. В конце XIX века само существование Британской империи и её верхушки во многом стало зависеть от разрушения уже двух империй – Российской и Германской, и средством разрушения Германии и России мог быть только конфликт между ними. Великобритания и США сделали всё, чтобы столкнуть Россию и Германию в Великой войне, что и произошло летом 1914 г. [21].

«На фоне столетнего юбилея Первой мировой войны,- отметил недавно в своей статье «Нас втягивают в войну по образцу 1914 года» писатель, публицист и историк Николай Стариков, - в России начались оживлённые дискуссии о параллелях между геополитической ситуации в начале XX века и сегодня. Что ж, между 1914 и 2014 годами, к сожалению, можно провести пугающих аналогий. И главное из них в том, что и тогда, и сегодня англосаксонской финансовой элите нужна война. Отличие же состоит лишь в том, что тогда она рассматривала крупномасштабный конфликт как путь к завоеванию мирового господства, а теперь – как способ его сохранить... Не удивительно, что в сети своих планов по дестабилизации ситуации на планете англосаксонская финансовая элита всячески пытается втянуть Россию в военный конфликт в Донбассе в качестве одного из участников. И эта стратегия является повторением того трюка, который удалось успешно реализовать в 1914 году. Только тогда Россия ввязалась в войну в благородном

стремлении помочь православной Сербии, а теперь нам предлагают спасать русскоязычное население на Украине.

Спору нет, помогать жителям русского мира обязательно нужно. Всеми доступными методами, но кроме ввода российских войск. В противном случае мы повторим ту же самую ошибку, которую совершил в 1914 году Николай II. Тогда не имея никаких поводов для противостояния с Германией, мы втянулись в кровавый глобальный конфликт» [22].

Первая мировая война для России, как известно, началась 1 августа 1914 г., а закончилась 3 марта 1918г. Брестским миром. Россия получила от этой действительно Великой войны не победу, а революцию, которая коренным образом изменила ход её дальней истории. Но вклад России в победоносный исход Первой мировой войны для блока Антанты огромен, что признавали и ценили ведущие европейские политики того времени. В речи, произнесённой в Палате общин в 1939г., один из творцов и организаторов победы 1918 года, бывший британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж подчеркнул: «Не следует забывать, что если бы не помощь России в войне 1914-1918 годов, Париж был бы взят, а немецкие гарнизоны до сих пор стояли бы во Франции» [23].

1. Becker J.L. L'année 1914. – Paris, 2004. – P.3.
2. Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). – М., 2004.
3. См.: Зайончковский, А. Первая мировая война 1914–1918гг. В 2 т. – Т.1. – М., 1938. – С.7–18; Всемирная история. – М., 1960. – Т. VII. – С. 511–516; Краткая история СССР. – Ч. 1. – Л., 1978. – С. 385; Очерки истории СССР. 1905–март 1917/под ред. А.Л. Сидорова. – М., 1954. – С.243–245.
4. См.: Писарев, Ю.А. Новые подходы к изучению Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 1993. – №3. – С.47.
5. См.: Магадеев, Н.Э. Первая мировая как тотальная война//Новая и новейшая история. – 2014. – №4. – С. 3–16.
6. См.: Первая мировая война и её воздействие на историю XX в. «Круглый стол» //Новая и новейшая история. – 1994. – №5. – С.113.
- 6а. См.: Пленков, О.Ю. Новейшая история стран Европы и Америки: учебное пособие. – М., 2014. – С.75.
7. См.: Фош, Ф. Воспоминания (война 1914–1918гг.). – Спб., 2005. – С. 489–505; Винклер, Г. А. Веймар 1918-1933: история первой немецкой демократии. – М., 2013. – С. 41; Патрушев, А. И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. – М. 2007. – С. 360; История Германии: учеб. пособие для студентов вузов: в 3 т. – Т.2. От создания германской империи до начала XXI века/под ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. – Кемерово, 2005. – С. 116; Космач, В. А. Германия после Первой мировой войны: Ноябрьская революция и первые годы Веймарской республики (1918–1923 гг.). – Витебск, 2010. – С. 23–28.
8. См.: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил. Статистическое исследование/под ред. Г.Ф. Кривошеева. – М., 2001. – С.88–90; Камерон, Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. – М., 2001. – С.428–432; Новая история стран Европы и Америки: учеб. пособие для студентов вузов/под ред. И. М. Кривогуза. – М., 2002. – С. 880-881; Системная история международных отношений в двух томах/под ред. А. Д. Богатурова. – Т.1. События 1918–1945 годов. – М., 2006. – С. 52–53; История дипломатии/под ред. В. П. Потёмкина. – Т.2. Демократия в новое время (1872–1919 гг.). – М., 1945. – С. 373–376; Назария, С. История международных отношений и внешней политики великих держав в новейшее время. Курс лекций. – Кишинёв, 2007. – С. 20.
9. См.: Фишер, В. Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980. – М., 1999. – С. 19.
10. Там же. – С. 20.
11. См.: Всемирная история. – Т. VIII/под ред. И. И. Минца. – М., 1961. – С. 99.
12. См.: Буровский, А. Апокалипсис XX века. От войны до войны. – М., 2011. – С. 9
13. См.: Писарев, Ю. А. Новые подходы к изучению истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. – 1993. – №3. – С.56.
14. См.: Патрушев, А. И. Германия в XX веке: учеб. пособие. – М., 2004. – С. 259–260; Смирнов, В. П. Франция в XX веке: пособие для студ. вузов. – М., 2001. – С. 159; Гренвил, Дж. История XX века. Люди, события, факты. – М., 1999. – С. 267.
15. См.: Винклер, Г. А. Указ. соч. – С.112–115; Пленков, О. Ю. Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 года). – Спб., 2011. – С. 223–228.
16. См.: Никонов, В. Крушение России. 1917. – М., 2011; Оппоков, В. Г. Убийцы Российской империи. Тайные пружины революции 1917 года. – М., 2008; Веллер, М., Буровский, А. Гражданская история безумной войны. – М., 2007; Стариков, Н. Разгадка «русской» революции. – М., 2008.

17. См.: Магадеев, И.Э. Первая мировая как тотальная война // Новая и новейшая история. – 2014. – №4. – С.15.
18. См.: Шумилов, М.И., Шумилов, М.М. История России: конец XIX – начало XXI веков: Учебник. – СПб., 2008. – С.162.
19. Там же. – С. 163.
20. См.: Гинцберг, Л.И. Ранняя история фашизма. Борьба за власть. – М., 2004; Мазер, В. Адольф Гитлер. Легенда. Миф. Действительность. – Мн., 2004; Соколов, Б. Адольф Гитлер: фюрер, преступник, личность. – М., 2013.
21. См.: Фурсов, А. Большая война XX века. Поджигатели и заговорщики // Завтра. – 2013. – Август. №35 (1032)
22. Цит. по: Стариков, Н. Нас втягивают в войну по образцу 1914 года // Невское время. – 2014. – 27 августа. – С. 5.
23. Цит. по: Штейн, Б.Е. Компьен-Берлин (Капитуляция кайзеровской Германии 11 ноября 1918 года – безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии 8 мая 1945 года). Стенограмм публичной лекции доктора исторических наук Б.Е. Штейна, прочитанной 28 мая 1945 года в Колонном зале Дома Союзов. – М., 1945. – С.4.

ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918/1919 ГОДОВ: ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ

В.А. Космач

Германия к 1918 г. оказалась в крайне тяжелой ситуации, которую можно характеризовать как **«тотальный»** или **всеобщий кризис** [1]. На его почве в **ноябре 1918 г.** в Германии разразится **революция**, основными причинами и мотивами которой стали следующие:

Во-первых, хотя Первая мировая война на территории Германии практически не велась, ее «плоды» почувствовала на себе каждая немецкая семья. За годы войны Германия потеряла 2 млн. человек убитыми, еще более 4,5 млн. стали инвалидами. Более 1 млн. немцев оказались в плену. По более точным данным с немецкой стороны Первая мировая война обошлась Германии в 2,4 млн. убитых солдат и офицеров, что составило 18,5% из 13 млн. призванных в армию и 20% от численности населения страны на начало 1914 г. К этому добавлялись 2,7 млн. инвалидов, рано умерших, и 4,8 млн. пропавших без вести [2].

Массовая мобилизация сократила количество квалифицированных рабочих на немецких предприятиях на 25%. В военные годы суммарный объем промышленного производства неуклонно снижался. Если в 1914 г. его уровень составлял 83% от довоенного, то в 1918 г. – лишь 57% [3]. По **Х. Мёллеру**, «в конце войны, в 1918 г., объем немецкой промышленной продукции снизился почти вдвое (до 57%) в сравнении с довоенным уровнем 1913 г., если принять тот за 100%; система производства и распределения была в разрушенном состоянии; эффективность промышленности упала в конце войны почти на 40% в сравнении с довоенным уровнем. В том, что касалось сельскохозяйственного производства, ситуация, при различиях в отношении скотоводческой и растениеводческой продукции, была схожей. Последствия этого для положения со снабжением немецкого населения, а также налоговых поступлений, соответственно финансового положения экономик земель, были очевидны» [4]. К концу войны цены на товарную продукцию в Германии из-за инфляции выросли в 15 раз по сравнению с 1914 годом [5].

Гигантские финансовые расходы истощили бюджетную систему. Государственный долг вырос с 5,2 млрд. марок в 1914 г. до 156,4 млрд. в 1918 г. За 1914-1918 гг. Германия потеряла не менее одной трети своего национального богатства [6]. Постоянно сокращался национальный доход. В 1914 г. он составлял 84% от уровня 1913 г., в 1917 г. – 67% [7]. Накопленный спад ВВП в Германии за 1914-1917 гг. составил более 20 процентов [8]. В стране начинался голод – в конце войны по продовольственным карточкам, введенным для городского населения, в день на человека полагалось 116 г муки, 18 г мяса

и 7 г жира. В деревнях проходили жесткие реквизиции [9]. Неурожай картофеля в 1916 г. повлек за собой страшную **«брюквенную зиму»**. Смертность в стране по сравнению с 1913 г. возросла на 32,3%. За годы войны от голода и недоедания в Германии умерло около 750–760 тыс. человек. Детская смертность возросла на 300% [10].

Тем не менее, Германия продолжала увеличивать запасы оружия и боеприпасов. В конце 1916 г. был принят закон **«О вспомогательной службе Отечеству»**, по которому для всех мужчин в возрасте от 17 до 60 лет трудовая повинность в военном производстве стала обязательной, причем менять работу по своему желанию запрещалось [11]. Рабочий день был увеличен до 12 часов. Хозяйственное истощение Германии довершила так называемая **«программа Гинденбурга»**. Новое Верховое командование, назначенное кайзером в августе 1916 г. в лице **П. фон Гинденбурга** и **Э. фон Людендорфа**, сейчас же после своего назначения потребовало решительного использования для фронта всех ресурсов страны. В Германии стали активно проводиться мероприятия по «растягиванию» запасов сырья, по применению суррогатов в промышленности, жестокой экономии топлива, принудительному изъятию определенных вещей, предметов быта и продовольствия у населения. Особенно бескомпромиссно проводилась мобилизация металлов. У гражданского населения отбирались металлическая посуда, оконные и дверные ручки, печные заслонки; были сняты медные крыши и церковные колокола, а на частных предприятиях снимались медные части [12].

Некоторые мероприятия властей не были продуманы и вели к трагикомическим результатам. Так, в начале 1915 г. правительство, обеспокоенное резким сокращением запасов картофеля в стране, распорядилось провести массовый убой свиней и разрешило ландратам – главам сельских округов – даже отбирать их у хозяев, отказавшихся выполнять это приказание. С чисто немецкой обстоятельностью была проведена широкая пропагандистская компания, в ходе которой экономисты и журналисты объявили свинью **«внутренним врагом» империи**, поедающим нужное населению и армии продовольствие, а потому ослабляющим силу «сопротивления» немецкого народа. В результате весной было забито около 9 млн. свиней, и к концу года возник явный недостаток мяса и особенно жиров [13].

Военные расходы Германии в конце 1917 г. составили свыше 150 млрд. золотых марок, к концу 1918 г. – не менее 161 млрд. марок. 39,1 млн. немецких граждан в годы войны подписались на займы на общую сумму 98,2 млрд. марок. В последний месяц войны, в октябре 1918 г., ежемесячные военные расходы рейха выросли до 4,8 млрд. марок, в то время как в первый год войны один ее месяц стоил в среднем 1,7 млрд. марок, а на четвертый год войны достиг среднемесячного уровня в 3,8 млрд. марок; **«программа Гинденбурга»** по финансированию войны была «программой отчаяния» [14]. Однако с отчаянием в 1918 г. покончено не было: финансирование войны было лишь (известным образом) перенесено на послевоенное время. Государственный долг за годы войны вырос к середине 1918 г. уже до 165 млрд. марок [15]. Число мобилизованных в армию достигло огромной цифры – 13250 тыс. человек [16]. К весне 1918 г. на Западном фронте Германия держала почти 200 дивизий. 50 дивизий находилось в России [17]. Война привела к резкому ухудшению демографической ситуации. В августе 1914 г. немецкая армия насчитывала около 2 млн. человек, в начале 1915 г. под ружьем находилось уже 4,4 млн. К 1916 г. в армию было мобилизовано свыше 7 млн. человек. К декабрю этого же года только на Западном фронте было убито, ранено, пропало без вести или попало в плен почти 2,5 млн. солдат и офицеров. Силы Германии иссякали, поскольку в весенне-летних сражениях 1918 г. ею было потеряно 800 тыс. человек [18]. Стратегическая инициатива окончательно перешла в руки союзных войск Антанты. Всего же за годы войны на фронтах находилось 13 млн. немцев, или 20% населения Германии [19]. По замечанию профессора **Хорста Мёллера**, «первостепенную проблему представляла собой демобилизация многомиллионной армии. В последний год

войны в ней оказалось около 10 млн. солдат. Их возвращение, и, главное, их реинтеграция в общество в организационном, социальном и экономическом плане обещали быть делом трудным, не говоря уж о скоро выявившихся ментальных последствиях. Эрнст фон Саломон поучительным образом описал в своих книгах менталитет солдатского типа. Преодолеть его в республике было трудно, он искал свое новое пристанище в добровольческих корпусах» [20].

Во-вторых, это последствия войны, не поддающиеся арифметическому учету – ожесточение прошедших через фронт и оставшихся в живых солдат и офицеров, их неспособность сразу после демобилизации найти свое место в мирной жизни и готовность решать политические и иные проблемы с оружием в руках. По **Л. фон Мизесу**, «миллионы демобилизованных солдат хлынули по домам, многие из них не расстались с оружием. Они грабили военные склады и останавливали поезда, чтобы добыть еду. В компании с рабочими, потерявшими работу на остановившихся оборонных заводах, они прочесывали сельскую местность в поисках хлеба и картофеля. Сельские жители создавали вооруженные отряды самообороны. В стране царил полный хаос» [21].

В целом немцы, проигрывая войну, все больше ощущали себя как **«униженная нация»**, потерявшая «Великую Германию». Они все более активно, в особенности военно-политическая, хозяйственная и интеллектуальная элита страны, искали врагов внутри Германии и вовне, виновных в ее поражении. Моральная усталость нации от войны становилась все более очевидной. В подобной атмосфере в Германии появится **«легенда об ударе кинжалом в спину»** (Dolchstoslegenda), направленная против евреев, марксистов и социал-демократов. Согласно ей Германия проиграла войну не из-за того, что ее армия и флот были разбиты на полях сражений, а из-за того, что Германии нанесли «удар ножом в спину» революционеры и демократы, или так называемые «ноябрьские преступники» [22]. В середине ноября 1918 г. майор Генерального штаба **Людвиг Бек**, позднее начальник Генштаба гитлеровского вермахта в 1935-1938 гг., заявил: «В самый трудный момент войны для нас – и в этом в данный момент я не сомневаюсь – революцией был нанесен преднамеренный, умышленный удар ножом в спину» [23].

В таком духе выступит в Национальном собрании 18 ноября 1919 г. **П. фон Гинденбург** [24]. «Dolchstoslegenda» станет знаменем и идеологией консервативно-националистических сил в борьбе с противниками монархии и сторонниками республиканско-демократического строя, в годы революции и Веймарской республики [25]. По Р. Эвансу, «очень быстро в многочисленных слоях общества с центристскими и правовыми политическими взглядами получил хождение судьбоносный миф, поддерживаемый и распространяемый самими высшими военными офицерами. Вспоминая музыкальную драму Рихарда Вагнера «Сумерки богов», многие люди стали считать, что армия была побеждена только потому, что, как и бесстрашный герой Вагнера Зигфрид, получила смертельный удар в спину от своих врагов внутри страны. Военные лидеры Германии, Гинденбург и Людендорф, вскоре после войны стали утверждать, что армия стала жертвой «тайной, спланированной демагогической компании», которая обрекла все геройские усилия военных на провал: «Один английский генерал верно заметил: немецкая армия получила удар в спину». Кайзер Вильгельм повторил эту фразу в своих мемуарах, написанных в 1920-х: «Тридцать лет армия была моей гордостью. Я жил ради нее, работал ради нее, а теперь после четырех с половиной лет блестящей войны с беспримерными победами нож революционера поразил ее в спину, как раз в тот момент, когда до мира оставалось уже далеко». Даже социал-демократы внесли свою лепту в поддержание этой легенды. Когда возвращающиеся войска входили в Берлин 10 декабря 1918 г., лидер партии Фридрих Эберт сказал им: «Враг вас не победил!» [26].

Известный мыслитель XX в., австрийский экономист, философ и политолог **Людвиг фон Мизес** в своей книге «Всемогущее правительство» так передал содержание «легенды об ударе ножом в спину» и настроения немцев того времени: «Победоносная армия

получила удар ножом в спину. Пока немецкие мужчины сражались с врагом, внутренние враги взбаламутили тыл и устроили ноябрьский мятеж, самое бесчестное преступление всех времен. Сломлен был не фронт, а тыл. Виноваты не солдаты и не генералы, а слабобольшие гражданских властей и рейхстага, не сумевших подавить бунт.

Аристократы, офицеры и видные националисты сильнее других переживали стыд и раскаяние за события ноября 1918 г., потому что позднее поняли, что их поведение в те дни было просто позорным. На фронте лишь отдельные офицеры попытались остановить бунтовщиков, но большинство из них примкнуло к революции. Двадцать два немецких трона были сметены с лица земли без малейшей попытки к сопротивлению. Придворные сановники, адъютанты, дежурные офицеры и телохранители смиренно приняли тот факт, что князья, которым они приносили присягу на личную преданность до самой смерти, лишились трона. Никто не последовал примеру швейцарской гвардии, погибшей за Людовика XVI и его сына. Когда толпы штурмовали замки различных королей и герцогов, националисты и партия Отечества никак себя не проявили.

Самоуважение этих сломленных людей было восстановлено, когда некоторые генералы и лидеры националистов нашли объяснение и извинение: все это работа евреев. Германия побеждала на земле, на воде и в воздухе, но евреи нанесли предательский удар в спину. Всякий, кто попытался опровергать эту легенду, немедленно объявлялся евреем или подкупленным еврейским наемником. Никакие разумные аргументы не смогли поколебать эту выдумку. Ее разобрали по косточкам; каждый из пунктов обвинения был опровергнут с помощью документальных свидетельств; для ее опровержения собраны несметные груды материалов, но все тщетно.

Следует понимать, что немецкий национализм пережил поражение Германии в Первой мировой войне исключительно благодаря легенде о предательском ударе в спину. Без этого националистам пришлось бы отказаться от своей программы, которая целиком и полностью основывалась на тезисе о военном превосходстве Германии. Для сохранения этой программы необходимо было иметь возможность сказать нации: «Мы еще раз доказали свою непобедимость. Но все наши победы не привели к успеху из-за вредительства и саботажа евреев. Если мы избавимся от евреев, наши победы принесут должные плоды».

До этого момента в доктрине немецкого национализма антисемитизм играл второстепенную роль. Он был всего лишь побочным продуктом, а не политической проблемой. Источником тяготения к дискриминационным мерам против евреев, как и к национализму, был интервенционизм. Теперь антисемитизм превратился в центральный пункт, в главный вопрос националистической идеи. Такова была его роль во внутренней политике. И очень скоро он приобрел не меньшую важность и во внешней политике» [27].

По **Н.В. Павлову**, «поражение Германии, которое высшее военное командование рейхсвера вынуждено было публично признать 2 октября 1918 г., и, соответственно, тяжелейшие условия Версальского мирного договора, возлагавшего на Германскую империю всю полноту ответственности за развязывание мировой войны, вызвали у населения глубочайший шок. Встречая возвращавшихся с фронтов части, немцы не уставали повторять тезис о «непобедимости на поле битвы» немецких солдат. Вот только, мол, им нанесли «удар кинжалом в спину» революционеры, стоявшие у истоков Веймарской республики. Особенно усердствовала в пропаганде этой лжеидеи правая пресса. К ее сторонникам принадлежал и фельдмаршал **П. фон. Гинденбург**, который, выступая перед комиссией по расследованиям Национального собрания 18 ноября 1919 г., сослался на высказывание одного британского генерала, заявившего, будто германской армии был нанесен смертельный удар с тыла. Бесспорный авторитет бывшего фельдмаршала, которым он продолжал пользоваться в немецком обществе, способствовал тому, что легенда об «ударе кинжалом в спину», несмотря на ее полную абсурдность по существу, с невероятной быстротой распространилась по всей стране и достигла своей

цели. Она постоянно использовалась праворадикальными силами в качестве оружия во внутриполитической борьбе против либерально-демократических партий Веймара. В конце концов, будучи составной частью нацистской пропаганды, она действительно обернулась смертельным ударом против первой германской республики» [28].

В-третьих, к концу войны в Германии необычайно обострились социальные противоречия. Уже весной 1917 г. почти по всем промышленным городам страны прокатились стачечные выступления рабочих, которые требовали немедленного прекращения войны [29]. Общее число стачечников составило в 1917 г. 670 тыс. человек [30]. В январе 1918 г. вся Германия стала ареной всеобщей забастовки. Начавшись в Берлине, она распространилась затем на Рейнскую область, Саксонию, Баварию и другие районы страны. Забастовкой руководили избранные рабочими революционные старосты. В Берлине и ряде других городов возникли первые **Советы рабочих депутатов**. Стаечники требовали немедленного заключения мира, отмены установленного в стране военно-диктаторского режима, амнистии политическим заключенным, улучшения продовольственного снабжения. Общее число участников всеобщей забастовки достигло 1,5 млн. человек [31].

Стаечное движение в стране было вызвано причинами и обстоятельствами военного времени. В Германии в годы войны, как уже было сказано раньше, действовала трудовая повинность для мужчин в возрасте от 17 до 60 лет. Карточная система на хлеб была введена 31 января 1915 г. и к концу 1916 г. распространена по все стране на все важнейшие продукты питания – картофель, мясо, молоко, жиры, сахар. Городская норма потребления хлеба составляла 200-225 г. на человека в день, мяса – 250 г. в неделю. В 1917 г. норма хлеба понизилась до 170 г., или 1 600 г. печеного хлеба в неделю, масла и жиров – до 60-90 г. в неделю; молоко получали только дети и больные [32]. По **Б.Н. Миронову**, немислимого состава «военный хлеб» образца 1917 г. примерно соответствовал хлебу блокадного Ленинграда 1942 г. как по качеству, так и по количеству. В 1917 г. потребление мяса и жиров сократилось до одной пятой довоенного. Введенная с началом войны государственная хлебная монополия в 1916 г. переросла в принудительную продовольственную разверстку. Весь хлеб сверх нормы потребления, равной 9 кг. хлеба в месяц на душу сельского населения, подлежал обязательной сдаче государству. Для лучшего контроля над продразверсткой на всех производителей были заведены продовольственные карточки. Несмотря на государственное регулирование, цены на рынке обгоняли заработную плату, вследствие чего реальная зарплата работников наемного труда понижалась. До войны пищевое потребление немцев составляло в среднем 3 500 ккал в день, в 1916-1917 гг. опустилось ниже 2 000 ккал, в том числе осенью 1916 г. паек давал 1 344 ккал, летом 1917 г. – 1 100 ккал [33].

В-четвертых, за годы войны оказался сведенным к нулю авторитет политической власти, военно-политической и хозяйственной элиты страны. 28 августа 1916 г., на другой день после вступления Румынии в войну с Германией, кайзер **Вильгельм II** принял решение о назначении генерал-фельдмаршала **Пауля фон Гинденбурга** начальником Большого Генерального штаба, а генерала **Эриха фон Людендорфа** – первым генерал-квартирмейстером, что в отсутствие кайзера ставило последнего в ранг верховного главнокомандующего и в положение второго лица высшего командного состава германской армии после самого императора [34]. По сути, в Германии установилась **военная диктатура германского Верховного командования**, а П. фон Гинденбург стал «военным канцлером». Дуумвират «Гинденбург-Людендорф» уже не был связан в своей деятельности какими-либо конституционными ограничениями. От имени терявшего авторитет кайзера он вмешивался во все области политической жизни страны, вплоть до организации смещения или назначения имперского канцлера.

13 июля 1917 г. кайзером была принята отставка канцлера **Теобальда фон Бетмана-Гольвега** (1856–1921), который пребывал в данной должности с 1909 г. По оценкам

современных российских историков Т. фон Бетман-Гольвег был не только видным государственным деятелем, но и реформатором, лучше других понимал всю важность связи внутренней и внешней политики. Он лучше других германских политиков того времени осознавал, что выиграть войну можно не только на полях сражений, но, прежде всего, путем создания прочной коалиции всех социальных и политических сил страны. Именно в этом, считает российский историк **Г.М. Садовая**, состояла суть «**диагонали Бетмана-Гольвега**», направление которой – межпартийное согласие, гражданский мир, компромисс, превращение СДПГ в государственную партию [35]. «Политика диагонали, – пишет она, – позволила в начале войны быстро установить гражданский мир, который был невозможен без канцлера Гольвега и лояльной поддержки, оказанной ему рабочими Германии. Это была самая крупная победа канцлера». По мнению Г.М. Садовой, политику Бетмана-Гольвега можно сегодня приравнять к **политике национального согласия**, что в начале XX в. было новым словом в государственном управлении. Политический курс и правительственная программа этого канцлера являлась прообразом **центристской политики**, склонявшегося в сторону социал-демократии, то есть прагматичной политики, которая в условиях Германии 1914–1917 гг. неизбежно должна была потерпеть поражение [36].

Новым канцлером по предложению Верховного командования Вильгельм II назначил малоизвестного помощника прусского министра финансов, комиссара по продовольствию **Георга Михаэлиса** (1857–1936), что оказалось полной неожиданностью для рейхстага [37]. Он оказался бесцветной личностью и верноподданным чиновником, полностью зависимым от Верховного командования. И это обстоятельство обостряло отношения между оппозицией и правительством. Г. Михаэлис оказался не той фигурой, из-за которой кайзер мог бы пойти на конфронтацию с рейхстагом.

1 ноября 1917 г. новым, третьим за годы войны, канцлером и главой прусского правительства был назначен **Георг фон Гертлинг** (1843–1919), долгие годы заседавший в рейхстаге от партии Центра. Но и это не сняло остроту политического кризиса в стране [38]. Давление «низов» и формирующейся либерально-демократической оппозиции на изживший себя монархический режим с опорой на генералитет нарастало изо дня в день.

Таким образом, **германская революция 1918 г.** вытекала из войны, точнее – из хозяйственно-экономического кризиса и военно-политического поражения Германии в Первой мировой войне. После неудач на Западном фронте в августе 1918 г. генерал **Э. фон Людендорф**, один из самых влиятельных военных в германском верховном главнокомандовании, в сентябре 1918 г. предложил перейти к «гражданскому парламентскому управлению» [39]. Революция могла в любой момент поглотить страну.

См.: Гриневич, В. Народное хозяйство Германии. – Берлин, 1924; Хмельницкая Е. Военная экономика Германии 1914–1918 гг. – М., 1929; Эггерт, З.К. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (август 1914 – октябрь 1917). – М., 1957; Космач, В.А. Германия в 1918–1919 гг.: рождение республики. – Витебск, 2008. – С. 5–9; Он же. Германия после Первой мировой войны: Ноябрьская революция и первые годы Веймарской республики (1918–1923 гг.): монография. – Витебск, 2010. – С. 3–10.

См.: Wehler, H. – U. Deutsche Sozialgeschichte. Bd.4. Vom Beginn des Ersten Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten. 1914–1949. – München, 2003. – S. 232.

Языков, Е.Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1918–1945): курс лекций. – М., 1998. – С. 69.

См. Мёллер, Х. Веймарская республика: Опыт незавершенной демократии. – М., 2010. – С.118–119.

См.: Камерон, Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. – М., 2001. – С. 432.

См. Майский, И. Современная Германия (экономика, политика, рабочее движение): – М. – Л., 1924. – С. 16.

См.: Патрушев, А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. – М., 2007. – С. 355; Космач, В.А. Германия после Первой мировой войны. – С. 3–4.

Ивантер, А. Хроника русской катастрофы // Эксперт. – 2012. – № 14 (9–15 апреля). – С. 55.

См.: Ватлин, А.Ю. Германия в XX веке. – М., 2002. – С. 37; Новейшая история стран Европы и Америки. XX век: учебн. для студ. высш. учеб.заведений: в 2 ч. / под ред.

А.М. Родригеса, М.В. Пономарёва. – М., 2001. – Ч. 1: 1900–1945. – С. 276; Всемирная история. – М., 1961. – Т. VIII. – С. 120–121.

Патрушев, А.И. Указ.соч. – С. 355.

Патрушев, А.И. Германия в XX веке. Учеб.пособие. – М., 2004. – С. 65–66.

См.: Дикс, А. Война и народное хозяйство по опыту Германии в мировую войну. – М., 1926. – С. 102–103; Гриневич, В. Указ.соч. – С. 245–246; Эггерт З.К. Указ. соч. – С. 365–367.

Патрушев, А.И. Германская история. – С. 356.
 См.: Мёллер, Х. Указ.соч. – С.121.
 Трухнов, Г.М. Революционный подъём в Германии (конец 1918 – середина 1921 г.). – Мн., 1963. – С. 10–11.
 См.: Драбкин, Я.С. Революция 1918–1919 гг. в Германии: краткий очерк. – М., 1958. – С. 49.
 Прохтор, Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. – М., 1989. – С. 16.
 См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М., 2001. – С. 85.
 Патрушев, А.И. Германская история. – С. 356.
 Мёллер, Х. Указ.соч. – С.118.
 Цит.по: Мизес, Л. фон. Всемогущее правительство: Тоталитарное государство и тотальная война. – Челябинск, 2006. – С. 288.
 См.: Драбкин, Я.С. Легенда «об ударе кинжалом в спину» // Новая и новейшая история. – 1964. – № 1. – С. 119-128; Petzold J. Die Dolchstoßlegende. Eine Geschichtsfälschung im Dienst des deutschen Imperialismus und Militarismus. – Berlin, 1963; Geschichtsbuch. Die Menschen und ihre Geschichte in Darstellenden und Dokumenten. – Berlin, 1993. – Bd. 4: Von 1917 bis 1992 / Hrsg. P. Guttenberger, B. Mutter, N. Zwolfer. – S. 93.
 Mommsen, H. Aufstieg und Untergang der Republik von Weimar. 1918–1933. – Berlin, 2009. – S. 33.
 См.: Kolb E. Die Weimarer Republik. – München, 1998. – S. 37.
 См.: Buchheim K. Die Weimarer Republik. Grundlagen und politische Entwicklung. – Berlin, 1960. – S.30.
 См. Эванс, Р. Третий рейх: Зарождение империи. 1920–1923. – М., 2010. – С. 96–97.
 Цит.по: Мизес, Л. фон. Указ.соч. – С. 264–265.
 Цит.по: Павлов, Н.В. История внешней политики Германии. От Бисмарка до Меркель. – М., 2012. – С. 75-76.
 Драбкин, Я.С. Указ.соч. – С. 50–52; Обушков Н.Г. Массовое революционное движение в Германии в феврале-октябре 1917 г. // Новая и новейшая история. – 1957. – № 1. – С. 136–150.
 Язьков, Е.Ф. Указ.соч. – С. 69.
 История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945 гг.: учебн. для студентов / под ред. Е.Ф. Язькова. – М., 2004. – С. 94.
 См.: Миронов, Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. – М., 2012. – С. 576–577.
 Там же. – С. 577.
 См.: Раушер, В. Гинденбург. Фельдмаршал и президент. – М., 2003. – С. 10, 101–105.
 См.: Садовая, Г.М. Германия: от Кайзеровской империи к демократической республике (1914–1922 годы): монография. – Самара, 2008. – С. 33–38.
 Там же. – С. 50–51, 247.
 См.: Патрушев, А.И. Германская история. – С. 358.
 См.: История Германии: учебн. пособие для студентов вузов: в 3 т. / под ред. Б. Бонвеца, Ю.В. Галактионова. – Кемерово, 2005. – Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века. – С. 104–107; Эггерт, З.К. Указ.соч. – С. 667.
 См.: Geschichtsbuch. Die Menschen und ihre Geschichte in Darstellungen und Dokumenten. – S. 90; Брюнин, В.Г. Политический кризис в Германии в сентябре–октябре 1918 // Учёные записки Ленинградского университета. – 1951. – Вып. 18.

ДРУГАЯ РЭЧ ПАСПАЛІТАЯ: НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ СУЧАСНАГА АСЭНСАВАННЯ ЯЕ ГІСТОРЫІ

М.В. Стрелец

11 лістапада 2018 года адзначаецца 100-годдзе аднаўлення незалежнасці польскай дзяржавы. Менавіта 11 лістапада 1918 года быў пакладзены пачатак Другой Рэчы Паспалітай, фінальная кропка ў гісторыі якой была пастаўлена ў сувязі з драматычнымі падзеямі Другой сусветнай вайны. У сувязі з дадзеным юбілеем у нашай заходняй суседцы выйшла вялікая колькасць публікацый навукоўцаў, палітыкаў, публіцыстаў. Многія з іх тычацца такіх аспектаў міжваеннай польскай гісторыі, як фарміраванне нацыянальнай тэрыторыі, суадносіны дэмакратычных і антыдэмакратычных метадаў у кіраванні грамадствам і дзяржавай (1918–1939 гг.). Менавіта гэтыя аспекты больш за ўсё маюць дачыненне да айчыннай гісторыі. Таму аўтар вырашыў прапанаваць сваё ўласнае асэнсаванне дадзеных аспектаў.

Увосень 1918г. першая сусветная вайна імкліва падыходзіла да свайго лагічнага завяршэння, што супала з заканчэннем працэса складвання перадумоў вырашэння польскага пытання. Перамога ў гэтай вайне Антанты, выцісканне на абочыну сусветнай і еўрапейскай палітыкі Берліна і Вены, падтрымка ідэй стварэння Другой Рэчы Паспалітай у сталіцах краін Антанты, Маскве далі гістарычны шанец польскай нацыянальнай эліце, які яна блісуча выкарыстала.

Гэта эліта была прадстаўлена ў шэрагу цэнтраў, якія супернічалі паміж сабой за права пакласці новы пачатак у польскай гісторыі. Храналогія лёсавызначальных падзей, якія непасрэдна папярэднічалі гэтаму новаму пачатку, наступная.

28 кастрычніка 1918 года адзначана з’яўленнем такой структуры, як Польская ліквідацыйная камісія (ПЛК). Праз тры дні яна выступае ў якасці вышэйшай інстанцыі, якая поўнаасцю кантралюе сітуацыю на абшары, які тэрытарыяльна супадае з Заходняй Галіцыяй.

Імкліва мянялася сітуацыя на польскіх землях, якія да першай сусветнай вайны знаходзіліся «пад скіпетрам рускага цара». Спачатку здавалася, што ўладу на гэтым абшары трывала будзе ўтрымліваць Люблінскі савет рабочых дэпутатаў, чыя гісторыя распачалася 5 лістапада. Аднак меней чым праз 48 гадзін афіцыйна заяўляе аб сябе часовы народны ўрад Польскай рэспублікі. Сябры гэтага ўрада, які абаснаваўся ў Любліне, прадстаўлялі яго як вышэйшы орган улады для ўсёй Польшчы.

У сваю чаргу Германія робіць стаўку на Пілсудскага. Пасля таго, як Пілсудскі і Сасноўскі запэўніваюць Берлін у прагерманскіх сімпатыях, немцы дапамагаюць Пілсудскаму ўзняцца на капітанскі мосцік польскай палітыкі. Менавіта з падачы германскага боку Рэгенцкая Рада 11 лістапада 1918 года прызнае Юзэфа Пілсудскага вышэйшай службовай асобай Польскай дзяржавы і, натуральна, зыходзіць з палітычнай сцэны. Гэта падзея дала пачатак існаванню Другой Рэчы Паспалітай.

Улічваючы вельмі высокі рэйтынг Пілсудскага ў польскім грамадстве, яго бясспрэчны аўтарытэт за межамі Польшчы, Часовы народны ўрад Польскай Рэспублікі, ПЛК прынялі адзіна правільнае рашэнне: пагадзіцца са знаходжаннем Ю. Пілсудскага на вышэйшым прыступку ў сістэме дзяржаўнага кіравання. Гэтыя ж структуры не ставілі пад сумнеў і мэтазгоднасць ключавога кадравага рашэння Ю. Пілсудскага, у выніку якога Е. Марачэўскі 18 лістапада ўзначаліў вышэйшы орган выканачай улады. З 28 лістапада Ю. Пілсудскі «часовы начальнік дзяржавы» з вельмі шырокімі паўнамоцтвамі. У пачатку 1919 года знаходжанне дадзенага дзеяча менавіта ў гэтай якасці знайшло падтрымку з боку ПНК.

У прававым сэнсе канчатковая кропка ва ўзнікненні Другой Рэчы Паспалітай была пастаўлена на Парыжскай мірнай канферэнцыі 1919–1920гг. Удзельнікі гэтага вельмі аўтарытэтнага міжнароднага форуму былі адзіныя ў тым, што Польшча – поўнапраўны суб’ект міжнародных адносін. Польскі бок у ходзе ўдзелу ў гэтай канферэнцыі меў намер дасягнуць падтрымкі яго жадання трывала забяспечыць сабе выхад да Балтыйскага мора. Выхад да мора палякі атрымалі. Зноў стала польскай пэўная частка Верхняй Сілезіі. Заўважым, што пасля падпісання Версальскай мірнай дамовы ў Варшаве будуць актыўна чакаць вынікаў прадугледжанага ёй плебісцыта на некаторых землях. У выніку яшчэ адна частка Верхняй Сілезіі ўвойдзе ў склад Другой Рэчы Паспалітай. Безумоўна, у палітычным, эканамічным плане для Пілсудскага было прынцыпова важна, што Варшава нарэшце атрымала частку Памераніі, Познань, шэраг раёнаў Прусіі.

Разам з тым нельга ідэалізаваць рашэнні Парыжскай мірнай канферэнцыі і іх наступствы з пункту гледжання польскіх інтарэсаў.

Па-першае, дадзеным інтарэсам супярэчыла ўтварэнне акругі пад найменнем «Вольны горад Гданьск», што было геастратэгічным проігрышам для Польшчы. Складовай часткай Веймарскай Рэспублікі з’яўляліся нямалыя по плошчы, стратэгічна важныя абшары, якія спрадвеку былі не нямецкімі, а польскімі. Гэта зніжала ролю балтыйскага фактара ў рашэнні задач умацавання эканамічнай і ваеннай бяспекі краіны.

Па-другое, 28 чэрвеня 1919 года прадстаўнікі Польшчы з аднаго боку і дзяржаў-пераможцаў – з другога змацавалі сваімі подпісамі дамову, прадметам якой было забеспячэнне праў нацыянальных меньшасцяў у Другой Рэчы Паспалітай. У гэтай дамове рэгуляванне пытанняў, якія тычыліся транзіта, гандлю, было прапісана так, каб задаволіць

перш за усё бізнес – эліты краін, якія выступалі ключавымі ігракамі на глабальнай палітычнай сцэне, а не саміх палякаў.

На пачатковай стадыі ажыццяўлення сваіх уладных паўнамоцтваў Юзэф Пілсудскі актыўна прапагандаваў так званую федэралісцкую канцэпцыю. Яна уключала тры моманта.

Першы момант. У якасці стратэгічнай мэты вылучалася аднаўленне Рэчы Паспалітай абодвух народаў ад можа да можа (ад мора да мора) у межах 1772 года, гэта значыць да яе першага падзела.

Другі момант. Прапаноўвалася стварэнне федэрацыі ў складзе незалежных дзяржаўных адзінак : Польшчы, Літвы, Беларусі, Украіны.

Трэці момант. У рамках кожнай з гэтых дзяржаўных адзінак гарантавалася абсалютная, поўная свабода нацыянальна-культурнага развіцця.

Гэта канцэпцыя падавалася афіцыйнай Варшавай як вузлавы аспект прапагандысцкага забяспечэння вайны супраць РСФСР, Літоўска-Беларускай ССР і Украінскай ССР, якая была распачата польскім бокам напрыканцы лютага 1919 года. Да вясны 1920 года Польшча ўстойліва ўтрымлівала стратэгічную ініцыятыву ў ходзе дадзенай вайны. З вясны 1920 года па сярэдзіну жніўня 1920 года ініцыятыва была на баку Чырвонай Арміі. З сярэдзіны жніўня 1920 года да канца самой вайны зноў дамінавала Польшча. Вайна сведчыла аб відавочным разрыве паміж дэмагагічнымі заявамі Пілсудскага і яго атачэння і рэальнай палітыкай акупацыйных улад. Гэта палітыка была антыбеларуская, антылітоўская, антысеміцкая, антыукраінская. Ніяк не прасочвалася рэальная зацікаўленнасць польскага боку ў вырашэнні польскага, літоўскага, беларускага пытанняў. Засталіся на паперы благія абяцанні, дадзеныя Ю. Пілсудскім у яго адозве да жыхароў былога Вялікага княства Літоўскага, Рускага, Жамойцкага, датаванай 22 красавіка 1919 года. Паводзіны галоўнай структуры акупацыйных улад – Грамадзянскага ўпраўлення ўсходніх зямель (ГУУЗ) пастаянна выклікалі абурэнне мясцовага насельніцтва.

Важна мець на ўвазе, што ключавыя падзеі вайны Польшчы супраць РСФСР, Літоўска-Беларускай ССР і Украінскай ССР супалі па часе з тым адрэзкам у працы Пабыжскай мірнай канферэнцыі, які быў прысвечаны абмеркаванню тэрытарыяльных пытанняў. Дадзеныя пытанні ўваходзілі ў кампетэнцыю тэрытарыяльнай камісіі канферэнцыі. Меркаванні камісіі на прадмет праходжання будучай савецка-польскай мяжы знайшлі 8 снежня 1919 года падтрымку з боку Вярхоўнага савета Антанты. Былі вызначаны населеныя пункты і канкрэтныя пункты па-за іх межамі, праз якія можна было чарціць памежную лінію на карце. З поўначы на поўдзень статус памежных пунктаў паслядоўна набывалі Гародня, Ялаўка, Няміраў, Брэст-Літоўск, Дарагуск, Усцілуг. Працяг гэтай лініі можна было адшукаць на ўсход ад населенага пункту Грубяшоў. Чарговы памежны пункт – Крылоў. Далей выразна прасочвалася згода на юрысдыкцыю савецкага боку на абшар, які з заходняга напрамку прымыкаў да Равы Рускай. Адначасова камісію задавальняла юрысдыкцыя Варшавы на тэрыторыю, якая знаходзілася на ўсход ад населенага пункта Перамышль. У якасці апошняга рубяжа для вызначэння мяжы былі абраны Карпаты.

Далейшая гісторыя выкладзенага вышэй варыянта мяжы наступная. 9 ліпеня 1920 года Савет абароны польскай дзяржавы адрасуе ліст Лондану і Парыжу, якія адыгрывалі ключавую ролю ў Антанце. З гэтага ліста вынікала, што Варшава была зацікаўлена ў тым, каб Вялікабрытанія і Францыя зрабілі ўціск на Савецкую Расію з тым, каб па-першае, этнічныя польскія землі не сталі арэнай ваенных дзеянняў з боку Заходняга і Паўднёва-Заходняга франтоў і, па-другое, Масква пагадзілася з тэрытарыяльным прырашчэннем Польшчы на ўсходзе. Менавіта гэтыя моманты ўтварылі базіс пагаднення ад 10 ліпеня 1920 года, змацаванага подпісамі прадстаўнікоў Польшчы, Вялікабрытаніі, Францыі. У дадзеным пагадненні фігураваў першапачатковы варыянт савецка-польскай мяжы. Першым дзяржаўным дзеячам высокага рангу, які афіцыйна данёс да Масквы гэты варыянт, быў

міністр замежных спраў Вялікабрытаніі лорд Дж. Керзон. Таму ён называецца «лініяй Керзона».

Важна мець на ўвазе, што Варшава, падтрыманая 10 ліпеня 1920 года Лонданам і Парыжам, жадала, каб войскі Заходняга і Паўднёва-Заходняга франтоў не прасоўваліся далей абшара працягласцю ў 50км, які прымыкаў з усходняга напрамку да «лініі Керзона». У такім выпадку Польшча на ўзроўні афіцыйных заяў была гатова да наступнага сцэнарыя: абодва бакі спыняюць ваенныя дзеянні, распачынаюць перамоўны працэс, канчатковым вынікам якога павінна было стаць усталяванне «лініі Керзона».

На наш погляд, такі сцэнарый быў рэальны да «цуду па Вісле». Пасля бліскучай перамогі Пілсудскага над войскамі пад камандаваннем М. Тухачэўскага пад Варшавай польскі бок захапіў стратэгічную ініцыятыву, трывала яе утрымліваў і, натуральна, ставіў пытанне аб значна большым тэрытарыяльным прырашчэнні на Ўсходзе.

Новыя рэаліі рашучым чынам адбіліся па ходзе мірных перамоваў, якія вяліся паміж Савецкай Расіяй і Савецкай Украінай з аднаго боку і Польшчай – з другога. 12 кастрычніка 1920 года бакі падпісваюць у Рызе прэлімінарыі мір, а 18 сакавіка 1921 года іх прадстаўнікі там жа змацоўваюць сваімі подпісамі канчатковы варыянт мірнай дамовы. Паводле дадзенай дамовы Заходняя Беларусь і Заходняя Украіна ўваходзілі ў склад Польшчы. Усталеваная новая мяжа паміж БССР і УССР з аднаго боку і Польшчай з другога. Дарэчы, Рыжскі мір прадугледжваў, што польскі бок будзе паважаць правы нацыянальных меньшасцяў: беларусаў, украінцаў, літоўцаў і гэтак далей. Аднак у рэальнай практыцы праводзілася супрацьлеглая палітыка.

Заўважым, што у 1920–1939 гг. сур’ёзныя праблемы у адносінах паміж Польшчай і Літвой ствараў Віленскі канфлікт.

У палітычным плане гісторыю Польшчы 1921–1939 гг. можна падзяліць на два перыяды: дасанацыйны(1921–1926 гг.); санацыйны(1926–1939 гг.).

Галоўная асаблівасць першага перыяду – рашучая перавага дэмакратычных метадаў кіравання дзяржавай і грамадствам. Юрыдычны грунт пад арыентацыю польскага грамадства на дэмакратычны выбар быў закладзены ў выніку прыняцця канстытуцыі ад 17 сакавіка 1921 года. Асноўны закон перш за ўсё падводзіў прававы базіс пад падзел улад, стварэнне сістэмы супрацьвагаў паміж заканадаўчай, выканаўчай і судовай уладамі, што выключала усталяванне дыктатуры. Уладныя паўнамоцтвы атрымлівалі сілы, якім польскі народ аддаваў перавагу на выбарах ў парламент. Калі размова ішла пра выбары ў ніжнюю палату парламента (сейм), на выбарчыя участкі павінны былі прыходзіць грамадзяне не маладзей 21 года. У аналагічнай працэдуры ў адносінах будучага склада верхняй палаты парламента (сената) удзельнічалі іх суайчыннікі, узрост якіх мінаваў адзнаку ў 30 гадоў. У корпус выбаршчыкаў не ўваходзілі салдаты, афіцэры, генералы Ўзброеных сіл Польскай Рэспублікі. Уяўляўся абгрунтаваным узростаў ценз для патэнцыяльных дэпутатаў сейма і сенатараў. Для першых ён складаў 25 гадоў, для другіх – 40 гадоў. Мяркуючы па паўнамоцтвах прэзідэнта, урада, сейма, аўтары канстытуцыі лічылі ў якасці аптымальнага варыянта стварэнне прэзідэнцка-парламенцкай рэспублікі. Два ключавых элемента выканаўчай улады – кіраўнік дзяржавы, урад – маглі выступаць менавіта ў такой якасці толькі дзякуючы рашэнням парламента. Старт ажыццяўлення канкрэтнай асобай уладных паўнамоцтваў на пасадзе прэзідэнта даваўся членскім корпусам абедзвюх палат парламента. Урад фарміравалі партыі, блокі, якія перамагалі на выбарах у сейм на грунце прапарцыянальнай сістэмы. Заўважым, што ў прэзідэнта было значна менш функцый, чым у начальніка польскай дзяржавы, пасаду якога на момант прыняцця канстытуцыі займаў Пілсудскі. Для ілюстрацыі канкрэтнай ролі прэзідэнта змадэліруем наступную сітуацыю. Ліпень 1923 года. Прэзідэнт С. Вайцяхоўскі ставіць свой аўтограф на ініцыяваным ім указе аб павышэнні зарабатнай платы афіцэрам Ўзброеных Сіл. Указ набывае сілу закона тады і толькі тады, калі аналагічныя дзеянні здзяйсняюць прэм’ер-міністр В. Вітас,

кіраўнік ваеннага ведамства С. Шэпціцкі. Зразумела, можна змадэляваць бясконцую колькасць сітуацый і у кожнай сітуацыі будучь тое ж самае рабіць С. Вайцяхоўскі – В.Вітас і адзін з калег С. Шэпціцкага (міністр унутраных спраў, міністр фінансаў і г.д.). Верхняя палата парламента ставіла канчатковую кропку ў заканадаўчым працэсе. Разам з тым аўтары канстытуцыі адмовілі ёй у праве вета. Любы грамадзянін Другой Рэчы Паспалітай, незалежна ад займаемай пасады мог быць аб'ектам судовага разбірацельства. Прычым суд выносіў вердыкт, не чакаючы званка з канцэлярыі прэзідэнта або з прыёмнай міністра, ваяводы.

Асноўны закон выключаў дзяленне грамадзян Польшчы на першарадных і другарадных, выразна ўсталяваў, што для кожнага з іх дзейнічае аднолькавая адказнасць за выкананне актаў, прынятых уладнымі структурамі. Канстытуцыя закладвала прававы падмурак для фармавання грамадзянскай супольнасці. У дакуменце прасочвалася наяўнасць юрыдычнага базіса гарантавання прыватнай уласнасці, без чаго немагчыма складанне сярэдняга класа, які з'яўляецца сацыяльнай апорай гэтай супольнасці. Палякі атрымалі права на стварэнне яе структур: партый, аб'яднанняў. Прычым кожны грамадзянін, партыя, аб'яднанне маглі б мець пазіцыю, якая кардынальна адрознівалася ад падыходаў улад, маглі даводзіць яе да ведама улад, адкрыта выкладаць яе на мітынгх, дэманстрацыях, у незалежных сродках масавай інфармацыі. З улікам поліканфесійнай структуры насельніцтва Польшчы прынцыпова важным было прызнанне наяўнасці «роўнапраўных веравызнанняў». Праўда, заходняй галіне хрысціянства адводзілася «галоўнае месца сярод роўнапраўных веравызнанняў».

У Асноўным законе быў закладзены юрыдычны грунт польскай сацыяльнай дзяржавы. У дакуменце можна знайсці артыкулы, якія ішлі насустрач інтарэсам працаатрымальніцкага корпуса. Ад працадацеляў патрабавалася ствараць для яго важныя ўмовы працы (строгае вытрыманне тэхнікі бяспекі, санітарна-гігіенічнага стандарту і г.д.). Дзяржава абавязвалася падтрымаць фінансавымі сродкамі членаў гэтага корпуса пры ўзнікненні наступных сітуацый: 1) страты месца працы і натуральна, статуса працаатрымальніка; 2) поўнай або частковай непрацаздольнасці па прычыне сур'ёзных праблем са здароўем. Улады павінны былі клапаціцца аб жанчынах, якія нараджалі дзяцей, аб юных грамадзянах Польшчы, якія толькі што з'яўляліся на свет.

У канстытуцыі 1921 года была прапісана неабходнасць цывілізаваных міжэтнічных адносін, дзяржаўнай палітыкі ў інтарэсах нацыянальных меньшасцяў. Закладваўся юрыдычны грунт для задавальнення патрабаванняў народаў, якія не адносіліся да тытульнага этнаса (беларусаў, украінцаў, габрэяў і г.д.) у існаванні адпаведнай нацыянальна-культурнай аўтаноміі.

Афіцыйна аналізуемы Асноўны закон дзейнічаў да 23 красавіка 1935 года. У той частцы, якая тычылася палітычнай надбудовы, палітычных правоў і абавязкаў грамадзян, канстытуцыя да 1926 года ў асноўным адпавядала ўнутрапольскім рэаліям. Аднак у 1921-1935гг. так і не набыла рэальныя абрысы польская сацыяльная дзяржава, у ранг дзяржаўнай палітыкі была ўзведзена дыскрымінацыя ў адносінах да нацыянальных меньшасцяў.

Сітуацыя ў краіне ў 1921–1926гг. характарызавалася ўнутрапалітычнай нестабільнасцю, адсутнасцю відавочнай дынамікі ў развіцці сацыяльна-эканамічных працэсаў. Пасля прыняцця канстытуцыі 1921 года вага Ю. Пілсудскага як палітычнага і дзяржаўнага дзеяча зніжалася. З 14 снежня 1922 года ён перастае быць начальнікам дзяржавы. У той жа дзень гэта пасада скасоўваецца і пачынаецца эра прэзідэнтаў Другой Рэчы Паспалітай. На жаль, першы з іх Г. Нарутовіч фактычна быў кіраўніком дзяржавы толькі два дні. 16 снежня 1922 года першы прэзідэнт быў забіты. 20 снежня 1922 года пасаду кіраўніка дзяржавы заняў С. Вайцяхоўскі. У краіне часта мяняліся ўрады. Прэм'ер-міністрамі у 1921-1922гг. становіліся В. Вітас, А. Панікоўскі, Ю. Новак, В. Сікорскі. З

канца 1922 года Ю. Пілсудскі ўзначальваў генеральны штаб Ўзброеных сіл Польшчы. У траўні 1923 года В. Вітас зноў займае пасаду кіраўніка урада. 19 снежня 1923 года яго пераемнікам становіцца В. Грабскі. Між тым Ю. Пілсудскі усё актыўней імкнуўся атрымаць вышэйшую ўладу ў краіне. Яго пазіцыі сталі умацоўвацца пасля таго, як 20 лістапада 1924 года Польшча атрымала новага прэм'ер-міністра Скішыньскага. Апошні займаў гэту пасаду да 5 траўня 1926 года. Толькі чатыры дні (10–14 траўня 1926 года) праіснаваў новы ўрад В. Вітаса. Прычыну гэтаму трэба шукаць у тым, што 12-14 траўня 1926 года ў краіне адбыўся дзяржаўны пераварот. Аўтарам сцэнарыя, галоўным арганізатарам пераварота быў Ю. Пілсудскі.

Вынікі пераварота наступныя.

Першы вынік – кадравыя перастаноўкі ў вышэйшым эшалоне Другой Рэчы Паспалітай. З 14 траўня 1926 года абавязкі кіраўніка дзяржавы выконваў М. Ратай, а ўрад ўзначальваў К. Бартэль. 1 чэрвеня 1926 года рашэннем парламента новым прэзідэнтам стаў І. Масыціцкі. Пасаду кіраўніка ваеннага ведамства заняў Ю. Пілсудскі.

Другі вынік – распачаўся санацыйны перыяд у гісторыі Польшчы Пілсудскі аб'явіў аб санацыі. Па латыні *sanatio* значыць ачышчэнне, здараўленне. Ваенны міністр запэўніваў суайчыннікаў у тым, што ў выніку санацыйнай палітыкі польскае грамадства ачысціцца ад шкодных з'яў, атрымае дынаміку па ўсіх напрамках.

Рэаліі ж санацыйнага рэжыму былі такія. За 13 год яго існавання ў краіне назіраліся і дынаміка, і стагнацыя, і крызісныя з'явы. Не адбылося цуда ў эканоміцы, абгрунтаванай была занепакоенасць працоўных мас сваім матэрыяльным становішчам, рэальная палітыка ўлад штурхала беларусаў, украінцаў на нацыянальна-вызваленчую барацьбу, рос недавер да афіцыйнай Варшавы з боку іншых нацыянальных меншасцяў. Сутнасць санацыйнага рэжыма заключалася ў спалучэнні дэмакратычных і антыдэмакратычных метадаў кіравання грамадствам і дзяржавай з перавагай апошніх. Ёсць сэнс спецыяльна падкрэсліць, што яго нельга кваліфікаваць як фашысцкі. Канешне, з гісторыі не выкрэсліш рэпрэсіі гэтага рэжыма супраць іншадумцаў, яскравым прыкладам якіх выступаў канцэнтрацыйны лагер у Бярозе Картузскай. Разам з тым у адрозненне ад гітлераўскага, сталінскага рэжымаў у тагачаснай Польшчы дапускалася легальнае існаванне памяркоўнай апазіцыі, прадстаўленай палітычнымі партыямі, грамадскімі аб'яднаннямі, прафсаюзаў, друкам. Улады выключалі легальны статус для левых сіл. Левыя і левацэнтрысцкія сілы былі аб'ектам рэпрэсій.

Аб перавазе антыдэмакратычных метадаў кіравання сведчыла папраўка да канстытуцыі 1921 года ад 2 жніўня 1926 года. Стала значна большым кола пытанняў, якія маглі сваёй уладай выключна вырашаць кіраўнік дзяржавы, урад. З дадзенай папраўкі вынікала аслабленне ролі верхняй і ніжняй палат парламента ў жыцці краіны. Праілюструем дадзеную тэзу на асабістым лёсе Ю. Пілсудскага. З 27 жніўня 1926 года ў выніку аднаасобнага рашэння І. Масыціцкага ваенны міністр адначасова стаў генеральным інспектарам Ўзброеных сіл Польшчы. Ні ніжняя палата парламента, ні ўрадавыя структуры, звязаныя з ваеннай палітыкай, не маглі патрабаваць ад Пілсудскага зрабіць справядачу аб яго дзейнасці ў новай якасці. Калі б такое патрабаванне мела месца, генеральны інспектар мог спаслацца на спецыяльны дэкрэт кіраўніка дзяржавы і, натуральна, яго адмоўны адказ поўнаасцю адпавядаў бы дадзенаму дэкрэту. У далейшым Ю. Пілсудскі будзе заставацца і генеральным інспектарам ўзброеных сіл, і ваенным міністрам незалежна ад таго, якія змены будуць яго чакаць на дзяржаўнай службе. Адзначым, што такія змены мелі месца. У 1928 годзе Ю. Пілсудскі некалькі месяцаў пабыў на пасадзе прэм'ер-міністра а затым гэту пасаду зноў заняў К. Бартэль. У красавіку 1929 года пераемнікам К. Бартэля становіцца К. Світальскі. У снежні 1929 года – сакавіку 1930 года К. Бартэль у чарговы раз – прэм'ер-міністр. У сакавіку – ліпені 1930 года гэту пасаду займаў Славек. З 25 жніўня 1930 года па 4 снежня 1930 года Ю. Пілсудскі зноў быў

кіраўніком польскага урада, пасля чаго яго змяніў Славек (снежань 1930 – травень 1931 г.). Затым дзейнічалі ўрады, якія ўзначальвалі А. Прыстар (23 траўня 1931 г. – да траўня 1933 г.), Я. Енджэвіч (травень 1933 г. – да траўня 1934 г.), Л. Казлоўскі (травень 1934 г. – красавік 1935 г.).

У сярэдзіне 1930-ых гадоў пілсудчыкі ажыццявілі сваю даўнюю мару – прыняцце адэкватнага іх інтарэсам Асноўнага закона.

Канстытуцыя, датуемая 23 красавіка 1935 года, перш за усё падвяла юрыдычную рысу пад рэаліямі санацыйнага рыжыма, замацавала злом сістэмы супрацьвагаў паміж заканадаўчай, выканаўчай і судовай уладамі.

Праілюструем гэту тэзу на прыкладзе ключавой постаці ў дзяржаўным кіраванні – прэзідэнта. Антыдэмакратычнымі па сваёй сутнасці былі адказы на пытанні: 1) Хто можа стаць кіраўніком дзяржавы? 2) Якія пытанні ён можа вырашыць сваёй уладай? Адказ на першае пытанне: «Два грамадзяніна Польшчы і не болей». Аднаго ўдзельніка барацьбы за прэзідэнцкую пасаду называў прэзідэнт. Яго саперніка вызначала вельмі вузкае кола асоб. Хто яны? Па-першае, размова ішла пра частку парламентарыяў. 77 з іх становіліся электарамі. Прычым за маршалам сейма, маршалам сената месца электара была забраніравана. У электарскі корпус увайшлі 50 дэпутатаў сейма, 25 сенатараў, першыя асобы абедзвюх палат парламента. Астатнія парламентарыі выступалі ў такой якасці толькі пасля таго, як збіраўся кворум у іх палатах і патрэбнай большасцю галасоў прымалася адпаведнае рашэнне.

Па-другое, кампанію дэпутатам сейма, сенатарам склалі кіраўнікі урада, вышэйшай судовай інстанцыі.

Па-трэцяе, у электарскі корпус уваходзіла ключавая постаць у ваеннай структуры дзяржавы – генеральны інспектар Ўзброеных сіл.

У адрозненне ад канстытуцыі 1921 года новы Асноўны закон прадугледжваў, што кожны грамадзянін Польшчы, які меў права галаса, мог прыходзіць на выбарчы ўчастак і, натуральна, павялічваць ці памяншаць шанцы аднаго з кандыдатаў на вышэйшую ў дзяржаве пасаду.

Адказ на другое пытанне з’яўляецца такім: «Палякі атрымалі прэзідэнта-дыктатара, які мог аднаасобна вырашаць ключавыя, нярэдка лёсавызначальныя для краіны пытанні».

Кіраўнік дзяржавы быў адзінай інстанцыяй, якая вырашала пытанне аб тым, хто зойме другую прыступку ў сістэме дзяржаўнага кіравання, гэта значыць пасаду кіраўніка урада. Канешне, прэм’ер мог выказацца ў гутарках з прэзідэнтам наконт таго, якім бы ён хацеў бачыць персанальны склад урада, што, дарэчы, прадугледжвалася канстытуцыяй, у той часцы, якая тычылася кампетэнцыі дадзенай службовай асобы. Аднак і ў гэтым пытанні канчатковую кропку ставіў кіраўнік дзяржавы. Ён жа аднаасобна вырашаў, калі абедзве палаты парламента рэальна распачнуць ажыццяўленне сваіх паўнамоцтваў і мог нават датэрмінова абвясціць несапраўднымі паўнамоцтвы ўсяго дэпутацкага і сенатарскага корпуса. Кожны трэці сенатар набываў статус члена верхняй палаты парламента дзякуючы выключна ўказу прэзідэнта. Кіраўнік дзяржавы з’яўляўся вышэйшай інстанцыяй у ваеннай структуры дзяржавы як у мірны, так і ў ваенны час. Пэўную рызыку для нацыянальных інтарэсаў Польшчы несла аднаасобнае права прэзідэнта абвешчаць вайну, заключаць замірэнні, мірныя дамовы. Пры аналізе канстытуцыі 1921 года мы мадэліравалі сітуацыю, калі дадзеная службовая асоба змацоўвае сваім подпісам ініцыяваны ёю указ. Пры гэтым было асабліва падкрэслена, што на гэтым дакуменце павінна было быць яшчэ два аўтографы (кіраўнік урада + канкрэтны член урадавага кабінета). У выніку прыняцця канстытуцыі 1935 года на дадзеных указах быў толькі адзін подпіс – прэзідэнцкі.

Пройдзе два з паловай месяца і санацыйны рыжым зноў здзейсніць крок, несумяшчальны з дэмакратычнымі нормаў і прынцыпамі. 8 ліпеня 1935 года з’явіўся

закон, які кардынальна змяніў механізм, паводле якога грамадзянін Польшчы мог набыць статус дэпутата. Каб ён быў паўнамоцны змагацца за месца ў дэпутацкім корпусе, неабходнай была згода патрэбнай большасці членаў канкрэтнай акруговай выбарчай камісіі. Прычым у выніковым рашэнні камісіі павінна было фігураваць не болей, чым два прозвішчы. Трэба таксама мець на ўвазе, што гэтыя камісіі фармаваліся пры актыўным умяшальніцтве з боку дзяржавы.

У траўні 1935 года скончыўся жыццёвы шлях Ю. Пілсудскага і, натуральна, галоўнае прававое дзецішча яго рэжыма – Канстытуцыя 1935 года – напаўнялася рэальным зместам без бацькі санацыйнай палітыкі. Новы Асноўны закон працаваў у краіне, у якой правілы гульні вызначала так званая «генеральская група». Прадстаўнік гэтай групы М. Зындрам-Касцялкоўскі ўзначальваў урад з 13 кастрычніка 1935 года па 15 траўня 1936 года. Яго пераемнікам быў Ф. Славой-Складкоўскі.

У заключэнні ўяўляецца слушным выкласці наступныя высновы.

1) Аднаўленне незалежнасці польскай дзяржавы ў 1918 годзе было трыумфам гістарычнай справядлівасці.

2) Будучы прадуктам Версальскай сістэмы, Другая Рэч Паспалітая, натуральна, не магла не быць закладнікам яе супярэчнасцяў. Фарміраванне тэрыторыі гэтай дзяржавы, якое было падтрымана ўдзельнікамі дадзенай сістэмы, адбывалася не толькі за кошт этнічных польскіх, але і этнічных беларускіх і украінскіх зямель, што мела доўгатэрміновыя негатыўныя наступствы геастратэгічнага і міжэтнічнага парадку.

3) Другая Рэч Паспалітая прайшла шлях ад станаўлення дэмакратычных інстытутаў і іх поўнаўвартаснага функцыянавання да рэзкага ўзмацнення антыдэмакратычных тэндэнцый.

Кіруючыя колы міжваеннай Польшчы аказаліся няздольнымі выбудоўваць цывілізаванае стаўленне да нацыянальных меншасцяў, груба парушаючы пры гэтым як міжнародныя абавязацельствы свёй краіны, так і Асноўны закон Другой Рэчы Паспалітай

ИТОГИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ОБРАЗОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1918 Г.

К.В. Шевченко

Не только возникновение независимой Чехословакии в 1918 г., но и ее государственно-политическое устройство, а также идеологический облик были прямым результатом и закономерным итогом Первой мировой войны. Если в начале XX века и накануне войны практически все влиятельные политические силы в чешских землях исходили из целесообразности сохранения Австро-Венгрии, усматривая в этом государственном образовании все необходимые предпосылки для успешного социально-экономического и политического развития Чехии [1, с. 3], то с началом «Великой войны» произошла известная радикализация чешского национального движения. Вступление Австро-Венгрии в войну против славянских России и Сербии в качестве младшего партнера Германской империи было крайне непопулярно среди чешского населения Габсбургской монархии. В результате ряд чешских политиков отказался от лояльности

Габсбургам, делая ставку на поражение и распад Австро-Венгрии и на образование независимого чехословацкого государства на ее обломках.

Примечательно при этом, что в начале войны два основных антигабсбургских лагеря в рамках чешского национального движения – пророссийский во главе с лидером младочехов и идеологом «неославизма» К. Крамаржем и прозападный во главе с лидером партии реалистов профессором Т.Г. Масариком, основавшим в эмиграции Чешский национальный комитет, первоначально исходили из необходимости установления в Чехии монархии. При этом и Крамарж, и Масарик, ссылаясь на широко распространенные русофильские настроения чехов, признавали, что наиболее оптимальным и приемлемым монархом на чешском престоле был бы представитель русской династии Романовых.

Наиболее активным сторонником подобного сценария решения чешского вопроса был лидер младочехов К. Крамарж. Политические проекты Крамаржа в начале войны предполагали создание чехословацкого королевства во главе с представителем династии Романовых, которое на правах широкой автономии должно было входить в состав «Славянской империи» во главе с Россией; при этом предусматривалось «единство армии, дипломатии и таможенной территории» [4, с. 230].

Осенью 1914 г. во время успешного наступления русской армии в Галиции после взятия Львова и продвижения в направлении Кракова и Силезии Крамарж был уверен в скором появлении русских войск на чешских землях. Под влиянием данных обстоятельств Масарик в это время в своих обращениях к российским дипломатам также выражал свое принципиальное согласие с установлением в Чехии монархии с представителем династии Романовых на чешском престоле. Более того, Масарик подчеркивал преимущества единого таможенного пространства Чехии с Россией, что явно не соответствовало его расхожему имиджу принципиального противника русского самодержавия и убежденного сторонника западной ориентации. Русские дипломаты не без иронии отмечали, что на столь неожиданную смену политических предпочтений Масарика в начале войны повлияли как ход военных действий на Восточном фронте и продвижение русской армии в Галиции, так и лестные отзывы о боеспособности русских войск со стороны германских политиков, с которыми Масарик общался в ходе своих визитов в Берлин осенью 1914 года. Противники будущего первого чехословацкого президента из числа чешских политиков не без оснований отмечали, что «у Масарика нет идеалов, ни национального, ни религиозного, ни научного. Он сам себе идеал...» [4, с. 231].

Однако ход событий на фронтах «Великой войны» и революционные потрясения в России в 1917 г. внесли серьезные коррективы в данные представления чешских политиков. Неудачи русской армии, свержение монархии в России, нараставшая анархия и последующий приход к власти большевиков свели на нет значение русского фактора в определении послевоенной судьбы чешских земель. Одновременно резко возросло значение западных держав и ориентировавшихся на них Масарика и его сторонников, которые, по сути, стали определять формат решения чешского вопроса. В роли «отца чехословацкой независимости» действительно выступило «стремление народа к свободе, ранее выраженное за границей и позднее дома», а в роли матери – «распад Австро-Венгерской империи» [2, с.13]. При этом активное отцовское начало в виде «стремления к свободе» очень долго – вплоть до последнего года Первой мировой войны – проявляло себя в основном за рубежом в дипломатической деятельности Масарика и Бенеша.

Длительное время лидеры держав Антанты выступали за сохранение реформированной Австро-Венгрии. Однако благодаря дипломатическим талантам и внешнеполитической интуиции Масарика и Бенеша, их умению оказываться в нужное время в нужном месте и произносить правильные слова, а также их контактам с ведущими западными политиками и журналистами лоббирование «чехословацкого проекта» в итоге оказалось весьма успешным.

Результаты деятельности Масарика и Бенеша за рубежом были, по сути, «талантливым политическим PR-продуктом. Масарику удалось элиминировать потенциально скользкие темы и, напротив, максимально оттенить выгодные для достижения поставленных им целей обстоятельства» [3, с. 36]. Огромную роль в реализации чехословацкого PR-проекта Масарика и в пропаганде ранее почти неизвестных в странах Антанты чехословаков сыграло антибольшевистское восстание чехословацкого армейского корпуса в мае 1918 года в Сибири, которое привлекло внимание западных политиков, заинтересованных в свержении большевиков, к чешскому вопросу. По словам российского исследователя А. Бобракова-Тимошкина, «завершился война годом раньше, «чехословацкий проект» мог бы остаться не более чем материалом для любителей альтернативной истории» [3, с. 19].

Благодаря установлению эффективной коммуникации с руководством Антанты и дипломатическим талантам Масарика и Бенеша чехословацкое государство возникло сначала на бумаге и лишь существенно позже – в реальности. Так, основанный Масариком Чехословацкий Национальный совет в Париже объявил себя правительством независимой Чехословакии и был признан в качестве такового правительствами стран Антанты уже 14 октября 1918 г., т.е. на две недели раньше, чем в действительности возникло возглавляемое этим правительством государство. Кабинетные условия рождения чехословацкого государства и его полная зависимость от стран Антанты наложили колоссальный отпечаток как на решение вопроса о территориальных контурах и границах Чехословакии, так и на ее государственно-правовое устройство.

Так, в изменившейся к концу «Великой войны» политической ситуации чешские государственные деятели продемонстрировали свойственную им гибкость, практически единогласно отказавшись от ранее господствовавших планов установления в Чехословакии монархии и провозгласив парламентскую республику, что соответствовало дипломатической конъюнктуре и политическим приоритетам их внешнеполитических патронов из США, Франции и Великобритании.

В территориальном вопросе Антанта, благосклонно внимавшая речам Масарика и Бенеша о глубоко укорененных демократических традициях чехов и их неприятии германо-австрийского милитаризма, согласилась с предлагаемым чехословацким руководством принципом исторических границ в Чехии и этнических границ в Словакии с существенными корректировками в пользу местного славянского населения. Одновременно при поддержке президента США Вильсона в состав Чехословакии была включена населенная русинами, венграми и евреями Подкарпатская Русь. В итоге чехословацкое государство оказалось растянутым на более чем тысячу километров с запада на восток, простираясь от населенного судетскими немцами пограничья с Баварией на Западе до гуцульских сел в отрогах Карпат на Востоке. Это привело к включению в состав новорожденного чехословацкого государства более трех миллионов немцев и около шестисот тысяч венгров вопреки их воле, создав проблему национальных меньшинств, решить которую в межвоенный период Прага оказалась не в состоянии.

Обстоятельства, предопределившие границы и государственно-правовое устройство Чехословакии после Первой мировой войны, одновременно стали своего рода миной замедленного действия, которая в изменившихся международных условиях сыграла роковую роль в истории Чехословакии в конце 1930-х годов, обернувшись Мюнхенским сговором и последующей оккупацией Чехии гитлеровской Германией в марте 1939 года.

1. Sborník dokumentů k vnitřnímu vývoji v českých zemích za 1. světové války 1914–1918. Svazek I. – V Praze, 1993. – 312 s.

2. Peroutka, F. Budování státu 1918-1923 / F. Peroutka. – Praha, Nakladatelství Lidové noviny, 1998. – 392 s.
3. Бобраков-Тимошкин, А. Проект «Чехословакия». Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918-1938) / А. Бобраков-Тимошкин. – Москва, Новое Литературное Обозрение, 2008. – 194 с.
4. Серапионова, Е. Карел Крамарж и Россия. 1890-1937 годы / Е. Серапионова. – Москва: Наука, 2006. – 485 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф. ЙЕГЛИЧКИ В 1920 г. В КОНТЕКСТЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВЕНГРИИ

О.Г. Казак

Независимая Венгрия возникла на осколках Габсбургской империи сразу после окончания Первой мировой войны. Венгерская политическая элита во главе с М. Хорти, пришедшая к власти в марте 1920 г. после подавления Венгерской советской республики, стремилась сохранить территории, некогда являвшиеся частью Венгерского королевства. Словацкие территории, вошедшие в состав созданного в 1918 г. чехословацкого государства, рассматривались венгерской стороной как «временно утраченные» земли. Венгерское руководство в своих ревизионистских стремлениях рассчитывало на союз с Польшей, которая также имела территориальные претензии к Чехословакии. Представитель венгерского правительства в Польше И. Чеконич (позже он стал посланником Венгрии в этой стране) оказывал финансовую помощь представителям словацкой политической эмиграции, по разным мотивам оказавшимся в этой стране [1, с. 22]. Одним из наиболее ярких словацких политиков, действовавших в Польше в 1920 г., стал доктор богословия, бывший депутат чехословацкого парламента Ф. Йегличка. 17 апреля 1920 г. он создал в Кракове Словацкий Национальный Совет (СНС), которому отводилась роль временного правительства после «освобождения» Словакии [2, с. 69].

Наиболее информативным материалом о деятельности Ф. Йеглички в 1920 г. является запись беседы (состоялась в Кракове 2 декабря 1920 г.) одного из лидеров СНС Ф. Унгера с провенгерским русинским политиком А. Штефаном. Данный документ был направлен русинскими активистами премьер-министру Венгрии П. Телеки. Ф. Унгер сообщал, что Ф. Йегличка прибыл в Польшу весной 1920 г. с уже подготовленным и одобренным Советом министров Венгрии проектом автономии Словакии в составе Венгрии. Данный документ был сдержанно оценен представителями словацкой политической эмиграции, так как в нем отсутствовали гарантии обеспечения автономии со стороны Будапешта. Доработать проект согласились преподаватель Краковского университета Яворский, а также венгерский филолог и историк словацкого происхождения М. Кмошко, который в то время читал лекции в университетах Польши. В этот момент (май 1920 г.) в Польшу приехала группа словацких политиков во главе с В. Дворчаком. Он заявил, что имел контакты с регентом М. Хорти, членами правительства и генерального штаба Венгрии, а также с властными элитами Польши. По информации В. Дворчака, Венгрия планировала в течение ближайших двух недель начать военное наступление и «освободить» Словакию. Политик настоятельно рекомендовал Ф. Йегличке и его приближенным незамедлительно объявить о своей поддержке военного решения словацкого вопроса Будапештом, дабы «не остаться вне игры». Как выяснилось, информация В. Дворчака не соответствовала действительности, словацкая эмиграция в Польше не поддавалась на провокацию [3].

В июне 1920 г. дополненный проект автономии был передан через Д. Шинтиниша в Будапешт министру по делам национальных меньшинств (без портфеля) Я. Блейеру. В сопроводительном письме к проекту Ф. Йегличка обрисовал свое видение настроений в среде словацких политиков, находившихся в тот момент в Польше. Ф. Йегличка

утверждал, что значительная часть польской элиты не поддерживала «возвращения» Словакии в состав Венгрии и выступала за создание независимого словацкого государства под протекторатом Польши. Главным сторонником данной идеи, которая находила некоторый положительный отклик и в самой Словакии, являлся словацкий журналист Ш. Многелъ. По мнению Ф. Йеглички, нейтрализации подобных настроений способствовало бы принятие венгерским правительством доработанного проекта широкой автономии Словакии. Согласно проекту, в Словакии должен был быть создан автономный законодательный орган, следовало отказаться от идеи учреждения должности словацкого губернатора, подконтрольного Будапешту. По информации Ф. Йеглички, некоторые сторонники А. Глинки (лидер Словацкой народной партии и всего словацкого движения) склонялись к компромиссу с Прагой. Предоставление Будапештом широкой автономии Словакии изменило бы настроения словацкой элиты на провенгерские [3].

Ф. Йегличка находился в переписке с архиепископом Эстергома и примасом Венгрии, венгерским кардиналом словацкого происхождения Я. Чернохом. В письме, датированном 24 июля 1920 г., Ф. Йегличка сообщал о падении авторитета группы словацких эмигрантов во главе с Ш. Многелем. Словацкие политики, находившиеся в Польше, с надеждой ждали решения Будапешта. Ф. Йегличка подчеркнул, что решение словацкого вопроса в выгодном для Венгрии ключе могло быть возможно лишь в случае предоставления Словакии широкой автономии. Возврат к «старым порядкам» (т.е. к ассимиляционным практикам венгерских властей в отношении словаков) был недопустим: «Мы надеемся, что в Будапеште увидят, что национальное сознание словаков, которое проснулось еще перед войной, за два года стало очень высоким». По прогнозу Ф. Йеглички, в случае игнорирования венгерскими властями интересов словаков большая их часть перешла бы на позиции полной независимости [3].

Через несколько дней Я. Чернох сообщил о письме Ф. Йеглички в Будапешт. В отчете архиепископа, подготовленном для премьер-министра и министра иностранных дел, содержалась рекомендация согласиться с предложенным Ф. Йегличкой вариантом широкой автономии, но только для тех территорий, где большинство населения составляли словаки. Регионы Чехословакии, населенные преимущественно венграми, должны были быть «возвращены» непосредственно Венгрии и не включаться в словацкую автономную территориальную единицу. Эстергомский архиепископ был убежден, что даже в будущей автономной Словакии общественность была бы настроена провенгерски: «На землях с преобладающим словацким населением венгры также являются наиболее прогрессивным элементом. Большое количество этнически словацкой интеллигенции – абсолютные венгры по духу и идеологии. Мы можем быть уверены, что будущий словацкий парламент будет выступать за самые тесные связи с Венгрией» [4].

Ответа из Будапешта Ф. Йегличка и его соратники, однако, так и не получили. В августе 1920 г. Ф. Йегличка и Ф. Унгер случайно встретили в краковском кафе М. Кмошко и И. Маргорина, которые поддерживали тесные контакты с Д. Шинтинишем (этот политик должен был передать проект словацкой автономии в Будапешт). В ходе беседы было установлено, что венгерское правительство не отреагировало на предложения словацких политических эмигрантов в Польше [3]. У Ф. Йеглички испортились отношения с недавним ближайшим соратником – М. Кмошко. По мнению М. Кмошко, требования самой широкой автономии для Словакии, озвученные Ф. Йегличкой, не могли быть выполнены Будапештом, в результате регион и далее оставался бы в «чешском ярме». Вскоре, однако, М. Кмошко признал правильность позиции Ф. Йеглички и попросил прощения у друга [5, с. 170].

Позиция Будапешта обусловила резкую смену политической ориентации Ф. Йеглички: с середины сентября 1920 г. он уже пропагандировал идею полной независимости Словакии и федеративного союза этой страны с Польшей (данный проект еще несколько месяцев ранее отвергался политиком). Польские власти в первой половине 1920 г.

позитивно воспринимали претензии Будапешта на Словакию и Подкарпатскую Русь, в мае 1920 г. поляки обещали способствовать созданию общей польско-венгерской границы [2, с. 71]. При финансовой поддержке Венгрии весной – летом 1920 г. на территории Польши проходило формирование словацко-венгерских легионов для участия в боевых действиях [6, о. 66]. Обращаясь к руководству Франции, премьер-министр Венгрии П. Телеки заявлял о необходимости защиты Карпат и указывал на начавшееся проникновение социалистических настроений в Словакию. Но после начала отступления Красной Армии в ходе советско-польской войны, подписания договора между Чехословакией и Югославией венгерская помощь утратила свою актуальность. В августе 1920 г. П. Телеки призвал правительство временно отказаться от силового возвращения Словакии [2, с. 72]. Тем не менее, И Чеконич в сентябре 1920 г. отправил из Польши несколько писем премьер-министру Венгрии с просьбой организовать военное вмешательство в Словакию. В ответе представителю венгерского правительства в Польше сообщалось, что этот вариант был неосуществим в связи с тем, что в случае конфликта с Прагой не мог быть обеспечен нейтралитет соседей Венгрии [6, о. 66]. Ф. Йегличка в декабре 1920 г. вел переговоры с представителями генерального штаба Польши об «освобождении» Словакии и Подкарпатской Руси войсками этого государства. Впрочем, польское руководство не было готово к такому развитию событий, тому же не хотело конфронтации с Будапештом, который рассматривал данные регионы как «свои» земли [5, о. 170].

Таким образом, Ф. Йегличка как представитель словацкой политической эмиграции в Польше в 1920 г. выступал за присоединение Словакии к Венгрии на правах широкой автономии. Будапешт не был готов к предоставлению «излишней» (с его точки зрения) самостоятельности своему историческому региону и весной-летом 1920 г. рассматривал вариант силового решения словацкого вопроса. Внешнеполитические обстоятельства (подписание Трианонского мирного договора, поражение Красной Армии в советско-польской войне и снижение угрозы распространения коммунизма в Центральной и Восточной Европе, подписание договора между Чехословакией и Югославией) вынудили Венгрию отказаться от военного варианта «возвращения» Словакии. Ф. Йегличка, недовольный фактом игнорирования Будапештом его предложений, стал пропагандировать идею независимой Словакии в тесной связи с Польшей. Варшава, однако, также отказалась ввязываться в сомнительную военную авантюру ради удовлетворения словацких интересов. Позже Ф. Йегличка проживал в США и странах Европы, где весь межвоенный период занимался пропагандой необходимости самоопределения Словакии и критиковал национальную политику Праги.

1. Romportlová, M. Vztah k Polsku jako specifikum maďarské zahraniční politiky meziválečného období 1918–1938 / M. Romportlová // Sborník prací filozofické fakulty Brněnské university. – 1985. – № 32. – S. 19–28.
2. Пеганов, А. Чехословацкое направление внешней политики Венгрии в 1918–1920 годах / А. Пеганов // Палітычная сфера. – 2013. – № 20. – С. 54–75.
3. Magyar Nemzeti Levéltár (далее – MNL). – K 64. 1. csomó. 1919-1920. 7. tétel.
4. MNL. – K 64. 2. csomó. 1918–1920. 41. tétel.
5. Ormos, I. Egy életút állomásai: Kmoskó Mihály 1876–1931 / I. Ormos. – Budapest : Magyar egyháztörténeti enciklopédia, 2017. – 508 o.
6. Pomichal, R. Csehszlovákia és Magyarország viszonyaaaz 1920-as években / R. Pomichal // A (Cseh)Slovákiai magyar irodalom oktatása : Konferencia az irodalomktatásról, Nyitrán, 2006. szeptember 29-én / ed. G. Csanda. – Somorja, 2006. – O. 63–85.

ГУСТАВ ШТРЕЗЕМАН И ПРОБЛЕМА АНШЛЮСА В 1920-е гг.

Д.В. Родин

Распад Австро-Венгрии привел к политическому вакууму и, в известной степени, к экономическому хаосу в Центральной Европе. Генерал Т. Бриджес так описывал государства, возникшие на руинах империи Габсбургов: «Эти новые республики и подающие надежды демократии, через которые я проезжаю, представляют собой удручающее и неприятное место... В особенности печальна Австрия. Как будто прекрасная и обходительная мать, умершая при рождении монструозного ребенка» [5, с. 10]. Ощущение неполноценности, ущербности новообразованной Австрийской республики было широко распространено среди самих австрийцев, как и среди их северных соседей – немцев, что вело к убежденности широких масс в необходимости слияния двух государств. Однако Версальский и Сен-Жерменский договоры прямо запрещали аншлюс Австрии Германией. Тем не менее в течение последующих двух десятилетий политические деятели обеих республик неоднократно поднимали вопрос о необходимости воссоединения двух немецких государств. Одним из них был Г. Штресеман, чьи взгляды на проблему аншлюса в 1918–1929 гг. и будут рассмотрены в рамках представленного доклада.

С самого начала своей политической карьеры Г. Штресеман заявлял о себе, как о горячем стороннике аншлюса Австрии. В декабре 1918 г. он говорил: «Если мы добьемся того, что австрийцы присоединятся к нам, мы частично компенсируем то, что мы потеряли с другой стороны; тогда мы получим в сердце Европы большой блок из 70 миллионов немцев, который никто не сможет игнорировать...» [6, с. 129]. Он был среди тех, кто в феврале 1919 г. от лица Веймарского Учредительного собрания приветствовал решение Немецкой Австрии объединиться с Германией [13, с. 45]. И столь же велико было его разочарование, когда страны Антанты, провозгласившие принцип самоопределения наций, запретили немцам создание единого государства. В 1920 г. Г. Штресеман писал по поводу вышеназванного принципа: «Оно укрепляет мужество тех, кто в Немецкой Австрии, Немецком Тироле и Немецкой Богемии требует слияния с Германией или, по крайней мере, автономии в иноязычных государствах. Именно потому, что враждебные нам мирные соглашения нарушили этот принцип, они закладывают основу для будущей переориентации [указанных территорий – прим. авт.]» [9, с. 271].

Однако уже к моменту вступления Г. Штресемана в должность министра иностранных дел его взгляды претерпели известные изменения. Один из помощников Г. Штресемана, Э. Штерн-Рубарт, описывая своего начальника, вспоминал о надеждах последнего «тщательно организовать аншлюс с Австрией» [1, с. 282]. Однако подготовка аншлюса могла занять достаточно много времени, и сам Г. Штресеман в частном письме к кронпринцу Вильгельму указывал, что аншлюс Австрии видится ему «в тени» других, более насущных задач: разрешения репарационного вопроса, защиты немецких меньшинств за границей и исправления восточных границ Веймарской республики. При этом министр осознавал, что аншлюс принесет Германии не только выгоды, но и проблемы, в частности, укрепление влияния католиков и усиление антагонизма Пруссии и Баварии, которая выступала бы заодно с Австрией [9, с. 337].

Таким образом, речь шла уже не о немедленном выдвижении требования аншлюса, но о его долговременной, методичной подготовке. Между тем в условиях нарастающего экономического кризиса в Австрии как в ней самой, так и в Веймарской республике все чаще раздавались призывы к объединению двух немецких государств как средству решения австрийских проблем. Г. Штресеманоткрещивался от подобных настроений, понимая, что они лишь усиливают подозрение со стороны как великих держав, так и

малых стран – соседей Германии. Так, в разговоре с британским послом Э.В. Д'Аберноном Г. Штресман, причисляя себя к сторонникам аншлюса, признавал, что «даже идеальное присоединение повлечет за собой большие трудности для Германии», в первую очередь финансовые, т.к. на Веймарскую республику легла бы забота о восстановлении австрийской экономики [10, с. 100]. Вследствие этого министр не считал необходимым поднимать вопрос об аншлюсе в настоящий момент.

Однако это не означало отказа правительства от самой идеи аншлюса – в перспективе он все же мог вновь быть поставлен на повестку дня. При этом Г. Штресман был уверен, что инициатива объединения должна исходить не от Германии, а от Австрии: по его словам, «успех мог быть достигнут лишь в том случае, если митинги в поддержку аншлюса начнутся в самой Австрии», – тогда Германия будет обязана заявить, что «готова взять на себя и это бремя» [2, с. 393]. Надежды на подобные митинги были вполне оправданы: на протяжении всего лета 1925 г. в различных городах Австрии проводились собрания Всегерманского союза, Австро-германской рабочей группы, а 14 июня в Санкт-Пёльтене была организована демонстрация в поддержку аншлюса, участие в которой приняли 12 тысяч сержантов из Республиканского шуцбунда.

В этих условиях Г. Штресман понимал, что аудитория в самой Германии желала видеть более твердую позицию правительства по вопросу об объединении немецких государств. Поэтому на встрече с представителями Немецкой национальной народной партии 2 апреля 1925 г. Г. Штресман, отвечая на вопрос об отношении правительства к идее аншлюса, утверждал, что видит в запрете аншлюса «серьезное нарушение права народов на самоопределение» и что он сделает все возможное, чтобы «достичь единения, пока оба народа этого пожелают» [2, с. 223]. В аналогичном ключе была выдержана анонимная статья в газете «Гамбургер фрекендблат», опубликованная 14 сентября того же года: ее автор торжественно заявлял, что Германия «должна бороться за право народов на самоопределение, к которому при решении вопроса об аншлюсе Немецкой Австрии союзники отнеслись с беспримерным цинизмом, превратив его в иллюзию» [10, с. 172]. Этим автором был не кто иной, как Г. Штресман, подвергавший критике тех, с кем ему через месяц предстояло встретиться в Локарно.

Впрочем, в ходе самой Локарнской конференции Г. Штресман так и не затронул австрийский вопрос. Однако Рейнский гарантийный пакт теоретически открывал возможность для аншлюса, т.к. не содержал в себе международных гарантий восточных границ Германии, в том числе с Австрией. Тем не менее Г. Штресману не удалось избежать обвинений в том, что «вступление в Лигу Наций и договоры с восточными соседями – это отказ от изменения невыносимых границ на востоке, отказ от Данцига и Мемеля» и, более того, «предательство братьев в Австрии и судетских немцев» [14, с. 4556]. Защищаясь от подобных обвинений, министр доказывал, что «арбитражные договоры, заключенные на востоке, направлены на мирное урегулирование конфликтов, но никоим образом не связаны с нынешними границами» [9, с. 343]. Что же касается Лиги Наций, то в ней Г. Штресман заявил о себе, как о защитнике национальных меньшинств (в первую очередь немцев за пределами Германии), что, по мнению К. Финк, стало «значительным эпизодом в его знаменательной карьере» [7, с. 351]. В то же время нельзя не согласиться с мнением К. Киммиха: после вступления Германии в Лигу Наций Г. Штресман практически не использовал организацию и возможности, которые она предоставляла, для достижения своих целей, в том числе для продвижения идеи аншлюса [8, с. 96].

В равной степени Г. Штресман не форсировал решение вопроса об аншлюсе при личных встречах с канцлерами Австрии. Примером может служить встреча Г. Штресмана и Р. Рамека в ходе визита последнего в Берлин 26-29 марта 1926 г. Затрагивая проблему объединения немецких государств, Г. Штресман твердо обозначил германскую позицию: «Следует рассматривать движение в поддержку аншлюса как нечто само собой

разумеющееся, но не следует агитировать слишком громко» [3, с. 213]. Австрийский канцлер выразил полное согласие с мнением министра иностранных дел Германии. Вместе с тем Г. Штреземан поддерживал намерения Австрии укрепить дружеские отношения с другими государствами – преемниками Австро-Венгерской империи при сохранении тесной взаимосвязи между австрийской и германской внешней политикой. Это позволяло Германии сохранить Австрию в сфере своего влияния и использовать ее в качестве проводника своей политики в Центральной Европе.

В последующие два года обсуждение проблемы аншлюса практически исчезло из политической жизни двух немецких государств. Во многом это было связано со сменой кабинета Р. Рамека менее прогерманским кабинетом И. Зайпеля. Свою роль сыграла и нестабильность социальной обстановки в Австрии: в июле 1927 г. в Вене прошла всеобщая забастовка в знак протеста против оправдания на Шаттендорфском процессе фашистов, виновных в убийстве рабочих в мае того же года. Г. Штреземан негативно отнесся к охватившим Вену волнениям. По его мнению, германские политические институты просто не смогли бы усвоить нестабильную Австрию, в связи с чем он признавался статс-секретарю К. фон Шуберту: «Было бы лучше, если бы Австрия, вконец и навсегда, оставалась в нынешнем положении, при котором она остается независимой и не присоединена к Германии» [12, с. 141].

Подобные размышления привели к тому, что в ходе визита канцлера В. Маркса и Г. Штреземана в Вену 13-16 ноября 1927 г. проблема аншлюса практически не обсуждалась. Вместо этого министр с радостью отмечал, что после подавления волнений «Австрия, полная энергии, успешно начала восстановление», и выражал надежду, что «благодаря гению населения в местах многовековой немецкой культуры в Австрии вскоре может начаться новый расцвет» [11, с. 224].

Однако это не означало отказа от разработки проектов потенциального объединения Австрии и Германии. Приоритет при этом отдавался не прямому слиянию двух государств, а экономическому и политическому сотрудничеству. Так, автор записки, поданной К. фон Шуберту в августе 1926 г., писал: «Аншлюс Австрии... это не единственный способ защитить немецкие интересы в Австрии. Наши интересы будут удовлетворены и в том случае, если Австрия останется независимым государством, но ее политические и экономические связи с другими государствами никогда не будут столь же тесными, как с Германией...» [3, с. 353-354]. В «Памятной записке к вопросу о немецко-австрийской таможенной унии» от 20 августа 1927 г. предлагалось заключить между двумя странами «таможенный или экономический союз в виде договора на определенный срок с возможностью расторжения, который был бы основан на международном (а не на государственном) праве» по образцу того, который существовал между Германией и Люксембургом до войны, Люксембургом и Бельгией после войны, Данцигом и Польшей или Саарской областью и Францией [4, с. 272]. Подобные идеи находили и практическое воплощение, например, в виде австро-германского договора 1927 г. о железнодорожном сообщении. Во многом это предвосхищало попытку таможенной унии между Германией и Австрией в марте 1931 г., однако ее Г. Штреземан, скончавшийся 3 октября 1929 г., уже не застал.

Таким образом, Г. Штреземан прошел путь от ярого сторонника аншлюса до осторожного политика, осознававшего опасности, которые таило в себе слияние Германии и Австрии в единое государство. Он верил, что Австрия должна занять свое место в Германском рейхе – но в отдаленной перспективе и исключительно мирным путем. Можно сказать, что в австро-германских отношениях в «эпоху Штреземана» царил лозунг: «Вопрос аншлюса не стоит остро». Тем не менее шаги, предпринятые немецким правительством на этом направлении в 1920-е гг., сыграли свою роль при подготовке аншлюса в следующем десятилетии.

1. Киссинджер, Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 896 с.
2. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Die Kabinette Luther I/II (1925–1926). Bd. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919–1933/0000/lut/lut1p/index.html>. – Дата доступа: 29.09.2018.
3. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Aus dem Archiv des auswärtigen Amts. Serie B: 1925–1933. Bd. III: Dezember 1925 bis Dezember 1926. Deutschlands Beziehungen zu Süd- und Südosteuropa, Skandinavien, den Niederlanden und zu den außereuropäischen Staaten / Hg.: I. Krüger-Bulcke [et al.]. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1968. – XLVIII. – 580 S.
4. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Aus dem Archiv des auswärtigen Amts. Serie B: 1925–1933. Bd. VI: 1. Juli bis 30. September 1927 / Hg.: F. Knipping [et al.]. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1974. – XLIX. – 567 S.
5. Batonyi, G. Britain and Central Europe, 1918–1933/ G. Batonyi. – Oxford: Clarendon press, 1999. – 240 p.
6. Faure, E. Berlin – Vienne. Stresemann et l'Autriche (1918–1929)/ E. Faure // Berlin: Carrefour des années vingt et trente. – Paris, 1992. – P. 125–145.
7. Fink, C. Defender of Minorities: Germany in the League of Nations, 1926–1933 / C. Fink // Central European History. – 1974. – № 4. – P. 330–357.
8. Kimmich, C.M. Germany and the League of Nations / C.M. Kimmich. – Chicago: The Univ. of Chicago press, 1976. – XII. – 266 p.
9. Stresemann, G. Schriften / G. Stresemann. – Berlin: Berlin, 1976. – XVI. – 438 S.
10. Stresemann, G. Vermächtnis. Bd. 2: Locarno und Genf / G. Stresemann. – Berlin: Ullstein, 1932. – XIV, 611 S.
11. Stresemann, G. Vermächtnis. Bd. 3: Von Thoiry bis zum Ausklang / G. Stresemann. – Berlin: Ullstein, 1932. – XIV. – 608 S.
12. Suval, S. The Anschluss Question in the Weimar Era. A study of Nationalism in Germany and Austria, 1918–1932 / S. Suval. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 1974. – XXII. – 240 p.
13. Verhandlungen der verfassunggebenden Deutschen Nationalversammlung. Bd. 335. Anlagen zu den Stenographischen Berichten [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt2_wv_bsb00000019_00063.html. – Дата доступа: 30.09.2018.
14. Verhandlungen des Reichstags. III. Wahlperiode 1924. Bd. 388 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt2_w3_bsb00000072_00121.html. – Дата доступа: 30.09.2018.

КРАХ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ МИРА

В.Н. Залепеев

30 января 1933 г. президент Германии П. фон Гинденбург назначил на пост рейхсканцлера Адольфа Гитлера – лидера Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Он был известен немецкому народу, да и мировой общественности как идеолог программы «завоевания жизненного пространства» на Востоке Европы и ревизии версальской системы мира. Для достижения поставленных целей во внешней политике применялись методы и средства, где авантюризм сочетался с твердым прагматизмом.

В начале своего правления Гитлер стремился убедить гарантов Версальского договора в мирном характере своего внешнеполитического курса и неоднократно подчеркивал преемственность с политикой Веймарских правительств. Кульминацией политики «добросердечных» предложений стала большая «речь мира» Гитлера от 17 мая 1933 г. [8, с. 342–343]. Декларативные заявления «о взаимопонимании» и «справедливом мире» достигли желаемого результата. Американский президент Ф. Рузвельт был даже «в восторге» от выступления рейхсканцлера [10, с. 316]. Самым ярким успехом такой политики стал пакт четырех держав – Англии, Франции, Германии и Италии, который хотя и не был ратифицирован, но означал в моральном плане как бы прием «новой» Германии в сообщество великих держав [3, с. 469–471].

Но уже осенью 1933 г. Гитлер резко изменил направленность своей политики. Германская делегация, протестуя против отказа ей в предоставлении равноправия в вооружении, покинула конференцию в Женеве. Одновременно немецкое правительство сообщило о выходе Германии из Лиги Наций, а 95 % немцев на плебисците одобрило этот шаг. По мнению германского историка И. Феста, этот результат был получен в результате

махинаций и террористического принуждения, «он, тем не менее, отражал тенденцию в настроениях общественности» [8, с. 353].

Политика маневрирования Берлина окончательно парализовала и без того незначительную склонность европейских держав к созданию фронта противодействия. Гитлер бесцеремонно отверг тактику «заискивания» перед державами-победительницами, характерную для Веймарской республики, и взял инициативу в свои руки. Уже в середине декабря 1933 г. он заявил о готовности ограничиться оборонительными видами оружия, если Германия получит право создать трехсоттысячную армию. Это было первое из тех продуманных предложений, которые до начала войны создавали основу его внешнеполитических успехов и с помощью которых он разделял готовых к переговорам англичан и недоверчивых французов.

Примерно месяц спустя, 26 января 1934 г., рейхсканцлер сделал новый ход, заключив пакт о ненападении с Польшей сроком на 10 лет. Веймарская внешняя политика упорно сопротивлялась любым намерениям закрепить гарантиями польскую западную границу. Гитлер предъявил этот договор миру как убедительное свидетельство своей воли к взаимопониманию даже с извечными противниками. Одновременно нацистскому лидеру удалось дискредитировать Лигу Наций, которой все прошлые годы не удавалось решить германо-польскую проблему. К тому же достиг значительной цели - освободил Германию от угрозы войны на два фронта (со стороны Польши и Франции) и фактически подорвал всю систему коллективного обеспечения мира, созданную Францией.

Убийство австрийского канцлера Э. Дольфуса 25 июля 1934 г. австрийскими нацистами подорвало политические позиции фюрера. Особенно негодовала по этому поводу Италия. Муссолини в своей речи по этому поводу назвал Гитлера «отвратительным сексуальным калекой», а также «опасным дураком и клоуном». В газете «Попало ди Рома» он писал: Кто такие эти господа нацисты? Убийцы и педерасты!» [5, с. 81].

Негативная реакция заграницы на этот путч нацистов, заставила Гитлера действовать осмотрительнее и избегать плохо подготовленных акций. Он осознавал, что Германия еще слаба для больших схваток, а посему без колебаний выдал участников покушения, бежавших в Германию, австрийскому правительству. Этими решительными действиями Гитлер продемонстрировал, с одной стороны, как бы свою непричастность к убийству Дольфуса, а с другой - готовность вести диалог с демократическими странами.

Новый поворот во внешней политики Германии наступил 16 марта 1935 г., когда был издан указ фюрера о введении в Германии всеобщей воинской повинности и увеличении армии до 300 тысяч человек. Эта весть вызвала эффект разорвавшейся бомбы. Французский посол Франсуа-Понсэ попросил аудиенции у Гитлера и выразил протест: явное нарушение Версальского договора. Фюрер в мягком и дружественном тоне убедил посла, что Германия не собирается чем-либо угрожать Франции или Англии, а эти меры направлены для борьбы с коммунизмом [5, с. 85]. Британское правительство также выступило с протестом против нарушения Германией Версальского договора, но уже 6 июня 1935 г. оно дало согласие на проведения переговоров о морском соглашении. С подобной инициативой в соотношении 35:100 Берлин выступил ещё год назад. Это был дипломатический успех фюрера, которому удалось разбить единый фронт противника и обратить их друг против друга. В своих мемуарах министр иностранных дел Германии Й. фон Риббентроп впоследствии отмечал, что «в Париже были серьёзно раздосадованы. Некоторые газеты дошли до того, что стали писать о «коварном Альбионе» [7, с. 74].

Противоречия между гарантами Версальского договора отчетливо проявилось уже на апрельской конференции 1935 г. в Стресе между Британией, Францией и Италией. На предложение итальянского диктатора остановить дальнейшие поползновения Германии, представители Великобритании ответили, что их страна не собирается применять санкции. 18 июня 1935 г. в день, когда 120 лет тому назад британцы и пруссаки победили французов при

Ватерлоо, было подписано англо-германское морское соглашение, которое по-сути закрепило поворот в европейских отношениях. Великобритания фактически признала за Германией право ревизии Версальского договора. Неслучайно 18 июня Гитлер назвал своим счастливейшим днём [5, с. 86]. Англичане пошли на этот шаг, рассчитывая, что морской договор покончит с гонкой вооружений, будет держать её вооружение в контролируемых границах и получить более предсказуемую внешнюю политику третьего рейха.

Вторжением Италии в Абиссинию в октябре 1935 г., фюрер воспользовался, чтобы вбить клин в возможный итало-французский альянс и окончательно «похоронить» Версальский договор. Франция сначала заверила Муссолини в своей лояльности. Однако, когда Англия потребовала применить экономические санкции против агрессора, так как опасалась за свои колонии в Африке и Франции изменила свою позицию. Лондон и Париж объявили экономические санкции против Италии и демонстративно направили в Средиземное море свои флоты. Муссолини сразу потерял репутацию «римского гения» и был признан политическим авантюристом [5, с. 88]. В свою очередь Гитлер после колебаний, он стремился к созданию англо-германо-итальянского союза для передела мира [2, с. 118], все-таки решил поддержать итальянскую сторону и начал поставлять ей сырье. Это было политическое решение. Гитлер увидел в конфликте шанс взломать устоявшийся порядок в Европе и тем самым окончательно покончить с «духом» Версаля.

Неспособность Англии и Франции разрешить итальянскую проблему, а также паралич Лиги Наций лишь ускорили ошеломляющий внешнеполитический демарш: 7 марта 1936 г. немецкие войска заняли Рейнскую область, которая являлась демилитаризованной зоной по условиям Версальского договора. Поводом для гитлеровской акции стала ратификация палатой депутатов французского парламента советско-французского военного договора от 2 мая 1935 г.

Ввод войск в Рейнскую область был связан с огромным риском, так тогда Германия ещё не могла противостоять Франции и её союзникам в случае войны. Однако Гитлер пошел на риск, будучи убежден, что его уже отработанный метод дипломатии с гарантами Версаля вновь принесет плоды. Он назначал ввод войск на выходные дни, когда руководящие органы западных держав не способны принять решение. Разрушения договоров – Версальского и Локарнского – Гитлер сочетал с клятвами в благонамеренности своего поведения и головокружительными предложениями союза, в том числе, даже пакта о ненападении с Францией на 25 лет и возвращение Германии в Лигу Наций. Опять, как при выходе из Лиги Наций или присоединении Саарской области, он подвел под свою акцию демократическую законную основу, проведя плебисцит, на котором 99% участников одобрили действия правительства.

Эта гитлеровская акция вызвала протесты и угрозы со стороны Франции. Однако Лондон отказал в военной поддержки Франции, считая, что эти действия Германии не представляют для них угрозы [9, с. 113]. Колебания Франции и пассивность Великобритании, в конечном счете, обернется для них катастрофой. Они упустили последний шанс, не развязывая большой войны, остановить милитаризацию и агрессию Германии.

Демократические страны демонстрировали свое бессилие, а это подталкивало Гитлера к новым действиям. Прямое вмешательство германских и итальянских войск в гражданскую войну в Испании на стороне франкистов, оформление блока «Берлин-Рим», наконец создание Антикоминтерновского пакта с участием Германии, Италии и Японии явились ярким свидетельством краха стратегии Англии и Франции.

Уверовавший в свою безнаказанность фюрер стремился к искоренению самого «духа» Версаля. В своем выступлении в рейхстаге 30 января 1937 г. он объявил недействительной статью Версальского договора, которая возлагала на Германию ответственность за развязывание Первой мировой войны [4, с. 372]. Державы-победительницы никак не отреагировали на это пафосное заявление.

Успешная ревизия Версальской системы подтолкнула Гитлера к проведению более радикальной и агрессивной политике. С конца 1937 - начало 1938 гг. в голосе гитлеровской дипломатии стало больше твердости и наглости. Германия стала чаще прибегать к бряцанию оружием, и это оказало воздействие на изменение стратегии западных государств.

Под влиянием такой политики Гитлера Великобритания и Франция от политики уступок, в 1938 г. перешли к проведению политики умиротворения [6, с. 372]. Аншлюс Австрии и раздел Чехословакии, осуществленные Германией, стали вершиной политики умиротворения. Но уже в марте 1939 г., когда вермахт оккупировал Богемию и Моравию (Словакия была провозглашена суверенным государством), политика умиротворения полностью обанкротилась. Последовавшие вслед за этим такие акции, как оккупация Мемеля, денонсация договора с Польшей и морского соглашения с Англией, заключение военно-политического союза с Италией («Стальной пакт») и, наконец, заключение договора о ненападении с СССР 23 августа 1939 г., стали успехами германской дипломатии, победой Гитлера над демократическими странами.

В заключение следует отметить, что ревизия Версальского договора Германией противоречили непосредственным интересам почти всех европейских стран. Однако перед лицом вызова, брошенного им Гитлером, они не смогли проявить свою волю к сопротивлению и позволили ему добиться триумфа на внешнеполитической арене. Причина этого кроется не только в поразительной интуиции самого фюрера, но и в ряде других скрытых факторов. В частности, страх перед коммунизмом политической элиты Европы. Эксперимент с Народным фронтом во Франции, гражданская война в Испании и сталинские репрессии в СССР оживили этот страх. Гитлер интуитивно почувствовал это и использовал его в своей внешней политике. Фюрер буквально взывал к Европе предоставить ему право на вооружение и тогда рейх возьмет на себя роль бастиона, «сдерживателя зла».

Кроме того, на Гитлера работала притягательная сила авторитарной модели. «Кризис демократии», особенно проявившийся в экономической депрессии 1929-1933 гг., рост популярности левых сил, сделал национал-социалистический режим привлекательным во многих европейских странах. Германия, не имевшая колоний, в короткие сроки добилась огромных успехов в экономике. С помощью геббельсовской пропаганды, германский фюрер для многих граждан, как внутри страны, так и за рубежом, стал ассоциироваться с порядком, защитой простого населения и преобразованиями.

Наконец, нацистский канцлер сумел извлечь выгоду из противоречий существовавшей системы поддержания мира. Версальский договор впервые ввел в межгосударственные отношения моральные соображения. По статье 231 вся вина за развязывание войны возлагалась целиком на Германию. Но именно Гитлер стал усердно оперировать такими понятиями, как честь, равенство и самоопределение. Эти призывы нашли отклик, прежде всего, в Англии, так как отвечали традиционной британской политике равновесия сил, уже давно обеспокоенной возросшим влиянием Франции на континенте.

Если свести воедино все эти мотивы, можно сказать, что Европа имела много слабых мест, которыми воспользовался немецкий фюрер. Именно совпадающие мотивы и интересы тоталитарной Германии и демократической Европы стали главными причинами того, что Гитлер добился фактически всего, чего хотел в своей внешней политике.

1. Буллок, А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание. В 2т. – Смоленск, 1994. – Т.2. – 667 с.
2. Гитлер, А. Моя борьба / Пер. с нем. – Ашхабад, 1982. – 598 с.
3. История дипломатии. – М.–Л., 1945. – Т.3. – 872 с.
4. Кульбакин, В. Очерки новейшей истории Германии. – М., 1962. – 672 с.
5. Проэктор, Д. Фашизм: путь агрессии и гибели. – М., 1985. – 543 с.
6. Рейнольдс, Д. Великобритания и «третий рейх». 1933–1940 гг. // Новая и новейшая история. –1991. – №3. – 44–55 с.
7. Риббентроп, Й. Тайная дипломатия III рейха. – М., 1999. – 448 с.
8. Фест, И. Адольф Гитлер / Пер. с нем. – Пермь, 1983. Т.2. – 318 с.
9. Ширер, У. Взлёт и падение третьего рейха./ Пер. с англ./ С предисловием и под ред. О. А. Ржешевского. – М., 1991. – Книга. III. – 528 с.
10. Krosigk, L. Finanz - und Außenpolitik unter Hitler. In: Hitler, Deutschland und die Mächte. Materialien zur Außenpolitik des Dritten Reiches. Düsseldorf, 1977. – 308–332 s.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ (1936–1939 гг.)

В.А. Голубев

Гражданская война в Испании – одно из самых крупных и трагических событий межвоенного периода. Начавшись как локальное противостояние между сторонниками и противниками республики, оно переросло в войну, в которой участвовали многие армии и добровольцы многих государств мира. Последствиями гражданской войны стал раскол испанского общества на многие десятилетия, который ощущается даже сегодня. Для того, чтобы понять, почему данная война имела место быть, необходимо осмыслить и проанализировать предпосылки, которые к ней привели. Наиболее значимыми наряду с экономическими и политическими являются предпосылки социокультурные, которые отражали состояние испанского общества.

Основные социокультурные предпосылки стали складываться уже с окончанием Первой мировой войны. Испания, будучи монархией, имела достаточно сильное социальное расслоение. Огромная часть промышленных предприятий страны и обрабатываемых земель находилась в частных руках. Наступивший после Первой мировой войны спад производства привел к тому, что владельцы предприятий увольняли тысячи людей, а крестьянские хозяйства разорялись. Это выливалось в социальное недовольство. Однако вместо того, чтобы решать назревшие проблемы, король Альфонсо XIII, опасаясь рабочего и крестьянского движения, отменил все конституционные свободы. Это привело к сильному социальному напряжению. Ежедневно в десятках испанских городов вспыхивали антиправительственные выступления. Однако даже в этой ситуации власть бездействовала [1, с. 15].

Ситуация продлилась без изменений до 1923 г., когда король передал власть М. Primo de Rivera, который сформировал новое правительство. Однако реальных изменений по стабилизации общества не последовало. Ситуацию усугубил мировой экономический кризис 1929–1933 гг. Данный кризис крайне болезненно отразился на испанской экономике, а, следовательно, и на испанском обществе. Разрозненные забастовки и стачки вылились в широкие массовые протесты. В городах республикански настроенные массы людей захватывали муниципалитеты и провозглашали республику. Это привело к тому, что в 1931 г. Король Альфонсо XIII покинул страну. Испания была провозглашена республикой.

Стоит отметить, что в этническом и культурном планах Испания была неоднородной. Довольно ощутимой в определенных регионах страны была проблема национализма. Здесь можно выделить Каталонию, где национализм был левого толка, и страну басков, где был правый национализм. Оба движения стремились к независимости или широкой автономии в федеральной республике. Националистическое движение представляло угрозу территориальному единству страны и считалось большой опасностью, поскольку оно могло развязать расчленение всей страны [2, с. 4].

Неоднородность этнического и культурного состава не были учтены республиканским правительством, которое взяло курс на проведение реформ.

В первую очередь, правительство взяло курс на демократизацию общественной жизни и, в первую очередь, ее секуляризацию. Была снята монополия католической церкви на образование и частично землевладение, что вызвало недовольство со стороны духовенства и наиболее ярых приверженцев католицизма. С другой стороны, данное решение приветствовалось со стороны либерально настроенной части испанского общества.

Мероприятия по сокращению численного количества испанской армии, в том числе офицерского корпуса, вызвали недовольство среди военных.

Однако ключевым моментом стало разрешение многих социальных вопросов. Среди них – наделение земельной собственностью крестьянства и ликвидация крупного землевладения. Однако непоследовательность действий республиканского правительства, «торможение» этой реформы правыми политическими силами в парламенте привели к

тому, что окончательной цели данная реформа не достигла. Огромная часть крестьян продолжала оставаться безземельной, Испания по-прежнему оставалась одной из самых бедных стран Европы. В то же время правительство настроило против себя крупных землевладельцев и промышленников, которые не желали терять свою собственность.

Все это привело к тому, что в 1933 г. на выборах победили правые силы (в их числе недавно сформировавшаяся новая католическая партия CEDA, образование которой являлось следствием попытки секуляризации общества).

Победа правых сил вызвала недовольство либерально настроенной части испанского общества, а так же большей части ремесленников и крестьян. В 1933 г. Начали забастовку рабочие промышленной области в Астурии. Ситуация крайнего напряжения просуществовала до 1936 г., когда были проведены всеобщие выборы. На них были созданы два блока: левый получивший название «Народный фронт», в который входили коммунисты, социалисты, либеральные и демократические силы, и правый, в который вошли фалангисты, католическая партия. Более того, правый блок заручился поддержкой военных, монархистов, духовенства и крупных промышленников и землевладельцев.

Победу на выборах одержал левый блок. После победы правительство заявило о продолжении реформ и запрете всех националистических и правых партий, в т.ч. и партии «Фаланга». Это было необдуманным решением, поскольку этим республиканское правительство настроило против себя огромную часть испанского общества и потеряло поддержку значительной части армии.

Последней каплей стали политические убийства – 11 июля был убит депутат от народного фронта Фернандо Кондес, а в ответ через несколько дней был застрелен представитель правых сил Хосе Кальво Сотело [3, с. 4]. Эти убийства положили начало выступлению военных в Марокко и на Канарах, которые позже перерастут в самую трагическую страницу в испанской истории в XX в.

Таким образом, после Первой мировой войны в Испании оставался нерешенным ряд социальных вопросов. Король и его правительство не считали нужным найти их скорейшее решение, вследствие чего в Испании монархия пала и установился республиканский строй. Республиканское правительство, решая назревшие вопросы, проводило радикальные реформы без учета социальных и культурных особенностей своей страны. Не был учтен религиозный фактор, а так же готовность определенной части общества к проводимым реформам. В то же самое время, для Испании данные реформы были передовыми, которые позволили бы преодолеть экономическую и социальную отсталость страны. Однако непоследовательность действий, нежелание учитывать определенные проблемы привели к мятежу военных, которых поддержала консервативно настроенная часть общества, что, в конечном итоге, привело к гражданской войне.

1. Moralidielos Enrique, - la Guerra Civil española / Enrique Moralidielos. – Turner Publicaciones S.L., 2016 Rafael Calvo 28010 Madrid. –293p.
2. Lisboa Jorge Lahos, - La Guerra Civil Española / J. Lahoz. – Europa tras I la Guerra mundial. – Varsovia febrero de 2015. – 14p.
3. Perez A. Martinez F, Garcia A, - La Guerra civil española (1936-1939) / Andrea Berruga Pérez, Fabiola Polo Martínez y Andrea Alfaro García. – Madrid, 2012. – 14p.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ДЛЯ СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

А.П. Соловьянов

Последствия Первой мировой войны оказали значительное влияние на политическую и социально-экономическую жизнь на просторах бывшей Российской империи, в том числе и в Беларуси. Образовалось новое государство, изменилась

социальная структура, уклад жизни и т.д. Крайне тяжело отразились военные действия на населении, в особенности там где непосредственно проходила линия фронта. В Беларуси последствия войны сказались в связи с этим наиболее сильно.

Прежде всего, следует остановиться на непосредственных потерях населения. Есть мнение, что нет ничего лживее, чем военная статистика. В отношении к Первой мировой войне, к сожалению, такой подход также оправдан. Подсчет потерь населения крайне сложен и данный вопрос не до конца исследован. Отсутствуют точные статистические данные, можно оперировать только приблизительными цифрами. На начало 1914 г. на территории Беларуси проживало около 7,5 млн. человек [1, с. 56; 2, с. 122; 15, с. 359]. Безвозвратные потери русской армии в 1914–1917 гг. составили 1 млн. 997,7 тыс. чел. [12, с. 472]. В белорусских губерниях в действующую армию было мобилизовано 50 % мужчин [10]. Многие из них погибли на фронтах. Естественно, были жертвы и среди гражданского населения на оккупированных противником территориях. На конец 1917 г. население Беларуси в современных границах составляло примерно 6,9 млн. чел. Таким образом, несложно посчитать, что число жителей сократилось на 600 тыс. чел. Следует помнить, что война завершилась в следующем, 1918 г. и естественно были еще жертвы от боевых действий, ранений, голода, сопутствующих эпидемий среди военных и гражданского населения. Посчитать их крайне тяжело. Имеются сведения, что на начало 1921 г. население Беларуси сократилось до 6,7 млн. чел. [2, с. 122; 15, с. 359]. Во многих средствах массовой информации, в последнее время, звучат цифры о потерях населения примерно в 1 млн. человек. В принципе, эти данные нельзя назвать серьезным преувеличением.

Некоторые популяризаторы истории ссылаются на справочник исследователя В.В.Эрлихмана «Потери народонаселения в XX веке». В нем автор указывает потери населения в количестве 130 тыс. человек: боевые – 70 тыс., мирного населения – 60 тыс. Однако В.В.Эрлихман делает ссылку и уточняет, что это «примерная оценка, основанная на соотношении населения прифронтовых областей Беларуси и общего количества жертв войны в прифронтовых районах» [14, с. 25]. Конечно же, мы не можем сказать, что данные цифры полные. Это видно, хотя бы на примере трагедии с белорусскими беженцами.

Война обусловила огромное количество беженцев. Начиная с 1915 г. на восток, уходя от противника, потянулось население западных окраин царской России. В основном их путь лежал через Беларусь, которая превратилась в лагерь беженцев. К концу июня 1915 г. целыми селениями, уездами двинулись жители Ковенской губерний. Вскоре военные власти пытались поголовно выселить все население Гродненской губернии. Положение эвакуированных было катастрофично. Голод, плохие, а нередко и отвратительные жилищные условия, отсутствие элементарных санитарных условий способствовали развитию болезней, в том числе широкому распространению эпидемий. Крайне высокой была смертность.

Несметные толпы голодных, оборванных людей, повсюду вселяющих панику, двигались на восток – собственным ходом, на подводах, часто смешиваясь с войсками. Беженцы погибали от голода и эпидемий, ошибочной стрельбы артиллерии, сами вытапывали хлеба, разоряли чужие огороды, рубили лес на дрова. Правительство распорядилось обустроить вдоль главных дорог, по которым следовали беженские обозы, «питательные пункты», на которых можно было получить горячую пищу стоимостью 20 копеек на человека (чай с сахаром и теплый хлеб), фураж для скота, медицинскую помощь. Но даже такое в неразберихе отступления получалось не везде. Писатель Константин Паустовский в августе 1915 года, находясь в деревне в Минской губернии, так описывал происходящее вокруг: «Волнуют беженцы, в большинстве озлобленная, косная, небывало дикая масса. Из-за хлеба дерутся до крови друг с другом. Если не хватит пищи или возникнет какое-либо недоразумение, могут убить. Всюду грабежи, поджоги. Каждое утро мы находим около своей избы брошенные трупы холерных – нет ни одной

беженской фурманки не зараженной. Трупы слегка лишь присыпают песком. Вонь нестерпимая» [16].

Первая мировая война стала причиной небывалой беспризорности. Вследствие страшных потерь солдат и массового уничтожения мирного населения немецкими войсками многие дети остались сиротами. Дети умерших беженцев оставались без присмотра на территории Беларуси [3, л. 51]. Современник тех событий, в дальнейшем инспектор по делам несовершеннолетних и правовой защите детей Борисовского округа Л. Родштейн указывал, что многие из эвакуированных «в 1915 году, во время массового бегства и выселения из военной полосы, оказались в Борисове. Тут начались эпидемические заболевания. Вдоль железнодорожной линии были открыты заразные бараки, где беженцы болели и умирали. Дети их разошлись по всему уезду» [11, с. 43]. Согласно данным НКВД РСФСР, на 11.05.1918 г. в России жило 2.292.395 беженцев из Беларуси [13, с. 339–340]. Движение беженцев было стихийным, никакого плана эвакуации не существовало. Нередко уже в эвакуации они умирали.

В 1918 г. волна беженцев пошла в обратном направлении. Возврат мирных жителей увеличился после войны с Польшей. Беларусь (в особенности Минск) стала центром скопления беженцев, возвращающихся к себе на родину (Польшу, Литву и др.) [4, л. 71]. Особенно возрос обратный поток беженцев с середины 1921 г. в связи с засухой и голодом охватившей Поволжье, Приуралье, Северный Кавказ, Крым, юг Украины. Тысячи из них умирали от эпидемий (в основном тифа), голода и холода. С января 1921 г. по апрель 1922 г., согласно сведениям Белорусской эвакуационной комиссии, через минский вокзал прошли 251734 беженца. Почти для каждого третьего Минск стал конечной станцией. С самих поездов было снято 20000 трупов [9].

Значительно увеличилась смертность населения. Повышение смертности разъясняется многими обстоятельствами, в числе которых голод, отсутствие медикаментов, разрушение существовавшей системы здравоохранения. Являясь театром военных действий, начиная с 1914 г. Беларусь больше всех была подвержена различным эпидемическим заболеваниям. Весной 1919 г. в Беларуси свирепствовала эпидемия натуральной оспы. Средств на ее устранение не хватало [7, л. 9, 187]. Кроме того, возрастали эпидемии скарлатины, сыпного, брюшного и возвратного тифа [5, л. 21]. Тяжелая эпидемическая ситуация осложнялась развалом существовавшей системы здравоохранения. В это же время начался стихийный наплыв возвращающихся бывших военнопленных, многие из которых болели венерическими и заразными болезнями [7, л. 28]. Все это усугубляло ситуацию. Наибольшего пика эпидемии достигли в 1921–1922 гг. Однако и в дальнейшем эпидемиологическая обстановка оставалась неблагоприятной. Например, сыпной тиф уносил много жизней. Были довольно распространены в 1920-е гг. туберкулез, трахома, малярия, венерические заболевания, чесотка, скарлатина, корь, дифтерит не прибавлявшими здоровья населению и являвшимися довольно часто причинами смерти.

Во время боевых действий на территории Беларуси разрушались города и деревни, уничтожались материальные и духовные ценности. Ухудшилось материальное положение крестьянских масс. Оккупанты проводили массовые реквизиции сельскохозяйственной продукции, вывозили сырье и промышленное оборудование в Германию. Экономика Беларуси находилась в удручающем положении, это время обескровило ее хозяйство. Весной 1918 г. в Беларуси фактически начался голод, который до конца 1921 г. стал реальностью повседневной жизни [2, с. 122]. Большой урон был нанесен лесному хозяйству, железнодорожному и речному транспорту, кустарно-ремесленному производству.

Потери населения деформировали демографическую структуру общества. Так как в ходе войн гибли в основном мужчины, в стране было нарушено соотношение полов. Женщина, оставшаяся с детьми без мужа, часто была не в состоянии прокормить их.

Концентрация войск в приграничной полосе дала большое количество внебрачных детей, которые впоследствии в большинстве попали в категорию беспризорных.

Первая мировая война имела катастрофические последствия. Безрассудное решение царского правительства вступить в войну и, как следствие, прямые потери среди военных и гражданского населения, значительное ухудшение экономической обстановки в стране явились основными причинами последующей социальной катастрофы. Российская Империя вопреки собственным стратегическим интересам проводила решения более удобные для союзников, чем для себя. Игнорируя интересы собственного населения, царское правительство привело страну к геополитическому и социально-экономическому краху.

Советской власти в Беларуси досталось тяжелое наследство. Разрезанная фронтом в Первой мировой войне республика представляла картину упадка и запустения. Многие города и местечки были разрушены, дороги испорчены, связь уничтожена, села сожжены. Масса населения убежала из своих хозяйств, поля не обрабатывались и находились в упадке. Промышленные предприятия были уничтожены или эвакуированы; те, которые остались, не работали, поскольку не имели оборудования, средств и сырья. Больницы были разрушены и не могли обслуживать население. Все вышеперечисленное привело к катастрофическому ухудшению условий жизни населения Советской Беларуси.

1. Беларуская савецкая энцыклапедыя / рэдкал. П.У. Броўка [гал. рэд.]. Т. XII. Мінск, 1975. – 735 с.
2. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 615 с.
3. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд 321. Оп. 1. Д. 295.
4. ГАМО. – Фонд 320. – Оп. 1. – Д. 45.
5. ГАМО. – Фонд 364. – Оп. 1. – Д. 21.
6. Государственный архив Могилевской области (ГАМГО). – Фонд 468. – Оп. 1. – Д. 4.
7. ГАМГО. – Фонд 468. – Оп. 1. – Д. 2.
8. Документы и материалы по истории Белоруссии : в 4 т. / под ред. В.Н. Перцева. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1953. – Т. 3. – 1020 с.
9. Лукашук, А. Прыгоды АРА ў Беларусі / А. Лукашук. – [Б. м.] : Радые Свабод. Эўропа, 2005. – 500 с
10. Па справаздачы аб дзейнасці Цэнтральнай Камісіі Дапамогі Дзецям пры ЦВК БССР за пэрыяд з 1 кастрычніка 1927 году да 1 кастрычніка 1928 г. : постановление Президиума ЦИК БССР, 2 марта 1929 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства БССР. – 1929. – № 7. – Ст. 43.
11. Родштэйн, Л. Дзіцячая бяспрытульнасць, злачыннасць і спосабы барацьбы з імі / Л. Родштэйн // Асвета. – 1926. – № 1. – С. 43–46.
12. Селіванаў, П. Першая сусветная вайна 1914–18 / П. Селіванаў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1999. – Т. 5 : М–Пуд. – С. 472–476.
13. Скалабан, В.У. Бежанцы / В.У. Скалабан // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 1 : А – Беліца. – С. 339–340., с. 339–340
14. Эрлихман, В.В. Потери народонаселения в XX веке. Справочник / В.В. Эрлихман. – М.: Русская панорама, 2004. – 176 с.
15. Этнаграфія Беларусі: энцыкл. (Беларус. Сав. Энцыкл.; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 575 с.
16. <http://rusplt.ru/ww1/history/beguschie-ot-voynyi-13288.html>

ВЛИЯНИЕ ИТОГОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ В БССР

Р.В.Тимофеев, А.И. Правко

В результате кровопролитной Первой Мировой войны пали империи Европы. На их территориях возникли независимые государства, которые столкнулись с многочисленными трудностями социально-экономического и политического характера, в целях решения которых приходилось менять и совершенствовать проводившуюся ранее

экономическую политику. Один из наиболее интересных ее вариантов – НЭП (новая экономическая политика) занял важное место в истории республик возникших на землях бывшей Российской империи, в том числе и Белорусской ССР.

Первым, кто воспользовался предоставленными НЭПом свободами, был частный торговец. Фактически его деятельность никогда не прекращалась и в годы Первой Мировой войны, так как на распределении прожить в военное время было невозможно. Официально открыли дорогу частнику постановление III Сессии ЦИК БССР от 17 апреля 1921 г. «О разрешении свободного обмена продуктами в Бобруйском, Борисовском и Мозырском уездах, выполнивших продразверстку» и декрет СНК БССР от 14 мая 1921 г. «О свободном местном обмене продуктами сельского хозяйства и кустарной промышленности» [1, с. 27, 31]. Контролировал ситуацию белорусский нарком по продовольствию И. Адамайтис.

Для получения разрешающего свидетельства на открытие торгового предприятия частником предоставлялась заявка, трудовая книжка или вид на жительство, для мужчин от 18 до 40 лет воинское свидетельство. По требованию V Съезда КП(б)Б профсоюзы должны были контролировать вопрос найма и увольнения служащих частных предприятий. Для занятий торговлей исполкомами выделялись специальные места. С появлением промыслового налога необходимо было выбирать соответствующий патент. В 1921 г. для частника декретами СНК РСФСР и БССР была запрещена оптовая купля-продажа предметов первой необходимости и государственной монополии. Для поздней торговли требовалось специальное разрешение от исполкомов, нарушителей штрафовали.

Используя занятость госорганов и кооперации товарообменом и отсутствием у них разветвлённого торгового аппарата, частный торговец в 1921 г. занял господствующее положение в розничной торговле. Большое влияние оказал он и на заготовки. Государство для контроля за частником использовало решения V Съезда КП(б)Б, который предложил направить частную инициативу по полезному для общего хозяйства руслу. В БССР развитию торговой деятельности частника в 1921–1922 гг. содействовал мелкотоварный характер промышленного производства и раздробленность в производстве сельхозтоваров. В 1922 г. частная торговля получила ещё больше свободы. Постановлением III Сессии ВЦИК IX созыва от 22 мая 1922 г. право на занятие торговлей было продекларировано для всех граждан. Весной 1922 г. были сняты ограничения на операции с рядом товаров для частника [2, с. 159]. С внедрением в экономику хозрасчёта частник лишился каких-либо специальных ограничений.

Фактически частник был вне прямого регулирующего воздействия государства, что приносило ему выгоду. Ограничивался он в основном лишь налогами, обязательным имущественным страхованием. Уклонявшихся от уплаты привлекали к административной ответственности. Торговцы также регулярно проходили обязательную регистрацию. От лиц, уклонявшихся от регистрации, помещения и места отбирались. Для наблюдения за частником на местах в составе исполкомов действовали отделы по наложению административных взысканий и урегулированию торговли, помогали им райотделы милиции. За торговлю без патента или по патенту меньшей ценности, кроме выборки, нарушитель платил штраф в пятикратном размере недоплаченной и неуплаченной суммы. За не предоставление патентов лицами, занимавшимися подвижной торговлей, - штраф в размере стоимости патента.

Частный торговец был обязан нанимать себе работников согласно принудительным нормам законов о труде. Торговлей запрещалось заниматься лицам, не достигшим 16 лет. Контролировали занятость в частной торговле специальные отделы при Наркомате труда БССР. Торговцы обязаны были следить за качеством продаваемого товара и соблюдать правила его хранения, могли они подавать и жалобы. Для торговцев арендная плата в муниципализированных строениях устанавливалась в зависимости от бойкости места. В

деревне с 1922 г. частник активно участвовал в наиболее выгодных для себя операциях с продовольствием. Он работал с теми продуктами, которые не входили в государственные задания для кооперации. Выступал также посредником в кооперативном товарообмене. Частник мог платить и наличными, что выгодно отличало его от кооперации. Ассортимент и доступность частной торговли в начале 1920-х гг. были намного выше, чем у других форм торговли.

В 1921–1922 гг. активность частника официально используют в интересах государства, хотя это и было затруднено его текучестью как элемента экономики. Упорядочить деятельность частника было сложно из-за отсутствия на его предприятиях письменной отчётности, чем он прикрывался от налогов. К прямому сотрудничеству с частником промышленность и кооперация относились сдержанно, масштабы связей с ним занижались. Однако с нарастанием кризиса сбыта товары всё активнее переливались из промышленности в частную торговлю, принося ей значительные прибыли. Её к частнику притягивало то обстоятельство, что ходовые товары он покупал дороже, чем государственная торговля и кооперация, и платил сразу. Реже дело с частником вела кооперация, уже заключённые сделки могли аннулироваться сверху. Вне конкуренции частник был на рынке кустарных изделий, так как государственная торговля не реализовывала их вообще из-за неразвитости своей сети и отсутствия необходимых финансов.

Непостоянство курса совзнаков, товарообмен, слабость учёта затрудняли подсчёт оборота частника. Известно только, что за 1921–1922 г. в БССР частник реализовал до 40% выброшенной на рынок сельхозпродукции. В 1922–1923 гг. частная торговля продолжала укрепляться. Этому способствовала сложность экономической ситуации, неразвитость общественных форм торговли [3, с. 61]. Активность частника сдерживали. Исполкомы разных уровней проводили переучёты торговых площадей, подтверждали ранее принятые решения о месте, времени и условиях торговли. Поздняя торговля с 1923 г. частнику горисполкомами разрешалась лишь при наличии двух рабочих смен в его лавке. Строго власти боролись с продажей недоброкачественных продуктов.

Частника заставляли следить за порядком на прилегающих к его заведениям территориях. Однако это всё затрагивало мелкие розничные предприятия частника, а в 1922–1923 гг. появилось немало крупных. С сокращением промышленности из-за кризиса сбыта размера своих операций, частник начинает в них часто преобладать. При посреднической деятельности частник в 1923 г. получал прибыль в размере 15% от суммы сделки [4, с. 70]. Для ускорения сбыта частником промышленной продукции для него были смягчены условия получения товаров.

В период активных операций частника в 1923 г. в БССР появились Общества взаимного кредита (ОВК). Внеся пай, частный торговец становился его членом и получал под определённый процент ссуду. Первое ОВК появилось в июле 1923 г. в г. Минске. Через ОВК частник объединил свои усилия в сложной экономической ситуации, а через концентрацию мог свёртывать часть своих предприятий. Подрывали его торговлю скачки червонца, так как она шла на совзнаки, которые надо было перерасчитывать. Поддерживали частника операции с продовольствием, так как его можно было с выгодой перепродать. Слабость общественного сектора в торговле позволила частнику господствовать в рознице.

В I полугодии 1923–1924 гг. частная торговля БССР количественно сократилась, так как экономическая ситуация была сложной и согласно декрету об отмене наследования в городах у частника была изъята часть домовладений. В поисках выхода он перевёл часть своей деятельности на село, где существовать было легче и был неудовлетворённый крестьянский спрос. Государство в основном использует частный торговый капитал в сфере достаточных товаров. В отношении дефицитных частник снабжался только после госорганов и кооперации.

Во 2 полугодии 1923–1924 гг. деятельность частника сократилась, так как проводилась политика государственного административного давления, исходившая из предложений VIII Съезда КП(б)Б об отвоевании у частника позиций в экономике. Ситуация сложилась такой, что прирост оборотов частника в сопоставимых величинах увеличился с 1 декабря 1921 г. до 1 апреля 1924 г. только на 12,3% [5, с. 20]. Однако по мнению окрисполкомов судить об оборотах частника было трудно, так как если одно предприятие разбивалось на несколько мелких, то их общий оборот уменьшался, и наоборот. Для совершенствования учёта торговой деятельности частника с 1924 г. обязали подавать счета.

Частник не торговал тем, что не было ему выгодным, например, с/х машинами. Оптовые операции он чаще совершал с продовольствием, хотя и неофициально. Опт частнику удавался в моменты благоприятствования к нему государства, а розница оставалась на чёрный день. Поддерживало частника производство местной промышленностью предметов широкого потребления, пользовавшихся сезонным спросом. Продать их населению вовремя лучше удавалось частнику. Опирались на частника и не имевшие гибкого торгового аппарата союзные представительства, за что подвергались замечаниям со стороны ЦК КП(б)Б. Частник платил аккуратно, товара брал много. Но кредитовался он краткосрочно и по неходовому товару. При покупке больших партий товара представительства предоставляли частнику значительные скидки, иногда выше, чем госторговле.

В отношении товарных бирж частник проявлял активности мало, с тем чтобы укрыться от высокого налогообложения, сопутствующего оптовой торговле. Из-за государственной политики доступ частника к товарам со 2 полугодия 1923–1924 гг. оказался ограниченным. Выход был найден в перекупке необходимых товаров у кооперации. Кредитные ордера перекупались по цене на 20% ниже номинальной, так как части товаров в кооперативных лавках постоянно недоставало, а на вырученные деньги их можно было купить на рынке.

Сельскохозяйственной кооперации предложил избегать связей с частным посредником Пленум ЦК КП(б)Б в июле 1924 г. Товары Госторгбела шли частнику лишь в размере 10–15% общего количества поставок, что контролировала кооперация. На недостающий в общественном секторе товар частник держал цены высокими. В среднем наложения у частника в 1924 г. были выше, чем у кооперации на 20–30%. Такие наложения не препятствовали высокой оборачиваемости частного капитала. За 1923–1924 гг. оборот частной торговли, особенно в рознице, вырос, но доля в общем товарообороте ввиду роста общественного сектора снизилась.

Политика государства по отношению к частнику в середине 1920-х гг. постоянно менялась. Благоприятствование было только в сложные экономические периоды. В 1 полугодии 1924–1925 гг. продолжался экономический и административный нажим на частника, страдал он и от безденежья. Но вновь появляются новые заминки со сбытом, и политика по отношению к частному розничнику становится более благоприятной. ЦК КП(б)Б отмечал, что заменить частника кооперацией в тот период было практически невозможно из-за финансовой слабости последней. Помогло и выполнение решения VIII Съезда КП(б)Б о привлечении частника там, где не справлялась кооперация.

Частник должен был реализовать залежалый товар промышленности и тем самым её финансово поддержать. Там, где кооперация была слабой, частник получил доступ к товарам, ему предоставляли кредит и временно не увеличивали налогообложение. Благодаря предпринятым государством мерам частник во 2 полугодии 1924–1925 г. повысил свою роль в товарообороте. Развитие товарных связей потребовало дополнительных проводников торговли, а частник как раз продавал государственным учреждениям то, чего они не могли закупить в кооперации. Но объёмы таких сделок оказались в конечном итоге столь велики, что на местах торговые комиссии окрисполкомов ограничивают их или даже запрещают. В отношениях с Центроземскладом частник конкурировал с кооперацией, так как мог скупать партии

товаров оптом, понижая для себя цену каждого отдельно взятого изделия. Для этого на торгах действовал сговором.

С середины 1920-х гг. основной контролирующей организацией для частника стал Наркомат внешней торговли БССР. При нём работала торговая инспекция, старавшаяся смягчать конкуренцию различных форм торговли. Особо острой она была в базарные дни, когда частник намного опережал в оборотах кооперацию. Вымывание частником товаров из кооперации обострялось в моменты товарного голода. С этой целью им использовались взятки, так как объём открытого отпуска товаров кооперацией частнику в 1924–1925 гг. был невелик. Преобладал частник над кооперативной торговлей и в очень важном для населения социально-экономическом показателе - товарообороте на 1 жителя республики.

В 1 полугодии 1924–1925 гг. главное место в оптовой и полуоптовой частной торговле занимал хлеб. Государство пытается ввести частную хлеботорговлю в рамки лимитов, для чего банкам была запрещена выдача всякого рода аккредитивов под хлеб. Отделами внутренней торговли окрисполкомов пресекалась беспатентная торговля, имевшая место при отсутствии у частника стационарных ссыпных пунктов, благодаря чему она носила подвижный характер работы непосредственно у крестьянина на дворе. Заготовленный частником хлеб не пропускали по железной дороге и он перевозился ночью через крестьян. Торговля в 1920-е годы носила сезонный характер, во время спадов частник выделялся своей активностью, особенно летом. При отсутствии весеннего подвоза товаров его деятельность могла временно затухать. Переносить сложности конъюнктуры частнику помогали, созданные им общества розничных торговцев. Действовали они для торговли и снабжения частного розничника, но слияние частного опта с розницей в них не допускалось.

При загрузке рынка каким-либо товаром цены на него у частника были выше кооперативных только на 2–3%. Однако в некоторых местах частник продавал товары крестьянству дешевле, чем кооперация, а закупал дороже. Высокими частные цены могли быть из-за значительных независимых расходов (налоги, аренда). Помогала действовать частнику высокая оборачиваемость его капиталов. Она была тем выше, чем ниже был разряд предприятия. К частнику шла поддержка через ОВК, к уже действовавшим с 1925 г. обществам добавились два в гг. Могилёве и Витебске. Ссудный процент был у них в 2 раза меньше, чем у ростовщиков. Немного кредитовало частника и государство, но лишь там, где не справлялись госторговля и кооперация. Кредитование не затрагивало сырьевых заготовок.

В 1 квартале 1925–1926 гг. БССР оказалась в ситуации острого товарного голода. Частник был ещё более стеснён в получении товаров и держал высокие цены на ряд дефицитных товаров. Но официально частник не ограничивался, а его деятельность на селе даже поощрялась, как предложили IX Съезд КП(б)Б в декабре 1925 г. Появляется заготоваривание, а вместе с ним и увеличение интереса к частнику. Государство старалось не допустить сокращения общего товарооборота и установило частнику в зависимости от конъюнктуры размеры отпуска товаров и условия расчётов. С 1 квартала 1925–1926 гг. частника обязали придерживаться установленных на ряд товаров "этикетных" цен, а в его заведениях установили обязательный выходной, чтобы ослабить конкуренцию.

Товары частником добывались часто нелегальным путём, не желал он придерживаться и установленных продажных цен при получении товара у государства. Из-за борьбы потребкооперации с перепродажами было снижено официальное участие частника в её оборотах, но что чаще было неправомерным. Частник пытался удержаться, также чаще нелегально, на рынке заготовок. По хлебу на него пришлось в 1925–1926 гг. не менее 50%. Такие трудности доступа к товарам держали частные цены высокими, однако лучше был ассортимент и основные товары были в продаже постоянно, чем частник в положительную сторону отличался от кооперативной торговли. Ничем пока ещё не уступал частный торговец в товарообороте на 1 жителя республики, а если учесть, что приходился он в основном на розницу, то и преобладал в этом показателе.

Переломным в судьбе частника стали 1926–1927 гг., когда он был поставлен, в связи с ограничением рыночных отношений, в особо неблагоприятные условия. Однако резко его деятельность пока ещё не свернули, так как СНК БССР боялось ухудшить снабжение населения и продвижение товаров. Все таки частника душили экономически и административно, постепенно заменяли кооперацией, заставляли соблюдать цены и платить налоги. X Съезд КП(б)Б поставил перед общественным сектором торговли задачу вытеснения частника из операций по снабжению крестьянского хозяйства и из операций с сельхозпродукцией. Свобода заготовок частнику предоставлялась государством только в области второстепенного экспорта, чем он прикрывался и для своих личных целей. В 1926–1927 гг. частный торговец расширил сотрудничество с частными фирмами, закупая у них, по данным ЦСУ БССР, до 40% необходимого товара, в основном то, что не мог получить в общественном секторе.

Однако для поддержки своей деятельности частник использовал и превышение своих цен над кооперативными, населению с этим приходилось мириться, так как купить в кооперации всё необходимое было невозможно и кооперативы обслуживали далеко не всех желающих, даже пайщикам были установлены нормы отпуска. За 1926–1927 гг. обороты частника уже снизились, так как он в полной мере ощутил на себе антирыночные мероприятия правительства республики, по всем показателям уменьшилась и доля. В 1927 – 1928 гг. процесс свёртывания частника ещё более ускорился. Наступление на него провозгласил XI Съезд КП(б)Б, но с тем чтобы не получилось перебоев в снабжении рынка. Государство использует частника как источник накопления, ограничивает как конкурента общественного сектора. Госорганы всё больше затрудняли его доступ к товарам и ограничивали выход на рынок сырья. Частник в ответ переходит на работу в государственные торговые организации, покупает недвижимость. В летнее затишье 1928 г. из-за заминок со сбытом ограничение частника временно приостанавливают, но процесс его свёртывания уже принял необратимый характер.

Пленум ЦК КП(б)Б в мае 1928 г. нацелил борьбу государственных органов на борьбу с частными закупками хлеба. За 1927–1928 г. почти исчезло кредитование частника. Свёртывание его деятельности приняло большие масштабы. Свёртывание частника, как и предполагалось, ухудшило снабжение населения, кооперативная торговля не сумела справиться с перебрасываемым на неё спросом. За 1927–1928 гг. оборот частной торговли ещё больше уменьшился, довольно резко упала доля, практически исчез частник в опте.

В 1928–1929 гг. экономический и административный нажим на частника практически ни на миг не ослабевал, приведя почти к полному официальному свёртыванию его деятельности. Его не только не снабжали, но и запрещали торговать всё более расширявшимся рядом товаров. Как можно сильнее выкачивали из частной торговли финансы. Использовали в этом процессе идеи Пленума ЦК КП(б)Б, проведённого в сентябре 1928 г.

Частник спасался переходом в ремесленное производство и потребительскую кооперацию, нуждавшуюся в квалифицированных специалистах. Частный торговец также вывозил свой капитал в соседние республики. Покупал он и ценные бумаги. Летом 1929 г. из-за традиционного конъюнктурного затишья деятельность его временно оживилась. Частник развернул тайную беспатентную торговлю, преимущественно продуктами питания. В конце 2 полугодия 1928–1929 гг. частника вынуждают уходить в подполье уже массово. У него исчезла возможность перегруппировки своих сил, сузился ассортимент и уменьшилась оборачиваемость капиталов.

Таким образом, частная торговля в период НЭПа была неотъемлемой частью экономического механизма БССР. На неё опирались сельское хозяйство, государственная и кустарная промышленность, союзные представительства. В 1 половине 1920-х гг. она преобладала в рознице, соперничала с общественным сектором в опте, занимала ведущее

место в заготовках. Преимуществами частной торговли перед общественным сектором были её более высокая оборачиваемость капиталов, более широкий ассортиментный перечень товаров, доступность для всего населения, она не навязывала норм потребления. Недостатком же были высокие цены, особенно когда дело касалось дефицитных товаров.

Во 2-й половине 1920-х годов частная торговля продолжала оказывать значительное влияние на экономику и конкурировать с кооперацией, использовала все открывавшиеся перед ней возможности по сбыту и снабжению, особенно там где не справлялись кооперативная и государственная торговля. В периоды хозяйственных затруднений частная торговля использовалась государством в сфере тех товаров промышленности, которых производилось с избытком, но частнику постоянно ставили большие препятствия при операциях с продовольствием. Свёртывание частной торговли в конце 1920-х годов стало показателем не низкой эффективности частного сектора, а смены под влиянием политических мотивов всего курса.

1. Восстановление народного хозяйства БССР (1921–1925 гг.): Сб. докладов и материалов. – Минск: Беларусь, 1981. – 270 с.
2. Рубинштейн, Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР / Г. Л. Рубинштейн. – Л.: Издательство ЛГУ, 1964. – 396 с.
3. Михневич, Л. М. Торговля Белоруссии (1900–1970 гг.) / Л. М. Михневич. – Минск: Наука и техника, 1973. – 223 с.
4. Жирмунский, М. М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР / М. М. Жирмунский. – М.: Финансовое издательство СССР, 1927. – 223 с.
5. Смирнов Я. Состояние оборотов торговых и промышленных предприятий в Белоруссии к концу 1923–24 б. года // Советское строительство. – 1924. – № 1. – С. 14–25.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ)

М.П. Соболев, Р.С. Ерёменко

11 ноября 1918 года закончилась Первая мировая война, продолжавшаяся 1588 дней. (На 100-летие заключения Компьенского перемирия – 11 ноября 2018 г. в 11 час. 11 мин. будет грандиозное празднование с участием королевы Великобритании). Это название утвердилось за ней после начала Второй мировой войны в 1939 году. До этого войну 1914–18 годов в мире называли «Великая война», в России – «Вторая Отечественная», «Великая Отечественная» (именно так её называли в 1914-м, тогда же сочинили песню «Священная война», которая с небольшими вариациями возродилась в 1941 г.), до революции 1917-го и после – «германская», в СССР – «империалистическая».

Первая мировая война началась 28 июля 1914 года, став одним из самых широкомасштабных кровавых вооружённых конфликтов в истории человечества. В ней приняло участие 38 из 59 существовавших тогда государств с населением 1,5 миллиарда человек (примерно 62% от всего населения мира на тот момент). 74 миллиона человек были мобилизованы в армии воюющих стран, из них 60 миллионов – в Европе. До 6 августа все европейские державы были втянуты в войну, которая велась на территории 14 государств. От 9 до 10 миллионов погибли. Около 55 миллионов человек получили ранения. Жертвы гражданского населения оцениваются от 7 до 12 миллионов человек. 5,338 млн / 7 млн человек – численность воюющей пехоты России в начале / в конце войны. Потери убитыми российской армии составили 2,3 миллиона человек. Во время войны впервые за всю историю нашей цивилизации было применено оружие массового поражения.

В Первой мировой войне было две противоборствующие стороны: страны Антанты и Четверной союз. В них входили Антанта и союзники (Великобритания, Франция, Россия, Австралия, Новая Зеландия, Бельгия, Британская Индия, Боливия, Бразилия, Канада, Китай, Коста-Рика, Куба, Эквадор, Греция, Гватемала, Гаити, Гондурас, Италия, Япония, Либерия, Черногория, Никарагуа, Панама, Перу, Португалия, Румыния, Сан-Марино, Сербия, Сиам, США, Уругвай, Южно-Африканский Союз). Страны Четверного союза: Германия, Австро-Венгрия, Османская империя, Болгария. (Из открытых источников)

Главные плоды победы (экономические и политические) пожали США, впервые пришедшие в Европу и вступившие в войну в 1917-м. С 1918-го начался век США. И всё же считаем уместным привести здесь точку зрения известного эксперта-политолога Л.А. Радзиховского: «Я считаю Первую мировую главным событием истории XX века – по крайней мере европейской истории. Всё, что было потом – фашизм / нацизм, коммунизм, II мировая, распад колониальной системы, наконец ЕС и политкорректность – всё это ближний и дальний исторический рикошет от снарядов 1914- 1918 гг.

Кроме того, I мировая, эта пирамида из 10 млн трупов – самый наглядный памятник человеческому безумию, главная иллюстрация поговорки «кого Бог хочет наказать – лишает разума».

Что фашизм/нацизм – а значит, и II мировая – прямые порождения I мировой войны – это общеизвестно. Их часто даже описывают как одну войну, с «передышкой посередине» 1918 – 1939 гг. Первыми фашистами стали «обманутые победители» в Италии, нацистами – жаждущие реванша ветераны в Германии. Большевизм, конечно, существовал и до 1914 г., но своей победой он обязан только войне» [1, с.3]. По мнению Л.А.Радзиховского, победили непричастные – США и большевики, пришедшие к власти в России. Историк К.А. Пахалюк даёт свою оценку итогам войны: «100 лет назад окончилась Первая мировая война. Страны Антанты одержали победу над Четверным союзом в лице Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Однако в числе победителей не оказалось той страны, которая внесла один из ключевых вкладов в победу, – России. Она официально вышла из войны, погрузившись в пучину Гражданской войны. На востоке Европы началась уже иная история. Да, вплоть до самого конца в составе французской армии сражался составленный из добровольцев Русский легион чести, а многие участники были награждены французскими наградами. По итогам Версальского мира Россия имела право на часть репараций, правда, основными условиями являлись отказ от национализации иностранной промышленности и выплат долгов. В действительности же представители советской власти и не претендовали на то, чтобы считать Россию причастной к победе. Попенять французам и англичанам на то, что без русских войск они бы не победили, – это да, такое было, но сама Первая мировая в течение десятилетий рассматривалась как «нулевая точка революции», как событие, которое спровоцировало системный кризис и последующую победу большевиков. Сегодня мы меняем представления о той эпохе.

Несомненно, Россия была одним из ключевых членов Антанты вплоть до 1917 г. На Восточном и Кавказском фронтах русские войска сдерживали более 40 процентов всех вражеских дивизий. Неоднократно наши успехи оказывали позитивное воздействие на положение союзников на западном и сербском фронтах и даже в Ираке. Не будем забывать, что десятки тысяч армян были спасены от геноцида именно благодаря наступлению армии генерала Н.Н. Юденича» [2, с. 37]. Митрополит Волоколамский Иларион считает, что главный урок обеих мировых войн заключается в отсутствии в них победителей. «Учёные до сих пор спорят о том, кто победил в Первой мировой. С формальной точки зрения проиграла Германия вместе с её союзниками. Но разве Россия, например, эту войну выиграла? Только поначалу военные действия для России казались успешными, а в течение последующих трёх лет война настолько истощила силы и ресурсы, что империя пала, и большевики при помощи той же Германии смогли взять

власть почти без боя. Да, они совершили «акт национального предательства», как подчеркнул два года назад президент России В.В. Путин, отметив, что «наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне». Но они не смогли бы этот акт совершить, если бы за три года до того Российская империя не была втянута в кровопролитную войну, последствия которой никто не мог предвидеть» [3, с. 6].

О Первой мировой войне есть такая фраза: войны никто не хотел, но война была неизбежна. В ней вся суть того, как европейские страны сползали в мировой конфликт. Президент США того исторического периода Вудро Вильсон признал, что невозможно назвать одну причину этой войны, их масса. Августовские дни 1914-го вошли в историю как пример внезапной катастрофы. Публицист О. Туляков (Берлин) задаёт вопрос и размышляет: «Но кого следует считать наиболее виноватым в провоцировании Первой мировой войны? Вопрос зачастую стыдливо обходят, сваливая всё на межимпериалистические противоречия. Затем, в советское время, особенно после Великой Отечественной войны, в нашей историографии верх взяли антинемецкие акценты. Но если внимательно почитать переписку Николая и Вильгельма (Никки и Вилли, два кузена) в последние дни перед войной, открывается печальная картина. Вильгельм берётся посредничать между Россией и Австро-Венгрией, заверяет, что Вена «не стремится к территориальным приобретениям за счёт Сербии», закликает царя прекратить военные приготовления, говорит о нежной дружбе с Россией, которую завещал ему дед на смертном одре, указывает, что выбор между миром и войной лежит у Николая на пороге... Вместо этого царь объявляет всеобщую мобилизацию против Австрии и вдобавок начинает военные приготовления на границе с Германией. Так разразилась самая ужасная в ту эпоху война – и кто же в ней больше виноват? Однозначно не ответишь...

Николай уехал на фронт и принял командование войсками, хотя мог бы вспомнить слова Наполеона в адрес его прадеда Александра I, личности несравненно более яркой: «Его дело царствовать, а не командовать армией» [4, с. 15].

Историю нельзя рассматривать в сослагательном наклонении, но интересно хотя бы понять, могла ли Россия не вступать в эту войну. В России к войне готовились. Генеральный штаб планировал военные операции. Доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета А.С. Сенин считает, что вольно или невольно, но, как показывает история, большое государство вынуждено втягиваться в глобальный конфликт. Другой вопрос, насколько государство было готово к тому, что может произойти. «Возможность неучастия в войне существовала, и если бы она воплотилась в жизнь, то ничего бы в России не произошло, считает Юрий Лубченков. Но победили политические нюансы и действия лоббистских групп при царском дворе. Существовали экономические предпосылки, которые толкали Россию к войне, её зависимость от некоторых европейских стран, в частности от Франции, которая многое сделала для подключения России к Антанте. Именно Франция пыталась на свои деньги строить в России производства, из-за чего отечественные промышленники были на её стороне. Но не меньшие экономические связи существовали и с Германией, которая заваливала Россию качественным и дешёвым товаром.

Конечно, французский вариант был предпочтительнее: решалась проблема безработицы, в казну платились налоги. Но генетическая связь у России была крепче с императорской Германией, чем с республиканской Францией. И один лишь факт, что Германия видела в России бездонный рынок, мог бы привести к тому, что войны между нами не было бы.

Действительно, национальные интересы России не требовали её участия в Первой мировой войне, уверен Павел Данилин. Однако Николай II рассматривал войну как возможность взять Константинополь и Анатолию – это была его основная цель в войне. Сегодня, оценивая последствия войны, мы понимаем, что это ошибка. Но ход войны

показывал, что такое возможно. В процентном отношении Россия меньше всего понесла потерь на фронтах среди мобилизованных на войну. Даже в количественном соотношении она потеряла меньше, чем французы и немцы, и достичь своей цели теоретически могла: до Константинополя оставалось не так далеко. Помогла и резня армян, населявших практически всю Анатолию. Она серьёзно ухудшила отношение к Турции со стороны мирового сообщества, что дало в руку России фактически карт-бланш на любые действия. Сейчас этих интересов нет. А тогда Россия добивалась поставленных задач – если бы не Февраль, всё могло бы сложиться по-другому» [5, с. 36–37].

Историк и политолог П.В. Данилин напомнил, что даже вступление в Первую мировую войну не давало России никаких гарантий со стороны союзников. «Договорённости были достигнуты лишь в том, что в случае нападения на какую-то из стран Антанты две другие вступаются за неё. А что получает взамен вступающая сторона – совершенно не оговаривалось. Россию просто использовали.

А между тем у Николая II была однозначная уверенность, что по итогам войны Россия получит Стамбул и проливы – Босфор и Дарданеллы, обеспечивающие прямой выход из Чёрного моря в Средиземное. Но и у наших союзников была такая же уверенность, что Россия никогда не получит проливы. И чтобы этого добиться, они были готовы на всё, вплоть до разрыва союзнических договорённостей. Мир иллюзий, в котором пребывали правящие круги России, позволил в очередной раз вступить в войну без серьёзных договорённостей и выйти из неё в ситуации военной интервенции, когда те же самые союзники вторглись на нашу территорию и принялись её грабить» [6, с. 32–33].

Глубокий анализ ситуации сделал доцент Сретенской духовной семинарии П.В. Кузенков: «Война начиналась, как война против Германии, но это на поверхности. На самом деле это была война против России. То, что британцы разграбили страну, – это вторично, задача была – ослабить её, что они тщательно подготовили.

До середины XIX века Россия и Великобритания развивались каждая в своей ипостаси. Россия – на суше, Англия – на морях. Но после того как они вошли в прямое соприкосновение, начинается «большая игра», и к началу XX века становится понятно, что Британия слабеет, Россия усиливается. И не только она. За океаном США начинают выставлять Англии свои претензии, усиливается на морях Германия. Стало понятно, что если Германию и Россию не столкнуть лбами, Британская империя погибнет. Что и было виртуозно сделано. До сих пор историки винят Германию в развязывании войны, некоторые даже России это приписывают. Но достаточно просто внимательно изучить событийную канву тех лет, чтобы понять, как заманили в ловушку Германию.

Англичане – мастера двойной игры, виртуозы лицемерия. Таковы визитные карточки их цивилизации. Это видно даже на примере Белого движения, которое надеялось на помощь Антанты, той же Англии, но на своей судьбе убедилось, чего стоят слова о союзничестве. На самом деле их цинично предали в надежде на то, что окровавленное болото, которым представлялась тогда Россия, будет ещё долго приходить в себя. Но произошло обратное: Россия оправилась, а Британская империя погибла, потому что баланс сил обуславливается объективными факторами» [6, с. 33]. Исследователь-журналист О. Черковец, говоря о втягивании царской России в войну, однозначно заявил: «В то время, как та же Германия не возражала против возможности прихватить некоторые наиболее лакомые куски территории Российской империи, российская правящая клика строила аналогичные планы относительно частей Германии и Австро-Венгрии. А кроме того, мечтала о том, как многотысячное войско победно пройдёт по поверженному Константинополю. Для этой цели даже заранее пошили сотни тысяч головных уборов, стилизованных под шлемы древнерусских богатырей и оттого названных «богатырками» (остроконечные шапки - «богатырки» всю войну пролежали на складах, нашли применение в Красной армии и получили название – «будёновки» –

Прим.авт.). Словом, империалисты всех ведущих держав стояли друг друга. Вот только обязательства у всех были разные» [7,с.4]. Далее автор утверждает, что французский ростовщический капитал регулярно подкармливал разлагавшийся правящий класс Российской империи займами под хороший процент: «По данным авторов фундаментального труда «История Франции», подготовленного Институтом всеобщей истории Академии наук СССР, вплоть до самой войны на Россию приходилось почти 40 процентов всех внешних займов и кредитов, предоставленных французскими капиталистами на территории Европы. Так, в одном только 1906 году Франция ссудила царскому правительству огромные средства – почти один миллиард золотых рублей.

Тем временем в период 1904 – 1907 годов оформился уже трёхсторонний российско-франко-британский союз, получивший название Антанта («Сердечное согласие»). Согласие оказалось явно неравноправным и, мягко говоря, далеко не сердечным. Так, каждый новый заём, который капиталисты Великобритании и особенно всё той же Франции предоставляли царской России, оказывался всё более выгодным кредиторам и всё менее выгодным для нашей страны. Особенно тяжёлыми были условия последнего французского займа 1913 года. Любому, находившемуся в здравом рассудке, становилось понятно, что за всё это России предстоит уже в ближайшее время расплачиваться. А правящий класс и не скрывал, что средством платежа будет кровь подданных, одетых в серые шинели. Что и подтвердилось уже в самые первые дни войны» [7, с. 4].

Взвешенно и реалистично рассуждает дипломат и писатель, автор книги «Первая мировая война и Россия. Моё понимание» Г.Н. Кудий: «Подготовка к войне началась гораздо раньше. Первоначально в основе были противоречия между Францией и Германией, объединённой канцлером Бисмарком, оглушительная победа последней во франко-прусской войне 1870-1871 годов. То есть у Франции появилось желание реванша. Она начала искать союзников. И нашла в лице России.

Это невероятно, особенно если учесть то, что никаких принципиальных противоречий между Германией и Россией не было. Лично для меня, и не только, загадка – какого дьявола мы вообще ввязались в эту войну, если Германия с Россией не воевали со времён Елизаветы Петровны?» [8, с. 6]. Исследователь назвал «большой загадкой», что заставило слабовольного Николая II пойти на этот шаг (вступление в войну): «Лично у меня есть стойкое ощущение, что одна из причин заключалась в том, что Британская империя начала быстро дряхлеть. Её внешние долги и обязательства намного превышали внутренний валовой продукт. Германия наступала на пятки по всем позициям – в экономике, промышленности, строительстве и науке. Россия тоже была на подъёме. И тут есть ещё одна особенность, которая, как мне кажется, является главной. Финансовые воротилы Великобритании уже тогда задумывались о глобализации, и для того чтобы эту глобализацию осуществить, надо было лишить суверенитета основных конкурентов. А такими конкурентами были Германия и Россия. Вот и возникла идея – а не столкнуть ли этих ребят лбами? И понеслось ...» [8, с. 6]. На вопрос: кто был виновником того, что произошло в Европе в 1914-м? – Г.Н. Кудий ответил чётко: «На мой взгляд, финансовые олигархи англосаксонского разлива с еврейскими корнями» [8, с. 6]. Как тщательно заранее готовился извне развал империи, рассказал в книге «Разлом. Белый и красный террор». А.С. Терещенко: «В России в начале XX века были учреждены десятки иностранных компаний, в чьём распоряжении находились стратегические отрасли (вроде металлургической, промышленной, военной); к началу войны сумма внешних вложений в нашу промышленность составляла почти половину акционерного капитала страны.

В иностранных предприятиях энергично действовали австрийская и германская разведки, чьи агенты так высоко пробрались, что добыли даже копию плана подготовки России к войне 1914-1918 годов и другие настолько секретные документы, что знать о них могли лишь несколько человек в государстве. И всё это оставалось безнаказанным»

[9, с.16].Разделяя такую позицию, хотим в её подтверждение ознакомить читателя с выводом, сделанным историком Ю.Н. Лубченковым. По его мнению, Первая мировая война оказалась судьбоносной для истории человечества. Именно она заложила основы и методы ведения всех тех войн, которые ведутся с тех пор. Анализируя их, обычно рассматриваются несколько событий – почему они начались, основные эпизоды, причины и следствия. «И потому сегодня логичнее и проще понять, кому она оказалась выгодна. По её итогам сложилась новая мировая система, где место во главе процесса окончательно заняла и стала доминировать англосаксонская раса» [5, с. 36]. Англия считает себя родиной, форпостом демократии в Европе, но она существует в основном на экспорт. Собирая в Туманном Альбионе «борцов» за разные права, страна сохраняет чрезвычайно консервативную и даже жестокую политическую систему. Вспыхнувшее в разгар Первой мировой войны ирландское восстание было подавлено с применением артиллерии на улицах городов, и никто тогда об этом обличительно не говорил.

В ходе работы над статьёй обратили внимание на аналитическое исследование профессора Университета Абердина (Шотландия) Энтони Хейвуда «Июль 1914-го: «секретная мобилизация» в России», где он пишет: «В 1919 году на межправительственном уровне было решено, что ответственность за начало Первой мировой войны лежит на Германии – это убеждение и легло в основу Версальского мирного договора. С тех пор историки рассматривали и другие факторы, приведшие к мировой войне, в том числе существование тайных союзов, гонку вооружений и, конечно, роль других стран в развязывании войны. Но именно благодаря немецкому историку Фрицу Фишеру большинство исследователей считают Германию главной виновной стороной. Согласно концепции Фишера, мировая война – это часть немецкой стратегии по покорению мира, реализация которой продолжалась вплоть до 1945 года; большинство специалистов в целом соглашались с подобным мнением.

Но есть и иная точка зрения, согласно которой правящие круги России также сделали немало для того, чтобы ускорить начало войны. Центральным аргументом, подкрепляющим этот тезис, служит то, что Россия начала секретную мобилизацию 12 (25) июля 1914 года, за пять дней до объявления всеобщей мобилизации 18 (31) июля. Если это действительно так, то очевидная задержка мобилизации немецких войск до 19 июля (1 августа) свидетельствует против того, что Германия была главным виновником мирового конфликта.

Этот тезис был озвучен ещё Вильгельмом II во время июльского кризиса: «Русский царь начал мобилизацию тайно, действуя за моей спиной». Впоследствии многие историки снова и снова обращались к этой фразе. Например, американский исследователь Сидни Фей в 1921 году отметил, что русское правительство форсировало подготовку к войне, начав 12 (25) июля военные мероприятия, которые, «по сути, равнялись мобилизации в приграничных областях»; именно они «свидетельствовали о том, что [военный министр] Сухомлинов и [начальник Генштаба] Янушкевич начали скрытую мобилизацию 26 июля, готовясь к войне с Германией». В 1960-е годы к подобным выводам пришёл Л. Тёрнер: «Утверждение графа Макса Монжеля о том, что «в действительности мобилизация в России началась 26 июля, одновременно с началом периода подготовки к войне», небезосновательно».

Позже ту же идею высказал американский историк Шон Макмикин. Он полагал, что 11(24) июля Совет министров России решил провести «секретную масштабную мобилизацию армии и флота» [10, с. 24-25]. В конце Э. Хейвуд делает всё-таки объективное заключение: «Россия действительно начала секретную подготовку ко всеобщей мобилизации 12 (25) июля 1914 года, однако это решение не означало, что Россия начала мобилизацию. Смысл подготовительного к войне периода был только в том, что он был подготовительным...» [10, с. 26].

Заслуженный деятель искусств РФ автор фильма «Цареубийство: следствие длиною в век» Е.Н.Чавчавадзе сняла обвинения с царя в том, что он ввязался в мировую войну: «Он не ввязался. Другого выхода ему просто не оставили. Если посмотрим его переписку с германским кайзером Вильгельмом, то увидим, сколько телеграмм и писем было отправлено государем, чтобы предотвратить военные действия. Но, к сожалению, за Вильгельмом стояли свои «ястребы». Не забывайте, что именно в ту войну невероятным образом исчезли с карты истории четыре империи. Кроме того, позднее при таинственных обстоятельствах умер бельгийский король, странно погиб греческий монарх...» [11, с. 3]. Е.Н. Чавчавадзе доказала вмешательство США во внутренние дела России: «Была тщательно подготовлена развал армии, стоявшей на пороге победы. Как отметил в своём дневнике советник президента Вудро Вильсона небезызвестный полковник Эдвард Хауз (а он сыграл, как мы показываем, существенную роль в подготовке двух русских революций): «Если победят союзники, то это будет означать господство России на Европейском континенте». Для международных банкирских групп, которые он представлял, такой исход был неприемлем.

Фактически и сама война была инсценирована для того, чтобы обескровить Российскую империю, а заодно и другие континентальные монархии». «Мы приводим в нашем фильме телеграмму американского посла Дэвида Фрэнсиса с заявлением - ультиматумом президента Вильсона: «Мы вступим в войну только на стороне демократий, а не автократий». А что такое автократия? Это и была Российская империя. То есть задача ликвидации монархического строя была поставлена. А дальше уже стали действовать февралисты» [11, с. 3]. Л.М. Млечин не сомневается, что свержение царизма в феврале 1917 года имело немалое значение для вступления Америки в Первую мировую войну. «Многие российские военные повторяли тогда, что отречение императора Николая II революция означает одно: «Нашему врагу, Германии, удалось одержать самую крупную победу». А в Берлине уверились в другом: Николая II свергли англичане с единственной целью – не дать России и Германии подписать мир» [12, с. 25].

И всё-таки не внешнее давление являлось главной причиной развязывания войны и её поражения, а внутренние – «партия войны» и «партия мира», включая поведение либеральной интеллигенции на тогдашнем информационном поле. «Не очень патриотично себя вела, это точно! Более того, я бы даже сказал, что именно в этом и состоит основная причина поражения России в той войне и во всех событиях, которые случились у нас в 1917 году и позже. Ведь ни экономического перенапряжения, ни военного Россия тогда не испытывала! В 1914 году Россия на фронтах воевала более успешно, чем все остальные, разве что кроме Германии.

А вот идеологически мы проигрывали. Россия не совсем подготовленной вступила в эту войну – ну не успели мы закончить программы модернизации армии и флота...» [8, с. 6].

В качестве примера проигрыша информационной войны Г.Н. Кудий приводит фейки образца 1914 года: «Вот пример: снарядный голод, о котором все шумели. В 1914 году наша армия расстреляла 2,3 миллиона снарядов. С учётом довоенных запасов и того, что было произведено в 1914 году, к началу 1915 года в запасе имелось 4,5 миллиона снарядов для трёхдюймовок, которые были тогда самыми ходовыми. То есть всего-то было истрачено 37% запасов. А шум стоял несусветный, что снарядов -де не хватает, что армия без сапог и так далее... А паёк солдата русской армии вообще был самый шикарный: полагалось 2,5 кг продовольствия на солдата в день. Из них 700 граммов мяса» [8, с. 6]. Совершенно противоположные данные и оценки приводит О. Черковец, говоря о «поистине антинародной войне» и «общем состоянии немощи и обречённости царской армии»: «Так вот, даже винтовок – самого простого в техническом отношении оружия – Россия произвела всего 3,3 миллиона штук против 8,5 миллиона в Германии, то есть почти в 2,6 раза меньше. Да что там Германия, если даже её слабый союзник Австро-Венгрия

произвела (во многом благодаря мощностям военных заводов Чехии, входившей в состав империи Габсбургов) винтовок больше, чем Россия, – 3,5 миллиона штук. Неудивительно, что солдаты во многих частях шли в бой с сапёрными лопатками в надежде добыть заветную винтовку или у убитого противника, или у своего же погибшего товарища.

О более сложном оружии нечего и говорить. Так, по производству артиллерийских орудий Россия уступила Германии чуть ли не в 6 раз – 11,7 тысячи стволов против 64 тысяч, а пулемётов Россия произвела ровно в 10 раз (!) меньше Германии – 28 тысяч против 280 тысяч. Что касается созданного накануне войны нового мощного оружия – миномёта, то в царской России оно не производилось вообще – ни в начале войны, ни к 1917 году. Кайзеровская же армия получила за годы войны 12 тысяч миномётных стволов» [7, с.4]. Автор, не скрывая своей приверженности, принципиально отстаивает название этой войны – империалистическая, ссылаясь на работу В.И. Ленина «Задачи пролетариата в нашей революции», в которой дана такая единственная характеристика войны. Полемизируя заочно с такого рода «однобокими лозунгами», Е.Н. Чавчавадзе напоминает: «Многие ли знают, что выделение денег на снабжение фронта было связано с голосованием в Госдуме? Сколько раз Дума срезала вот эти ассигнования! Надо понимать, что тот же генерал Алексеев и другие зависели от военно-промышленных комитетов. Их страшили тем, что они не получают требуемого. Свобода, которая наступила после первой революции, сыграла злую шутку с Россией» [11, с. 3].

Хотим подчеркнуть, что это была война массовых армий. Только в России за 1914-1917 гг. были мобилизованы порядка 15,5 млн человек. Это означало, что война пришла в каждый дом, в каждую семью, а винтовку держал не профессиональный солдат, а одетый в серую шинель гражданский человек. А потому на первый план выходила задача общественной мобилизации, а именно создания устойчивых смыслов, объяснявших простому человеку, почему надо жертвовать своей жизнью. Таким образом-примером героя явился первый по счёту георгиевский кавалер в мировую войну казак Козьма Крючков. «В первые месяцы боевой дух русской армии был крепок, а общественность переживала патриотический подъём. Это был прежде всего эмоциональный энтузиазм, питавшийся и пониманием, что именно на нас напали, и первыми победами в Галиции... Центральную роль в поддержании этого настроения были призваны играть образы героев, символизировавших то, что Россия ведёт, как утверждали тогда журналисты, народную, отечественную, священную войну.

Первые две недели общество жило ожиданиями новостей с линии фронта. И именно тогда появилась фигура Козьмы Крючкова, донского казака, первого георгиевского кавалера. Уже вскоре о нём стали слагать стихи и писать песни, портрет украсил даже коробку с папиросами, а дети играли в «Козьку Крючкова».

Официальная пропаганда примерно следующим образом излагала его подвиг. Граница с Восточной Пруссией, 12 августа (30 июля), немецкий конный отряд силой то ли в 27, то ли в 22 всадника был замечен нашими казаками. Их было всего четверо, включая Крючкова. Они открыли огонь по противнику, а затем погнались за ним. В рукопашной схватке 11 германцев окружили К. Крючкова, который убил их всех, получив 16 ран. Именно за это приказом командующего 1-й армии генерала П.К. фон Ранненкампа Крючков получил Георгиевский крест 4-й степени, а его товарищи – Георгиевские медали» [2, с. 32].

Война только начиналась, уже выпал случай сделать именно своих подчинённых первыми героями. Немного передёрнув события, действительно храброго казака сделали заложником газетной шумихи. Его реальный подвиг раздули, превратив в неправдоподобный миф, в модель для образов сотен других героев. Пресса искала яркие и красивые индивидуальные образы-истории, но большинство подвигов являлись коллективными. Необходимо, на наш взгляд, прежде всего подчёркивать коллективный характер подвигов как во время побед (например, при Гумбиннене), так и при поражениях

(как при Танненберге). Подлинным героизмом фронтовики считали доблестное повседневное выполнение своей боевой работы. Вскоре солдатский лексикон обогатился презрительным понятием «крючкониана», а газетные истории вызывали усмешку и досаду. Сам К. Крючков после выписки из лазарета вернулся на фронт, заслужил ещё несколько наград. Он не особо любил позировать перед публикой и стеснялся говорить о подвиге. По мнению К.А. Пахалюка и С.В. Волкова, настоящими героями, о которых надо рассказывать молодому поколению, являются Лариса Панова, Римма Иванова, Пётр Нестеров, генералы Щербачёв, Юденич и Сахаров, моряки Колчак, Эссен и Кителин.

Церковь (у неё есть свой взгляд на войну, свои пророчества и свои предостережения) воспринимает войну как зло, а всякое убийство как преступление. При этом она благословляет воинов на исполнение священного долга защиты ближних и восстановления справедливости. Церковь осуждает властителей, которые втягивают своих подданных в военные действия, при этом она не считает принесённые жертвы напрасными. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:3). Эти слова Христа Церковь относит к воинам, на поле брани за веру и Отечество жизнь свою положившим. Она прославляет их подвиг и молится о том, чтобы Бог простил им грехи и сотворил вечную память» [3, с. 7]. Думаем, что, если и есть победитель в войне, то это смерть. Именно она является главным победителем всех войн. Презрение к человеческой жизни, привычка к массовому насилию и неудовлетворённая тяга к нему, кровавый милитаризм – основа стиля тоталитарных режимов 1920 – 1930 гг., как и государственный ВПК, модель которого родилась в Первую мировую – основа экономики этих режимов.

Первая мировая война изменила ход ведения войны, стёрла моральные ограничения и привела к массовым и не очень законным военным жертвоприношениям, особенно после применения химического оружия. 15 марта 1918 года в Москве и 26 марта в Берлине был ратифицирован Брест-Литовский мирный (сепаратный) договор. Первая мировая война для России закончилась. «Для Антанты было жизненно важно сохранить в любом виде «русский фронт» в борьбе с Германией. Для Германии было столь же необходимо этот фронт ликвидировать. Каждый из противоборствующих лагерей опасался, что противник усилится за счёт российских ресурсов, территории и населения. Русские, однако, к 1917-му уж очень навоевались (армия потеряла половину боевого состава – 1,7 млн убитых, 3,7 млн раненых, 3,3 млн в плену). Но это в большой игре ничего не значило: ослабленная революцией Россия сама превратилась в тот самый Восточный фронт, который она раньше держала» [13, с.18].

Изучив разные и даже взаимоисключающие друг друга источники, многие из них мы использовали в работе. Подведём итоги.

1 . Неизбежности войны не было. «Однако на самом деле, даже после создания Антанты (в которую не без колебаний вступила Англия) и Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия – в 1915 перешла на сторону Антанты) никакой «предопределённости войны» не было. Для большой войны не было большой цели. Причём ни в одной из стран» [14, с. 3].

2 . Россия была вынуждена вступить в войну, победу в которой у неё украли. В честь 100-летия вступления Российской империи в Первую мировую войну на Поклонной горе в Москве открыли памятник героям работы А.Н. Ковальчука. (В маленькой Венгрии установлено более 2 тысяч памятников участникам войны, а в СССР ни одного). В своей речи президент страны В.В. Путин сказал: «Ровно век назад Россия была вынуждена вступить в Первую мировую войну <...> Россия хотела бескровно решить конфликт между Сербией и Австро-Венгрией. Но Россия не была услышана, и ей пришлось ответить на вызов, защищая братский славянский народ, ограждая себя и своих граждан от вечной угрозы. Однако победа была украдена теми, кто призывал к поражению своей армии, сеял распри

внутри России, рвался к власти, предавая национальные интересы» [15, с. 2]. После этого исторического события в стране принципиально изменилось отношение к Первой мировой войне, это был перелом. Всякое сохранение памяти о российской армии и службе в ней до революции рассматривалось как деяние контрреволюционное. «Это совершенно неудивительно, потому что все эти годы страной управляла партия, которая выступала за поражение в этой войне. Всё, что делали участники войны с российской стороны, было противоположно тому, чего хотела Коммунистическая партия. Поэтому само участие в Первой мировой войне скорее криминализировалось» [16, с. 6]. В странах-победительницах памяти о погибших придаётся исключительное значение. Возвращение памяти о Первой мировой войне необходимо для строительства демократического общества, основанного на ценностях патриотизма, солидарности и социальной справедливости.

3. США вышли на авансцену мировой политики, отодвинув и победителей, и проигравших, превратившись в супердержаву. Экономическое производство в стране за годы войны удвоилось. Настал век США. Если накануне Первой мировой войны «союзники» согласовали целесообразность упразднить не только Германскую, Австро-Венгерскую и Османскую, но и Российскую империю, то после победы большевиков давление на нашу страну многократно усилилось. «Экспансионистский курс в отношении России был принят 8 января 1918 г. в т.н. 14 пунктах президента США Вудро Вильсона и комментариях к ним советника президента полковника Хауза.

Американцы планировали признать все правительства, возникшие в различных частях Российской империи. Судьбу Кавказа они рассматривали как часть проблемы Турции. Планировалось выдать какой-либо державе мандат на управление Средней Азией. В Великороссии и Сибири предполагалось создать самостоятельные правительства. Планы раздела России сочинялись тогда же в Лондоне и Париже. Так, 22 декабря 1917 г. они подписали тайную конвенцию о разделе сфер влияния в «бывшей Российской империи». Британцам доставались, например, Кавказ и Закаспийская область, а французам – Украина и Крым. Границы России отодвигались к временам допетровской Московии» [17, с.11]. Считаю уместным сослаться вновь на мнение А.С. Терещенко: «Они понимали, что убитая Россия может скоро стать их добычей, которую в случае победы можно будет поделить на части, разрезать, как пирог. В штабах и правительствах этих стран уже делили территорию огромного и богатого Российского государства» [9, с.16].

4. Грандиозность значения Первой мировой войны в том, что она стала прологом Второй мировой войны. «Я могу совершенно точно предсказать, – сказал Вудро Вильсон, – что при жизни следующего поколения разразится новая мировая война» [18, с.25]. Кандидат исторических наук Ю.А. Борисёнок, заканчивает свою работу о Брестском мире предупреждением: «...На свехобильно политой кровью брестской земле плотно переплелись трагические следы двух мировых войн. Собственно, Брестский мир 3 марта 1918 г. и обусловленный им вариант окончания Первой мировой не только дал сильнейший импульс Гражданской войне, в том числе интервенции, но и стал одним из первых кирпичиков в фундамент новой мировой бойни. Кирпичиков цвета стен Брестской крепости – красно-кровавого...» [19, с. 105].

5. Эксперты круглого стола «Известий» С.В. Волков и П.Э. Куликовский сделали принципиально-объективные выводы, с которыми невозможно не согласиться: «Это была война за принципиальные интересы российской государственности. По её итогам ожидалось, что Россия достигнет политических целей, которые она многие десятилетия до того преследовала. Только благодаря тому, что русская армия одерживала победы и к концу 1916 года было очевидно, что война кончится победоносно, был окончательно согласован переход к России Константинополя и проливов – вековая мечта. Они важны и сейчас. Сталин пытался их заполучить, но не удалось. При ином исходе внутрироссийских событий эта война подвинула бы российскую государственность на

более высокую ступень. Это была очень важная война для интересов России. Там реально было за что воевать. Говорят: зачем мы туда влезали... Но нельзя не влезть, когда тебе объявляют войну!». «Нужно поддерживать баланс в оценке истории. Невозможно постоянно говорить только о Второй мировой. Всё, что сейчас происходит, результат и Первой мировой войны тоже. Первая демографическая яма была в Первую мировую войну, это были огромные потери. Демографические проблемы современной России начались именно тогда, как говорят эксперты Института русской истории РАН. Корни многих сегодняшних проблем в Первой мировой войне, а не во Второй мировой. Всё, что касается Гражданской войны, противостояния белых и красных, вышло из Первой мировой войны. Называйте, как хотите: монархисты, не монархисты, они все русские. Какого-то единства, общей точки зрения по поводу того, что произошло, наверное, невозможно достичь, может быть, и не надо ставить такую задачу. Но, по крайней мере, надо понять друг друга, а для этого нужно изучать Первую мировую войну» [16, с. 6].

6. После двух мировых войн попытка строительства однополярного мира провалилась, началась холодная, а с 2014-го идёт гибридная война. В такой исключительно сложной беспрецедентной геополитической обстановке основным гарантом мира остаётся Россия.

1. Радзиховский, Л. Высокое кровавое давление / Л. Радзиховский // Российская газета. 2009. №4966(142), 4 августа 2009 г. – С.3.
2. Пахалюк, К. Кто и за что получил первый Георгий в Первую мировую войну / К. Пахалюк // Российская Федерация сегодня. 2018. №8, С.37, 32.
3. Митрополит Волоколамский Иларион. Смерть – главный победитель всех войн. Чему нас учит история Первой мировой? / Митрополит Волоколамский Иларион // Российская газета – Неделя. 2014. №171(6443), 31 июля – 6 августа 2014 г. – С.6, .7.
4. Туляков, О. Николаю не удалось постриг / О. Туляков // Литературная газета. 2018. №29(6652), 18-24 июля 2018 г. – С.15.
5. Дорофеев, Н. Войны никто не хотел, но она была неизбежна / Н. Дорофеев // Российская Федерация сегодня. 2018. №4, апрель 2018 г. – С.36 - 37.
6. Дорофеев, Н. Лицемерие и политиканство как визитные карточки британской цивилизации / Н. Дорофеев // Российская Федерация сегодня. 2018. №5, май 2018 г. – С.32 - 33.
7. Черковец, О. Антинародная война / О. Черковец // Правда. 2014. №80(30142), 29-30 июля 2014 г. – С.4.
8. Сапожникова, Г. Информационная война за сто лет почти не изменилась / Г. Сапожникова // Комсомольская правда. 2014. №83(26261), 29 июля 2014 г. – С.6.
9. Никитин, С. Инферно красное и белое / С. Никитин // Аргументы недели. 2018 г. №36(629), 13-19 сентября 2018 г. – С.16.
10. Хейвуд, Э. Июль 1914-го: «Секретная мобилизация» в России / Э. Хейвуд // Родина. 2014. № 8, август 2014 г. – С.24 -25, 26.
11. Самохин, А. Реального суда над Николаем II никто не хотел / А. Самохин // Культура. 2018. №25(8105), 20-26 июля 2018 г. – С.3.
12. Млечин, Л. Союзники просят огня / Л. Млечин // Московский комсомолец. 2017. №26, 21-28 июня 2017 г. – С.25.
13. Сабов, А. Русский трофей / А. Сабов // Огонёк. 2017. №51(5497), 25 декабря 2017 г. – С.18.
14. Радзиховский, Л. Никто не хотел умирать / Л. Радзиховский // Российская газета. 2014. №168(6440), 29 июля 2014 г. – С.3.
15. Кармунин, О., Созаев-Гурьев, Е. На Поклонной отметили столетие Великой войны /О. Кармунин// Известия. 2014. №142(29142), 4 августа 2014 г. – С.2.
16. Лория, Е., Крецул, Р., Ладилова, Е., Нодельман, В. Невыученные уроки / Е. Лория // Известия. 2018. №165 (30150), 5 сентября 2018 г. – С.6.
17. Чураков, Д. Компромисс или предательство? / Д. Чураков // Литературная газета. 2018. №9(6633), 28 февраля – 6 марта 2018 г. – С.11.
18. Млечин, Л. На гребне войны / Л. Млечин // Огонёк. 2014. №29(53334), 28 июля 2014 г. – С.25.
19. Борисёнок, Ю. На руинах «похабного мира» / Ю. Борисёнок // Родина. 2018. №3, март 2018 г. – С.105.

**РЕВОЛЮЦИОНЕР ИЗ ВИТЕБСКИХ ЯНОВИЧ
И «КРАСНЫЙ ИМПЕРАТОР КАНТОНА»:
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ
М.М. БОРОДИНА (ГРУЗЕНБЕРГА)**

В.А. Космач

Бородин (наст. Фамилия – Грузенберг) Михаил Маркович родился 9 (21) июля 1884 г. в местечке Яновичи Витебского уезда (теперь – Витебский район) Витебской губернии (теперь – Витебская область) Российской империи (теперь – Республика Беларусь). Различные энциклопедические издания представляют его как революционера (действовал под партийными псевдонимами «Кирилл» и «Ванюшин»), деятеля Коминтерна, журналиста, советского государственного и партийного деятеля. Умер 29 мая 1951 года. Интернет-издание «Википедия» называет М.М. Бородин (Грузенберга) российским революционером, агентом Коминтерна, советским государственным и общественным деятелем.

По В.В. Вишняковой-Акимовой, он «был высокого роста, носил китель и брюки навыпуск, говорил гулким, густым басом, который шел к его большой, уже слегка отяжелевшей фигуре. Двигался Михаил Маркович легко и бодро, несколько откинувшись назад. У него были черные, уже начавшие редеть волосы, которые он зачесывал на косой пробор» (речь идет о 1926 г.).

Фамилию Бородин М.М. Грузенбергу посоветовал взять Лев Михайлович Карахан (Караханян), заместитель Г.В. Чичерина, в 1918 г. «Мне нравится имя, – написал М.М. Грузенберг (Бородин) Льву Карахану, – которым Вы меня наделили». Среди советских советников в Китае у Сунь Ятсена в 1920-е гг. наибольшей популярностью пользовался Бао Лотин. Это был М.М. Бородин (Грузенберг), возглавлявший группу советских спецов в Китае в 1923-1927 гг. М.М. Бородин (Грузенберга) в мировой печати 1920-х годов часто называли «красным императором Кантона», «красным Ришелье» и «красным Лафайетом». Сунь Ятсен величал его «советским Лафайетом». В «Большой Советской Энциклопедии» 1927 года издания он представлен как «высокий советник» («HighAdviser») Центрального исполнительного комитета (ЦИК) китайской политической партии Гоминьдан.

Родился М.М. Грузенберг (Бородин) 9 (21) июля 1884 г. в местечке Яновичи Витебского уезда (теперь – Витебский район Витебской области Республики Беларусь). Это была бедная еврейская семья. Однако считать М.М. Грузенберга (Бородин) евреем будет не совсем правильно, поскольку отец Михаила Марковича был евреем, а мать – армянкой. Детство своё М.М. Грузенберг (Бородин) провёл в Прибалтике, в Латвии, где учился в русской школе, по окончании которой поступил в университет и стал студентом.

Совсем юношей в начале 1900-х гг. он примкнул к революционному движению и первое время входил в Бунд. С 1903 г. М.М. Грузенберг (Бородин) стал большевиком поддержав ленинскую платформу в РСДРП. С конца января 1905 г. работал в Риге, среди латышских социал-демократов под партийным псевдонимом «Кирилл», и входил в состав существовавшего там федеративного Комитета, объединявшего представителей РСДРП, латышских социал-демократов и Бунда. Здесь Михаил Маркович быстро выдвинулся как хороший организатор и стал известен среди широких слоёв рабочих в качестве живого и популярного оратора и пропагандиста. Он был избран одним из секретарей рижской организации РСДРП(б). От рижской партийной организации большевиков М.М. Грузенберг (Бородин) принимал участие в работе Таммерфорской конференции РСДРП в 1905 г. и IV-го (Объединительного) съезда РСДРП в 1906 г.

После возвращения со съезда М.М. Грузенберг был арестован, но вскоре отпущен, а затем эмигрировал вначале в Великобританию, а потом в США. В Лондоне и Чикаго

М.М. Бородин занимался научной и педагогической работой. В 1908 г. он организовал в Чикаго школу для эмигрантов («Progressive Preparatory School»). В Америке М.М. Грузенберг состоял ещё членом Социалистической партии («Socialist Party of America») и исполнял обязанности казначея Общества помощи русским политзаключённым, организованного в 1909 г. Как указано в томе третьем «Большой Советской Энциклопедии» (М., 1970), с начала 1907 г. и до июля 1918 г., находясь в США, где организовал школу для политэмигрантов, М.М. Грузенберг (Бородин) активно участвовал в работе Социалистической партии Америки (СПА), из левого крыла которой в 1919 г. образовалась Коммунистическая партия США. Понятно, что в США М.М. Грузенберг (Бородин) был на слуху у Л.Д. Троцкого (Бронштейна) и мог встречаться с ним.

В июле 1918 г. М.М. Грузенберг (Бородин) приехал в Москву и сразу же «вошёл в местную партийную работу». Активно участвовал в создании III (Третьего) Коммунистического Интернационала. В тоже время М.М. Бородин начал работать в наркоминделе (НКВД), что сыграло немаловажную и переломную роль в его дальнейшей судьбе и политической биографии.

«Летом 1918 г., - отмечали В.Л. Хейфец и Л.С. Хейфец, - оставив семью в Чикаго М. М. Бородин через Скандинавию вернулся в Россию. Для России Советов это был критический момент — началась интервенция стран Антанты. Как воздух, была необходима большевикам любая поддержка. Поэтому Ленину пришлось очень кстати услышанная от Бородина (беседа состоялась в середине августа) информация о том, что американцы солидарны с большевиками, и он предложил Бородину доставить в США «письмо к американским рабочим», которое он, председатель Совнаркома, напишет. Через короткое время Ленин передал ему послание, начинающееся со слов: «Товарищи! Один русский большевик, участвовавший в революции 1905 года и затем много лет проводивший в вашей стране, предложил мне взять на себя доставку моего письма к вам».

Но довести до конца эту миссию ему не удалось. В Скандинавии дипломатические паспорта Бородина и его напарника Петра Травина никто не признавал. Травина выручила членская книжка Американского союза моряков, полученная, когда он под видом кочегара пробирался домой из Америки. Ему удалось наняться плотником на пароход, отправлявшийся в Нью-Йорк. «Жаль было расставаться с таким верным товарищем, как Бородин, но пришлось» По возвращении в Москву Бородин принял участие в учредительном Конгрессе «мировой коммунистической партии» – Третьего Коммунистического Интернационала, надолго ставшего местом его новой работы, сделавшей его известным всему миру. М. Бородин стал единственным «агентом Коминтерна», которому удалось в один из периодов своей активности в этом качестве функционировать легально и прославиться.

В апреле 1919 г. он вновь покинул Москву, имея директивы Совнаркома и ИККИ. Руководство Коминтерна предполагало использовать европейский кризис конца 1918 – начала 1919 гг., в частности, рост революционных выступлений в Германии. Но конечной целью путешествия Бородина была Мексика. 16 апреля Ленин подписал документы, согласно которым «правительство РСФСР Советов назначило своим Генеральным консулом при правительстве Мексиканских Соединенных Штатов гражданина М. М. Грузенберга и поручило ему вступить от имени Правительства Российской Республики в переговоры с Правительством Мексиканской Республики с целью установления соглашения между Правительствами обеих Республик по вопросам поддержания дружественных отношений между ними, установления торговых отношений, защиты прав и интересов граждан на территориях договаривающихся Республик и всех государственных и общественных групп, как российских в пределах Мексиканской Республики, так и мексиканских в пределах РСФСР, а также уполномочивает его заключить и подписать от имени РСФСР предварительное торговое соглашение».

Незадолго до этого Ленин беседовал с Бородиным, после чего передал записку Л.Б. Красину с просьбой принять того, отметив: «Рекомендую его очень»

Направление Бородина в Мексику не было случайным. Это была единственная латиноамериканская страна, не разорвавшая после прихода большевиков к власти дипломатические отношения с Россией, а лишь приостановившая их. Кроме того, Мексика переживала сходные с Россией события: революция, серьезные трения с США, изоляция в мире. Однако дипломатическая цель поездки была не основной. Бородин вез с собой средства для советского полпредства в США и коммунистов Нового Света. Но «главной миссией Бородина», даже «если бы он стал послом в Мексике,— считал его соратник Ч. Филипс (М. Гомес),— было финансирование и управление организацией, которую мы сейчас называем коммунистическим движением Латинской Америки, с Мексикой в качестве его центра». Судя по «Воспоминаниям» М. Н. Роя, в Москве не считали, что это может испортить отношения с Мексикой, а даже рассчитывали на поддержку президента страны В. Каррансы, имея в виду антиимпериалистическую направленность будущего коммунистического движения, вполне сочетавшуюся с основным вектором внешней политики мексиканского правительства — противостоянием с США.

Поездке Бородина предшествовала длительная подготовка, она имела серьезное дипломатическое прикрытие. Л. Карахан, один из руководителей НКВД РСФСР, сумел убедить исполняющего обязанности генконсула Мексики в России в необходимости выдать Бородину мексиканский дипломатический паспорт... и даже назначить его вице-консулом Мексики в Москве (!) 18 апреля 1919 г. вместе с секретарем мексиканского консульства Бородин отбыл из Москвы с чемоданом пропагандистских материалов, под которыми в тайнике были запрятаны бриллианты. В Берлин он доставил инструкции ИККИ для компартии Германии, находившейся в трудном положении после убийства Р. Люксембург и К. Либкнехта и ареста эмиссара Коминтерна К. Радека.

Недолгое пребывание в Германии Бородин использовал для посещения посольства Мексики, сотрудник которого сообщил в Мехико: «Несколько дней назад... представились... сеньор Хорхе Вильярдо, назвавшийся секретарем нашего консульства в Москве, и сеньор Майкл Грузенберг, назвавшийся вице-консулом... Грузенберг — американец из Калифорнии, испытывающий симпатии к Мексике, человек умный, занимающийся торговлей и увлеченный политическими и социалистическими преобразованиями в России... Грузенберг сообщил мне, что вскоре едет в Мексику...».

Значительным был вклад Бородина в организацию Мексиканской компартии. Его приезд в страну и влияние на лидеров Социалистической партии (в первую очередь — Роя) ускорили процессы, уже назревавшие в социалистическом движении. Полномочия же Бородина были, очевидно, очень весомыми, позволявшими действовать достаточно автономно от штаб-квартиры Коминтерна (о чем свидетельствует написанное им от имени Секретариата ИККИ послание Национальному социалистическому конгрессу). Вряд ли он мог позволить себе такую вольность, не имея на это полномочий, понимая, что при возвращении в исполком Коминтерна он может быть за это наказан. Как несомненный успех следует расценивать решение мексиканских коммунистов, принятое по совету Бородина, направить делегатов на II конгресс Коминтерна. Участие в нем первой латиноамериканской делегации способствовало росту престижа Третьего Интернационала как организации, имеющей сторонников во всем мире.

Поездка из Мексики в Москву была для Бородина сложной и ответственной. Много проблем предстояло «агенту Коминтерна» решить в Европе, куда он отправился вместе с Ч. Филипсом. В Испании он вошел в контакт с представителями групп внутри Социалистической рабочей партии, ратовавших за ее вступление в Третий Интернационал, с лидерами профсоюзов Д. Ангиано и А. Пестаньей. Бородин обещал «братскую помощь», как только компартия будет создана. Но долго на Пиренеях он

задерживаться не мог и в апреле 1920 г. вернулся в Москву. Авторитет его в большевистском руководстве сильно вырос. По словам американского историка Т. Дрейпера, в глазах иностранных коммунистов Бородин стал «одним из наиболее убедительных и привлекательных большевистских пропагандистов, когда-либо посланных Москвой для распространения мировой революции».

Он не входил в Исполком Коминтерна, хотя об этом и пишут некоторые его биографы. Роль и место Бородина в иерархии мировой компартии определялись реальной деятельностью по организации национальных секций и их связей с ИККИ. Но он по-прежнему остается в тени. В Москве Бородин продолжает опекать неофитов, хотя они уже начинают играть самостоятельную роль как делегаты II конгресса, активно работает с другими гостями столицы Советской России: со знаменитым Энвер-пашой, турецким лидером, который пытался сотрудничать с коммунистами, но затем стал поддерживать басмаческое движение. Некоторые авторы считают, что Бородин был советником Мустафы Кемаля (Ататюрка), но это вряд ли возможно: жизнь его достаточно изучена, и времени для поездки в Турцию в ней не находится.

Посчастливилось Михаилу Марковичу общаться как другу и наставнику с известными деятелями мировой культуры, совершившими паломничество в революционную Мекку, с танцовщицей Айседорой Дункан и скульптором Клер Шеридан, родственницей У. Черчилля, которая собиралась лепить бюсты Ленина, Троцкого и других вождей Советской России. Провожая ее к Ленину, он сказал: «Сейчас Вам предстоит создать самое лучшее из всего, что было создано Вами за всю жизнь». Очарованная Бородиным, Шеридан даже посоветовала Ленину назначить его послом в Англию.

В октябре 1920 г. Бородин снова в Мадриде. Официально — как делегат Всемирного почтового союза и сотрудник НКВД. Скорее всего, мандат скрывал его деятельность по линии Коминтерна, или он, как это было в Мексике, параллельно решал несколько задач. Подтверждением этого предположения может служить совместное путешествие с ним Ч. Филиппса и Л. Фрайны, уже проявивших себя умелыми организаторами. Помимо Испании, Бородин побывал в Берлине, где вновь пытался посредничать между немецкими коммунистами.

Сильно сблизился М.М. Бородин (Грузенберг) с индусским революционером М. Роем, который на II конгрессе Коминтерна представлял коммунистов Мексики и Индии. М. Рой был учеником М. Бородина. На II конгрессе Коминтерна Рой был избран членом ИККИ. Ленин предложил ему подготовить тезисы по национально-колониальному вопросу в дополнение (в противовес?) его собственным. Он популярен в России и Коминтерне: избирается от него делегатом XIV съезда партии большевиков, членом Моссовета созыва 1925 г. Компартия Индии, одним из основателей которой он становится, выписывает ему членский билет за № 4.1923 г. сыграл важную роль в жизни и Бородина, и Роя. Это был год несостоявшегося триумфа ученика и начало восхождения к славе учителя.

Коминтерн и большевистское руководство пришли к выводу, что созрела «вторая германская революция», и решили «помочь» немецкому пролетариату в ее осуществлении. Была создана оперативная группа, возглавившая подготовку вооруженного восстания в Веймарской Республике. В Германию нелегально с этой целью приехали Е. Д. Стасова, К. Радек, М. Н. Тухачевский. «Председателем ревкома Германии» был, как он указывает в своей биографии, Август Гуральский («Клейн»), в то время представитель ИККИ в Германии, член руководства КПГ, а впоследствии — секретарь южноамериканского бюро Коминтерна в Буэнос-Айресе и Монтевидео (1930-1934 гг.).

Миссия Роя и его соратников не привела к успеху вовсе не потому, что они были плохими вождями. Сама по себе идея инспирировать революцию в Германии была авантюрой от начала до конца. И, к счастью, это вовремя поняли в ЦК РКП(б), отменив, буквально в последний момент, вооруженное выступление.

А вот Бородин ждала на политическом поприще удача, хотя ему тоже пришлось переключиться с проблем Запада на азиатские.² 2 августа 1923 г. Политбюро РКП(б) по предложению Сталина принимает постановление назначить Бородин политическим советником при Сунь Ятсене, поручив ему руководствоваться интересами национально-освободительного движения в Китае, «отнюдь не увлекаясь целями насаждения коммунизма...». Для Михаила Марковича, как вспоминал его сын Норман, это решение явилось полнейшей неожиданностью. Он предполагал, идя в ЦК, что ему предложат работу с компартиями Западной Европы, США или Латинской Америки.

В январе 1923 г. Сунь Ятсен обратился к Советскому Союзу с просьбой оказать поддержку революционному движению в Китае. В обращении в Москву, переданном через главу советской дипломатической миссии в Китае А. А. Иоффе, Сунь Ятсен подчеркивал, что он «хотел бы воспользоваться советами и помощью в преобразовании Гоминьдана, создании революционной армии, организации похода на Север для объединения страны, а также получить финансовую поддержку для всех планируемых начинаний».

Это обращение Сунь Ятсена не было случайным. Его, долгое время искавшего пути социального и политического обновления Китая, живо интересовали события в России. Еще в 1921 г. Сунь писал наркому по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерину: «Я чрезвычайно заинтересован вашим делом, в особенности организацией ваших Советов, вашей армии и образования». Внешнеполитический курс страны Советов в отношении Китая – курс мира, дружбы, поддержки революционных сил – делал вполне закономерным решение Сунь Ятсена опереться на поддержку советских людей в борьбе за объединение и освобождение Китая.

1 мая 1923 г. правительство Советского Союза направило Сунь Ятсену телеграмму с выражением готовности СССР оказать Китаю необходимую поддержку. Важнейшей формой помощи, начатой в соответствии с договоренностью, была посылка в Китай добровольцев – военных, политических и других советников. Главным политическим советником правительство направило М. М. Бородин. Рекомендуя его Сунь Ятсену, Л. М. Карахан писал 23 сентября 1923 г.: «Тов. Бородин – один из старейших членов нашей партии, много лет участвовавший в революционном движении в России. Считайте, пожалуйста, т. Бородин не только представителем правительства, но и моим личным представителем, с которым Вы можете говорить также дружественно, как со мной». В общей сложности в Китай из СССР в 1924-1927 гг. было направлено 135 советников. Самыми известными из них были М.М. Бородин, А.С. Бубнов, Г.Н. Войтинский, В.К. Блюхер, П.А. Павлов, А.И. Черепанов [1, с.74-75].

В начале октября 1923 г. М. М. Бородин прибыл в Гуанчжоу, в резиденцию Сунь Ятсена. Это было бурное время: разгоралось стачечное движение китайского пролетариата, оформлялся единый антиимпериалистический фронт, одновременно нарастала и усиливалась борьба внутри этого фронта. Одним словом, это были годы революции. Бородин был тепло встречен Сунь Ятсеном. Как сообщает в своих воспоминаниях жена Михаила Марковича, Сунь Ятсен долго расспрашивал его о Ленине. «Он, – пишет Ф. С. Бородин, – неоднократно называл Ленина самым большим другом Китая и высказывал самую сердечную благодарность нашей партии и Советской стране, которая так быстро и так искренне откликнулась на призыв о помощи».

Работа советских советников во главе с М. М. Бородиным осложнялась тем, что даже в кругах, близких к Сунь Ятсену, не все одобряли курс Сунь Ятсена на сближение с СССР, с китайскими коммунистами, с рабоче-крестьянскими массами. С первых дней работы в Китае Бородин столкнулся с широкой оппозицией как раз в ближайшем окружении Сунь Ятсена. Эти люди были обеспокоены присутствием советников из СССР, пытались парализовать их полезную для Китая деятельность.

Примерно через месяц после приезда Бородина в Гуанчжоу бывший союзник Сунь Ятсена генерал Чэнь Цзюньмин собрал значительные силы и выступил против гуанчжоуского правительства. Положение стало тревожным, особенно потому, что население города, страдавшее от инфляции и обманутое демагогическими лозунгами Чэнь Цзюньмина, готово было оказать содействие врагу. По просьбе Сунь Ятсена Бородин составил план отпора Чэнь Цзюньмину, причем уделил самое серьезное внимание политической подготовке кампании и предложил с этой целью провести ряд мероприятий, направленных на улучшение положения народных масс. Его предложение было принято. Но как только Чэнь Цзюньмин был отброшен от Гуанчжоу, правые гоминьдановцы сумели убедить Сунь Ятсена в том, что если не приостановить осуществление программы Бородина, которую они называли «советизацией», то китайские эмигранты в странах Юго-Восточной Азии, оказывавшие материальную поддержку гоминьдану, отшатнутся от него. Кстати сказать, за все время пребывания Бородина на посту политического советника Сунь Ятсена это был единственный случай, когда Сунь Ятсен не прислушался к его мнению.

Важнейшей задачей, стоявшей тогда перед революционными силами Китая, было создание единого антиимпериалистического фронта. В соответствии со сложившимися в стране условиями Коминтерн рекомендовал использовать в качестве организационной формы единого фронта блок Компартии Китая с Гоминьданом при сохранении политической и организационной самостоятельности КПК. В то время Гоминьдан пользовался авторитетом в стране и за ее пределами, с ним было связано свержение цинской династии и установление в Китае республики в 1912 г. Однако Гоминьдан в 1923 г. оставался аморфной партией, не имел четкой программы и структуры. Необходимо было его реорганизовать.

Советником по реорганизации Гоминьдана Сунь Ятсен назначил М. М. Бородина. Это решение он обнародовал в речи, обращенной к членам Гоминьдана: «Я попросил господина Бородина, который имеет большой опыт партийной работы, стать инструктором нашей партии, помочь нашим товарищам изучить русские методы борьбы».

Как следует из записок Бородина, первые четыре месяца его работы в Гуанчжоу и были целиком посвящены проблемам реорганизации Гоминьдана. Бородин и приехавшие с ним другие советники много беседовали с руководством Гоминьдана о важности реорганизации партии и определении ее роли и роли рабоче-крестьянских масс в национально-освободительной борьбе. Пришлось потратить немало сил, чтобы убедить лидеров Гоминьдана в необходимости решительно отбросить традиционные взгляды на принципы организации и деятельности партии, в необходимости привлечь к революционной борьбе широкие массы трудящихся и опираться на них, создать условия, которые бы сделали возможным единый широкий антиимпериалистический фронт. Эта деятельность наших советников во главе с Бородиным отразилась в речах и статьях Сунь Ятсена конца 1923- начала 1924 г. Выступая перед членами своей партии, он говорил о необходимости использовать «русские методы» борьбы, «русские методы строительства партии», если Китай желает свершения своих начинаний.

М. М. Бородин участвовал в обсуждении важнейших вопросов в суньятсеновском Гоминьдане; он присутствовал на всех совещаниях, участвовал в подготовке основополагающих документов. Неизменно представляя Бородина своим другом и сторонником, Сунь Ятсен стремился еще более поднять его авторитет. Но нельзя, конечно, упускать из виду, что Бородин был лишь советником Гоминьдана, что он работал в сложнейших условиях, и было бы неправильно переоценивать его влияние на политическую жизнь Китая.

Разработанный при участии М. М. Бородина план реорганизации Гоминьдана состоял в следующем: в первую очередь пересмотреть программу партии, обсудить ее, добиться ее популяризации в массах; выработать устав; создать гоминьдановское ядро в Гуанчжоу и

Шанхае, затем в других районах страны; созвать съезд, который утвердит программу и устав, изберет руководящие органы партии. Этот план послужил программой проведения, всех последующих мероприятий. Бородин принял активное участие в составлении основных документов I съезда Гоминьдана (январь 1924 г.).

Сунь Ятсен высоко оценил деятельность М. М. Бородина по реорганизации Гоминьдана, подготовке и проведению его съезда. 16 февраля 1924 г. Сунь писал Г. В. Чичерину: «Вы совершенно правы в определении основной цели моей партии — создании мощного движения китайского народа, одновременно революционного и созидательного... Мы в настоящее время интенсивно работаем в этом направлении... В связи с этим я выражаю мою глубокую признательность за те услуги, которые товарищ Бородин оказывал нам в реорганизации Гоминьдана. Он был неоценим, и его визит является, по-видимому, знаменательным событием».

В речи, произнесённой 25 ноября 1924 г. в Кантоне на собрании районных комитетов и организаторов Гоминьдана Сунь-Ятсен следующим образом охарактеризовал роль М. Бородина: «Чтобы учиться у русских революционеров, я пригласил тов. Бородина руководителем (соратником) партии. Тов. Бородин имеет большой опыт в партийной работе, и я надеюсь, что вы также будете учиться у него».

Уже в период реорганизации Гоминьдана и проведения I съезда этой партии М. М. Бородин установил самые широкие контакты с китайскими коммунистами, особенно с членами ЦК КПК и другими товарищами, работавшими бок о бок с советскими людьми, помогал и им своим советом. Так, во время работы I съезда Гоминьдана очень острым был вопрос о сотрудничестве Гоминьдана с КПК, о вступлении в Гоминьдан коммунистов, без чего эта партия не могла стать партией единого антиимпериалистического фронта. Перед обсуждением этого вопроса на пленарном заседании коммунистическая фракция приняла решение, чтобы представитель коммунистов Ли Дачжао выступил на съезде с изложением причин, по которым коммунисты вступают в Гоминьдан в индивидуальном порядке. М. М. Бородин поддержал это решение, но посоветовал приурочить выступление Ли Дачжао к такому времени, когда на заседании будет присутствовать Сунь Ятсен. В этом совете проявилось правильное понимание Бородиным расстановки сил на съезде, роли и авторитета Сунь Ятсена. Присутствие на заседании Сунь Ятсена и левого гоминьдановца Ляо Чжункая во многом определило отношение делегатов к выступлению Ли Дачжао.

В результате постоянных контактов у М. М. Бородина сложились товарищеские отношения с рядом руководящих работников Коммунистической партии Китая. В его резиденции в Гуанчжоу и Ухане часто бывали Цюй Цюбо, Су Чжаожэнь, Дэн Чжунся, Чэнь Янькянь. Особенно тесные связи установились у него с Чжан Тайлэем. В 1925 г. Чжан Тайлэй был прикомандирован к Бородину для помощи. С этого времени и до отъезда Бородина из Китая они постоянно работали вместе. Чжан Тайлэй сопровождал М. Бородина на ответственные совещания в Политбюро Гоминьдана, был консультантом и переводчиком (с английского) выступлений Михаила Марковича.

В связи с широкими масштабами советской помощи Китаю уже к середине 1925 г. остро встал вопрос о переводчиках с китайского и русского языков. Небольшое число подготовленных переводчиков давали Дальневосточный университет, Ленинградский и Московский востоковедные институты. Однако этого было совершенно недостаточно. Необходимо было готовить кадры переводчиков и из китайцев. Трудность подготовки заключалась в том, что кроме профессиональных языковых знаний переводчику была нужна соответствующая политическая подготовка. Учитывая это в середине 1925 г., по предложению М. М. Бородина, Л., М. Карахана и некоторых других советских работников в Китае, было принято решение организовать при Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве специальное переводческое отделение в составе 100

человек частично из китайских коммунистов, находившихся в Москве, частично из отобранных ЦК КПК в самом Китае.

Контакты и сотрудничество М. М. Бородин с китайскими коммунистами продолжались до последних дней его пребывания в Китае, и, несомненно, деятельность М. М. Бородин и других наших советников в Китае, осуществлявшаяся через них помощь Советского Союза революционному движению китайского народа заметно способствовали тому, что компартия Китая из небольшой, мало известной в стране в начале 20-х годов партии превратилась к 1927 г. в значительную политическую силу. Реорганизация Гоминьдана была первой задачей, решить которую помогли Китаю советские советники. Не менее важно было в короткое время создать революционную армию, способную противостоять многочисленным милитаристским войскам, а также укрепить территорию провинции Гуандун, которая должна была стать базой дальнейшего развертывания революционного движения в Китае.

Организация необходимой для осуществления этой задачи военной помощи также связана с именем М. М. Бородин. Именно он представил Сунь Ятсену первую небольшую группу советских военных советников, ознакомил его с системой политической работы в Красной Армии. В первых же беседах с руководителями Гоминьдана он обращал их внимание на принципы организации и политической подготовки будущих офицеров Национально-революционной армии. Известный советский военный деятель А. И. Черепанов сообщает по этому поводу: «Когда по приезде в Гуанчжоу Бородин охарактеризовал Сунь Ятсену политическую работу в Красной Армии, Сунь Ятсен сделал вывод: «Этого у нас в армии нет. Надо нам все это сделать». После этого политработа была введена в Национально-революционной армии Сунь Ятсена. В составлении программы и в проведении политработы ведущую роль сыграли советские советники и немногочисленные еще армейские коммунисты».

Вместе с нашими военными советниками М. М. Бородин разрабатывал планы создания в Китае революционной армии при помощи нашей страны. По просьбе Сунь Ятсена он сообщал в Москву свои соображения о количественном составе группы военных советников, их специальности. Так, 16 апреля 1924 г. М. М. Бородин и Л. М. Карахан телеграфировали: «1. Необходимо командировать в Кантон группу активных военных работников в количестве 50 человек. 2. Возглавить ее товарищем, имеющим большой боевой опыт и в то же время способным импонировать Сунь Ятсену». Как известно, главным военным советником в Китае был П. А. Павлов, а после его трагической гибели – один из прославленных советских военачальников, впоследствии Маршал Советского Союза В. К. Блюхер.

До приезда основной группы военных советников Бородину пришлось самому выступить в роли военного специалиста при подавлении мятежа купеческих дружин – шантуаней (их тогда звали «бумажными тиграми»). В представленном Бородиным плане разгрома мятежников особое внимание обращалось на сплочение всего гуандунского населения. Бородин особенно настаивал на том, чтобы облегчение тягот китайских тружеников было не временной мерой на период военной опасности, а основным в деятельности новой власти. Предлагая такой план, Бородин указывал на опыт русских большевиков.

В середине 1926 г. перед КПК остро встал вопрос о дальнейших путях революционного движения в Китае. Казалось, было бы целесообразно сначала решить все основные задачи антиимпериалистической, буржуазно-демократической революции в провинции Гуандун, а затем дожидаться, чтобы левые силы во главе с КПК настолько окрепли, что исход борьбы в стране не вызывал бы особой тревоги. Но объективные обстоятельства не благоприятствовали этому. Они требовали перенести центр тяжести революционного движения на обширные районы Центрального Китая. Бородину, как и многим другим нашим советникам в Китае, было ясно, что нельзя более ограничивать сферу деятельности единого фронта одной провинцией, если левые силы не хотят остаться в стороне от

развития событий, что необходимо дать выход накопившейся энергии самых разных слоев народа, требовавшего освобождения всего Китая; надо было начать поход против северных милитаристов, препятствовавших национальному объединению страны.

В связи с планом Северного похода, начало которого намечалось на вторую половину 1926 г., представляет интерес точка зрения М. М. Бородина на положение в Гоминьдане. В феврале 1926 г., т. е. еще до попытки контрреволюционного переворота Чан Кайши (20 марта 1926 г.), руководитель южнокитайской группы советников Н. В. Куйбышев сообщал, что, по мнению Бородина, «в Гоминьдане как таковом мы не можем видеть опоры, это буржуазная неустойчивая партия... Сегодня она с нами, завтра — не с нами». В докладе для комиссии А. С. Бубнова М. М. Бородин говорил, что «в Гуанду недолго сидеть не придется. Укрепление Гуандуна за левыми требует продвижения на Север».

К началу 1926 г. в аппарате М. М. Бородина уже работала группа специалистов в области аграрного и рабочего движения. Она подготовила солидный труд об аграрных отношениях в провинциях Гуандун и Гуанси, собрала и другие материалы. Михаил Маркович сам принимал активное участие в выработке практических мероприятий, направленных на дальнейший размах революционной борьбы народных масс. О понимании им задач, стоявших в тот период перед революционными силами Китая, свидетельствует следующее место его доклада: «Северная экспедиция — необходимый этап работы в Китае. На всем пути она будет проводить мероприятия, способствующие развитию рабочего и крестьянского движения, должна будет разрешить или хотя бы взяться за разрешение социальных вопросов. Особое внимание будет обращено к аграрному вопросу». В соответствии с рекомендациями Коминтерна Бородин был убежден, что в тогдашних условиях Китая «только аграрная революция освободит крестьян от неслыханной эксплуатации, создаст в крестьянстве прочную базу для настоящего антиимпериалистического государства, которое одной лишь уступкой со стороны держав не будет довольствоваться, пойдет дальше в своей борьбе с экономической властью империализма в Китае».

В дальнейшем М. М. Бородин конкретизировал свою программу, выдвинув следующие предложения: «1. Развитие массового движения на основе борьбы крестьян за власть и землю, на основе классовой борьбы в городах. 2. Борьба с империализмом и для этой цели объединение усилий всех выступавших против него. 3. Использование противоречий военных группировок для ослабления позиций мартовцев. 4. Усилить и продолжать формирование новых коммунистических частей. Полк Е Тина развернуть в дивизию, а по возможности — в корпус».

К началу Северного похода Бородин находился на севере Китая и собирался уже поехать в отпуск. Но ему так и не удалось осуществить это намерение. Он был срочно вызван в Гуанчжоу, где сразу же включился в работу по политическому обеспечению Северного похода. Дело в том, что после мартовской попытки Чан Кайши произвести контрреволюционный переворот правые силы Гоминьдана начали добиваться запрещения политической работы в армии и среди народных масс на время войны. В условиях, сложившихся после событий 20 марта, М. М. Бородин отмечал, что если военно-политическая работа в армии сократилась и значение соответствующих советников понизилось, то усилилось наше влияние среди рабоче-крестьянских масс. Он считал, что советники должны «главное внимание обратить на работников по крестьянскому движению». В январе 1927 г. в Ухане были открыты курсы крестьянского движения для подготовки кадров организаторов поднимавшегося народного движения в деревне.

До конца 1926 г. М. М. Бородин работал в Гуанчжоу. Затем он вместе с членами национального правительства переехал в Ухань. Он бывал также в Пекине, Шанхае, Баотоу. Ему пришлось работать как с гоминьдановцами разного толка, так и с коммунистами, быть свидетелем их дискуссий о политике по отношению к народным

массам и империалистическим странам. Как большевик-интернационалист Бородин внес немалый вклад в укрепление связей между ВКП(б) и КПК, между народами Китая и Советского Союза.

Естественно, деятельность Бородина в Китае получила свою оценку у многих его коллег по совместной работе. Так, Л. М. Карахан писал 9 февраля 1926 г. Г. В. Чичерину: «Бородин проделал колоссальную работу исторического характера и проделал ее блестяще». А. И. Черепанов в воспоминаниях дал следующую характеристику М. Бородину: «Бородин стал не только главным советником Сунь Ятсена по всем решающим вопросам, но и большим его личным другом. При этом Бородин проявил настоящую политическую зрелость, недаром он был большевиком-ленинцем с большим партийным стажем. Бородин подходил к оценке суньятсенизма с ленинской меркой, обнаружил умение сотрудничать с мелкобуржуазным революционным движением, вести правильную линию в очень нелегких для дипломата условиях». В то же время деятельность Бородина имела и своих оппонентов, которые подвергли серьезной критике его работу, особенно в уханьский период китайской революции.

Мы не найдем прямых оценок деятельности Бородина в современной китайской историографии. Но косвенным признанием его позитивной деятельности является, например, то место в изданной Народным университетом Китая в 1962 г. книге «История Китая в период новодемократической революции», где говорится: «Бескорыстная помощь Советского Союза также является причиной достигнутых в Северном походе успехов. Во время Северного похода везде – в Национальном правительстве, в Главном штабе, среди солдат и офицеров — находились советские советники. Они внесли выдающийся вклад в Северный поход. Правильные оперативные планы были разработаны под руководством советников, система политической работы в армии Северного похода была также построена с помощью советских советников. Кроме того, во время Северного похода Советский Союз оказал и большую материальную поддержку».

Что же касается ветеранов революционного движения в Китае, то в марте 1966 г. на встрече в Уханьском музее участников Пекин-Ханькоуской забастовки 63-летний Гань Лай (ГаньБаоюань) говорил нам: «Советские советники Бородин, Галин (Блюхер) оставили свою Родину, чтобы помочь нам. Наши успехи в Северном походе неотделимы от их работы в Китае. Мы вечно будем хранить память об этом».

После «измены китайской буржуазии делу китайской революции» Бородин, как и другие советские советники, был отозван на Родину. Он покинул Ханькоу днем 16 июля 1927 г., а в 2 часа Ночи генерал Хань Цзянь устроил налет на его квартиру, рассчитывая расправиться с ним. В Пекине господствовали чжанцзолиневы. Поэтому путь М. М. Бородина в Москву лежал через северо-западные районы Китая.

Все эти годы в мировой печати мелькает его имя: интервью с «красным императором Кантона», «красным Ришелье»... В 1927 г. «Огонек» помещает его фотографию на обложке и отвечает на вопрос, интересовавший в то время многих, – кто такой Михаил Бородин. Норвежский писатель Нурдаль Григ посвятил ему пьесу «Варрава». Американец Винсент Шизн почти половину автобиографической повести «Личная история» отдал описанию деятельности Бородина в Китае.

Андре Мальро делает его одним из главных героев романа «Завоеватели», впервые опубликованного в 1928 г., в котором критически оценивает его роль в Китае, но при этом не удерживается от восторженных слов: «Бородин – великий человек дела...». Впечатление, которое Бородин произвел на супругу Чан Кайши, было настолько сильным, что изданные спустя годы мемуары она назвала «Встречи с Михаилом Бородиным». Успех Бородина в Китае был связан с тем, что ему максимально долго удавалось совершать почти невозможное, поддерживая баланс столь разносторонних сил. Видимо, он искренне верил в рекомендацию политбюро «не насаждать коммунизма».

Подчеркнуто добрые отношения с Бородиным поддерживал и Чан Кайши, понимавший, что союз с Бородиным — необходимое условие для восхождения к вершинам политической власти. Но вскоре, решив, что может уже обойтись без его услуг, он предпринял попытку убрать Бородина. Созванная по его инициативе Конференция ГМД требует отзыва Бородина и других советников.

За триумфом последовало падение. Времена были еще достаточно «либеральными», и наказание Бородина за поражение в Китае политики ВКП(б) и Коминтерна (должен же кто-то стать козлом отпущения?) было «великодушным»: забвение. Правда, в те времена уже ставший почти полновластным хозяином страны, И.В. Сталин был еще хозяином рачительным и не разбрасывался «полезным человеческим материалом». Энергия, организационные способности Бородина сначала были использованы в «битве за советскую бумагу» (возглавил ее производство), а затем в наркомате труда, где новый замнаркома применял свои знания в организации труда, полученные в американском университете.

В 1932 г. в жизни Бородина происходит резкий поворот. Отныне его судьба до конца дней связана с журналистикой. За два года до этого американская журналистка А.Л. Стронг вместе с Бородиным, которого знала еще с 1918 г., задумала издание газеты «американского типа» на английском языке для иностранных специалистов, работающих в СССР. Первый номер «Московских новостей» вышел 5 октября 1930 г. В представлении газеты иностранным журналистам участвовала Фанни Бородина – директор Технической школы иностранных языков.

Естественной частью новой жизни Бородина, вскоре ставшего главным редактором газеты, были постоянные контакты с иностранцами. Время от времени «Московские новости» сообщали о том, что он принимает в редакции американскую делегацию, выступает на митинге иностранных рабочих и специалистов. С некоторыми из иностранцев он по воскресеньям встречается за завтраком у себя дома.

Хотя сам Бородин оказался, и уже навсегда, на периферии политической жизни, интерес к его личности время от времени вспыхивал. Его имя оказалось вновь в центре внимания во время событий, не имевших к нему непосредственного отношения. В Москве шел процесс Пятакова, Радека, Сокольников и других, но главным заочным обвиняемым был Троцкий. В марте 1937 г. для проведения контр-процесса была создана комиссия. На Троцкого с обвинениями в стремлении раздуть мировую революцию обрушился член комиссии, университетский профессор и журналист Карлтон Билс. Он хотел выяснить, знает ли Троцкий Бородина. «Лично нет». «Он основал первую коммунистическую партию в Мексике. В то время он заявлял, что он ваш эмиссар». Троцкий: «Мой? В то время я находился в военном поезде. Я забыл всю мировую географию, кроме географии фронтов».

По мнению биографа Троцкого И. Дойчера, «постановка вопроса предполагала, что Троцкий лжет комиссии и, более того, пытается разжечь революцию в стране, ныне предоставившей ему убежище... Билс подчеркнуто повторил свое утверждение, добавив, что Бородин сам объявил, будто Троцкий послал его в Мексику, и что уже в 1919 г. компартию России разрывали противоречия между государственными деятелями и разжигателями революции. «Могу ли я осведомиться об источнике этого сенсационного заявления? – спросил Троцкий. – Оно опубликовано?» «Оно не опубликовано», – сказал Билс. «Я могу только дать совет члену комиссии сказать своему информатору, что он лжец», – возразил Троцкий. «Благодарю Вас, мистер Троцкий. Мистер Бородин является лжецом». «Очень возможно», – лаконично ответил Троцкий... Дело Бородина не имело ничего общего с процессами в Москве и, казалось, было привлечено лишь с тем, «чтобы поставить в затруднительное положение и его самого, и мексиканское правительство». Троцкий настойчиво добивался ответа: если информация получена непосредственно от Бородина, пусть Билс скажет, где и когда это случилось. Билс в 1919 г. находился в Мексике, активно сотрудничал с рабочим движением и мог или встречаться с Бородиным,

или слышать о нем от своих товарищей, но открывать источники информации не стал и подал заявление о выходе из комиссии.

С начала войны Бородин начал работать еще и заместителем руководителя Совинформбюро С. Лозовского, бывшего генерального секретаря Профинтерна, – вплоть до ареста (в конце января или начале февраля 1949 г.). Шла кампания борьбы с «космополитизмом», а в «космополиты» Бородин подходил по всем статьям. С арестом главного редактора прекратилась деятельность «Московских новостей», издание которых было возобновлено только в 1956 г.

М. М. Бородину отправили в якутский лагерь. Для 64-летнего человека это было фактически смертным приговором. В 1951 г. он там и умер. О его смерти мир узнал 3 сентября 1953 г. из сообщения московского корреспондента «Нью-Йорк таймс» Гаррисона Солсбери, известного тем, что первым из журналистов сообщил о смерти Сталина.

О жизни и деятельности М. Бородина после 1927 года написано мало, в основном в энциклопедических изданиях. В одном из них говорится, что «первоначально ему предоставили административную должность заместителя наркома труда, но затем столичная карьера Бородина стала развиваться в желаемом для него направлении. Он перешёл на ответственную журналистскую работу, был главным редактором газеты «Moscow News» (1932), зам. директора ТАСС (в этом качестве его принимал 3 марта 1941 г. в своём кремлёвском кабинете И.В. Сталин, с которым он был знаком ещё со времени первой Русской революции), главный редактор Совинформбюро (1943–1949) Много переводил в 1930-40-е годы с английского языка. 28 февраля 1949 г. арестован по обвинению в работе на американскую шпионскую сеть. Во время следствия здоровье Бородина ухудшилось, и он окончательно скончался 29 мая 1951 г. Реабилитирован. Жил на ул. Ивановского, 5. Прах в колумбарии Новодевичьего кладбища».

1. Астафьев, Г.В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945 гг.) // Вопросы истории. – 1984. – №9. – С.74–82.
2. Бородин (Грузенберг) М.М. // Большая Советская Энциклопедия. – М., 1927. – Т.7. – С. 182.
3. Бородин (Грузенберг) М.М. // Большая Советская Энциклопедия. – М., 1970. – Т.3. – С. 1720–1721.
4. Бородин (Грузенберг) М.М. // Новая Российская Энциклопедия. – М., 2007. – Т.III(1). – С. 366.
5. Бородин (Грузенберг) М.М. // Московская Энциклопедия (МЭ). – М., 2007. – Т.1. Лица Москвы. Кн.1. – С. 214.
6. Воронцов, В.Б. Михаил Бородин: жизненный подвиг и трагедия // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. №5. – С.86–98; №6. – С. 135–147.
7. Мировицкая, Р.А. Михаил Бородин (1884–1951) // Видные советские коммунисты – участники китайской революции. – М.: Наука, 1970. – С. 22–40.
8. Новейшая история Китая (1917–1970). – М.: Мысль, 1972. – 437 с.
9. Новейшая история Китая. 1917–1927. – М.: Наука, 1983. – 399 с.
10. Советские добровольцы в Китае в 1923–1927 гг. Воспоминания. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 164 с.
11. Хейфец, В.Л., Хейфец, Л.С. Псевдоним – Бородин. Настоящая фамилия? Лафайет! //Латинская Америка. –1994. – №3. – С.107–115.
12. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Михаил Бородин в Новом Свете: дипломат или миссионер Коминтерна? //Americana. Вып.2. Материалы Международной научной конференции «Россия и страны Америки: опыт истории взаимодействия», г. Волгоград, 24–26 сентября 1997 года. Волгоград: изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. – С.118–132.
13. Черепанов, А.И. Записки военного советника в Китае. М.: Гл. ред. восточной лит-ры, 1976. – 648 с.
14. Черепанов, А.И. Поле ратное моё. М.: Воениздат, 1984.– 304 с.
15. Черепанов, А.И. Северный поход национально-революционной армии Китая (Записки военного советника). М.: Наука, 1968. – 304 с.
16. Черепанов, А.И. Записки военного советника в Китае. Из истории Первой гражданской революционной войны М.: Наука, 1964. – 287с.
17. Черепанов, А.И. Записки военного советника в Китае (1925–1927). М.: Наука, 1971. – 311 с.
18. Holubynchy Lidia. Michael Borodin and the Chinese Revolution, 1923–1925. Michigan: Columbia University, 1979. – 503 p.

РАЗДЕЛ 5

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ИСТОЧНИКИ. ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА: ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.П. Косов

За почти без малого тридцатилетний период существования суверенной Беларуси отечественная наука о международных отношениях добилась существенных результатов. В стране продолжили существование сложившиеся еще в советский период научные школы (БГУ, Институт истории НАНБ, БГПУ имени М. Танка) и появились новые центры исследований внешней политики (ВГУ имени П. М. Машерова, ГГУ имени Ф. Скорины, МГУ имени А. А. Кулешова и др.). Конечно, наибольшее внимание белорусские специалисты уделяют изучению современности. Тем не менее, многие из них не обходят стороной и страницы прошлого, в том числе касающиеся межвоенного периода.

В основном внешнеполитические проблемы 1918–1939 гг. рассматриваются исследователями из БГУ, Института истории НАН Беларуси, ВГУ имени П. М. Машерова, ГГУ имени Ф. Скорины, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, РИВШ, БНТУ и др.

На сегодняшний день наиболее разработанными темами, имеющими отношение к истории внешней политики и международных отношений межвоенного периода, в современной белорусской историографии являются следующие: роль и место Беларуси в Версальско-Вашингтонской системе международных отношений; советско/белорусско-германские отношения; советско/белорусско-польские отношения; внешняя политика Великобритании и советско-британские отношения; международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе; внешнеполитическая ситуация в Центральной и Восточной Европе и на Балканах и др.

Сегодня ведущим центром по изучению истории международных отношений и внешней политики является факультет международных отношений Белорусского государственного университета. Здесь работают такие известные специалисты-международники, как В. Е. Снапковский, А. В. Тихомиров, Л. В. Слуцкая, Т. Я. Павлова и др., имеющие ряд работ по внешнеполитическим аспектам межвоенного периода.

Исследования по международной проблематике ведутся и на историческом факультете Белгосуниверситета. В частности, интерес к истории международных отношений и внешней политики проявляют сотрудники кафедр истории южных и западных славян (А. П. Сальков) и истории России (И. А. Литвиновский).

В Институте истории Национальной академии наук Беларуси изучением внешнеполитических проблем Версальско-Вашингтонской системы международных отношений занимаются такие ученые, как О. Н. Боровская, А. А. Володькин, С. А. Третьяк и др. Ярким событием стал выход в 2014 г. двухтомного издания, освещающего различные аспекты влияния Рижского мира 1921 г. и созданной им геополитической ситуации на исторические судьбы белорусского народа [50].

Виднейшим представителем витебской школы исследований международных отношений и внешней политики рассматриваемого периода является известный историк-германист профессор В. А. Космач. Среди наиболее заметных его работ, посвященных

различным аспектам внешнеполитического курса Германии, можно назвать монографии: «Внешняя культурная политика Германии в годы Веймарской республики (1919–1933 гг.)» (1994), «Внешняя культурная политика Веймарской Германии в политической жизни страны и международной арене (1919–1932 гг.)» (2006), «От Компьена до Рапалло и оккупации Рура: внешняя политика Веймарской Германии после Первой мировой войны (1918–1923 гг.): страницы истории» (2017) [14; 15; 18]. Из других витебских исследователей можно назвать доцента А. П. Косова, являющегося автором ряда публикаций по международным отношениям рассматриваемого периода.

Заметна в изучении Версальско-Вашингтонской системы международных отношений гомельская школа исследователей, представленных Г. Г. Лазько, Н. Н. Мезгой, Е.Н. Дубровко и др. В частности, профессор Г. Г. Лазько – автор публикаций, посвященных внешней политике Польши на европейском направлении [31; 34].

В современной белорусской историографии наибольшее количество работ посвящено роли и месту Беларуси в геополитических процессах межвоенного периода. Так, отдельные авторы (Т. Я. Павлова, С. А. Третьяк и др.) проанализировали внешнеполитическую деятельность БНР, акцентируя внимание на стремление представителей Рады получить признание со стороны мирового сообщества [47; 48; 64]. Ряд работ посвящен вопросам белорусско-российских отношений в контексте революционных событий и Гражданской войны на просторах бывшей Российской империи [30; 61; 65]. Значительное внимание отечественные исследователи уделяют вопросам внешнеполитической деятельности БССР в 1919–1939 гг. [13; 59]

Одной из наиболее разработанных тем в белорусской историографии является изучение места Беларуси в европейской политике межвоенного периода. К этой проблеме обратились в своих работах такие авторы, как Г. Г. Лазько, Н. Н. Мезга, А. В. Тихомиров и другие [27; 60; 68]. Особый интерес у отечественных исследователей вызывает и проблема влияния советско-польской войны и ее результатов на судьбу белорусского народа [3; 5; 26; 32; 33; 38; 43; 55; 56; 63]. Есть также несколько работ, раскрывающих специфику развития белорусско-польских отношений в целом [58; 70]. С учетом польского фактора ряд ученых рассмотрели развитие белорусско-литовских отношений в геополитической ситуации конца 1910-х – начала 1920-х гг. [2; 6; 29; 66; 67; 69].

Достаточно разработанной в отечественной историографии является проблема советско-германских и белорусско-германских отношений. В первую очередь, это работы В.А. Космача, И. А. Литвиновского, Д. А. Мигуна, А. В. Тихомирова [16; 17; 19; 36; 40; 41; 42; 62]. Отдельные исследователи изучили вопрос взаимоотношений в геополитическом треугольнике СССР – Польша – Германия в 1922–1939 гг. [28; 37; 39; 44; 57].

Следующей темой, получившей освещение в белорусской историографии, стало изучение внешней политики Великобритании и советско/белорусско-британских отношений в межвоенный период. Этим вопросам посвятили свои работы Е. Н. Дубровко, И. В. Жилинская, А. И. Осипович [7–12; 45; 46].

Усилиями А. П. Салькова из БГУ в белорусской историографии имеется ряд публикаций о международных отношениях в Центрально-Восточной Европе и на Балканах, а также роли данного региона во внешней политике СССР [51–53].

Наряду с изучением внешнеполитической ситуации в межвоенной Европе белорусские ученые обращаются к исследованию международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Так, профессор Н. Е. Аблова осветила историю КВЖД и российской эмиграции в Китае в советско-китайских отношениях [1]. И. А. Литвиновский обратился к проблеме нормализации отношений между СССР и Китаем в 1924 г. [35]. А. П. Косов изучил политику США в отношении Китая в годы политической нестабильности и японской агрессии против этой страны [20; 22–25].

В отеческой историографии нашли отражение и другие внешнеполитические проблемы межвоенного периода, но они представлены единичными публикациями и еще не получили должной проработки [4; 21; 49; 54].

Таким образом, современная белорусская историография представлена рядом публикаций, в которых освещены многие аспекты развития международных отношений и внешней политики отдельных государств, в том числе БССР как составной части Советского Союза, в межвоенный период. Тем не менее, еще существует достаточно много тем, еще не нашедших должного отражения в работах отечественных исследователей.

1. Аблова, Н. Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.) / Н. Е. Аблова. – Минск : БГУ, 1999. – 315 с.
2. Багалейша, С. В. Беларуска-літоўскія ўзаемаадносіны ў 1915–1924 гг. / С. В. Багалейша. – Мінск : БДАТУ, 2014. – 231 с.
3. Бароўская, В. М. Беларускае пытанне на савецка-польскіх перагаворах 1918–1921 гг. / В. М. Бароўская. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – 269 с.
4. Валодзькін, А. А. Спробы стварэння рэгіянальнага аб'яднання балтыйскіх дзяржаў у 1918–1921 гг. / А. А. Валодзькін // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 83–93.
5. Грицкевич, А. П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию / А. П. Грицкевич. – Минск : Харвест, 2010. – 496 с.
6. Грыцкевіч, А. Беларуска-літоўскія дачыненні ў 1918–1922 гг. / А. Грыцкевіч // Спадчына. – 1994. – № 5. – С. 58–63.
7. Дубровко, Е. Н. Вопрос о признании польско-советской границы и позиция Великобритании в период подготовки Генуэзской конференции 1922 г. / Е. Н. Дубровко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2013. – № 4 (79). – С. 28–36.
8. Дубровко, Е. Н. Литовский вектор в политике Великобритании в 1919 г. / Е. Н. Дубровко // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2017. – № 4 (103). – С. 11–16.
9. Дубровко, Е. Н. Посреднические инициативы Великобритании в ходе польско-советской войны летом 1920 г. / Е. Н. Дубровко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Сер. Гуманитарные науки. – 2017. – № 1(100). – С. 16–21.
10. Дубровко, Е. Н. Проблема Срединной Литвы во внешней политике Великобритании / Е. Н. Дубровко // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – № 4 (73). – 2012. – С. 18–24.
11. Жилинская, И. Англо-советские экономические отношения в период мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. / И. Жилинская // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2008. – Вып. 24. – С. 116–127.
12. Жилинская, И. В. Позиция политических кругов и общественности Великобритании в отношении англо-советского сотрудничества в 1931–1939 гг. / И. В. Жилинская // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2012. – Вып. 27. – С. 150–159.
13. Ковалева, Л. А. Внешнеполитическая деятельность Советской Белоруссии в 1919–1929 гг. : дис. ... канд ист. наук : 07.00.02. / Л. А. Ковалева ; Ин-т истории АН Беларуси. – Минск, 1993. – 143 л.
14. Космач, В. А. Внешняя культурная политика Германии в годы Веймарской республики (1919–1933 гг.) / В. А. Космач. – Минск : Изд-во БГПУ, 1994. – 373 с.
15. Космач, В. А. Внешняя культурная политика Веймарской Германии в политической жизни страны и международной арене (1919–1932 гг.) / В. А. Космач. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П. М. Машерова, 2006. – 391 с.
16. Космач, В. А. До и после Рапалло: Советская Россия и СССР во внешней культурной политике Германии (1917–1932 гг.) / В. А. Космач. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П. М. Машерова, 2003. – 178 с.
17. Космач, В. А. Накануне и после Рапалло: Беларусь и Германия в 1920-е – начале 1930-х годов (страницы истории) / В. А. Космач. – Псков : ЛОГОС, 2017. – 356 с.
18. Космач, В. А. От Компъена до Рапалло и оккупации Рура: внешняя политика Веймарской Германии после Первой мировой войны (1918–1923 гг.): страницы истории / В. А. Космач. – Псков : ЛОГОС, 2017. – 550 с.
19. Космач, В. А. Советская Беларусь и Германия в 1917–1932 гг.: кампании солидарности, торговля, культурный обмен (уроки истории для современности) / В. А. Космач, Д. В. Романовский. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П. М. Машерова, 2001. – 156 с.

20. Косов, А. П. Агрессия Японии в отношении Китая и позиция США (1931–1941) / А. П. Косов // Никто не забыт, ничто не забыто : сб. науч. материалов: (к 70-летию Победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны) / сост.: Я. П. Безлепкин, А. В. Берянев, А. П. Соловьянов; редкол.: В. В. Данилович [и др.]. – Минск : Колорград, 2016. – С. 172–187.
21. Косов, А. П. Американская политика в отношении Советского государства в 1918–1939 гг. / А. П. Косов // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность (к 90-летию окончания Первой мировой войны и началу формирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений) : материалы международной научной конференции, Витебск, 11–12 ноября 2008 г. / Витебский государственный университет; редкол. В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2008. – С. 100–102.
22. Косов, А. П. Внешняя политика США в отношении Китая в 1918–1949 гг. / А. П. Косов // Вестник Брестского государственного технического университета. Серия Гуманитарные науки. – 2011. – № 6 (72). – С. 27–31.
23. Косов, А. П. Политика США в отношении Китая во время японо-китайской войны (1937–1945 гг.) / А. П. Косов // Победа – одна на всех : материалы междунар. науч.-практич. конф., Витебск, 24 апреля 2014 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А. И. Жук и А. А. Коваленя (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2014. – С. 19–24.
24. Косов, А. П. Политика США в отношении Китая: успехи и неудачи американской дипломатии в 1910–1930-е гг. / А. П. Косов // Международные отношения в XX веке : сборник научных статей. Вып. 4 / под ред. В. Т. Юнгблуда. – Киров : ООО «Радуга-ПРЕСС», 2016. – С. 128–138.
25. Косов, А. П. Политика США в отношении революционного Китая (1911–1927 гг.) / А. П. Косов // Вестник Псковского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2016. – Вып. 3. – С. 25–34.
26. Ладысеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін. – Мінск : БДУ, 2003. – 307 с.
27. Лазько, Р. Р. Беларусь у еўрапейскай палітыцы 1918–1925 гг. : нарысы / Р. Р. Лазько, А. М. Кротаў, М. М. Мязга. – Гомель : УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2003. – 126 с.
28. Лазько, Р. Р. Крах Версальскай сістэмы ў Еўропе і аб'яднанне Беларусі / Р. Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 11. – С. 3–7.
29. Лазько, Р. Літоўска-беларуская буферная рэспубліка на польска-савецкіх перагаворах вясной 1919 года / Р. Лазько // *Stosunki polsko-białoruskie: Historia i współczesność* / Red. D. Michaluk. – Kraków : Wydawnictwo AVALON, 2013. – S. 67–86.
30. Лазько, Р. Палітыка Савецкай Расіі ў дачыненні да Беларусі ў святле нацыянальнай праграмы партыі бальшавікоў (кастрычнік 1917 – пачатак 1919 г.) / Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 7. – С. 3–11.
31. Лазько, Р. Р. Перад патопам. Еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939) / Р. Р. Лазько. – Мінск : БДУ, 2000. – 354 с.
32. Лазько, Р. Р. Польска-савецкія перагаворы 1920 г. і лёс Беларусі / Р. Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 12. – С. 5–12.
33. Лазько, Р. Р. Савецка-польскія мірныя перамовы і лёс БССР / Р. Р. Лазько // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – 2011. – № 8. – S. 33–56.
34. Лазько, Р. Ці упішацца Польшча ў германскую «жыццёвую прастору»? / Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2001. – № 1. – С. 16–24.
35. Литвиновский, И. А. Восстановление советско-китайских отношений 1924 году / И. А. Литвиновский // Российские и славянские исследования: сб. науч. трудов. Вып. 8. – Минск : БГУ, 2013. – С. 174–184.
36. Литвиновский, И. А. Урегулирование советско-германских отношений накануне Второй мировой войны / И. А. Литвиновский, Ю. А. Литвиновская // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнароднай навук. канф., 10 красавіка 2015 г. Вып. 14 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адказн. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2016. – С. 273–281.
37. Мезга, Н. Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н. Н. Мезга. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2010. – 198 с.
38. Мезга, Н. Н. «Восточные крессы» в дипломатическом противостоянии СССР и Польши в 20-е годы / Н. Н. Мезга // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. – Брянск: Изд-во Брянского государственного педагогического университета, 2000. – Выпуск 1. – С. 170–176.
39. Мезга, Н. Н. Польские маневры вокруг Рапалло / Н. Н. Мезга // Международная жизнь. – 1999. – № 5. – С. 85–92.
40. Мигун, Д. А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д. А. Мигун. – Минск: БГУ, 2013. – 304 с.
41. Мигун, Д. А. Германо-белорусские экономические контакты в межвоенный период / Д. А. Мигун // Веснік Мазырскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2009. – № 2. – С. 52–58.

42. Мигун, Д. А. Германо-советский договор о нейтралитете 1926 г. как продолжение рапальской политики / Д. А. Мигун // Гуманітарна-эканамічны веснік. – 2010. – № 4. – С. 113–119.
43. Мязга, М. Беларусь як поле геапалітычнай барацьбы паміж Польшчай і СССР у 1921–1926 гады / М. Мязга // Stosunki polsko-białoruskie. Historia i współczesność / Red. D. Michaluk. – Kraków : Wydawnictwo Avalov, 2013. – S. 91–108.
44. Мязга, М. М. Падпісанне Рапальскага дагавора і рэакцыя польскай дыпламатыі / М. М. Мязга // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2009. – № 6. – С. 22–26.
45. Осипович, А. И. БССР и Великобритания: пролетарская солидарность и гуманитарные контакты, экономические, научные и культурные связи в 1921 – 1938 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.15 / А. И. Осипович ; БГУ. – Минск, 2004. – 130 л.
46. Осипович, А. Становление экономических связей между Великобританией и БССР (1921–1924) / А. Осипович // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2006. – № 9. – С. 39–44.
47. Павлова, Т. Я. Внешнеполитическая деятельность Белорусской Народной Республики в 1918–1920 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / Т. Я. Павлова ; БГУ. – Минск, 2001. – 109 с.
48. Паўлава, Т. Я. Асноўныя напрамкі знешнепалітычнай дзейнасці БНР / Т. Я. Паўлава // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – Białystok, 2001. – С. 76–86.
49. Пранник, Т. А. Проблема аншлюса в австро-германских отношениях в 1918–1932 гг. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.15 / Т. А. Пранник ; БГУ. – Минск, 2005. – 126 л.
50. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. В 2 кн. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2014. – Кн. 1. – 593 с. – Кн. 2. – 335 с.
51. Сальков, А. П. Албано-греческий территориальный спор в Северном Эпире (Южной Албании) и советские интересы в Западно-Балканском регионе (1921–1941 гг.) / А. П. Сальков // Працы гістарычнага факультэта БДУ. – Вып. 6. – Мінск : БДУ, 2011. – С. 174–185.
52. Сальков, А. П. Советско-албанская дипломатическая интрига декабря 1924 г. и дальнейшее столкновение советских и западноевропейских интересов в Албании в 1920-х – 1930-х гг. / А. П. Сальков // Российские и славянские исследования: сб. науч. трудов. Вып. 10. – Минск : БГУ, 2015. – С. 42–65.
53. Сальков, А. П. Территориальная проблема в болгаро-югославских отношениях (1919–1949 гг.) / А. П. Сальков // Вопросы истории. – 2008. – № 5. – С. 46–63.
54. Слуцкая, Л. В. Выбор между Польшей и Литвой: дилемма французской дипломатии 1918–1920 гг. / Л. В. Слуцкая // Многовекторность во внешней политике Республики Беларусь: материалы междунар. круглых столов, Минск, окт. – нояб. 2016 г. / под ред. А. В. Русаковича; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : БГУ, 2016. – С. 58–67.
55. Снапковский, В. Е. Беларусь, советско-польская война и Рижский мир / В. Е. Снапковский // Забытый мир: Рижский договор 1921 года: Интерпретации и споры / Е. Боженцкий [и др.]; под ред. С. Дембского, А. В. Мальгина. – М. : Аспект Пресс, 2014. – С. 209–229.
56. Снапковский, В. Е. Беларусь, советско-польская война и Рижский мирный договор / В. Е. Снапковский // Восточная Европа. Перспективы. – 2011. – № 2. – С. 48–52.
57. Снапковский, В. Е. О советско-германском сотрудничестве при подготовке и осуществлении военной кампании СССР против Польши в сентябре 1939 г. / В. Е. Снапковский // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: Люди, события, документы. – СПб. : Алетей, 2011. – С. 77–102.
58. Снапоўскі, У. Е. Беларуска-польскія адносіны (1918–1989 гг.): Даследаванні, дакументы, ілюстрацыі і карты. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2013. – 234 с.
59. Снапоўскі, У. Е. Знешнепалітычная дзейнасць Беларускай ССР (1919–1929 гг.) / У. Е. Снапоўскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2001. – № 3. – С. 28–41.
60. Тихомиров, А. В. Белорусский фактор в политике государств Антанты в 1914–1920 гг. / А. В. Тихомиров // Веснік БДУ. Серыя 3. История. Философия. Политология. Психология. Экономика. Право. – 2006. – № 1. – С. 12–16.
61. Тихомиров, А. В. Взаимоотношения БССР и РСФСР в 1919–1921 гг.: противоречивое партнерство / А. В. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2003. – № 3. – С. 46–55.
62. Тихомиров, А. В. Проблемы белорусско-германских отношений в 1914–1922 гг. / А. В. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2002. – № 4. – С. 36–44.
63. Тихомиров, А. В. Фактор Беларуси в процессе советско-польского мирного урегулирования 1920–1921 гг. / А. В. Тихомиров // Российские и славянские исследования. Выпуск III. – Минск : БГУ, 2008. – С. 93–100.
64. Трацяк, С. А. Абвяшчэнне Беларускай Народнай Рэспублікі ў кантэксце Брэст-Літоўскай міжнароднай сістэмы / С. А. Трацяк // Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарная. – 2002. – №2. – С. 56–61.

65. Хомич, С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С. Н. Хомич. – Минск : Экономпресс, 2011. – 416 с.
66. Ціхаміраў, А. В. Балтыйскі вектар у беларускай палітыцы ў 1916–1920 гг. / А. В. Ціхаміраў // Журнал міжнароднага права і міжнародных адносін. – 2006. – № 1. – С. 41–46.
67. Ціхаміраў, А. В. Беларуская-літоўскія дачыненні ў 1914–1920 гг. / А. В. Ціхаміраў // Спадчына. – 2002. – № 5–6. – С. 3–27.
68. Ціхаміраў, А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.) / А. В. Ціхаміраў. – Мінск : Экаперспектыва, 2003. – 400 с.
69. Ціхаміраў, А. В. «Віленскае пытанне» у міжнародных адносінах 1918–1920 гг. / А. В. Ціхаміраў // Беларускі журнал міжнароднага права і міжнародных адносін. – 2002. – № 3. – С. 37–45.
70. Цынкевіч, В. М. Палітычныя ўзаемадачынненні паміж БССР і Польскай Рэспублікай у 1921–1929 гг. : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.15 / В. М. Цынкевіч ; БДУ. – Мінск, 2004. – 127 л

«КОМПЛЕКС РАПАЛЛО» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГЕРМАНСКОГО ВОПРОСА 1945-1990 гг.

И.И. Ковяко

Рапалльский договор 1922 г. и его последствия оказали большое влияние на восприятие и анализ германской проблемы в англо-американской историографии. С точки зрения исследователей, потенциальные угрозы международным позициям США и Великобритании многократно увеличивались в случае установления союзнических отношений между Германией и СССР после Второй мировой войны. Идея союза континентальных держав нашла комплексное обоснование в работах классика немецкой геополитической школы Карла Хаусхофера (1869–1946). Он отмечал, что *«прочная связь государств по оси Германия – Россия – Япония позволит нам всем подняться и стать неуязвимыми перед методами анаконды англосаксонского мира... Евразию невозможно задушить, пока два самых крупных ее народы – немцы и русские – всячески стремятся избежать междоусобного конфликта ... это аксиома европейской политики»* [1, с. 373]. Предложенная им концепция оси Берлин–Москва–Токио стала источником перманентного страха англо-американского мира. «Комплекс Рапалло» был непосредственно связан с моделью континентального блока. После окончания Второй мировой войны США и Великобритания предприняли все возможное для того, чтобы не допустить распространения советского влияния в Германии. Все предложения СССР по созданию единого и нейтрального немецкого государства были отвергнуты. Такой вариант рассматривался как непредсказуемый и потенциально опасный. За его реализацией таились призраки союза объединенной Германией с СССР либо возвращения немцев к известной тактике «маятника» во внешней политике (лавирования между Востоком и Западом в преследовании сугубо национальных целей). «Комплекс Рапалло» представляет интересное явление в англо-американской историографии германского вопроса. В докладе мы проанализируем основные элементы послевоенной германской проблемы, которые вызывали у британских и американских исследователей ассоциации с Рапалло.

При изучении германской проблемы в зональный период (1945–1949 гг.) британские и американские исследователи независимо от течения, которое они представляли, регулярно упоминали опасения Великобритании и США в связи с возможным переходом Германии на сторону СССР и распространением советского влияния в Европе. В условиях холодной войны потенциальный союз Германии и СССР рассматривался как угроза западноевропейским государствам. Великобритания наиболее настойчиво и последовательно добивалась сохранения американского военного присутствия в Европе и Германии. В Лондоне были уверены, что только США могли предотвратить образование

подобного союза и повторения Рапалло. Профессор Университетского колледжа Лондона (UCL) **Мэри Фулбрук** пришла к выводу, что стремление Великобритании и Франции сохранить раскол было вызвано «*комплексом Рапалло и опасениями нового советско-германского союза*» [7, с. 245]. Американский историк и дипломат **Джордж Фрост Кеннан**, предложивший идею создания объединенной Германии как «третьей силы», считал необходимым исключить все ее возможные связи с СССР. Американский дипломат, глава ЦРУ **Аллен Даллес** в статье «Альтернативы для Германии» (1947) особо отмечал роль бывших восточных территорий Германии, которые находились за линией рек Одер–Нейсе. Они рассматривались как «пряник», с помощью которого Советский Союз может получить согласие Германии на построение союзнических отношений и распространение коммунизма в Европе [5, с. 426]. Позиционируя себя как «*главного спонсора германского единства*», СССР мог рассчитывать на переход всей Германии в свою сферу влияния [17, с. 554, 563]. Вследствие давления европейских союзников, а также активной политики СССР в Восточной Европе, руководство США (в наименьшей степени склонное к аналогиям с Рапалло) также пришло к выводу, что только разделенная Германия может гарантировать стабильность новой системы международных отношений [8, с. 55; 13, с. 164; 14, с. 111]. Существовали опасения, что «*новое Рапалло*», к которому могла присоединиться Япония, привело бы к возникновению «*тоталитарного альянса, готового бросить вызов американской гегемонии*» (прямая аналогия с осью Берлин–Москва–Токио – авт.) [2, с. 308].

Ремилитаризация ФРГ и советские инициативы первой половины 1950-х гг., предполагавшие создание единой нейтральной Германии, актуализировали тему Рапалло в работах британских и американских исследователей. Выражались опасения, что вооруженная ФРГ может «*оживить Рапалло и уйти на восток*», а ее «*хрупкая демократия скатится к милитаризму*» [16, с. 30–31; 19, с. 184]. В 1953 г. в США вышла в свет книга **Тета Гаренса Тетенса** «*Заговор Германии с Кремлем*». Ремилитаризация ФРГ, с точки зрения автора, была недопустима, поскольку восстанавливала ее суверенитет и заметно укрепляла позиции немцев в переговорах с СССР об объединении страны [22, с. 110–112]. Автор отмечал, что дипломатия ФРГ основана на старом пангерманском принципе «Германия превыше всего». Однако «*горький опыт со Штресеманом и Гитлером*» так ничему и не научил страны Запада, которые по-прежнему «*пытаются подружиться с немцами, протягивая один леденец за другим*» [22, с. 149–153]. Исследователь пришел к выводу, что политика ремилитаризации лишь приведет к укреплению советского блока и усилению коммунизма, а «*в самый решающий момент немцы окажутся в одном лагере с нашими противниками*» [22, с. 202–205].

Новая восточная политика В. Брандта представила благоприятную почву для возрождения темы Рапалло в англо-американской историографии. Авторы проводили параллели между Московским договором 1970 г. и договором Рапалло, оценивая возможные риски и последствия. Новая восточная политика в глазах западных союзников несла определенные оттенки нейтрализма и национализма, которые оживляли исторические аналогии. Американский историк **Уильям Глен Грей** отметил, что любой значительный сдвиг в развитии политических или экономических отношений ФРГ с социалистическими странами сразу возрождает «комплекс Рапалло» у западных союзников [11, с. 90]. Авторы консервативного направления выражали беспокойство в связи с возможным ростом независимости ФРГ в рамках НАТО и поворотом к поиску альтернативных схем системы безопасности [4, с. 26; 12, с. 55; 19, с. 310]. Другие исследователи – преимущественно либерального направления – вступили в дискуссию, утверждая, что заключение «нового Рапалло» невозможно, поскольку дух реваншизма и идея «великой Германии» мертвы [6, с. 3]. Следовательно, реализация «*политики Штресемана более не представляется возможным*» [18, с. 499–500]. Профессор

Джорджтаунского университета **Анджела Стент** утверждала, что проект Рапалло представляется маловероятным, поскольку сам СССР не заинтересован в его реализации. Вмонтированная в НАТО ФРГ являлась гораздо более предсказуемой и безопасной для Советского Союза, чем сильная независимая Германия, которая вернется к тактике «маятника» [20, с. 250].

Тема Рапалло вновь обрела актуальность в начале 1980-х гг. В связи с вводом советского контингента в Афганистан, страны Запада заявили о завершении эры разрядки и введении санкций в отношении СССР и социалистических стран. Одновременно члены НАТО приступили к обсуждению планов по укреплению военной мощи альянса в Западной Европе. ФРГ оказалась наименее заинтересована в свертывании экономических отношений со странами Восточной Европы. Ухудшение отношений с СССР, которое последовало за размещением на территории ФРГ новых видов вооружений, представляло серьезную опасность для дальнейшего развития внутригерманского диалога. Заметное отличие позиции ФРГ от западных союзников, вызванное стремлением защитить свои национальные интересы, в очередной раз оживляло призрак континентального блока на страницах научных публикаций [3, с. 115; 10, с. 16–17].

Последний всплеск «комплекса Рапалло» был связан с анализом советско-западногерманских переговоров в июле 1990 г., которые открыли путь к объединению Германии. Профессор **Анджела Стент** в работе *«Перерождение России и Германии: объединение, распад СССР и новая Европа» (1999)* отмечала, что переговоры без участия западных стран вновь оживили «комплекс Рапалло». Результаты пресс-конференции Г. Коля и М. Горбачева в Ставрополе привели к появлению в историографии нового термина – «Ставрапалло» [21, с. 137]. В главе «Друзья по несчастью» автор приходит к заключению, что, несмотря на объединение Германии на выгодных для запада условиях и ее надежном закреплении в структурах НАТО и ЕС, опыт прошлого забывать не стоит. Рапалло продемонстрировало, что русские и немцы могут сотрудничать на основе *«циничных потребностей, в случае если их общие прагматические интересы выше разногласий»*. Профессор Стент не исключила, что в будущем *«Германия и Россия могут поддасться искушению и вновь объединить силы в погоне за национальными интересами в ущерб своим соседям»* [21, с. 16]. Другие авторы, признавая факт сближения Германии и СССР, считали его геополитически обоснованным и не видели в этом угрозы западному миру. Объединенная Германия оставалась надежным партнером в рамках НАТО, а ее первоочередные интересы распространялись на регион ЦВЕ, в котором влияние СССР (а затем и России) ослабевало [9, с. 77; 15, с. 77]. На рубеже тысячелетий «комплекс Рапалло» в англо-американской историографии постепенно был заменен «комплексом *Mitteleuropa*». В связи с активной политикой объединенной Германии в Центральной и Восточной Европе концепция «Срединной Европы» Фридриха Науманна (1860–1919) представлялась более актуальной и злободневной, чем идея континентального блока Хаусхофера.

1. Хаусхофер, К. Континентальный блок / Карл Хаусхофер // О Геополитике: Работы разных лет. – М.: Мысль, 2001. – С. 371–418
2. Barnett, R.J. A Balance Sheet: Lippmann, Kennan, and the Cold War / Richard Barnett [Electronic resource] / Diplomatic History. – Vol. 16. – No. 2 (Spring 1992). – P. 302–311. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/24912160>. – Date of access: 02.09.2018
3. Bertram, C. European Security and the German Problem / Christoph Bertram [Electronic resource] / International Security. – Vol. 4. – No. 3 (Winter, 1979–1980). – P. 105–116. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/2626696>. – Date of access: 02.09.2018
4. Blechman, B.M., Fisher, C. The silent partner. West Germany and arms control / Barry M. Blechman, Cathleen Fisher. – Cambridge, Mass.: Ballinger Publishing, 1988. – 266 p.
5. Dulles, A.W. Alternatives for Germany / Allen W. Dulles // Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 25. – №3. – P. 421–432

6. Dulles, E.L. One Germany or two. The struggle at the heart of Europe / Eleanor L. Dulles. – Stanford: Stanford University; Hoover Institution, 1970. – 315 p.
 7. Fulbrook, M. A history of Germany, 1918–2008. The divided nation / Mary Fulbrook. – Oxford: Willey-Blackwell, 2009. – 737 p.
 8. Gaddis, J.L. The long peace. Inquiries into the history of cold war / John Lewis Gaddis. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1989. – 332 p.
 9. Garton Ash, T. Germany's Choice / Timothy Garton Ash [Electronic resource] / Foreign Affairs. – Vol. 73. – No. 4 (Jul. - Aug., 1994). – P. 65–81. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/20046744>. – Date of access: 02.09.2018
 10. Garton Ash, T. Mitteleuropa? / Timothy Garton Ash [Electronic resource] / Daedalus. – Vol. 119. – No. 1, Eastern Europe... Central Europe... Europe (Winter, 1990). – P. 1–21. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/20025282>. – Date of access: 02.09.2018
 11. Gray, W.G. Adenauer, Erhard, and the Uses of Prosperity / William Glenn Gray [Electronic resource] / German Politics & Society. – Vol. 25. – No. 2 (83), SPECIAL ISSUE: Western Integration, German Unification and the Cold War: The Adenauer Era in Perspective (Summer 2007). – P. 86–103. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/23742813>. – Date of access: 02.09.2018
 12. Griffith, W. The American view / William Griffith // Germany between East and West / Ed. by E. Moreton. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – P. 49–63
 13. James, H. A German identity / Harold James. – New York: Routledge, 1989. – 240 p.
 14. Judt, Tony. Postwar. A history of Europe since 1945 / Tony Judt. – New York: Penguin Press, 2005. – 967 p.
 15. Layne, C. America's Stake in Soviet Stability / Christopher Layne [Electronic resource] / World Policy Journal. – Vol. 8. – No. 1 (Winter, 1990/1991). – P. 61–88. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/40209198>. – Date of access: 02.09.2018
 16. McGeehan, R. The German rearmament question. American diplomacy and European defense after World War II / Robert McGeehan. – Urbana: University of Illinois Press, 1971. – 280 p.
 17. Nettl, P. Economic checks on German unity / Peter Nettl // Foreign Affairs. – 1952. – Vol. 30. – №4. – P. 554–563
 18. Ryder, A.J. Twentieth century Germany: from Bismarck to Brandt / A.J. Ryder. – New York: Columbia University, 1973. – 656 p.
 19. Sowden, J.K. The German question, 1945–1973. Continuity in change / John K. Sowden. – London: Bradford University, 1975. – 404 p.
 20. Stent, A. From embargo to Ostpolitik. The political economy of West German-Soviet relations, 1955–1980 / Angela Stent. – Cambridge: Cambridge University, 1981. – 328 p.
 21. Stent, A. Russia and Germany reborn: unification, the Soviet collapse, and the new Europe / Angela Stent. – Princeton: Princeton University, 1999. – 300 p.
- Tetens, T.H. Germany plots with the Kremlin / T.H. Tetens. – New York: H. Schuman, 1953. – 294 p.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО КОРПУСА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ (1918–1920-е годы)

И.Р. Чикалова

Попытки осмыслить феномен Первой мировой войны начались ещё до того, как замолчали пушки. Внимание ученых привлекали вопросы происхождения, характера и последствий Первой мировой войны, дипломатии довоенного и военного времени, эволюции военного искусства на основе изучения опыта ведения боевых действий. В 1920-е годы работа над анализом событий войны продолжилась.

Уже в 1920-е гг. в открытых и закрытых военно-академических изданиях были введены в научный оборот многочисленные факты о военных действиях в ходе Первой мировой войны: были переведены труды, посвященные военным действиям на суше (А. Корда) и на море (О. Гроос, Р. Фирле, Г. Ньюболт, А. Шталь). В самой России для изучения истории Мировой войны создали соответствующие научные центры. На протяжении 1918–1924 гг. основным учреждением по изучению истории войны была Военно-историческая комиссия, которая организовала публикации в серии «Труды военно-исторической комиссии». Одним из первых в ней вышел сборник «Сношения с

союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг.» [24]. Затем руководство исследованиями, как и военно-исторической работой в целом, осуществлялось Штабом РККА, где для этой цели имелись военно-научные органы: Военно-исторический отдел (1924–1925), Управление по исследованию и использованию опыта войн (1925–1926), Научно-уставной отдел (1926–1929). Исследованием и использованием опыта войны на море занималась Военно-морская комиссия (Мориском, ноябрь 1918 – июнь 1923) при Морской академии. Затем ее работу продолжал морской отдел Военно-исторической комиссии.

Большевики рассматривали изучение Первой мировой войны в связи с необходимостью самого широкого использования и применения ее «оперативного и технического опыта», на что обращала внимание вторая Программа РКП(б), принятая в марте 1919 г. на VIII съезде партии. Для историков, прежде всего военных, важной задачей было написание обобщающего труда по истории войны. Первой попыткой в этой области был «Краткий стратегический очерк войны 1914–1918 гг.» – результат работы Военно-исторической комиссии по исследованию и использованию опыта мировой и гражданской войны. Он содержал общий обзор военных действий на русском фронте с 19 июля по 11 ноября 1914 года [7]. Ход боевых действий на восточноевропейском театре в военно-оперативном аспекте, вне экономической и политической составляющих, рассмотрен в труде «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.» [25]. Авторами его были Я. К. Цихович (ч. 1: «Период от объявления войны до начала сентября 1914 года: Первое вторжение русских армий в Восточную Пруссию и Галицийская битва»), Г. К. Корольков (ч. 2: «Период с 1 (14) сентября по 15 (28) ноября 1914 года: Августовское сражение, Варшавско-Ивангородская, Краковская и Лодзинская операции, операции в Галиции и Карпатах, Хыровское сражение»), А. А. Незнамов (ч. 3–4: «Период с 12 (25) ноября 1914 г. по 15 (28) марта 1915 г.»), В. Н. Клембовский (ч. 5: «Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г.: Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом»), А. М. Зайончковский (6: «Период от прорыва Юго-Западного фронта в мае 1916 г. до конца года»). Отдельно вышла часть, посвященная Румынскому фронту [26]. Значительным вкладом в изучение войны стала книга «Царская Россия в мировой войне» [31].

Серьезным исследованием военной кампании 1918 года во Франции и Бельгии стал двухтомный труд выпускника Полоцкого кадетского корпуса и Николаевской академии Генерального штаба А. Х. Базаревского [1]. Несмотря на то, что книга заявлена как разбор военной кампании 1918 года во Франции и Бельгии, она охватывает больший спектр тем. Представляя свою книгу читателям, Базаревский отмечал что, «имея столь крупное значение, кампания 1918 года до сих пор, однако, на русском языке почти не описана. Имеются лишь коротенькие стратегические очерки и перевод книги Корда, достаточно поверхностной, устарелой и смотрящей на события 1918 года с точки зрения француза-шовиниста» [1, с. 2]. Базаревский открывает свою работу обзором театра военных действий, рассмотрением вооруженных сил сторон – отдельно Германии, Франции, Англии, США, Бельгии. Третью главу первого тома посвящает политическому и экономическому состоянию сторон на конец 1917 – начало 1918 г. – Германии и Антанты. Остальной материал книги посвящен самим военным операциям вплоть до заключения перемирия в Компьене и началу демобилизации в Германии, Франции, Великобритании.

Содержанием трудов бывшего генерала царской армии А. М. Зайончковского стала подготовка к Первой мировой войне [3; 4] и сама война [5]. Труд Зайончковского «Мировая война 1914–1918 гг. Общий стратегический очерк» был дополнен схемами военных операций А. Н. Де-Лазари, изданных отдельной брошюрой [2]. В 1931 г. вышло второе издание его труда, значительно переработанное и дополненное коллективом авторов – преподавателей кафедры мировой войны Военной академии имени М. В. Фрунзе под руководством И. И. Вацетиса. В конце 1930-х гг. труд Зайончковского

вышел новым, исправленным и расширенным изданием в трех томах, два из которых содержат текстовый материал, а третий – схемы военных операций, выполненных Де-Лазари. Зайончковский не останавливается на причинах войны, но с точки зрения собственно военных действий представил исключительно полное их описание. Труд Зайончковского в свое время служил основным пособием в военных академиях и являлся самым полным описанием Первой мировой войны.

Серьезным вкладом в историографию стал ряд работ, в которых обсуждалась проблема соперничества главных европейских акторов по поводу разделов сфер влияния, подготовки и развязывания Первой мировой войны. Специалистом-международником и знатоком английских реалий, был Фёдор Аронович Ротштейн, с 1890 г. тридцать лет проживший в Англии. Ротштейн глубоко занимался исследовательской деятельностью, в частности, изучением британской колониальной политики. Еще в 1910 г. в Лондоне вышла его книга «Разорение Египта» [32]; в 1925 и в 1929 гг. в дополненном виде она была издана в России [23]. Под редакцией Ротштейна выходила серия книг в «Библиотеке внешней политики». Он написал предисловие к переводу на русский язык книги Эрнеста Лемона «Англия и Германия» (1923 и 1925 г.) [8], охватывавшей период англо-германских отношений с 1882 по 1909 гг. Ему же принадлежит предисловие к книге А. М. Ф. Руира об англо-русском соперничестве в Азии в XIX веке, завершившемся подписанием конвенции 1907 года. Работа К. Каутского «Как возникла мировая война» была переведена с немецкого и выпущена в 1924 году [6]. Активно публиковался вернувшийся из эмиграции М. П. Павлович [10], назначенный председателем Главного комитета государственных сооружений РСФСР. Он трижды переиздал впервые вышедшую в 1913 г. книгу «Великие железнодорожные и морские пути будущего» – в 1919, 1922, 1925 гг. Последнее издание было дополнено новой главой «Великие рельсовые и морские пути в послевоенный период». Его труды – «Азия и ее роль в мировой войне», «Колониальная политика и экономическое развитие Франции», «Мировая война и борьба за раздел черного континента», «Милитаризм, маринизм и война 1914–1918 гг.», «Итоги Мировой войны» [11–15] – вышли в 1918 г. в серии «Основы империалистической политики и Мировая война».

Стержнем научной полемики 1920-х гг., а затем и в последующие годы, стал вопрос о виновности Антанты либо Тройственного союза, кто из них «напал» и кто «защищался». Большой успех имели труды Е. В. Тарле «Европа от Венского конгресса до Версальского мира. 1814–1919» (1924) [27] и «Европа в эпоху империализма» (1927) [28; 29]. Новое издание первого из них вышло под названием «Очерк новейшей истории Европы. (1814–1919)» [30]. В его монографии «Европа в эпоху империализма» преобладающую часть составляют главы о внешней политике Франции, Великобритании и Германии, складывании Тройственного союза и Антанты, международных кризисах начала XX в., о самой Первой мировой войне и ее итогах, включая Версальский мир. Е. В. Тарле поставил вопрос в той плоскости, что спор о «моральной вине» не нужен, научно не интересен, поскольку оба лагеря враждебных держав «были способны провоцировать вооруженное столкновение, обе стремились к завоеваниям; обе способны были в тот момент, который показался бы выгодным, зажечь пожар, придравшись к любому предлогу, который показался бы наиболее подходящим. В этом смысле, конечно, вожди Антанты несколько не превосходили в «моральном» отношении вождей Австрии и Германии» [28, с. 257]. Далее Тарле констатировал, что «Англии и Франции невыгодно, неудобно, рискованно было начинать войну именно уже летом 1914 г.: даже России, где говорилось и писалось много воинственного и легкомысленного в последние месяцы, тоже невыгодно было немедленно выступить уже летом 1914 г.». И, напротив, «в Германии и в Австрии <...> показалось совсем верным и выгодным делом раздавить Сербию»; «если же Россия и Франция вмешаются в дело, то и для войны с ними лучшего

времени может не найтись; не следует к этому открыто стремиться, но нечего этого и бояться: Англия, самый могучий из противников, не захочет и не сможет в данный момент воевать» [28, с. 257–258]. С точки же зрения военно-политической «вопрос с конца 1913 г. собственно шел уже о том, что для кого выгодно: отложить выступление еще на некоторое время или ударить немедленно». И далее: «вся обстановка сложилась так, что соблазн поскорее "начать" (losschlagen) должен был неминуемо охватить в 1913 г. (в конце его) или в 1914 г. именно Германию и Австрию, а не Антанту. Если бы мир продержался, например, до 1916 или 1917 г., то есть все основания думать, что не Германия, а Антанта сочла бы для себя более целесообразным выступить первой» [28, с. 258].

В то же время тогда же зародился взгляд на мировую войну, «как на декорацию кризисных явлений, поразивших Россию еще в довоенные времена». Заместитель наркома просвещения, историк-большевик и глава марксистской исторической школы в СССР М. Н. Покровский в стремлении обличить царский режим возлагал первоочередную ответственность за войну на Антанту, особенно на царскую Россию [16, с. 192], и недооценивал агрессивную роль Германии, которую, по его мнению, спровоцировали на войну [17; 18]. Он предложил марксистское прочтение феномена войны [19]. По его мнению, с одной стороны, Россия вступила в мировую войну в интересах прежде всего торгового капитала, тогда как промышленная буржуазия «появилась на патриотической дороге лишь постепенно, когда выяснилось, до какой степени сама война является выгодным предприятием» [21, с. 185], с другой стороны, столкновение их интересов привело к внутривойсковому кризису в стране – торговая буржуазия склонялась к миру с Германией, промышленная же требовала войны до победы, даже путем смены режима [21, с. 185]. Их борьба и спровоцировала Февраль. Он писал: «Мы ничего не поймем в Февральской революции 1917 г., если позабудем, что ее исходной точкой была война» [22, с. 109]. Концепция Покровского на десятилетия вперед стала господствующей в советской историографии. А историческая предопределенность «загнивающего самодержавия» стал одним из излюбленных ее сюжетов.

1. Базаревский, А. Х. Мировая война 1914–1918 гг. Кампания 1918 года во Франции и Бельгии / А. Х. Базаревский / Военная акад. РККА им. М. В. Фрунзе. – М.; Л.: Гос. изд-во, Отд. военной лит., 1927. – Т. 1. – 266 с.; Т. 2. – 233, [1] с.
2. Де-Лазари, А. Н. Атлас схем к труду Зайончковского / А. Н. Де-Лазари. – М.: Гос. воен. изд-во, 1924.
3. Зайончковский, А. М. Подготовка России к империалистической войне: Очерки воен. подгот. и первонач. планов: По арх. док. / А. М. Зайончковский / Со вступ. ст. М. Н. Тухачевского; Штаб РККА. Упр. по исслед. и исползн. опыта войн. – М.: Гос. воен. изд-во, 1926. – 425, [3] с., [15] л. карт.
4. Зайончковский, А. М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении / А. М. Зайончковский / Штаб РККА. Упр. по исслед. и исползн. опыта войн; С предисл. и под ред. М. П. Павловича. – [Л.]: изд. Воен. тип. Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. – 401 с.
5. Зайончковский, А. Мировая война 1914–1918 гг. Общий стратегический очерк / А. М. Зайончковский. – М.: Гос. воен. изд-во, 1924. – VI, 457 с.
6. Каутский, К. Как возникла мировая война / К. Каутский / Вступ. ст. М. Н. Покровского. – М.: Красная новь, 1924. – 231 с.
7. Краткий стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Русский фронт. – Вып. 1–2. – М.: Ред. «Военное дело», 1918–1919. Ч. 1. События с 19 июля по 1 сентября 1914 г. Начальный период войны. Вторжение в пределы Восточной Пруссии. Самсоновская катастрофа. Поражение 1-й армии ген. Ренненкампа. Галицийская битва, [1918]. – М.: Ред. «Военное дело», 280 с.
8. Лемонон Э. Очерк истории англо-французских отношений / Пер. с франц. А. М. Сухотина, с предисл. Ф. Ротштейна. – М.: Красная новь, 1923. – 100, [1] с.
9. Лемонон, Э. Англия и Германия / Э. Лемонон / Пер. с франц. А. М. Сухотина. С предисл. Ф. Ротштейна. – М.-Л.: Гос. изд., 1925. – 132 с.
10. Павлович, М. П. Франция накануне мировой войны: (Отрывки из дневника полит. эмигранта) / М. П. Павлович. – М.-Пг.: Коммунист, 1918. – [9], 10–154 с.
11. Павлович, М. П. Азия и ее роль в мировой войне / М. П. Павлович. – Пб.: издание газеты «Новая жизнь», 1918. – VIII, 72 с.

12. Павлович, М. П. Колониальная политика и экономическое развитие Франции / М. П. Павлович. – Пг.: «Жизнь и знание», 1918. – 79 с.
13. Павлович, М. П. Мировая война и борьба за раздел черного континента: (Монополистический капитализм) / М. П. Павлович. – М.: Изд-во ВЦИК Сов. р., с., к. и к. д., 1918. – 112 с.
14. Павлович, М. П. Милитаризм, маринизм и война 1914–1918 гг.: (Военные бюджеты и военные силы европейских государств накануне войны) / М. П. Павлович. – М.: «Жизнь и знание», 1918. – 128 с.
15. Павлович, М. П. Итоги Мировой войны / М. П. Павлович. – М.: Изд-во ВЦИК сов. р., с., к. и к. д., 1918. – 138, [1] с.
16. Покровский М. Н. «Виновники войны» / М. Н. Покровский // Покровский М. Н. Внешняя политика. Сб. статей (1914–1917). – М.: Денница, 1918. – 192 с.
17. Покровский, М. Н. Империалистическая война. Сб. статей / М. Н. Покровский. 1915–1927. – М., 1928.
18. Покровский, М. Н. Империалистическая война. Сб. статей / М. Н. Покровский. – Изд. 2-е, доп. 1915–1930. – М., 1931.
19. Покровский, М. Н. Империалистическая война: Сборник статей. 1915–1927 / М. Н. Покровский / Коммун. акад. О-во историков-марксистов. – [М.]: изд-во Коммун. акад., 1928. – 296 с.
20. Покровский, М. Н. Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. / М. Н. Покровский. – М.: Красная новь, 1924.
21. Покровский, М. Н. Очерки русского революционного движения XIX–XX вв. / М. Н. Покровский. – М.: Красная новь, 1924.
22. Покровский, М. Н. Октябрьская революция: Сб. ст., 1917–1927 / М. Н. Покровский. – М.: Изд-во ком. акад., 1929.
23. Ротштейн, Ф. А. Захват и закабаление Египта / Ф. А. Ротштейн / Пер. с англ. под ред. и с доп. автора. – М.–Л.: Госиздат, 1925. – 308 с.
24. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. Ч. I / Сост. Н. Валентинов; Ред. кол.: А. А. Свечин, В. Н. Клембовский и др. – М.: Военная тип., 1920. – 136 с. (Труды военно-исторической комиссии).
25. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. / Под ред. А. М. Зайончковского. – М.: Высш. воен. ред. совет, 1920–1923. – Ч. 1–7.
26. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Румынский фронт / Сост. Ф. И. Васильев. – М.: Высш. воен. ред. совет, 1922. – 131 с.
27. Тарле, Е. В. Европа от Венского конгресса до Версальского мира. 1814–1919 / Е. В. Тарле. – Пг.: «Сеятель», 1924. – 200 с.
28. Тарле, Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. / Е. В. Тарле. – М.; Л.: Госуд. изд-во, 1927. – 483 с.
29. Тарле, Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. / Е. В. Тарле. 2-е изд., доп. – М.; Л.: Госуд. изд-во, 1928. – 511 с.
30. Тарле, Е. В. Очерк новейшей истории Европы. 1814–1919 / Е. В. Тарле. Изд. 2-е [3-е]. – Л.: «Прибой», 1929. – 208 с.
31. Царская Россия в мировой войне. Т. I / Предисл. М. Н. Покровского; Центрхархив. – Л.: Гос. изд., 1925. – 300 с.
32. Rotstein, Rh. Egypt's Ruin: A Financial and Administrative Record / Rh. Rotstein. – London: A. C. Fifield, 1910. – 424 p.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИЦ

Г.Н. Яковлева

Первая мировая война для нашего общества долго оставалась в какой-то степени войной неизвестной. Официальные власти объявили ее второй Отечественной, левые партии дали название империалистической, а участники этой войны называли ее германской. На Западе ее стали называть Великой. В последние десятилетия история Первой мировой войны вызывает неизменный интерес исследователей. Тема «женщина и война» на материалах Первой мировой войны достаточно полно освещена в работах П.П. Щербинина, Е.С. Сеньявской, Ю.Н. Ивановой, Н.Л. Пушкаревой, Н.Л. Матвеевой, А.Н. Григорьевой, В. Еромолова и др. [1]. В этих исследованиях показано участие женщин в военных действиях; в русле антропологического знания реконструирован повседневный

быт солдатки, продемонстрирована женская благотворительная деятельность (особенно августейших особ), проанализированы проблемы демографии и др. Но, тем не менее, научный потенциал данной темы далеко не исчерпан. Значимую роль в ее изучении играют эго-документы: письма, воспоминания, дневники непосредственных участников и очевидцев тех времен. «Стремление постичь «высокую тайну», понять смысл и значимость Великой, как ее называли современники, войны вместе с желанием оставить потомкам достоверное свидетельство о пережитых трагических событиях побуждали их заняться воспоминаниями. Мемуарная литература о войне состоит главным образом из воспоминаний военных, политиков, дипломатов, представителей высшей бюрократии. Воспоминания о Первой мировой женщин – сестер милосердия и тех, кто трудился в тылу, жен военных и просто современниц, – по понятным причинам встречаются значительно реже и потому представляют особый интерес» [2]. Таковыми являются воспоминания сестер милосердия: Лидии Захаровой, написанные по свежим следам, но касавшиеся только первых месяцев войны, Ольги Федюкиной, прошедшей всю войну, и сделавшей свои воспоминания в советское время, и воспоминания Натальи Линки, записанные в 1970-е гг. Память избирательна, на описание событий накладывает отпечаток жизненный путь автора. Необходимо помнить политико-идеологический контекст, на фоне которого писались те или иные мемуары и цели, преследуемые автором.

Как известно, основные виды деятельности женщин России в период Первой мировой войны – это оказание помощи фронту, фронтовикам и их семьям. С первых дней войны были сформированы медицинские отряды, санитарные поезда, созданы и оборудованы лазареты для оказания помощи раненым бойцам. Другим направлением деятельности женщин по всей стране стала материальная помощь фронту, раненым, семьям фронтовиков, беженцам. Война создала сразу массу людей, которые нуждались в общественном благодеении – семьи солдат, лишившихся кормильцев; раненые и больные воины в госпиталях; позднее к ним прибавились беженцы. Благотворительную деятельность россиянок в годы мировой войны можно разделить на несколько типов: частную, общественную, государственную (в том числе, оказываемую по инициативе частных лиц). Пример в делах милосердия показывало августейшее семейство, занимались ими аристократки, дворянки, интеллигенция, семьи священников, реже – мещанки, крестьянки и работницы. Часто это была не денежная, а натуральная форма благотворительности, которая имела место и среди аристократок, и гимназисток, и зажиточных женщин, и среди крестьянок, жертвовавших «плоды» своего ручного труда. Княгиня И.Д. Голицына (тогда гимназистка в Ярославле) вспоминала, что они с сестрой много вязали, а ее гувернантка учила их вязать носки для раненых [3, с. 44]. О. Федюкина писала: «И всё же 15 сентября 1914 г., как обычно, открылись двери гимназии. На уроках шитья мы шили форму для солдат и ждали, как и все, вестей с фронта» [4]. «Когда началась война, мы жили на даче и рядом с нами еще одна подруга по институту. Она сразу принялась солдатское белье шить, а раньше иголки в руках не держала», – воспроизвела в своих записках Л. Захарова рассказ другой сестры милосердия о типичной картине тех дней [5].

По примеру монаршей семьи женщины аристократки, уже имевшие навыки организации благотворительных акций, включились в эту работу. Некоторые из них оставили свои воспоминания о тех днях. К числу таких мемуаров относятся воспоминания супруги генерала П. К. фон Ренненкампа – В. Н. фон Ренненкампа. Будучи женой командующего Виленским военным округом, Вера Николаевна являлась попечительницей и членом правления местного отделения общества Красного Креста и с началом Первой мировой войны активно участвовала в организации помощи раненым, в создании госпиталей и обеспечении их сестрами милосердия. В воспоминаниях она подробно пишет о том, что ей самой удалось сделать на этом поприще: как она основала Комитет помощи семьям призванных в армию запасных нижних чинов, мастерские по пошиву белья для фронта, как принимала участие в формировании летучего автомобильного

отряда Евангелического общества Красного Креста, вывозившего раненых с поля боя. Приходилось формировать отряды сестер для госпиталей, находившихся вблизи театра военных действий. К тому же прибывали большие партии больных и раненых. Надо было работать на питательных пунктах, на вокзале, куда направляли с поездов голодных раненых, и отправлять на фронт целые транспорты белья, а их упаковка занимала много времени. «Помимо этого следовало принимать разные пожертвования – бельем, медикаментами, перевязочными средствами и деньгами. Мне много помогали дамы ушедших на войну военных и отставные генералы» [2].

Вспоминая начальный период войны, она описывала манифестацию, устроенную жителями Вильно по поводу первого взятого у немцев пулемета, дня три стоявшего на балконе их дома. «Впереди несли портрет Государя, национальные флаги, горящие факелы и пели гимн «Боже, Царя храни!». Я сейчас же велела зажечь электрические вензеля Государя императора и Государыни императрицы с коронами, находившиеся на фасаде дома. Толпа кричала: «Ура Государю Императору! Ура генералуРенненкампу!» Энтузиазм и народный патриотизм всецело завладели мной. Я не выдержала и крикнула: «Ура нашему серому герою, герою-солдату!» [2].Начало войны характеризовалось еще хорошим состоянием госпиталей. «Наш постоянный госпиталь в Вильно на Антоколе вмещал до трех тысяч человек. В его саду устроили дополнительные деревянные бараки и разбили палатки, чтобы принять еще раненых. Уход и лечение там были идеальными, доктора – опытными и знающими, питание очень хорошим. С дочерью или со своими дамами-помощницами я часто посещала этот госпиталь, т. к. его обслуживали сестры моей общины Красного Креста» [2]. Н. Линказа писала свои воспоминания в 1970- х гг. и идеологические акценты у нее расставлены соответствующие, но даже она отмечалазаслуги княгини Урусовой: «Она обходила палаты, беседовала с больными, выслушивала их жалобы и просьбы, затем долго совещалась с врачами и сестрами. Говорили, что она много помогала госпиталю, умела заставить богачей расщедриться, умела добыть нужный инвентарь и медикаменты» [6]. Женщины, описывая первые месяцы войны, фиксировали не только патриотический подъем и желание своих соотечественниц помочь стране, но и гуманное отношение к пленным, которые появились в первые, еще успешные, месяцы войны. «Я не делала никакого различия между страдающими своими – русскими или врагами – немцами. Раненый пленный уже не враг, а просто – несчастный страдалец», – писала В. Ранненкамф [2]. Также к ним относилась исестра милосердия Л. Захарова, к тому же отмечавшая, что по отношению к немцам принцип простых солдат был таков: «Воевать – можно, забижать– нельзя» [5]. Слухи о плохом отношении к русским пленным, неприхотливость своих раненых,самоуверенность и заносчивость немецких пленных в госпиталях отмечали обе женщины. Такими их рисовала и официальная пропаганда.

О работе сестер милосердия в Первую мировую войну известно мало, на фронте не до записей, а начавшиеся революционные события сделали это неактуальным. Дошедшие же до нас сведения достаточно скупы. «В 1916 г. по официальным спискам на фронт было отправлено 17436 сестер милосердия, которые обслуживали более 2000 полевых и тыловых учреждений Красного Креста: 71 госпиталь, рассчитанный на 44600 человек, этапные и подвижные лазареты, 11 санитарных поездов, передовые отряды, санитарные транспорты, питательные и перевязочные пункты, дезинфекционные камеры, рентгеновские и летучие хирургические отряды, 2 плавучих госпиталя на Черном море, 3 бактериологические лаборатории, 6 полевых складов. На 1 ноября 1915 г. во всех названных заведениях лечилось около 780000 человек. К этому времени 28 медсестер скончались, заразившись инфекционными заболеваниями, 4 медсестры погибли в результате несчастных случаев, 5 убиты, а 12 покончили жизнь самоубийством» [См.: 6].

Все они оказались на фронте по одинаковым (патриотические чувства), но в тоже время и разным причинам. «И я нашла спасенье от тоски. Я решила разделить участь того, к кому рвалась душа в бессильном порыве», – писала о своем решении Л. Захарова, оставившая на мать (правда только на три месяца 1914 г.) двоих детей. «Патриотический подъём был очень сильным. Все мои товарищи мужеского пола, мальчики по сути, пошли добровольцами в армию, но – увы! – лишь земгусарами (ироническое название служащих Земского союза – Г.Я.), то есть, попросту говоря, санитарями, в различные госпитали и санитарные поезда. Им полагалась очень красивая форма и даже шапка: всё это прельщало мальчишек, и знакомые девочки, увидав их, обмирали от восторга. Я решила не отставать от товарищей и устроилась сиделкой в госпиталь на Немецкой улице с тем, чтобы в тот же год сдать экзамен на медсестру и попасть на фронт к своим товарищам», – написала в своих воспоминаниях О. Федюкина, которой было тогда 15 лет [4]. «Все только и говорили о помощи родине, о пожертвованиях на нужды армии, о долге женщин работать на фронте в качестве сестер милосердия. Конечно, и я, закончившая гимназию, освободившаяся от обязательной учебы, горячо и упорно мечтала о служении отечеству и работе на фронте. Не скрою, что к этим мечтам у всех девчонок моего возраста примешивалась еще и смутная надежда на встречу с героем, которого спасает от верной смерти самоотверженный уход и заботы сестры милосердия, а потом начинается роман и счастье, счастье, счастье...», – описывала свои романтические мечтания Н. Линка [6]. «Профессор из обрусевших немцев был человеком строгим и не улыбочивым, который терпеть не мог молоденьких сестёр. «Сдаст экзамен, – говорил он о таких, – и поедет на фронт женихов ловить». Так вспоминала мнение своего экзаменатора (нередкое тогда) О. Федюкина [4].

Война затягивалась. Романтические настроения стали проходить быстро. Сестринское дело оказалось грязной, страшной, опасной, тяжелой работой. «Круглые сутки приходилось принимать, перевязывать, поить, кормить, дежурить по ночам почти бессменно», – писала Л. Захарова. Психике приходилось адаптироваться к ужасам войны. Чувства притуплялись. Об отношении к войне и смерти она писала: «Впрочем, есть известный предел, достигнув которого человеческая мысль уже не может воспринять более ужасного, как намокшая губка не всасывает больше воды. Мысль это, кажется, не моя, но помню, что только во время пребывания в закоулках германских окопов я сознала всю ее глубину и изумилась тому, как верно понял человек, высказавший ее, капризную и многогранную человеческую природу» [5]. В октябре 1914 г., после болезни она покинула фронт. И в своих записках потом отмечала: «Я не забуду и вас, родные солдатики, бессознательные герои, скромные, веселые, правдивые и незлобивые дети». Но три года войны сделали свое дело. Менялись «простые, милые, русские солдатики», становилось тяжелее и страшнее и сестрам милосердия. «Когда начались эти массовые отравления, меня и ещё 2-х сестёр посадили на паровоз с двумя платформами и послали к линии фронта. Там, под немецким обстрелом мы складывали отравленных солдат на платформы шпалерами, потому что разбираться в таких условиях, кто жив, кто мёртв, было невозможно. Привозили их в тыл на станционный медпункт и там уже разбирали на живых и мёртвых. То ли из-за молодости, то ли из-за нервного напряжения, ни до кого не доходил весь ужас происходящего. Нервы на войне были притуплены, и переживалось всё не так, как в обычное время. ... Мы все работали 3 дня и 3 ночи, почти без сна и отдыха: отвозили мёртвых в сторону, перевязывали и делали уколы выжившим. За эту работу я получила свою первую медаль: Георгия четвёртой степени». «В ночь, когда я должна была переехать в госпиталь 65-й дивизии, был мощный налёт немецких цеппелинов на Минск, из-за множества разрывов и пожаров в городе было светло как днём. И я вынуждена была остаться: перетаскивала раненых под бомбёжкой, перебинтовывала, успокаивала. И получила за это вторую солдатскую медаль: Георгия третьей степени» [4]. Настоящая фронтовая сестра милосердия, О. Федюкина увидела не только все ужасы войны, но и те

перемены, которые произошли в армии к 1917 году. Солдаты устали от войны. «Все Красные Кресты были отправлены в тыл, но я осталась, так как работала в дивизионном госпитале, не подлежащем эвакуации. Настроение солдат было возбуждённым, многие из них ненавидели сестёр милосердия, да это и понятно: многие офицеры, красуясь перед сёстрами, часто унижали солдат, а подчас и били. Солдатская злоба на офицеров перехлёстывалась таким образом и на медсестёр» [4]. Ощутила негативное отношение уходивших с фронта солдат к себе и сама Федюкина.

Затянувшаяся война обусловила нарастание форм девиантного поведения и агрессии: возросло количество сексуальных домогательств. Н. Линка писала, что наслушавшись патриотических речей, по направлению Земского союза получила назначение в Псков и в июне 1917 г. отправилась в Действующую армию в сестринской косынке с красным крестом на груди, с чувством выполненного долга и служения Родине. Госпиталь был рассчитан на легко раненных и туда отправляли «случайных, едва обученных сестриц, полуграмотных девушек, работавших раньше на фабриках и заводах. Эти наивные темные девушки были уверены, что надевши косынку сестры милосердия, они тотчас же станут барышнями и выйдут замуж за офицеров. Преимущественно это были совсем юные девчонки, доверчивость которых использовалась цинично и безжалостно». Причем почти все они были отличными работницами, усердными и неугомонными. Описывая свое пребывание на турецком фронте, она вновь упомянула не очень хорошую репутацию теперь уже здешних сестер милосердия. «Сестрички так зарекомендовали себя, что, увидев косынку, каждый вояка считал себя вправе предъявить свои претензии и начать атаку» [6]. С ненавистью к офицерам и проявлениями «революционного правосудия» со стороны солдат по отношению к ним столкнулась и она.

Таким образом, Первая мировая война сделала женское присутствие на войне, не единичным, как это было ранее, а достаточно значимым и зримым. Молодые девушки-гимназистки, вдохновленные патриотической риторикой, стремлением следовать примеру и отчасти романтическим настроениям, массово оканчивали курсы, готовившие сестер милосердия, рвались на фронт, и проходили школу, каждая свою, трудных будней в лазаретах или фронтовых госпиталях. Другие занимались благотворительностью в соответствии со своим статусом и желаниями. Третьи почти не заметили войны и ощутили первые серьезные проблемы и неудобства только после Февраля, и уже летом 1917 г. первые семьи аристократии стали покидать Петроград и уезжать, пока еще только в Финляндию. У каждой из авторов воспоминаний была своя война, но аристократки скорбели о Государе и о том, что они потеряли, бывшие сестры милосердия, каждая в зависимости своего опыта, описывали кошмар войны.

1. Ильчук, Д.И. Благотворительная деятельность М. К.Тенишевой в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rarwh.ru/images/conf/2015/2015_St.Oskol_Tom_2.pdf. – Дата доступа: 25.09.2018.
2. ВЕРА ФОН РЕННЕНКАМПФ. Из воспоминаний о Первой мировой войне Публикация, вступительная заметка и примечания Наталии Андреевой // Звезда.– 2013.– №8.[Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2013/8/9r.html>. – Дата доступа: 10.08.2018.
3. Голицына, И.Д. Воспоминания о России (1900-1932) / И.Д. Голицына. – М, 2005. – 224с.
4. Война 1914–1917 гг. Воспоминания О. Федюкиной. Публикация Алексея Игельстрома. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2017/08/26/1230>. – Дата доступа: 22.09.2018.
5. Захарова Лидия. Дневник сестры милосердия. На передовых позициях. Издательство Библиотеки «Великой войны», 1915. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/doc-109429163_437122417?hash=ff213694029298a8b4&dl=2e529126648323ff13. – Дата доступа: 16.09.2018.
6. Воспоминания Н.В. Линки «Первая мировая война (1914–1918 гг.)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1026837>. – Дата доступа: 27.09.2018.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ БАЛТИЙСКИХ НЕМЦЕВ

В.А. Талерко

Прежде всего, необходимо уточнить, что под балтийскими немцами в современной исторической науке понимают потомков немцев, пришедших вместе с крестоносцами Ливонского ордена в 13 веке на территорию сегодняшних Балтийских государств. Государство германского ордена существовало до 16 века, затем долгое время Балтия находилась под влиянием других, соседних государств (Польско-литовское княжество, Швеция, Дания, Россия). Не смотря на это, немецкому рыцарству удалось сохранить свои первоначальные привилегии. Балтийские немцы могли заниматься политикой, занимать высокие армейские посты и быть владельцами крупных имений и земельных наделов. В основном, это были представители бюргерства в городах, духовенство и дворяне со своими крупными земельными владениями. Так как большая часть Балтии с 1821 года принадлежала Российской империи, сведения о балтийских немцах можно найти в переписи населения России за 1897 год, т.е. всего за два десятилетия до начала первой мировой войны. В Прибалтийских провинциях проживало 165.627 человек, указавших немецкий язык в качестве родного. На территории сегодняшней Латвии насчитывалось тогда около 2 миллионов человек [1, с. 23]. Надо сказать, что по отношению к другим этническим группам на территории Балтии немцы никогда не превышали 10% от всего местного населения [2, с. 259]. О том, какой катастрофой для балтийских немцев, да и всего населения Латвии оказалась первая мировая война, можно судить по данным о населении за 1914 год, в котором в Латвии насчитывалось 2.552.000 человек. Во время первой мировой войны Латвия потеряла 750.000, большую часть этих потерь составили именно балтийские немцы.

В Российской империи немцы занимали высокие позиции, были политиками и чиновниками, врачами и инженерами, офицерами и профессорами. Многочисленные пасторы, учителя, врачи, инженеры, торговцы разного уровня жили на территории всей Российской империи. Под их руководством строились школы, университеты, театры, фабрики и заводы.

Надо уточнить, что в редких воспоминаниях балтийских немцев, в их дневниковых заметках, а так же в немногих произведениях фиктивной литературы можно найти упоминание событий первой мировой войны. Их детальное описание, а так же описание действий, чувств и мыслей самих балтийских немцев практически отсутствует. Если для латышского народа отказ от осмысления событий первой мировой войны компенсировался эмоциональной составляющей, имеющей определённые, достаточно узко понимаемые задачи (об этом подробнее в статье Т. И. Кузнецовой «Мировая война в юбилейных изданиях Латвии (20-30ые годы XX века)»), то для балтийских немцев это замалчивание связано, прежде всего, с глубокой трагедией как личного, так и общественного характера. Для латышей, как показано в статье Т. И. Кузнецовой, было не важно, кто конкретно понимался под определением «немцы», т.к. в них латышский народ видел угнетателей, завоевателей и общего врага.

Данная статья построена на автобиографии «красного графа» Александра Штенбока-Фермора, в которой он обозначает некоторые события первой мировой войны, затронувшие его личную судьбу, а так же судьбу его родных и близких. Некоторые наблюдения «красного графа» дополняются воспоминаниями и комментариями других балтийских немцев, которые оказались в моём (В. Т.) распоряжении.

Коротко об авторе автобиографии: Александр Штенбок-Фермор, потомок балтийского дворянства шведско-немецкого происхождения, сын крупного землевладельца, состоявшего долгое время на военной службе Александра II, Александра III и Николая II. Мать - урождённая графиня Кропоткина [3, с. 228].

Автобиография Александра Штенбока-Фермора, не лишённая литературной ценности, показывает процесс стремительного взросления 14-летнего мальчика, постепенного осознания им ужаса мировой катастрофы, в жерновах которой он оказался.

Начиная с мимолётного описания военной техники и скопления живой силы, случайно в детской полудрёме увиденной на одной из немецких станций летом 1914 года, читатель всё больше и больше вместе с ещё несовершеннолетним повествователем погружается в неотвратимость большой войны. Этому служат неоднократные упоминания разговоров между взрослыми в семье Александра [4, с. 28, с. 30, с. 37, с.40], их волнение, многочасовые споры, бессонные ночи, во время которых сон бежит из-за отрывочных беспокойных мыслей.

Вторым фактором, усиливающим ощущение надвигающейся трагедии, являются разговоры Александра с отцом, который не верил в то, что в высокоразвитой цивилизации, к которой отец относил Германию, Австрию и Россию, возможна война, в результате которой возможно падение кайзера и королей, миллионы убитых и раненых [4, с. 30]. Без сомнения, это мнение было характерно для многих образованных балтийских немцев, находящихся на государственной службе в Российской империи.

Подросток мало интересуется подобными темами, но понятно желание отца выговориться, найти хотя бы в малолетнем сыне опору своим сомнениям и беспокойству. Подросток думает в это время о том, что он любит родной дом в Риге и не хочет ехать в Германию, куда его хотели отправить родители для продолжения образования. Поэтому понятна его детская радость в день объявления войны 1 августа 1914 года: в военное время он точно не поедет из-за войны с Россией. Он передаёт общее возбуждение, охватившее его знакомых и просто прохожих на улице, повествуя о начале военных приготовлений, об организации первого лазарета в стенах его школы. Романтический налёт героизма, шальной бравады исчезает с изменением ландшафта вокруг родового имения. Весной 1915 года Курляндия стала местом военных действий, приближение фронта внушало ощущение неуверенности в завтрашнем дне, заставляло думать о пропитании и собственной безопасности. Семья знала и видела огромное количество раненых, беженцев, ещё пока далёкие бомбардировки из цеппелинов, слышала разрывы и выстрелы. О военных событиях можно было ещё прочесть в газетах на немецком, русском, английском и французском языках, среди прочих упоминаются газеты „Rigasche Zeitung“, „Rigasche Rundschau“ [4, с. 34]. Удивительно, но первые немецкие пленные вызывают лишь мимолётное любопытство.

Александр со своими друзьями с увлечением играет дома в войну, строит баррикады. Вскользь упоминается о том, что родители во время этих игр старались уйти из дома, понимая, насколько страшна проекция игры на реальную жизнь. Вместе с домашним учителем, так же романтически настроенным молодым человеком, подростки отправлялись практически на линию фронта «посмотреть», т.к. фронт находился всего в 15 км от Риги, а воюющие стороны придерживались достаточно длительного негласного перемирия. Как это обычно и бывает, все игры и досужее любопытство заканчиваются при встрече с реальной, близкой смертью. Надо сказать, что взорванная прямо перед глазами телега с людьми, потом самоубийство верного слуги из страха перед грядущей мобилизацией заставили молодых людей более пристально вглядываться в события вокруг них.

Именно в этот момент впервые появляются размышления о двойственном положении балтийских немцев в Риге и в России в целом. Реальная школа, в которой был вынужден учиться Александр, вместе с неизбежной социализацией привела и к новому взгляду на окружающий мир, оказавшийся намного шире и сложнее, чем семейно-родственный круг. От своих одноклассников он узнал, например, что далеко не все отцы, как его собственный отец и многочисленные родственники, являются сторонниками Российской империи, и что многие желают победы Германии. Особенно это желание обострилось во

время ужесточения политики русификации, проявившееся в ликвидации немецких союзов и объединений, в запрете говорить по-немецки даже на улицах. На всех табличках с названием улиц были закрашены названия на немецком языке. Всё это оказывало раздражающее воздействие, тем более, что многие балтийские немцы воевали в российской армии. Это внутреннее противоречие нашло и внешнее выражение: в одном из домашних эпизодов офицеры в российской форме спорят на немецком языке [4, с. 37]. Один из ведущих историков, занимавшихся балтийскими немцами, сам по происхождению балтийский немец, Георг фон Раух, дополняет эту детскую картину взрослыми наблюдениями, о чём школьник мог и не знать: по подозрению в инакомыслию балтийских немцев арестовывали, держали в тюрьме, ссылали в Сибирь.

Прямое указание на двойственность положения балтийских немцев можно найти и в воспоминаниях Эберхарда Гундалина, бывшего учителя, спланировавшего свою личную жизнь и достаток на 25 лет вперёд. По его словам, чувство долга постоянно напоминало ему о том, что он является русским гражданином и служащим. Но внутренний голос разговаривал с ним по-немецки, напоминая о внутренней связи с Германией [5, с. 45]. Баронесса Вера фон Засс указала в своих воспоминаниях и на другую сторону этой трагедии: Те молодые люди, которые учились в Германии в немецких университетах, остались в рейхе и боролись на немецкой стороне. Практически каждая семья оказалась перед выбором своей политической и гражданской позиции [6, с. 26]. Леонард Хелмзинг пишет в своих воспоминаниях о страшной трагедии, которую пережили молодые балтийцы, сразу же попавшие на немецкий фронт. Для автора воспоминаний было спасением то, что по состоянию здоровья он оказался в хозяйственной части, а не участвовал в боевых действиях [7, с. 42].

За верность Российской короне выступало, прежде всего, знание так называемого «балтийского вопроса» [1, с. 35], точнее сказать, сохранение привилегий немецкого дворянства на территории остзейских провинций России. Эти привилегии балтийские немцы боялись потерять в случае присоединения к Германии и установления новой власти.

Преданность балтийских немцев русскому царю была нарушена сначала в феврале-марте 1917 года, а затем окончательно разрушена из-за отречения от престола Николая II 15 марта. Оказалось, что служить стало некому. Повзрослевшие подростки замечают признаки общего распада: разграбив пивоварню, солдаты напились и утонули в пиве [4, с. 42]. Прекратились домашние обсуждения возможного развития событий. Напротив, беспомощность отдельно взятого человека выражается в его погружении в размышления, а именно, Александр видит плачущую мать, отказывающуюся разговаривать о чём бы то ни было [4, с. 42], и отца, молча меряющего шагами небольшое пространство между окном и письменным столом (там же). Испуганные балтийские немцы оказались запертыми в домашнем пространстве, лишённые привычных обязанностей и прав.

Приход к власти временного правительства принёс балтийским немцам неожиданное улучшение в их общественном положении: снова стали издаваться газеты на немецком языке, вновь можно было разговаривать на немецком языке на улицах, была образована «Демократическая партия русских граждан немецкой национальности», с которой балтийские немцы связывали слабые надежды на представительство в новом правительстве [4, с. 48]. Гертурд Адольфи открыто пишет о своих сомнениях в успехе новой демократической партии на выборах в парламент, которые были назначены на день взятия Риги немецкими войсками [5, с. 48]. Конечно, выборы не состоялись. Георг фон Раух комментирует приход временного правительства к власти как отрезвление для всех балтийских немцев, т.к. это правительство настаивало на продолжении войны с Германией, а балтийские немцы не хотели больше воевать на стороне России, не связанные ни присягой царю, ни присягой какому-либо иному государству [8, с. 594]. Впервые в Риге появляется реальность латышского языка: на уличных табличках пишутся

названия на русском, немецком и латышском языке. И огромное количество дезертировавших солдат, картин полного разгула уличной анархии. Чем ближе подходили немецкие войска, тем больше балтийские немцы видели в них своих освободителей [там же, с. 592]. Немецкие войска занимали территорию Балтии в первой мировой войне с 1915 по 1918 год. В Риге они были осенью 1917, в Латгалии в феврале 1918 года.

1 сентября 1917 началась трёхдневная битва за Ригу, во время которой были взорваны оба железных моста и сожжены все мосты через Даугаву. Не смотря на начавшиеся пожары и в самом городе, о чём подробно пишет Гертруд Адольфи [5, с. 49], германская армия, обойдя болота вокруг города, вошла 3 сентября в Ригу. По сравнению с измученными, серыми от усталости русскими солдатами, солдаты немецкой армии выглядели молодыми, бодрыми и красивыми как боги. Гертруд Адольфи сама упоминает проповедь в храме святого Петра, в которой священник подготовил немецкую паству, зачитав подходящий по смыслу псалом. По её словам все жители тогдашнего Агенса, места концентрированного проживания балтийских немцев в Риге, приветствовали друг друга как в большой религиозный праздник. 6 сентября в Ригу приехал кайзер Вильгельм II. На том же месте, где всего несколько лет назад проходили парады российской армии, прошёл и победный парад армии немецкой. И снова, возвращаясь к автобиографии Штенбока-Фермора, повествователь подчёркивает разное отношение балтийских немцев к германской армии: Отец Александра отказался присутствовать на параде, многие балтийские немцы восторженно приветствовали немцев как освободителей, в то время как школьная молодёжь присутствовала на параде из любопытства.

Немецкая оккупация ещё более разделила население Риги: латыши восприняли её с неприязнью, а балтийские немцы с возрастающим восторгом, ожидая окончания поры государственного беспорядка и общей анархии. Для латышей же немецкая кайзеровская власть была не лучше, чем российская царская. Оккупационная власть вновь сменила вывески на улицах, оставив надписи только на немецком языке.

В школе учителя быстро перестроились на новый лад, переняв программы немецких школ, уже тогда прославляющих превосходство германской расы. Вне сомнения, лёгкость этому процессу обеспечил общий язык обучения в немецких школах Риги [6, с. 26].

К 7 ноября 1917 года балтийские немцы считали себя свободными от обязательств перед российским царём и причисляли себя к восточным провинциям Немецкого Рейха. Именно в этот момент национальные элиты Латвии и Эстонии получили возможность задуматься об образовании национальных государств. 9 ноября 1918 года Германия капитулировала.

На основании выше изложенного можно сделать следующие выводы:

- события первой мировой войны нарушили существующий государственный порядок, разрушив сложившиеся межнациональные отношения.
- главным фактором, провоцирующим внутренний протест, явился языковой вопрос, который каждая власть пыталась решать по-своему в свой определённый промежуток времени.
- балтийские немцы оказались между Германией, с которой их связывала общая история, образование, язык, традиции, и Россией, гражданами которой они являлись.
- все названные воспоминания и заметки балтийских немцев свидетельствуют о растерянности, вызванной их двойственным положением.
- для всех воспоминаний характерна роль пассивного наблюдателя за происходящими событиями.
- для латышского народа балтийские немцы и немцы, пришедшие с германскими оккупационными войсками, за время немецкой оккупации превратились в одно целое, которое воспринималось чужим, а потому враждебно.
- вопрос балтийских немцев во время первой мировой войны представляется до сих пор мало изученным.

1. Weiss, Fritz. Die Baltische Frage im Weltkrieg und in der russischen Revolution. – Michelstadt: Baltica Materialien, 1992. – 71с.
2. Angermann, Norbert. Die Deutschen – eine Oberschicht? – In: Mythen der Vergangenheit: Realität und Fiktion in der Geschichte. Hrsg. Otwin Pelc. – Göttingen: Unipress, 2012. – С. 247–263.
3. Garleff, Michael. Deutschbalten, Weimarer Republik und Drittes Reich. Bd. 2. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2008. – 455с.
4. Stenbock-Fermor, Alexander. Der rote Graf. Autobiographie. – Berlin: Verlag der Nation, 1973. – 505 с.
5. Deutschbalten im 20. Jahrhundert. Ein Lesebuch. – Lüneburg: Carl-Schirren-Gesellschaft, 2002. – 306 с.
6. Sass v., Vera. Aus meinen Erinnerungen. 1906-1986. – Privatdruck Vera v. Sass, 1999. – 71с.
7. Helmsing, Leonhard. Plaudereien aus dem Leben eines Deutsch-Balten. – Lübeck: LN Druck, 1968. – 68 с.
8. Rauch v., Georg. Aus der baltischen Geschichte. – Hannover-Döhren: Hirschheydt, 1980. – 641с.

КАМПАНИЯ «10-летие ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ» В ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (1924 г.)

А.В. Филимонов

Состоявшийся летом (в июне – июле) 1924 г. V-й Конгресс Коминтерна в связи с приближающимся 10-летием начала Первой мировой войны принял «Манифест», в котором призвал все коммунистические партии мира «устроить «Неделю протеста» против империализма, его соглашателей, против подготовки новой войны». Проведение «Недели» призвано было в очередной раз напомнить человечеству о причинах и итогах «кровавой бойни», ее виновниках, осудить империализм, как главный источник войны, а заодно и «соглашателей», т. е. лидеров II Интернационала, голосовавших за военные кредиты и тем самым поддержавших свои империалистические правительства, и конечно, связать проводимую кампанию с задачами будущей «мировой революции» [1, ф. 109. оп. 1. д. 125. л. 75-а; д. 727. л. 15].

Призыв Коминтерна был воспринят на местах в качестве сигнала к действию, т. е. для проведения различных антивоенных мероприятий. В ряде городов страны они начались, когда Конгресс еще не завершил своей работы, а инструкций ЦК РКП(б), разъясняющих порядок их проведения, пока еще не поступало. Так, инициативу проявили руководящие органы Великих Лук Псковской губернии, по решению которых уже 1 июля 1924 г. в городе состоялся «митинг протеста по поводу 10-летия империалистической войны». Проходил он на площади К. Маркса, куда пришли представители предприятий, учреждений и молодежи, развернув лозунги: «Долой войну! Мы хотим мирно трудиться!». Всего на площади собралось около 5000 чел. Председатель уисполкома Стуков, открывший митинг под исполненный оркестром «Интернационал», предоставил первое слово секретарю укома РКП(б) Я. Крастыню. «Десять лет тому назад, - сказал секретарь, - трудящиеся мира не предполагали, что проснувшись на утро, они услышат об объявлении войны, как трагедии всего мира. Они не предполагали, что несет с собою эта губительная война. Они не думали, что она вырвет из жизни 10 млн. чел. населения, не считая громадных цифр раненых и искалеченных на всю жизнь. 10 млн. – это страшная и показательная цифра. Это значит, что если взять 7 таких губерний, как Псковская, и всех до единого жителей уничтожить, то мы получим эту ужасную цифру – 10 млн... На войне уничтожены неисчислимые материальные ценности, для восстановления которых 10 млн. трудящимся потребовалось бы работать ровно 100 лет.

Десять лет прошло со дня начала империалистической войны. Миновала ли еще опасность новых войн? Нет. Капиталисты всех стран вооружаются... Вот почему нужно быть готовым ко всему. Мы должны сказать: «Хранить мир – готовиться к войне! Укреплять Красную Армию! Война – войне!».

Я. Крастынь также говорил о виновниках развязывания войны, борьбе большевиков против империалистической войны, предательстве дела рабочего класса социал-демократами II Интернационала, т. е. соглашателями. На митинге выступили представители организаций города, говорившие «о губительных последствиях войны, неизбежности и необходимости социалистической революции во всем мире». Участники митинга приняли резолюцию, осуждавшую прошлую войну, содержащую протест против новых войн, призыв к укреплению Красной Армии. После митинга в городе состоялась демонстрация трудящихся, вечером в Летнем саду – гулянье, а комсомольцами была поставлена инсценировка «Суд над виновниками войны».

На следующий день уездная газета «Наш путь» поместила репортаж о прошедших мероприятиях, а также целую полосу различных материалов с разъяснением причин и последствий войны. Среди них обращают на себя внимание «воспоминания запасного солдата» «За кого мы воевали». «После объявления царским правительством войны Германии, - писал он, - мы, запасные солдаты, были отправлены в Псков. Когда мы были на вокзале, готовились сесть в «теплушки» вагона, на тот момент нельзя описать, сколько было слез и горя; жены, матери, проводившие нас, бросались под поезд, и долго начальнику станции не было возможности оторвать нас из-за женщин и детей. Более сознательные, а таких было в то время уже много, задавали вопрос: «Для чего мы начали войну?». Для того, чтобы защищать интересы капиталистов вроде великолукского помещика Кутузова или московского промышленника Рябушинского!... А потом нас, запасных солдат, разбросали по разным фронтам: кто был отправлен в Карпаты, кто под Кенигсберг...» [4: 2 июля].

Мероприятиями в Великих Луках, прошедшими за несколько недель до кампании, планируемой в масштабах всей страны, был определен сценарий проведения «Недели протеста». Инициатива Великих Лук, таким образом, «опередила события», т. к. «Неделя» намечалась Коминтерном и ЦК РКП(б) на более позднее время, и в отдельном уездном городе Псковской губернии она прошла в определенной мере «апробацию». «Манифест» V-го Конгресса Коминтерна о проведении ее был опубликован в «Московской правде» 6 июля 1924 г., а вслед за ним, 9 июля, там же были обнародованы и «Тезисы ЦК РКП(б)», обозначившие сроки проведения «Недели»: 27 июля – 4 августа 1924 г. [1, ф. 109. оп. 1. д. 727. л. 5; 4: 30 июня]. Указанные документы рекомендовалось использовать в качестве материала для докладчиков. В свою очередь, Псковский губком РКП(б) направил всем уездным комитетам партии Инструктивное письмо, а те, в свою очередь, аналогичные инструкции «Всем волкомам и ячейкам РКП(б)», содержавшие разъяснения о проведении «Недели».

«В течение этой «недели», - разъяснял губком РКП(б), - необходимо развернуть всестороннюю агитацию среди широчайших масс трудящегося населения о причинах войны, ее виновниках, II Интернационале, как пособнике войны, о неизбежности при господстве империализма новых войн, отмечая в то же время мирную политику Советской власти и необходимость сплочения рабочих для свержения капитализма.

Особенно широко необходимо агитацию развернуть в деревне, бросив лучшие агитационные силы, ибо крестьянство больше всех пострадало от империалистической войны, больше всех она его задела...».

В дополнение к «Инструкции» губком партии предложил в течение «Недели» усилить агитацию за привлечение новых членов в оборонные общества - ОДВФ и Доброхим, а также утвердил тексты лозунгов, которые надлежало использовать при проведении демонстраций: «Долой виновников бойни – капиталистов, их лакеев – соглашателей, меньшевиков, эсеров!», «Долой империалистов, готовящих новые войны, пособников и потатчиков войны – соглашателей, социал-демократов!», «Да здравствует мировая революция – единственный путь к предотвращению новых империалистических войн!», «Да здравствует Коммунистический Интернационал – борец за мир и братство народов!»,

«Долой желтый Интернационал!», «Беспощадная борьба с соглашателями – слугами международного капитала!», «СССР – оплот и знаменосец мира!», «Если хочешь мира, укрепляй Красную Армию!», «Не хочешь войны – усиливай СССР, крепи смычку рабочих и крестьян, увеличивай производительность труда, укрепляй Красную Армию!» и т. п. [1, ф. 109. оп. 1. д. 727. л. 15; ф. 100. оп. 1. д. 721. л. 86].

Во всех уездах для подготовки к проведению «Недели» создавались специальные комиссии с включением в их состав представителей укомов РКП(б), уисполкомов, упрофбюро, РКСМ, военкоматов и др. [1, Ф. 1. оп. 3. д. 295. л. 110; оп. 4. д. 124. л. 50]. Они разрабатывали планы конкретных мероприятий (отдельно для города и деревни), собирались для обсуждения даже мельчайших «частностей» на заседания, занимались изысканием необходимых средств. Приходилось довольствоваться малым, т. к. время было трудным, а возможности – ограниченными. На заседании Торопецкой уездной комиссии, например, 31 июля подчеркивалось, что «на проведение кампании собрано с различных учреждений 55 руб.», но «не хватает средств на устройство открытой сцены», а представитель укома РКСМ просил «отпустить 3 руб. на печатание специальной комсомольской листовки, посвященной 10-летию войны». Комиссия тут же просила общий отдел уисполкома «отпустить необходимое количество досок для устройства сцены», которую надлежало после завершения мероприятий разобрать, а доски «в тот же день возвратить обратно» [1, ф. 1. оп. 4. д. 124. л. 52]. А Порховская уездная комиссия, планируя постановку в помещении гостеатра инсценировки «Политсуд над виновниками войны», просила общий отдел уисполкома «дать электрический свет 3 августа в гостеатр с 4,5 часов», а уполитпросвету рекомендовала «договориться с духовым оркестром об игре во время митинга и демонстрации» и решить вопрос об оплате его услуг [1, ф. 128. оп. 1. д. 695. л. 9].

Сценарий проведения «Недели» в соответствии с инструкциями губкома партии в уездах был похожим. В городах проводились общие собрания партийных ячеек с постановкой докладов и приглашением беспартийных, членов профсоюзов, рабочих с предприятий, после них – инсценировки «Суд над виновниками войны», на центральных площадях – массовые митинги, на улицах – демонстрации с лозунгами и плакатами. В деревнях предусматривалось проведение общих собраний волостных ячеек РКП(б) (тезисы для докладов высылались укомами партии), по возможности докладчики направлялись из уездных городов, рекомендовалось «устройство митингов, и если возможно, шествие крестьян во всех населенных пунктах и волостных центрах», в избах-читальнях – инсценировки «Суд над виновниками войны», привлечь к участию в проводимых мероприятиях городских шефов. «По своей массовости и грандиозности эти шествия и митинги должны напоминать 1 Мая», - указывали партийные комитеты [1, ф. 109. оп. 1. д. 125. л. 75-а]. Большое место отводилось в проводимых мероприятиях уездной печати: выходившие в уездных городах газеты или «Вестники» должны были публиковать антивоенные материалы, информировать население о планах проведения «Недели», печатать сообщения и репортажи о прошедших мероприятиях. Предусматривался также выпуск специальных стенгазет.

Пример показала губернская газета «Псковский набат», печатавшая соответствующие материалы в течение всей проводимой «Недели». Так, ей был посвящен почти весь номер за 27 июля, где выделялись большие статьи: «Кровавая годовщина», «Причины мировой войны» и др.; 30 июля была помещена передовая статья «В эти дни», 31 июля появилась целая полоса материалов под общим заглавием «Мы не хотим войны», такая же полоса была отведена и в номере за 3 августа (здесь обращали на себя внимание воспоминания Ф. Чеснокова «Братание»). Газета обнародовала также порядок проведения митинга и демонстрации протеста, а затем и репортаж об их проведении [2: 27, 29, 30 и 31 июля, 2, 3 и 5 августа]. Не отстала от нее и крестьянская газета губернии – «Псковский пахарь», тоже поместившая целые полосы: «Война – войне!», «Мы помним и никогда не забудем»

и др. Увидела, например, свет большая поэма «крестьянского поэта» Никандра Алексеева «Четырнадцатый год», как и сообщения о мероприятиях в волостях губернии [3: 25 июля, 1 и 31 августа].

В губернском Пскове основные массовые мероприятия прошли 3 августа 1924 г. В тот день в 12 час. дня на Советской площади с участием представителей рабочих, служащих и красноармейских частей состоялся митинг, после которого началась демонстрация. На митинге выступили секретарь губкома РКП(б) П. И. Струппе, председатель губисполкома Ф. Д. Климович, от губпрофсовета – Кривихин, а также представители организаций и учреждений. Демонстранты шествовали по маршруту: улицы Советская, Некрасовская, Октябрьская, Гоголевская, К. Маркса – площадь Жертв Революции – улицы К. Маркса, Троцкого – Советская площадь. Перед началом митинга демонстранты собирались в производственных клубах – «Искра», «Шпагат», «Пролетарий», водников, железнодорожников и др., учащиеся – у своих школ, откуда потом стекались на Советскую площадь. В 18 час. вечера в бывшем Кутузовском саду состоялись спортивные выступления [2: 2 и 5 августа].

В Великих Луках демонстрация состоялась двумя днями раньше – 1 августа, и являлась в известной мере повторением предыдущей, прошедшей месяц назад (1 июля). Сбор демонстрантов был назначен на предприятиях и в учреждениях на 13 час. дня, откуда они следовали на площадь К. Маркса. Сюда же к 13.30 час. проследовали представители железнодорожной организации, в 14.00 на площади начался митинг, после этого состоялась демонстрация, а затем в Летнем саду – инсценировка «Суд над участниками войны» [4: 30 июля].

В уездном городе Острове мероприятия проходили следующим образом: 30 июля состоялось общее собрание партячеек с постановкой доклада и приглашением беспартийных, 31 июля в Летнем саду – общегородское собрание, завершившееся инсценировкой «Суд над виновниками войны». В воскресенье, 3 августа в 11.00 на центральной площади прошел митинг с «вынесением резолюции против западно-европейского империализма, милитаризма и предательства социал-демократии», а после этого началось шествие по городу с красными флагами и лозунгами. Участники демонстрации собирались у своих предприятий и организаций, затем следовали на площадь, а после митинга шествовали по ул. 25 октября до аптеки, поворачивали в гору по Комсомольской улице на улицу 1 Мая, проходили мимо здания укома РКП(б) и исполкома по ул. Спартака, и снова – на площадь [1, ф. 109. оп. 1. д. 125. л. 75-а].

Примерно по такому же сценарию проходили 3 августа митинг и демонстрация в Торопце: представители организаций и учреждений собирались к 14.00 на площади К. Маркса, где состоялся митинг, а затем шествие проследовало по улицам Соловьева, Октябрьской, Советской, Некрасова, снова – по Октябрьской, и опять на площадь. После этого «на свежем воздухе» была поставлена инсценировка «Политсуд на виновниками войны» [1, ф. 1. оп. 4. д. 124. л. 52, 53].

В Порхове митинг и демонстрация закончились вынесением развернутой резолюции: «Мы, члены Коммунистической партии, профсоюза и РКСМ, юные пионеры и остальные граждане г. Порхова, собравшиеся на митинг 3 августа 1924 г. с целью протеста против империалистической войны, по случаю 10-летия империалистической войны, шлем проклятье всем виновникам зверской бойни – капиталистам, желтому Интернационалу, меньшевикам, эсерам и прочим социал-предателям и предателям рабочего класса.

В этот международный день протеста порховский митинг шлет братское приветствие своим заграничным товарищам, объединившимся в коммунистические партии и красные союзы, выступающим на улицах своих городов с такими же протестами против капитализма и империализма.

Пусть помнят буржуазия, меньшевики, эсеры, что пролетариат и крестьянство находятся под руководством Коммунистической партии – верного борца за мир и братство народов.

Российская Октябрьская революция есть ласточка всеобщего освобождения трудящихся от ига капитала, которая скоро облетит весь мир!» [1, ф. 128. оп. 1. д. 695. л. 8].

На собраниях, предшествовавших митингам и демонстрациям, иногда выступали сами участники и очевидцы войны, и собрания плавно переходили в «вечера воспоминаний». На собрании в Торопце, например, выступивший Орлов заметил, что «ему пришлось быть при объявлении мировой войны в Петрограде. Он лично был на фронте и попал в плен в Германию, где русским пленным офицерам подавались автомобили, солдат же пленных мучили голодом, загоняли в лагеря, некоторых прикалывали, многие пленные умерли от голода. Из этого можно сделать заключение, что война была не для защиты отечества, а ради интересов буржуазии...». «Долой войну капиталистическую, да здравствует война гражданская. Да здравствует III Коммунистический Интернационал!», - заключил выступающий [1, ф. 1. оп. 3. д. 294. л. 40].

Акции антивоенного протеста состоялись и в большинстве волостей губернии. На собрание Первомайской волости Порховского уезда 3 августа собралось, например, 327 чел.; в Городовицкой волости того же уезда из 92 деревень и четырех сельсоветов прибыло 220 чел., одоббивших резолюцию: «Мы призываем к протесту весь рабочий класс мира. Если мы всмотримся и задумаемся в те ужасы и море крови, то отдадим себе ясный отчет, кому была нужна война и кто хочет новой войны. Клеймим позором II желтый Интернационал». В Боровичской волости Порховского уезда митинг с присутствием 418 чел. состоялся уже после завершения «Недели» - 16 августа. Закончился он исполнением «Интернационала», а после митинга была устроена демонстрация с участием 150 чел. В завершение для крестьян был устроен бесплатный спектакль [1, ф. 128. оп. 1. д. 697. л. 2, 4, 6].

В течение более продолжительного срока, выходящего за рамки официально объявленной «Недели», проходили мероприятия в волостях Великолукского уезда. В Черпесах и Лосеве, например, для этого были использованы проходившие 2-3 августа ярмарки, благодаря чему митинги оказались многолюдными. 3 августа ячейки РКП(б) совместно с избами-читальнями провели митинги протеста в Купуйской и Петровской волостях. В Купуе до начала митинга в избу-читальню явилось до 50 крестьян, попросивших ответить на волнующие их вопросы прибывшего из уезда представителя. Непосредственно же на митинг собралось более 100 чел. После митинга в Петровском участники его двинулись с оркестром на ст. Локня, где их встретили комсомольцы, пионеры и железнодорожники, и в железнодорожном саду состоялся новый митинг. На обратном пути демонстранты «захватили с собой для похорон в Петровском парке маленького умершего ленинца Виктора Панкова». Там же, в парке они устроили большой митинг протеста против войны. В д. Утехино Локонской волости митинг прошел только 8 августа, после чего состоялся спектакль-концерт [4: 9 августа].

Деревня, разумеется, была охвачена митингами и демонстрациями в гораздо меньшей степени, чем города: мероприятия прошли преимущественно в волостных центрах и наиболее крупных селениях, отдаленные же деревни и «глубинку» они почти не затронули. Смысл прошедших в губернии антивоенных акций в обобщенном виде сформулировало 31 июля 1924 г. общее собрание представителей Торопецкого уезда: «В данный момент во всех капиталистических странах буржуазия готовится к новой войне с целью захвата колоний и передела мира между собой, эта война может принести еще больше жертв, чем прошлая... СССР воевать не хочет, но пусть знают капиталисты всех стран, что СССР и трудящиеся всего мира ответят им войной гражданской. Да здравствует международная гражданская война! ... Собрание с уверенностью заявляет, что

международный пролетариат, услышав зов помощи, сплошной стеной выступит против угнетателей, и недалек тот час, когда Красное знамя победно развеется над всем миром. Долой империалистов, готовящих новую мировую бойню, и их лакеев – социал-демократов. Да здравствует гражданская война, противопоставленная империалистической! Да здравствует Красная Армия! Да здравствует III Коммунистический Интернационал!» [1, ф. 1. оп. 3. д. 294. л. 39-40].

«Неделя протеста» против империалистической войны наряду с осуждением войны 1914-1918 гг. и стремлением не допустить развязывания новой кровопролитной бойни была наполнена идеей и грядущей «мировой революции», ибо только «светлое царство социализма во всемирном масштабе» могло, по мнению организаторов прошедшей кампании, гарантировать на Земле вечный мир.

1. Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (ОДНИЛС ГАПО).
2. Газета «Псковский набат». Орган Псковского губкома РКП(б), губисполкома и губпрофсовета. 1924 г.
3. Газета «Псковский пахарь». Еженедельная крестьянская газета. 1924 г.
4. Газета «Наш путь». Орган Великолукского укома РКП(б) и уисполкома. 1924 г.

МИРОВАЯ ВОЙНА В ЮБИЛЕЙНЫХ ИЗДАНИЯХ ЛАТВИИ (20–30-е годы XX ВЕКА)

Т.И. Кузнецова

Каждая культурно-историческая эпоха воплощает себя в различного рода текстах, часть из которых образует специфический именно для данного времени комплекс. Для юной государственности, каковой являлась Латвийская республика в межвоенный период, такими квалифицирующими эпоху текстами были юбилейные издания 1923, 1928 и 1938 годов.

Юбилей как «год отпущения и освобождения» [2, с. 564] связан ликованием, эмоционально насыщенными, подвергнутыми намеренной селекции и актуализированными воспоминаниями, которые придают ему мощный коммуникативный потенциал. Юбилей в известной мере снимает различия, обновляет чувство общности всех, независимо от их разнообразных социальных характеристик – от пола и до памяти. Юбилей в качестве возможного действенного средства консолидации общества, причём, диахроническом и синхроническом измерениях, особенно значим для молодого государства, нуждающегося в самооправдании и укреплении, и вдвойне значим для него в силу полиэтнического состава населения и отсутствия ранее самостоятельной государственности. Именно такой была ситуация Латвийского государства в 20-30-ые годы XX века.

Юбилейные тексты, в частности, вербальные, формируют, и регулярно обновляют, закрепляя в подсознании «общие места памяти», под которыми имеются в виду устойчивые однозначные смысловые единицы, создаваемые вербальными, визуальными, а так же аудиосредствами, и задающие определённую эмоционально-ментальную и поведенческую реакцию человека. Общие места памяти выполняют две связанные друг с другом функции – дифференцирующую и интегрирующую [см., например, 1, с. 154-162 и др.]. Причём, эти две функции «разворачиваются» в двух планах: во внутреннем, ограниченном рамками данного социума в целом или социальной группы внутри него, и во внешнем, относящемся к иным общностям как вне, так и внутри данного социума. Кроме того, эти два плана дифференцирующей и интегрирующей функций формируемых разнообразными текстами общих мест памяти имеют синхроническое (горизонтальное) и диахроническое (вертикальное) измерения. Соотношение между указанными функциями,

также как и соотношение проявлений их внутри и вне определённой общности могут быть различны и потому заслуживают стать предметом исследования.

Итак, цель данной работы состоит в определении структуры и содержания, равно как и корреляции функций такого общего места памяти как мировая война, упоминаемая в юбилейных изданиях Латвии в 20-30-ые годы XX века. Информация о ней в данных текстах различается по объёму, подробности описания (это в высшей степени свойственно изданиям 1928 года), смысловым нюансам, но при этом обладает общим, объединяющим началом, для которого характерны фоновый «статус» войны, известное значение коей определяется её связанностью с возникновением Латвийского государства, неосмысленность войны как целостного, системного явления и отсюда отсутствием сущностного знания. Во-первых, это сказалось во фрагментированности сообщаемой юбилейными текстами информации о войне, в частности, в выпячивании отдельных жизненных реалий; во-вторых, в повышенной эмоциональной составляющей описания этих реалий; в-третьих, в «навязывании» войне одной цели – создании национальных государств, – что свидетельствует о ретроспективном подходе к объяснению мировой войны, согласно которому очевидный её результат – возникшая вереница молодых государств – становится прокрустовым ложем осмысления всей войны. Такое казусно-ситуативное видение мирового явления ведёт к его одномерной, выпрямленной интерпретации [см., например, 7, с. 4]. И наконец, в-четвёртых, неосмысленность войны как целостного, системного феномена проявилась в узколокальной, этнической призме восприятия, обусловившей редуцирование войны, до противостояния немцев и латышей. Именно они предстают структурообразующими элементами мировой войны как общего места памяти.

Немцы всегда упоминаются в юбилейных текстах в связи с оккупацией. Такие выражения, как «немецкая оккупация», «насилованное иго немецкой оккупации», «немецкая оккупационная власть» являются частотными. Причём, если в издании 1923 года говорилось о «немецкой оккупации в Курземе» (часть территории будущей Латвии) [9, с. 6], то в текстах 1928 года утверждалось о «немецкой оккупации Латвии» (подчёркнуто нами – Т.К.) [3, с. 6]. Это создавало впечатление об уже существующей Латвии /как этнополитической целостности/ и, таким образом, закладывало в подсознании читателя представление о вечной Латвии. Подобное представление является лейтмотивом юбилейных официальных текстов 1928 и 1938 годов.

Упоминаемая немецкая оккупация не вводилась в контекст военных действий на фронтах мировой войны, что вело к абсолютизации власти немцев на территории будущей Латвии и демонстрации извечной, вне конкретного времени и ситуации, враждебности немцев по отношению к латышам. Так в издании, опубликованном под эгидой Министерства внутренних дел „Latvija 1918-1928. Atskats uz latvju tautas pagātni un valsts pirmiem 10 gadiem”, описывались зверства немцев, совершённые по отношению к латышам: «Отношение немецкой оккупационной власти к латышским местным жителям» (подчёркнуто нами – Т. К.)² совершенно невозможное, даже нечеловеческое. Лучше всего это видно по отношению немецкой оккупационной власти к латышским самоуправлениям, школам, газетам, общественным деятелям и т.д. Например, немцы, входя в районы, обжитые латышами, отменили волостные и городские правления. Начальниками городов назначали немецких офицеров... Права и свободы жителей ограничили и ввели новые различные поборы, отработки и обязанности. У жителей отняли право создавать союзы/Общества, право собраний, закрыли латышские общества и газеты, а в школах ввели латышский язык обучения и в качестве учителей назначили тех,

² Отметим характерное для всех юбилейных изданий игнорирование инонациональных людских общностей, живших на территории Латвии, которое обнажает превалирование дифференцирующей функции памяти о немцах и латышах и прочих, что в конечном итоге затрудняло внутреннюю консолидацию молодого государства и его общества.

кто воспитывал в строго немецком духе. Ко всему латышскому относились с ненавистью и презрением» [6, с. 9].

Нагнетанию эмоционально отрицательного отношения к немцам, позиционированию их как безусловного врага латышей без различения местных балтийских немцев и немцев как воюющей против России стороны, содействовали и подробности в фиксации немецких планов колонизовать землю латышей: «... В Латвии действовала враждебная латышам власть, которая хотела отнять у латышского крестьянина его естественную основу – его землю, и колонизовать её 2.700.000 немецких поселенцев, ... что угрожало за 50 лет вытеснить латышей с их земли и даже уничтожить на земной поверхности» [6, с. 5, см. также 9, с. 6].

Такой характер подачи информации об «эпохе немецкой оккупации (с насыщенностью деталями, с написанием цифр), во-первых, в определённой степени снимает дистанцию между недавно случившимся и настоящим, не позволяя относиться к нему как к прошлому, которое требует осмысления. При этом возможное (и должное) осмысление подменяется переживанием таким образом удлиняемого настоящего, что затрудняет строительство настоящего и будущего. Во-вторых, подобные описания провоцируют повышенную эмоциональность в отношении к такому сегменту формировавшегося общества Латвии как немцы, и, в-третьих, создает представление о латышах как жертве враждебно по отношению к ним настроенных немцев, и в силу этого должной этнической чистоте Латвийского государства, создание которого декларируется необходимым для сохранения латышской земли и латышского народа [см., 6, с.10].

Латыши как один из краеугольных камней формируемого общего места памяти предстают, в отличие от балтийских немцев, не столь однозначными в своей характеристике. Они не только жертва, разоряемая, страдающая, но и герои – высокоразвитые (в материальной и духовной сферах), самостоятельные, духовно зрелые и потому готовые к государствообразованию [см., 8, с. 3]. Именно поэтому война оказывается рубежом в истории латышского народа, имевшим неоднозначные последствия, но, тем не менее, сводимые к одному результату – образованию Латвийской республики. С одной стороны, война прервала предпринимательский рост латышей, которым ознаменовался период между революцией 1905 года и началом мировой войны [4, с. 7; 6, с. 65; 7, с. 4], и вызвала их разорение. С другой же, отмечалось безусловно положительное влияние ее на латышский народ, которому благодаря войне удалось избежать «системной денационализации» (русификации), характерной для довоенных лет [4, с. 7]. Как подчеркнул Э. Бланкс, автор исторической части юбилейного издания, подготовленного специальной комиссией в 1928 году, «у нашего народа было бы мрачное будущее, если бы мировая война не прервала бы этот процесс уничтожения латышского народа. Единственно новые обстоятельства, рождённые войной, дали латышам возможность выбраться из тяжёлых российских лап, в которых мы были обречены в течение немногих поколений стать «русскими» [4, с. 7]. Новые обстоятельства, сложившиеся в ходе войны, включали в себя и подчёркиваемую авторами юбилейных текстов незащищённость латышей и их земли, и вытекающую отсюда необходимость самим себя отстаивать [см., например, 5, с. 20]. Таким образом, война стала стимулом для солидаризации латышей (пробуждения национального самосознания) и их самостоятельной и героической активности. Так в самом многотиражном издании 1928 года „Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi” (180.000 экземпляров) после описания материального и людского опустошения территории Латвии (беженцы, мобилизация, вывоз фабрик и предприятий) следует пассаж: «Казалось, что страданиям народа нет конца. Тогда в сыновьях и дочерях Латвии родился дух защиты отчей земли и своего народа» [3, с. 5]. Это декларируемое новое духовное состояние латышей вылилось в самостоятельные, несогласованные с властными институтами России, административной частью которой была территория Латвии, действия. Акцентирование самостоятельности

действий латышей проявилось в глагольных формах, описывающих эти действия. Например: «О беженцах заботились беженские комитеты, которые образовались (возвратная форма глагола, выпячивает самостоятельность действующего субъекта) во всех крупнейших городах России и, размещая беженцев, обеспечивая их работой и содержа нетрудоспособных и больных, спасли многих членов своего народа» [3, с. 5], или о латышских стрелках: «В русской армии образовались полки латышских стрелков, куда устремились чуть ли не все латышские офицеры и солдаты, находившиеся в русских армиях. Полки латышских стрелков взялись за защиту Риги и в героической борьбе стояли за Латвию и за свой народ» [3, с. 7]. Так внушалось читающей аудитории представление о единомышленном, солидарном, связанном иллюзорно родственными отношениями латышском народе, который защищает себя и своё отечество, осознаёт необходимость для этого собственного государства, но и признаёт возможность прокламировать народную волю только после победы союзников, в частности, после перемирия, заключённого «союзниками и немцами 9 ноября 1918 года» [3, с. 8].

Таким образом, описание войны, фрагментированное вне контекста с происходившим на других фронтах войны, и детализированное в фиксации ее последствий, причём, не для всех жителей Латвии, а лишь латышей, формировало такое общее место памяти, которое могло содействовать эмоциональной интеграции латышей, отнюдь не исчерпывавших всего состава населения страны, и одновременно дезинтеграции всего формирующегося общества молодого государства.

1. Ассман, Я. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – Москва: Языки славянской культуры. 2004. – 368 с.
2. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – Москва: Русский язык, 1976. – 1096 с.
3. Latvijas cīņas un sasniegumi. – Rīgā: Izglītības Ministrijas izd., 1928. – 32.lpp.
4. Latvija desmit gados: Latvijas valsts nodibināšanas un viņas pirmo 10 gadu darbības vēsture. – Rīgā: Jubilejas komisijas izd., 1928.-384.lpp.
5. Latvija 20 gados. – Rīgā: Pagalms, 1938. – 415.lpp.
6. Latvija 1918-1928: Atskats uz latvju tautas pagātni un valsts pirmiem 10 gadiem. – Rīgā: Iekšlietu Ministrijas Vēstnieša izd., 1928. – 160. Lpp.
7. Latvijas neatkarības X gadu jubilejai. – Rīgā: Reklama, 1928. – 32.lpp.
8. Latvijas Republika desmit pastāvēšanas gados. – Rīgā: Golts un Jurjans, 1928. – 805.lpp.
9. Valsts pieci gadi. – Rīgā: „Brīvās zemes” izd., 1923. – 70.lpp.

МЕМОРИАЛЫ ГЕРМАНИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Т.Г. Хришкевич

Первая мировая война прочно закреплена в коллективной памяти современной Европы, но у разных народов она играет заметно отличающуюся роль. Причина этого коренится в событиях, последовавших за ней – фашизации, росте национализма, начале Второй мировой войны и её результатах. Поражение в двух мировых войнах для Германии носит принципиально разный характер. Это касается и мемориализации военных и гуманитарных катастроф. Если для французов 11 ноября 1918 г. это значительный день памяти, то для немцев это скорее дата, последовавшая за отречением кайзера Вильгельма и провозглашением республики. 9 ноября для Германии это дата попытки переворота и Пивного путча А. Гитлера в 1923 г., Хрустальная ночь 1938 г., падение Берлинской стены в 1989 г. Таким образом, это память, обременённая Версальским миром и его последствиями. События, которые Германия всё еще стремится изгнать из коллективной памяти. 1914-1918 гг. в Германии по-прежнему называют Великой войной. Несмотря на название, она долгие годы оставалась в тени у общественного мнения и научного

сообщества. И дело не столько в проигрыше, экономической разрухе, репарациях, сколько в наследии, которая она оставила – преступления против человечности. В отличие от бельгийцев и французов, например, немцы не испытали Первую мировую войну столь непосредственно, на своей собственной территории. Жителей кайзеровской Германии война коснулась лишь в виде пропущенных цензурой фронтовых писем и лаконичных извещений о смерти. В некоторой степени еще и поэтому Вторая мировая война с её ночными бомбежками и эвакуациями затмила воспоминания об окопах Первой мировой.

Мемориализацию Первой мировой войны Германии можно условно разделить на три этапа. Первый приходится на 1920-1930-е гг. Второй на 1940-1980-е. И третий – современный, постобъединительный этап. В результате, на протяжении столетия появилось множество памятников, посвященных войнам, которые вела Германия в XX в. В 1965 г. в ФРГ был принят Закон о сохранении могил жертв войны и тираннии [3], так называемый «закон о могилах». Он охраняет многочисленные военные кладбища и памятники в Германии, например, такие как Лесное кладбище на Хальбе (Waldfriedhof Halbe) в Бранденбурге [1] и многие другие. Согласно закону, захоронениями военного времени считаются только могилы лиц, умерших до 31 марта 1952 г.

Особенностью мемориализации войны на первом этапе была тесная связь с событиями франко-прусской войны. Нередко памятники даже ставили рядом. Как, например, военные мемориалы 1870-1871 гг. и 1914-1918 гг. в маленьком городке Камп-Борнхофен (Рейнланд-Пфальц) на берегу Рейна. В 1924 г. на Банхофштрассе в Берлине был открыт конный памятник, созданный Гансом Вальтером. Он изображал обнаженного всадника, вскакивающего на коня и смотрящего на раненых. К сожалению, этот памятник долго не просуществовал. Многочисленная критика и объявление «дегенеративным» искусством привели к его уничтожению в 1939 г. Или памятник в Штрюмпфельбахе (Баден-Вюртемберг), созданный после Первой мировой войны и содержащий надпись «Больше никакой войны!». Текст был убран в 1930-х гг., но восстановлен после Второй мировой войны.

Военные мемориалы, появившиеся в Веймарской республике после 1918 г., как правило, не имеют национальных символов. Они находятся, в основном, не в центре города, а на окраине, на кладбищах или возле церквей. Это отличает их от монументов, воздвигнутых в честь победы во франко-прусской войне, которые ставили в центре городов. В них национальные символы сочетались с такими знаками победы, как лавровый венок или Ника. Стеллы, появившиеся после 1871 г. обычно перечисляли не только имена погибших, но и раненых солдат. Нередко они одновременно служили военным мемориалом побед прусского оружия в 1866 и 1871 гг.

Памятники Великой войне заменяли национальные символы на военные или христианские знаки. Не существовало никакого единообразия во внешнем виде. Так же, как, например, во Франции, центральным элементом подобных военных мемориалов являлся траур. Такие памятники зачастую представляли собой списки павших воинов, изображения раненых или умирающих солдат. Показательны в этом отношении памятники павшим, установленные в г. Франкфурт на Одере (Бранденбург) и Аурих (Нижняя Саксония). Памятник в Аурихе был поставлен в 1926 г. и посвящен солдатам пехотного полка № 78 «Герцог Фридрих Вильгельм из Брансуика» и резервному пехотному полку № 92.

Вероятно, поражение в войне, экономическая разруха, ширящееся пацифистское движение в совокупности привели к тому, что монументальные памятники стали появляться только к концу 1920-х гг. Как, например, Танненберг в 1927 г. Инициатива создания памятника исходила от федерации ветеранов провинции Восточная Пруссия. Он задумывался как место для проведения торжественных и массовых мероприятий. Его особенностью стало то, что Танненберг был победоносным сражением, имеющим тесную связь со средневековьем. Несмотря на то, что первый камень был заложен в 1924 г.,

торжественное открытие состоялось только три года спустя. Президент П. фон Гинденбург во время торжественной церемонии сказал: «Немецкий народ единогласно отвергает обвинение в том, что Германия виновна в этой войне! Никакая ненависть или желание завоевания не давали нам оружия. Наоборот, война была для нас самым крайним средством... От всего сердца мы отправились защищать Отечество с чистыми руками... Германия всегда готова доказать это беспристрастным судьям. В бесчисленных могилах, которые являются признаками германского героизма, люди не отличаются друг от друга. Они были едины в любви и верности своему общему отечеству» [4, s.94]. Историю памятника Танненберг можно рассматривать как пример изменения культуры памяти о Первой мировой войне, которая поддерживалась большинством общества. К концу Веймарской республики траур и пацифизм уступили место агрессивному национализму.

После 1945 г. мемориализация принимает новый характер. Установка памятников и обустройство кладбищ идёт преимущественно павшим в годы Второй мировой войны. В ряде случаев это делалось за счет расширения уже существующих, посвященных воинам Великой войны. К ним можно отнести памятник, установленный в 1930-х гг. в Боденхайме (Рейнланд-Пфальц). Этот большой военный мемориал, выполненный из камня и нескольких гранитных плит, был расширен в 1965 г. для погибших в годы Второй мировой войны. Это пять гранитных стелл, сгруппированных вокруг скульптуры лежащего солдата. На каждой из них нанесены памятные надписи и эпитафии. Бронзовая скульптура в натуральную величину в центре памятника изображает умирающего солдата, держащего правой рукой крест. Он пытается сесть и посмотреть на то, что находится напротив в стоящей гранитной плите. Надпись гласит: «Почитай наших мертвых, они умерли, чтобы Германия жила».

Третий этап мемориализации Первой мировой войны приходится на период единой Федеративной Республики Германия. Изменения в культуре памяти о Великой войне тесно связаны с юбилейными датами начала 2000-х гг. В это время она носит преимущественно цифровой характер, например, это электронные проекты, запущенные в интернете. Такой стала совместная европейская инициатива «Europeana 1914-1918». Это виртуальный музей, посвященный Первой мировой войне [2]. Благодаря этому к 2014 г. доступными стали более 90 тысяч объектов, таких как фотографии и документы из домашних архивов. Проект представляет историю семей в неразрывной связи с историей Германии. Его поддерживают 20 европейских стран, а участниками являются Оксфордский университет, Национальная библиотека в Париже и Государственная библиотека в Берлине. Важным показателем изменения общественного мнения к событиям далекой войны является тот энтузиазм, с которым жители Германии, в чьих семьях хранятся памятные вещи, участвуют в этом проекте.

Переосмыслению мемориализации войны посвящены виртуальные проекты о людях и судьбах войны, запущенные всеми крупными средствами массовой информации в ФРГ. Серии статей, рубрик, фотогалерей можно найти на сайтах Der Spiegel, Berliner Morgenpost, Süddeutsche Zeitung, Tagesspiegel, Stern, Frankfurter Allgemeine Zeitung и многих других.

Художественные проекты показывают серьезное изменение в отношении современных жителей Германии к своему прошлому, определенную положительную тенденцию. Они не замалчивают его. Они его увековечивают. Конечно, каждому новому поколению сложно принять поражения предков, но сегодня, подводя итоги, они стремятся сконцентрироваться в своих общественных дискуссиях на положительных последствиях, пусть и весьма отдаленных по времени – восстановлении экономики в начале 1950-х, на возрождении демократических парламентских традиций, на торжестве права.

Первая мировая война оставила огромный след в истории. Она ярко и эмоционально жива в памяти европейских народов, что хорошо заметно в тех памятных мероприятиях, которые сегодня, спустя сто лет, проходят в Германии, Франции и других странах. Присутствие Великой войны ощущается в обращении к фотографиям, фильмам, книгам.

Несмотря на трагедию и негативные коннотации война остается духовным ориентиром и коллективным опытом, в котором по-прежнему нуждаются современники. По мнению французского историка Николя Оффенштадта, это возвращение к прошлому, безусловно, означает, что у общества есть сомнения насчет своего будущего. Первая мировая война стала ресурсом, потому что память о ней сопровождается мистификацией социальной связи, которая в тот момент позволила обществу сохранить единство, несмотря на сложности и разногласия.

В Германии, где Первой мировой войне не отдавалось должное на протяжении десятилетий, где история государства «началась» в 1945 г., нынешнее напоминание жителям страны через выставки и музеи можно рассматривать как попытку вновь сделать войну и судьбы её участников частью своей истории, о чем свидетельствует успех запущенных проектов.

1. Denkmale in Brandenburg [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ns.gis-bldam-brandenburg.de/hida4web/view?docId=obj09140120.xml>. – Дата доступа: 11.09.2018.
2. Europeana 1914–1918 – Unbekannte Geschichten und offizielle Dokumente zum Ersten Weltkrieg [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.europeana1914-1918.eu/de> – Дата доступа: 11.09.2018.
3. Gesetz über die Erhaltung der Gräber der Opfer von Krieg und Gewaltherrschaft (Gräbergesetz) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/gr_bg/BJNR005890965.html – Дата доступа: 11.09.2018.
4. Fischer D. Der Ausbruch des Ersten Weltkrieges aus multiperspektivischer Sicht. Diplomica Verlag, 2014.

АРТЭФАКТЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ Ў ГІСТАРЫЧНЫМ МУЗЕІ СШ № 3 г. МЁРЫ

В.А. Ермалёнак

Сучасны Мёрскі раён знаходзіўся на адлегласці 90 кіламетраў ад лініі фронту Першай сусветнай вайны. Але не глядзячы на значную адлегласць за шматгадовую пошукавую дзейнасць мы знайшлі звыш 400 артэфактаў той вайны. Знойдзеныя экспанаты размешчаны як у пастаяннай экспазіцыі, так і ў навукова-дапаможных фондах музея. Пошуковую дзейнасць па збору артэфактаў Першай сусветнай вайны мы распачалі ў 70-я гады 20 стагоддзя, калі яшчэ заставаліся ў жывых яе ўдзельнікі. Намі былі запісаны на магнітафонную стужку ўспаміны: А. Пугачэўскага, Ф. Анашка, М. Кадушка, Ф. Лакотка і інш. Зараз “жывыя галасы вайны” перапісаны і захоўваюцца на камп’ютарных дысках. Асноўныя матэрыялы аб вайне 1914-1918 гадоў у гістарычным музеі нашай школы складаюць перш за ўсё арыгінальныя фотаздымкі і дакументы яе ўдзельнікаў. Найбольш цікавы з фотаздымкаў – вялікі фотапартрэт памерамі 40 на 50 см. маладога вайскоўца рускай арміі – Васіля Іванавіча Міклушонка з вёскі Прорвы. Ён закончыў Чэраскую царкоўна-прыхадскую школу, падчас Першай сусветнай вайны паспяхова завяршыў курс вучэбнай каманды ваенных фельдшараў у горадзе Сызрані 17 мая 1916 года. Аб гэтым сведчыць яго пасведчанне. Ваяваў Васіль амаль два гады на Румынскім фронце. Унікальны дакумент – ліст бацькам салдата аб смерці іх сына. Вось радкі з яго: “Уважаемые родители моего товарища Василия Миклушонка! С большим прискорбием спешу сообщить вам очень грустную и печальную весть для меня, но тем более для Вас, что уважаемый Вами Ваш сын Василий Иванович Миклушонок убит немецкой пулей под городом Одессой 5 марта по новому стилю сего 1918 года. Пуля попала ему сзади под левую лопатку и прошла через сердце навывлёт. От упомянутой пули несчастный тут же скончался, не произнеся ни слова”. Далей аўтар ліста пытае, што рабіць з рэчамі

загінуўшага і просіць бацькоў можна перанесці балючую вестку. Тэкст ліста абведзены ў знак жалобы чорнай фарбай [1, с. 5].

Шмат нашых землякоў адзначаны былі на франтах Першай сусветнай вайны высокімі ўзнагародамі. У музеі захоўваюцца звесткі аб М. Багдановічу з в. Воўкаўшчына і У. Карцяновічу з в. Пераброддзе, якія былі поўнымі георгіеўскімі кавалерамі – ўзнагароджаны георгіеўскімі крыжамі чатырох ступеняў. У экспазіцыі змешчаны здымак Аляхновіча Антона з в. Шалціны, які ўзнагароджаны двума георгіеўскімі крыжамі. Ён мужна змагаўся ў 1915–1917 г.г. пад Пінскам. У 1919 годзе, калі балышавікі забаранілі ў нашым краі званіць на Вялікдзень у званы, у Друі дзякуючы яму званы загучалі. Як апавядала яго дачка, бацька сустрэўся з камендантам Друі. Аказалася, што ён разам з ім ваяваў пад Пінскам і Аляхновіч ратаваў яго ад смерці. Таму ён і задаволіў просьбу франтавога сябра. Цікавы групавы здымак трох салдат, якія ўсе маюць узнагароду – георгіеўскі крыж. Вядомы толькі адзін з іх – Антон Сінкевіч з Пад’ельцаў. У 1939 годзе ён разам з Флорам Манцэвічам быў дэлегатам ад Заходняй Беларусі ў Маскву, дзе было вырашана пытанне аб уваходзе яе ў склад СССР. Але з нашай мясцовасці былі не толькі радавыя, але і прадстаўнікі малодшага і старэйшага афіцэрскага саставу. У музеі знаходзяцца звесткі і фотаздымкі аб Антону Шкелёнку. Ён нарадзіўся ў 1889 годзе ў в. Пякоціна. Скончыў Дзісенскае гарадское вучылішча, Віленскае пяхотнае вучылішча, два класы Мікалаеўскай ваеннай акадэміі, а пазней акадэмію Генеральнага штаба ў Санкт-Пецярбургу. З пачатку вайны служыў перакладчыкам у штабе Паўночна-Заходняга фронту. У 1915 годзе ён ужо служыць пры штабе восьмай арміі, а пазней пераведзены на службу ў штаб Вярхоўнага галоўнакамандуючага ў Магілёў. Падчас грамадзянскай вайны камандаваў пятай дывізіяй ў арміі Дзенікіна. Закончыў вайну ў войску Врангеля ў чыне палкоўніка. А ў Чэхаславакіі, куды ён трапіў у эміграцыю, яму было прысвоена званне генерала. У марскіх баях на Балтыйскім моры праславіліся марскія афіцэры з вёскі Якубава браты Раман і Мамерт Станкевічы. Апошні геройскі праявіў сябе ў знакамітым Маанзундскім марскім баі і быў прызначаны начальнікам штабу Балтыйскага флоту.

Рарытэтам музея з’яўляецца падрабязная карта 1914 года горада Турнэ і яго наваколляў. Гісторыя гэтага артэфакта звязана з лёсам нашага земляка Антона Андрэевіча Мальца, які нарадзіўся ў в. Якубаўшчына ў 1896 годзе. Рана застаўшыся без бацькі, Антон спачатку быў парабкам, а ў 16 год паехаў з хлопцамі ў Пецярбург. Прымаў удзел у забастоўках на Пуцілаўскім заводзе і дэманстрацыях. На ўсё жыццё застаўся праз усё плячо глыбокі шрам ад удару шашкі казака падчас разгону дэманстрацыі. У 1916 годзе быў прызваны ў дзеючую армію, трапіў на Паўночны фронт пад Рыгу. Са студзеня па чэрвень знаходзіўся ў акопах, быў кулямётчыкам. Падчас вясенняй паводкі акопы нечакана затапіла вадой, многія салдаты патанулі. Наш зямляк добра плаваў і некалькі раз, ныраючы ў ледзяную вад, здолеў ратаваць свой кулямёт, бо зброі тады не хапала. За гэты ўчынак быў прадстаўлены да ўзнагароды, але атрымаць яе не паспеў. Праз некалькі дзён іх полк быў акружаны немцамі, частка салдат загінула, іншыя трапілі ў палон. Паміж апошніх быў і Антон Малец. У нямецкім палоне прабыў два гады. Даглядаў хворых коней і харчаваўся разам з жывёлай, галоўным чынам бульбай. На старым фотаздымку мы бачым нашага земляка разам з іншымі палоннымі на фоне надпісу на нямецкай мове “Конны лазарэт”. Раздабыўшы падрабязную карту Турына, патрапіў уцячы праз Бельгію ў Францыю, адкуль толькі ў 1924 годзе вярнуўся ў родную вёску. Жаніўся, працаваў на зямлі, потым кавалём ў калгасе, памёр у 1978 годзе. Важнай крыніцай інфармацыі аб нямецкім палоне з’яўляюцца здымак і ўспаміны, запісаныя Наталляй Грэцкай аб сваім прадзеду Грэцкім Фёдары Пракопавічу з в. Слаўшчызна [2, с.6].

У нашай экспазіцыі знаходзяцца два кішэнных гадзіннікі, якія часта ў гады вайны выконвалі ролю ўзнагароды салдатам і камандзірам. Так, адзін з іх падпісаны Віктару Акімавічу Шокелю з в. Цілеўцы, 1891 года нараджэння. Ён дзесяць месяцаў прабыў на

перадавой. Мужна змагаўся у 1914 годзе на ўмацаваным рубяжы ля г. Млава ў Польшчы. Многія яго сябры загінулі, а ён быў цяжка паранены і ў шпіталі яго ўзнагародзілі імянным гадзіннікам за праяўленую на фронце адвагу. Яшчэ адзін імяны гадзіннік быў ўзнагародай падпрапаршчыку 1-й роты 110 палку Храброву за выдатную стральбу ў 1914 годзе.

Цікавыя дакументы свайго бацькі перадаў у музей у 2008 годзе Ян Лучыновіч. Яго бацька Іосіф Іванавіч з в. Масеўцы на фронце быў санітарам. Захавалася пасведчанне аб заканчэнні ім вучэбных курсаў. Ваяваў на Заходнім фронце разам з іншымі сваімі землякамі. Аб гэтым сведчаць і вайсковыя здымкі разам з землякамі Іванам Лясовічам, які потым стаў актыўным удзельнікам усталявання савецкай улады на Мёршчыне; з Каптурам Іванам з в. Чэрасы; з Шаўчонкам Юзэфам і Скавародкам Сяргеем з в.Масеўцы, з Косткам Гілярыям, які пазней у 1917 годзе загінуў на фронце. У нашых фондах захаваўся цікавы артэфакт: друкаваны ліст з фронту – віншаванне з нараджэннем Хрыстовым і Новым Годам з партрэтам царскай сям’і, якая быццам бы далучаецца да віншавання воіна расійскай імператарскай арміі. Такія лісты былі прызначаны, перш за ўсё, для непісьменных салдат. Вось якія просьбы былі ў гэтым лісце: па-першае – маліцца родным за тое, каб Гасподзь бараніў ад нямецкай кулі і штыка, а другая просьба да Госпада Бога – не сумаваць па мне, што нам выпаў такі лёс, пастаяць за Веру, Цара і Айчыну. Пад такім лістом дастаткова было паставіць свой подпіс, што і зрабіў Іосіф Лучыновіч, але, так як ён быў пісьменны, то на адваротным баку напісаў родным кароткі ліст. Акрамя Іосіфа ў войску быў і яго брат Міхаіл. Захаваўся пропуск бацьку, які быў выдадзены камандуючым другой роты Сібірскага запаснога палка 21 сакавіка 1917 года аб тым, што бацька наведваў свайго сына Міхаіла ў Дзеючай арміі. Праз некалькі месяцаў яго сын загінуў [3, с. 4].

У музеі захоўваюцца здымак і ўзнагароды Міхаіла Ермалёнка, удзельніка руска-японскай вайны. Яго старэйшы сын – выпускнік Дзвінскай гімназіі – добраахвотнікам пайшоў на фронт у 1915 годзе і хутка прапаў без вестак. Бацькі пісалі ў розныя ўстановы, але адказу не атрымалі. Тады бацька папрасіўся сам на фронт, пад Дзвінск, дзе прапаў яго сын, так як па ўзросту ён не мог служыць у войску, то быў залічаны ў вядомы партызанскі атрад Пуніна. Ваяваў поруч з Булак-Балаховічам. Яго мужнасць была адзначана срэбраным медалём “За храбрасць” і георгіеўскім крыжам 3-й ступені. Выпадкова на фронце даведаўся аб тым, што яго сын быў паранены і памёр ад тыфу, пахаваны ў Дзвінскай крэпасці ў агульнай магіле. Таму, летам 1917 года, прыхапіўшы зброю, вярнуўся дахаты. Акрамя яго здымка і ўзнагародаў у экспазіцыі ёсць сталёная каска Андрыянава, якая была ў французскіх салдат, а ў рускіх, толькі ў найбольш заслужаных, паміж якімі быў і Міхаіл Ермалёнак.

У раздзеле “Нашы землякі ўдзельнікі першай сусветнай вайны вайны” змешчана цэлая галерэя фотаздымкаў нашых землякоў паміж імі: Васіль Варонька з в. Грэцкія, Пётр Грэцкі з Якубаўшчыны, Іван Карман і Каравай Васіль з в. Вянужжа, Кяпсця Антон з Дзедзіна, Паўлоўскі Антон з Перабродзя, Піпін Антон в. Марцінаўцы, Фёдар Сцепулёнак. Пра апошняга у нашых фондах знаходзяцца ўспаміны, запісаныя яго ўнукам Іванам Сцепулёнкам у 1964 годзе. З іх мы даведваемся, што яго дзед, Фёдар Андрэевіч Сцепулёнак, нарадзіўся ў 1894 годзе ў вёсцы Падгайцы. З пачаткам Першай сусветнай вайны адразу быў прызваны ў царскае войска. Пасля кароткага навучання накіраваны на паўднёвы фронт, дзе ваяваў з аўстрыйцамі. Спачатку быў дзеншчыком пры афіцэры, а потым стаў унтэр-афіцэрам. Падчас аднаго з баёў быў паранены ў галаву, куля прайшла па чэрапе, але не прабіла, а толькі аглушыла. Пазней быў накіраваны на Паўночны фронт. І, неўзабаве, ізноў быў паранены. На гэты раз, падчас артылерыйскага абстрэлу, шрапнельны шарык трапіў у рэчмяшок, дзе была металічная біклажка, якая выратавала салдату жыццё. Шрапнель не прабіла цела салдата, а засталася ў спіне. Таму, пасля шпіталю ізноў на фронт, і зноў выпрабаванне, на гэты раз атрутнымі газамі. І на гэты раз Фёдару пашчасціла. Да яго акупа газы не дайшлі, змяніўся вецер. Але ў суседніх акопах

усе салдаты загінулі, таму што процівагазаў яшчэ не было. Але салдат запомніў на ўсё жыццё, што атрутныя рэчывы пахлі цукеркамі. Трупам было шмат, што некалькі дзён не змаглі іх пахаваць і ад гарачыні пачаўся страшны смурод. На гэтым выпрабаванні не скончыліся. Пачалася халера. Спачатку салдаты не ведалі, чаму так страшна рэжа ў брусе, толькі калі сталі паміраць, здагадаліся даставіць нейкую вакцыну, ад якой людзі рвалі на сабе валасы, амаль што вар’яцелі, лезлі на дрэвы, але выжылі. Напрыканцы 1917 года пачаўся голад і ў нямецкім войску. Прыходзілі галодныя нямецкія салдаты і прасілі кавалак хлеба, які выменьвалі на боты, гадзіннікі ці яшчэ на якія-небудзь рэчы. Пасля заканчэння вайны Фёдар Андрэевіч Сцепулёнак паехаў да свайго сябра салдата ў Петраград. Калі папрасіў што-небудзь паесці, той адчыніў скрынку камода, поўнага грошам і сказаў: “Вось наша ежа”. Вярнуўшыся на радзіму, пры Польшчы займаўся сельскай гаспадаркай, пасля вайны быў старшынёй калгаса. Але і праз шмат гадоў памяць аб вайне і загінуўшых сябрах не згасала ў памяці” [4, с. 8].

На жаль, большасць фотаздымкаў салдат нашых землякоў салдат Рускай імператарскай арміі, сабраных у фондах нашага музея – безымянныя, яны без подпісаў, той, хто перадаваў іх у наш музей, ужо не ведалі, хто змешчаны на здымку. З дакументаў экспазіцыі можна адзначыць ліст аб раненні Ісака Лебушава, выдадзены ўсерасійскім Земскім Саюзам дапамогі хворым і раненым. З яго мы даведваемся, што яфрэйтар 159 Гурыйскага палка, 13 роты, 25-гадовы Ісак Лебушаў быў паранены ў баях пад Астраленкай куляй у плячо 23 ліпеня 1915 года, 27--дастаўлены ў Аршанскі шпіталь і не глядзячы на цяжкасць раны, ужо 17 жніўня быў выпісаны. За мужнасць і храбрасць у баях Ісак Лебушаў быў ўзнагароджаны двума георгіеўскімі крыжамі. Падчас адной з разведак ён захапіў у палон нямецкага афіцэра.

У музеі захоўваецца і значная колькасць паштовак, прысвечаных падзеям вайны. Некалькі з іх раней былі змешчаны ў альбоме салдата чыгуначных войскаў расійскай імператарскай арміі Міхаіла Байдоўскага. На ім мы бачым відарысы розных ракурсаў чыгуначнага моста праз раку Заходні Буг. Мы ведаем, што гэта чыгунка адносілася да лініі Палескіх чыгунак. Яна праходзіла праз забалочаныя месцы з вялікай колькасцю рэк, таму на ёй было пабудавана 235 чыгуначных мастоў. Сфатаграфаваны на нашых здымках мост адносіцца да іх ліку і знаходзіўся хутчэй за ўсё непадалёку ад Брэста. Здымак зроблены ў 1915 годзе да часу акупацыі гэтых мясцін германскай арміяй. Унікальным з’яўляецца здымак ваеннага шпіталю, які размяшчаўся ў Дзісне падчас вайны. Аб бязлітасным характары вынікаў вайны сведчыць французская пасляваенная паштоўка з выявай салдацкіх могілак пад Вердэнам. На ёй сапраўднае мора крыжоў. Баі пад крэпасцю Вердэн нездарма назвалі “вердэнская мясарубка”, тут з абодвух бакоў за сем месяцаў загінула каля мільёна французскіх і нямецкіх салдат. У экспазіцыі прадстаўлены і здымкі з магілаў нямецкіх і рускіх салдат, краявіды беларускіх гарадоў на нямецкіх паштоўках.

Аб пагаршэнні жыцця народаў падчас вайны і пасля яе апавядаюць расійскія і нямецкія папярковыя грошы, ваенныя займы, карткі на прадукты харчавання і шмат іншага. У калекцыях музея прадстаўлены папярковыя 5 капеек, 50 капеек, якія прыйшлі пад час вайны на месца раней ва ўжытку медных і сярэбраных манет. Купюры вартасцю ў 1 рубель, 5 рублёў 1916 года прастаўлены з аднолькавымі нумарамі і серыямі што сведчыць аб вялікай інфляцыі ў час вайны. Унікальнай знаходкай з’яўляецца пячатка асобай нарады па харчаванню Дзісенскага павета 1916 года. Найбольш цікавымі для наведвальнікаў музея з’яўляюцца ваенныя рэліквіі, прадметы рыштунку салдат першай сусветнай вайны. Першай сусветнай вайны: салдацкія біклажкі розных ваюючых краін, вайсковыя спражкі Расіі, Германіі, Аўстра-Венгрыі, узагароды, жэтоны, гузікі.

Асабліва цікавай была знаходка жэтона з бронзы 1916 года на ўспамін аб Першай сусветнай вайне. На адным баку жэтона – выява імператара Мікалая II, на другім – караля Англіі Георгія V і Прэзідэнта Францыі Пуанкарэ. Акрамя гэтай адзнакі ў фондах музея

змешчаны знойдзены непадалёку ад вёскі Шчоўна нагрудны знак добрай захаванасці салдата рускай арміі “За отличную стрельбу”. Адзнака выраблена з бронзы ў 1914 годзе. У раздзеле гістарычнага музея “Наш край у гады Першай сусветнай вайны” знаходзіцца таксама і памятны медаль гэтага перыяду з выявамі прэзідэнта Францыі Пуанкарэ на адным баку, а на другім – рускага імператара Мікалая II. Медаль адшуканы быў ля в.Дубашынскі Двор.

Рарытэтам экспазіцыі музея з’яўляецца першы рускі процівагаз 1915 года з надпісам на рускай мове “Ён уратуе тваё жыццё”. Цікавым экспанатам з’яўляецца самаробная салдацкая алюмініевая лыжка з надпісам на рускай мове: “В память отечественной войны – 1914–1915–1916 г. г. Т. П. Камарницкий”. На адваротным баку лыжкі выбіта, напэўна, дата запісу: 14.11.1916, ініцыялы салдата Т. П. К. Памятку знайшлі ў Клецкім раёне вучні Садоўскай СШ і перадалі настаўніцы Вользе Крышкай. У тых месцах, якраз непадалёку, пралягала лінія фронту, дзе на працягу амаль трох год ішла пазіцыйная вайна. І ў салдата Камарніцкага быў вольны час, каб зрабіць сабе зручную лыжку і на ўспамін пакінуць пра сябе надпісы.

Напамінам аб Першай сусветнай вайне з’яўляецца падараваны нам паэтам Сяргеем Панізнікам кубак-кварта, зроблены з гільзы. Гэта кварта была падарункам паэту ад бабулі Альжбеты Францаўны Панізнік, з рук якой упершыню ўбачыў будучы паэт святло жыцця. Кубак быў змайстраваны яе бацькам Фролам Шамёнкам. Магчыма, снарад, які вылецеў з гільзы, прынес смерць салдату, а з кварты, зробленай з яе, вяскоўцы з вёскі Бабышкі шмат дзесяцігоддзяў наталялі смагу.

Шмат артэфактаў з акапаў Першай сусветнай вайны былі падараваны нам калекцыянерам з Даўгаўпілса Міколам Паўловічам. Гэта пломбы ад скрынак са зброяй з Дынабургскай крэпасці, бутэлькі ад адэкалону, чарнілка, спражкі, падковы ад салдацкіх ботаў, браніраванае шкло, шрапнэль і іншыя артэфакты з нямецкіх акапаў [5, с. 22].

Шмат перыядычных выданняў, якія апавядаюць нам аб вайне таксама змешчаны ў фондах музея. Напрыклад, часопіс “Ніва”, № 43 за 1915 год, у якім ім размешчаны дзённік і храналогія вайны на ўсіх франтах, а таксама нумары; шмат плакатаў краін Антанты з заклікам уступаць у шэрагі войскаў для абароны айчыны. У часопісе змешчаны здымкі загінуўшых падчас вайны георгіеўскіх кавалераў. Паміж імі і наш зямляк – паручык П. Барткевіч. Большасць выданняў былі знойдзены на Мёршчыне, іх прывезлі з сабою салдаты, нашы землякі. Напрыклад, “Краткая история Карсского полка”, 1912 года, “Нямецкі атлас усходняга і паўднёва-усходняга франтоў 1915”, “Карманная карта русско-германского и русско-австрийского фронтов великой войны. Вильно. 1915 г.”

Шмат выданняў змешчана на выставе кніг па ваеннай справе, якія прывезлі пасля вайны нашы вайскоўцы, якія вучыліся па іх, калі заканчвалі ваенныя вучылішчы або кароткатэрміновыя курсы. Вось толькі некаторыя іх назвы: “Наставление по стрельбе из трёхлинейной винтовки образца 1891 года”, “Вооружение и стрельба пехоты. Ч. 29. Для военных училищ ускоренных выпусков. Составил подполковник К. Капченков. Москва. 1916 г.”, В. М. Никифоров “Основы топографии”, Петроград, 1917 г. Кніга была надрукавана Петраградскім камітэтам ваенна-тэхнічнай дапамогі аб’яднання навуковых і тэхнічных арганізацый. Цікавае выданне з фондаў музея – “Краткий Русско-турецкий разговорник”, 1915 г. – сведчыць аб тым, што нашы землякі ваявалі і на каўказскім фронце, дзе ваявалі турэцкія салдаты. З замежных выданняў мы змясцілі ў экспазіцыі рэдкае выданне на польскай мове Эдварда Лісоцкага “Маршал Фердынанд Фош”, надрукаванае ў Варшаве ў 1923 годзе. Менавіта галоўнакамандуючаму кааліцыйнымі сіламі Антанты належыць выключная роля ў перамозе над Германіяй на завяршаючым этапе вайны ў 1918 годзе.

Аб Першай сусветнай вайне можна даведацца і з фундаментальных выданняў другой паловы 20 стагоддзя. Напрыклад, энцыклапедычнае выданне “Первая мировая война”, “Вооружённые силы и военное искусство в Первой мировой войне”, “Августовские пушки”

і г. д. Наведвальнікі выставы змогуць тут азнаёміцца і з шэдэўрамі мастацкай літаратуры, прысвечанымі Першай сусветнай вайне: Э.Хэмінгуэя, Э. М. Рэмарка, Анры Барбюса, В. Вішнеўскага, Э. Стральцова і інш.

Такім чынам, экспазіцыя і фонды гістарычнага музея СШ №3 змяшчаюць разнастайныя рэчавыя і дакументальныя матэрыялы, якія дазваляюць вучням і навукоўцам праводзіць даследаванні па тэме Першай сусветнай вайны.

1. Ермалёнак, В.А. Землякам наша памяць і пашана / В. А. Ермалёнак // Міёрскія навіны. – 2015. – №4. – С.4.
2. Ермалёнак, В.А. Выстава “100 год вайны 1914–1918 г.г. / В. А. Ермалёнак // Мёрская даўніна. – 2014. – №11. – С.6.
3. Лучыновіч, Я. Успаміны. НДФ гістарычнага музея СШ №3 / Я. Лучыновіч // Фонд 14. – Вопіс 3. – С. 4.
4. Сцепулёнак, Ф. Успаміны. НДФ гістарычнага музея СШ №3 / Ф. Сцепулёнак // Фонд 14. – Вопіс 6. – С.8.
5. Кніга ўлікаў экспанатаў гістарычнага музея. – №5. – С. 1–22.

ЧЕЛОВЕК ВО «ЧРЕВЕ» ВОЙНЫ (В КОНТЕКСТЕ ВОЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. ГОРЕЦКОГО, А. БАРБЮСА, Э.М. РЕМАРКА, С. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО)

А.В. Русецкий

Четыре года длилось противостояние союзников царской России и сил кайзеровской Германии (1914–1918). Трагически-драматическим прессом, предпринятая в 1914 г. попытка перекроить мир насильственными средствами, прошла по судьбам миллионов людей. Не оставила мельница войны и белорусскую землю (военные действия вели Западный и Северный фронты) – огромные материальные разрушения, сотни тысяч беженцев, десятки тысяч не вернувшихся в родные места и из изгнания, и с фронтов военных действий.

Жизнь в изгнании ... Ее социальные и духовно-нравственные последствия до сих пор остаются мало изученными (можно вспомнить лишь рассказ Я. Коласа «Туда, на запад» и небольшую пьесу М. Горьцкого «Шутливый Писаревич», написанные в середине 1920-х годов. В современной прозе выделяется роман Вл. Гниломедова «Россия» (2007)).

Из всего многообразия проблем, рожденных Первой мировой войной (политические и экономические причины четырехлетнего военного противостояния, потери в войне, территория военных действий, отношение к войне различных социальных слоев в Европе и России, последствия войны и т.д.) обратимся к одной, в высшей степени антигуманной – ломке человеческих судеб в горниле войны, оторванности 18–20-ти (да и 40)-летних от реальной действительности, жизненных человеческих стремлений, теме, в которой из множества произведений русской и европейской литературы, особое место принадлежит трем реалистическим (ибо написаны они непосредственными участниками событий), написанным писателями разных национальностей. (Не оставим в стороне и роман С. Сергеева-Ценского (он не был участником военных действий) «Брусиловский прорыв»). А, значит, и по-разному осмысливающими характер человека на войне, его мысли, его характер, мотивы его действий и поступков. Это классик белорусской литературы Максим Горьцкий («На империалистической войне. (Записки солдата 2-й батареи п-ской артиллерийской бригады Леона Задумы»), немецкий писатель Эрих Мария Ремарк («На западном фронте без перемен»), французский писатель о общественный деятель Анри Барбюс («Огонь. Дневник взвода»)*.

*К примеру, А. Барбюс, несмотря на многочисленные решения разных комиссий, добился, чтобы его 40-летнего отправили на фронт, и 23 месяца провел на передовой и только после ранения был комиссован; М. Горьцкий в 21 год в июне 1914 г. записался в армию вольноопределяющимся и был демобилизован из армии по «белому билету» лишь в январе 1918 г.

Они были адресованы читателям в разные годы: «Огонь» А. Барбюса был напечатан в декабре 1916 года и был отмечен Гонкуровской премией (в России с предисловием М. Горького «Замечательная книга» был издан в 1919 г.). Документально-художественные записки «На империалистической войне» М. Горьцкого увидели свет в 1926 г. (Что же касается «Брусиловского прорыва», то он из печати вышел в 1944 г.); роман Э.М. Ремарк «На Западном фронте без перемен» – в 1929 году. Как видим, казалось бы время могло привести, к примеру М. Горьцкого и Э.М. Ремарка к переоценке, художественному переосмыслению страшных будней Первой мировой войны. К счастью, этого не случилось. И перед тогочасным, да и перед сегодняшним читателем (в нашем сообщении назовем ее трилогией) предстают художественные документы высочайшего идейно-эстетического смысла, без лакировки, без смягчения и сглаживания людских конфликтов, возникающих как в ходе боевых действий, так и в прифронтовой полосе. И непосредственные участники боевых действий (М. Горьцкий и А. Барбюс), и писавший от имени своих одноклассников Э.М. Ремарк, рассказывали о поколении, которое погубила Первая мировая, создали произведения насквозь пронизанные антивоенным, антимилитаристским пафосом, бескомпромиссным осуждением войны, сложнейшими морально-психологическими коллизиями, в которых люди оказывались «в разладе с собой, опустошенными, вырванными из почвы и растерявшими надежды» (Э.М. Ремарк)

Лишь несколько позиций, содержательно обобщающих и объединяющих произведения М. Горьцкого, А. Барбюса и Э.М. Ремарка в единое трагедийно-социально-духовное масштабное литературное полотно, наполненное типажам, считающими за счастье каждый прожитый «тихий» день на передовой.

И первой из таких позиций назовем крах мечтаний восемнадцатилетних, мечтавших войти «в пору зрелости, в мир труда, долга, культуры и прогресса», над которыми вместо благ цивилизации стал каждодневно витать «страх смерти». И независимо от того, была ли это «группа связистов артиллерийской бригады» у М. Горьцкого, четыре молодых немца Э.М. Ремарка, все они – очень метко подметил А. Барбюс – становятся сведенными к одному уровню, вовлеченными вопреки своей воли в военную авантюру, которая «гнетет, стирает» все личностные особенности.

Да и кому были нужны эти особенности – ведь погибли они под Круи и на высоте 119 (у А. Барбюса): в октябре 1918 г. в один из тех дней, «когда на всем фронте было так тихо и спокойно, что военные сводки состояли из одной только фразы “На западном фронте без перемен”» будет убит Пауль Боймер главный герой ремарковского романа; духовно-опустошенными, с чувством одиночества и безысходности вернется в родные места главный герой Леон Задума у М. Горьцкого.

Однако над ними, еще живыми, порой угрюмыми, порой веселыми (Э.М. Ремарк), надеющимися не умереть (А. Барбюс) ежечасно, ежеминутно господствует ужас войны, разрушающий диалектику чувств, межличностных отношений, превращающий, по Э.М. Ремарку, их в «полулюдей-полуживотных». Разрушающие психику постоянные атаки и контратаки, ожесточенные артиллерийские обстрелы (читаем у М. Горьцкого: «Снаряды зысыпалі батарэю, цяжкія, незвычайнай, нябачнай сілы...усе пабылі на валасіначку ад смерці бо звязваць (телефонный кабель. – А.Р.) прыходзілася на гладкім полі пад страшэннымі абстрэламі...» [1]), немецкие газовые атаки (у Э.М. Ремарка: «Я помню страшные картины: отравленные газом, которые еще несколько дней умирают от удушья и рвоты, по кусочкам отхаркивая перегоревшие легкие» [2]); самолетные (аэроплановые) бомбардировки («Впереди была восемнадцатая рота. Она сильно пострадал: восемнадцать убитых и около пятидесяти раненых, за четыре дня из каждых трех солдат выбывали по одному, а ведь атаки не было – только бомбардировки» [3]) это у Барбюса.

А еще были изматывающие, бессмысленные перемещения из одного фланга фронта на друнгой, из фронта в тыл и обратно, постоянное ощущение голода, обстрелы своей же артиллерией и на Западном, и на Восточном фронте. В дневнике Задумы у М. Горьцкого весьма интересная запись: «Спачатку крылі ўфімцаў, потым перанеслі (артиллерийский обстрел. – А.Р.) на уральцаў» [4].

Все перемалывали «фронтовые жернова» – отчаяние, смерть, страх и сплетение нелепейшего безумного прозябания с безмерными муками, чтобы убить, уничтожить себе подобных, но «злейших врагов» (бошей), а затем и миллионы самих «героев» отправить в небытие (у А. Барбюса и Э.М. Ремарка) или «нашпиговать» этими кошмарами подсознание человека, не получающего душевного равновесия, даже при встрече с родными и близкими людьми, как у главного героя у М. Горьцкого.

Позор убийственного противоречия, унижающего «человека до степени безвольного инструмента, до какой-то отвратительной машины» (А. Барбюс) начинают на Западном фронте понимать и «боши», и французы. И вот оно первое «братание»: «... вот из-под земли вылезает один бош, два боша, десять бошей – серые черти! – машут нам руками и кричат: “Камрад! Мы эльзасцы!” – и все выходят из Международногохода. “Мы не будем стрелять, говорят, не бойтесь, друзья! Дайте нам только похоронить убитых товарищей”. И вот мы начли работать, каждый на своей стороне, и даже разговаривать с ними: ведь это эльзасцы» [5].

Но в 1915 г. на фронте Первой мировой такое случалось не часто. По-прежнему в сознании и у французских солдат и у «бошей» непримиримое противоречие разума и воли. Хотя зерна разума постепенно крепнут – они задумываются о послевоенной жизни, о будущем («будущее необходимо, необходимо!» – убеждает солдат сержант Бертран) и эта огромная людская (солдатская) масса могла бы остановить мировую бойню, чтобы увидеть своих потомков свободными, разумными, творящими мирную жизнь, людьми. Но властвуют не искры разума, а отсутствие воли, и, отрицая в душе смерть, они идут убивать и ... умирать, оставляя после себя «опустевшие города, разоренные села и деревни землю, которая, не схоронив трупы погибших сама становится трупом» (А. Барбюс). И понятными становятся слова М. Горького: «Мрачная книга его (А. Барбюса. – А.Р.) страшна своей беспощадной правдой, но всюду во мраке изображаемого им сверкают огоньки нового сознания, – и эти огоньки, мы верим, скоро разгорятся во всемирное пламя очищения земли от грязи, крови, лжи и лицемерия, созданных Дьяволом Капитала» [6].

Подытоживая, подчеркнем, что эти горьковские слова с полным основанием можно соотнести и с книгами Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» и М. Горьцкого «На империалистической войне».

В советской художественной литературе к событиям Первой мировой войны обращались М. Шолохов в «Тихом Доне», А. Толстой «Хождение по мукам» и некоторые другие авторы. Однако наиболее масштабны, на наш взгляд, является исторический роман С. Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв». Подчеркиваем, что это было время, когда в Ставке Верховного Главнокомандования в Москве завершалась разработка не только Берлинской операции, но и освобождение стран Европы от фашистского господства. Нужен был «брусиловский прорыв» русской армии, дополнявший Ледовое побоище и севастопольскую оборону, Бородино и Порт-Артур. Ведь победа русского оружия в грандиозной по размаху Галицийской битве (Юго-Западный фронт А.А. Брусилова) привела к такому поражению союзников Германии, от которого, по существу и Австрия, и Венгрия не смогли оправиться до конца войны.

«Брусиловский прорыв» С. Сергеева-Ценского – роман действительно «исторический». В этом, на наш взгляд, и заключается его значимость. Главные действующие лица – Николай II, Ставка Верховного Главнокомандования в Могилева и командующие

армиями, дивизиями, бригадами, полками и всем Юго-Западным фронтом генералы Брусилов, Иванов, Деникин, Каледин, Эверт, Щербачев и еще множество менее известных в истории личностей. И писатель и тем, и другим уделил достаточно внимания – совещания в Ставке, беседы, обсуждение выигранных или проигранных военных операций и т.д. Но все они может быть, за исключением Николая II, главковерха Алексеева и, конечно же, Брусилова, являются личностями преходящими, появляющимися на страницах романа от случая к случаю. Через весь роман автор проводит командующего одной из дивизий, потомственного военного генерал-лейтенанта Гильчевского, личность незаурядную, способную быть Личностью и в жизни, и в быту («любил также по-кавказски кутнуть в хорошей компании») и в «военном театре» Первой мировой. Солдаты видели его и на переправе через Вислу, и в наступлении, когда приходилось идти на штурм вражеских позиций, даже не имея ножниц для резки проволочных заграждений противника и катастрофической нехватке снарядов, и в отработке боевого мастерства солдат и офицеров во время передышек между боями.

Человек, которого автор романа провел через всю брусиловскую эпопею и который видел и переживал бессмысленность многих указаний, вынужден уже в конце повествования заявить: «Кончено! Я теперь раз и навсегда понял, что воевать не умею!»

Нет, воевать он умел. И именно из таких «неумеющих» воевать в конце 1916 года «вырастут» умеющие воевать за Советскую власть на фронтах Гражданской и Второй мировой войны Каменев «красный» Брусилов, генералы Зайончковский, Легицкий, Цуриков, Яхонтов и другие «бывшие».

«Скрепляющим» роман «Брусиловский прорыв» выглядит и ротный командир поручик Ливенцев, прибывший на Юго-Западный фронт летом 1915 г. Опытный, бывший прапорщик еще в японскую войну пришелся по душе и солдатам, и командиру дивизии Гильчевскому, о котором генерал при осмотре военных позиций, сказал солдатам: «Это ваше счастье, ребята, что у вас такой ротный командир оказался. Будь бы я рядовой, а не начальник дивизии, я бы знал, что с таким ротным, нигде бы не пропал! Впрочем, и мне, начальнику дивизии, тоже не плохо, раз у меня нашелся офицер до того к вам заботливый, что от неприятельских пушек вас и в резерве спасает» [7]. После ранения командира батальона примет на себя Ливанцев командование им, и пройдет с ним и брусиловский прорыв, и схватки с противником в новых наступлениях, пока не окажется после тяжелой контузии в армейском лазарете. Думаем, что правы критики (и военные специалисты), что именно из таких, прапорщиков и унтер-офицеров как Ливенцев войдут уже в советскую военную историю легенда Гражданской войны Буденный, полный Георгиевский кавалер, маршал Победы Г.К. Жуков, будущие маршалы Красной Армии Конев, Малиновский, Рокоссовский и др.

Разные писатели, различные подходы к осмыслению Первой мировой войны, но безусловным является то, что они (как и Э. Хэмингуэй, и Р. Олдингтон, и Джон Рид) были великими гуманистами, утверждавшими величайшее для Человека право – жить и творить во имя Жизни и Мира на земле.

Р.С. Однако будет правдой то, что «Дьявол Капитала» названный М. Горьким, будто бы не знающий о трагизме Первой мировой, и в начале ХХ столетия претендует на право господствовать в мировой политике, именуя себя, не иначе, как «сильные мира сего».

1. Гарэцкі, М. На імперыялістычнай вайне. Запіскі салдата 2-й батарэі п-скай артылерыйскай брыгада Лявона Задумы / М. Гарэцкі. – Мінск, 2014. – С. 9.
2. Ремарк, Э.М. На Западном фронте без перемен. Возвращение. Романы / Э.М. Ремарк. – Минск, 1982. – С. 43.
3. Барбюс, А. Огонь (дневник взвода) / А. Барбюс. – М., 1982. – С. 53.
4. Гарэцкі, М. На імперыялістычнай вайне... – С. 69.
5. Барбюс, А. Огонь... – С. 53.
6. Горький, М. Предисловие / М. Горький // Барбюс, А. Огонь (дневник взвода). – М., 1982. – С. 7.
7. Сергеев-Ценский, С. Брусиловский прорыв / С. Сергеев-Ценский // Первая мировая. – М. 1989. – С. 85.

Сведения об авторах

Барановский Александр Викторович – магистр исторических наук, аспирант Института истории НАН Беларуси

Боголейша Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, мировой и отечественной культуры Белорусского национального технического университета

Болтаевский Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, преподаватель Российского университета кооперации

Голубев Вячеслав Андреевич – аспирант Института философии НАН Беларуси

Губанова Галина Игоревна – кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой журналистики и телевизионных технологий Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина

Донской Дмитрий Борисович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и телевизионных технологий Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина

Ерёменко Р.С. – студент юридического факультета НОУ ВПО «Московский финансово-промышленный университет “Синергия”», действительный член Русского географического общества

Ермалёнок Витольд Антонович – учитель истории, руководитель музейного объединения ГУО «Миорская средняя школа № 3»

Залепеев Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского

Захаров Алексей Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»

Казак Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, преподаватель ГУО «Минский городской педагогический колледж»

Ковяко Ирина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка

Козляков Владимир Егорович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета

Космач Веньямин Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры, декан исторического факультета ВГУ имени П.М. Машерова

Косов Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры, заведующий аспирантурой ВГУ имени П.М. Машерова

Котович Татьяна Викторовна – доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова

Кузнецова Татьяна Ивановна – доктор исторических наук, доцент Даугавпилсского университета

Мельникова Алеся Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси и восточных славян Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова

Николаева Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова

Никонова Светлана Игоревна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Оськин Максим Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации

Петренко Анатолий Владимирович – аспирант кафедры истории Беларуси ВГУ имени П.М. Машерова

Петухова Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, заместитель декана факультета истории и права Смоленского государственного университета

Пивовар Николай Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, учитель истории ГУО «Витебское кадетское училище»

Пик Светлана Мирославовна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и дипломатической службы факультета международных отношений Львовского национального университета имени Ивана Франко

Погорская Ирина Ивановна – доктор политических наук, старший научный сотрудник Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Попов Артем Владимирович – магистр исторических наук, аспирант кафедры истории Беларуси и восточных славян Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова

Правко Андрей Иосифович – учитель истории ГУО «СШ № 32 г. Гродно»

Родин Денис Валерьевич – аспирант исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Русецкий Аркадий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова

Семёнова Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, мировой и отечественной культуры Белорусского национального технического университета

Синдеев Алексей Александрович – доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН

Смольянинов Михаил Митрофанович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории НАН Беларуси

Соболев Михаил Павлович – почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Союза журналистов России, действительный член Русского географического общества

Соловьянов Андрей Петрович – кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Института истории НАН Беларуси

Стрелец Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук Брестского государственного технического университета

Табунов Василий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова

Талерко Валентина Аркадьевна – доктор филологии, доцент Даугавпилсского университета

Терентьев Вячеслав Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, политологии и социологии Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О.Макарова, заведующий музеем

Тимофеев Ростислав Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси ВГУ имени П.М. Машерова

Тогулева Елена Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси, декан факультета переподготовки кадров ИПКиПК ВГУ имени П.М. Машерова

Филимонов Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Псковского государственного университета

Хришкевич Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета

Циватый Вячеслав Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Чикалова Ирина Ромуальдовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, ведущий научный сотрудник отдела историографии и методов исторического исследования Института истории НАН Беларуси

Шевченко Кирилл Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры правовых дисциплин Филиала Российского государственного социального университета в Минске

Щавлинский Николай Борисович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, мировой и отечественной культуры Белорусского национального технического университета

Яковлева Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова

Научное издание

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
И СТАНОВЛЕНИЕ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Материалы международной научно-практической конференции
к 100-летию Великой войны 1914–1918 гг.

Витебск, 18–20 октября 2018 г.

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

И.В. Волкова

Подписано в печать .2018. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,74. Уч.-изд. л. 18,97. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.